

Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия

Переводчики и переводы в России

до начала
XVIII столетия

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Переводчики и переводы в России

до начала
XVIII столетия

Материалы
13 Международной конференции
«Комплексный подход в изучении
Древней Руси»
9–12 сентября 2025 г.

Выпуск 4

Москва
2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
П 27

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории РАН 05.06.2025 г.

Редакционная коллегия:
Беляков А. В., Гуськов А. Г., Кочегаров К. А.,
Лисейцев Д. В. (*отв. ред.*), Шамин С. М. (*отв. ред.*)

Рецензенты:
О. К. Ермакова, Ю. П. Зарецкий, И. Майер, А. В. Малов

П 27 Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия [Текст]: материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории РАН. Вып. 4. — М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — 2025. — 364 с.

ISBN 978-5-8055-0452-6

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, проходившей в ИРИ РАН 9–12 сентября 2025 г. В статьях и тезисах докладов подняты вопросы методологии работы над переводами различных текстов, отражения личности переводчиков в разных типах источников, реконструированы биографии специалистов по устному и письменному переводу. Книга адресована историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

ISBN 978-5-8055-0452-6

© Институт российской истории РАН,
2025
© Коллектив авторов, 2025

Содержание

<i>А.С. Алмазов</i>	
Практика переводов документов «белорусского письма» в Малороссийском приказе в 60–80-е гг. XVII в.	7
<i>С.В. Аллатов, Н.А. Чеснова</i>	
Neues Karten Spiel – новонайденный немецкий рукописный памфлет начала XVIII в.	23
<i>Т.А. Базарова</i>	
Переводчик и секретарь русской дипломатической миссии в Стамбуле Николай Барка: 1711–1712 гг.	34
<i>И.Д. Бобылева</i>	
Роль толмачей и переводчиков во взаимодействии московских правителей с Габсбургами в конце XV – начале XVII в.	41
<i>Н.Ю. Болотина</i>	
Переводчик Иван Орешек – участник тайной миссии в Берлине (1700–1701 гг.)	63
<i>А.В. Виноградов</i>	
Служба переводчика Посольского приказа Семена Андреева в Крыму в 1620-х годах	74
<i>Н.А. Гайдышев</i>	
К вопросу о происхождении семейства Элмесов и их дальнейшей жизни в Московии	91
<i>А.С. Зуев</i>	
Забайкальские толмачи во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.: персональный состав, численность и языковой потенциал	96
<i>К.А. Кочегаров</i>	
Трудности двойного перевода в сфере польско- украинско-русских языковых контактов (на примере текста Куруковского договора 1625 г.)	117
<i>А.В. Лаврентьев</i>	
К истории переводческой деятельности на Руси: великокняжеские толмачи	137
<i>Я.И. Ларина</i>	
Ништадтский мир 1721 г.: переводчики, переводы, языки дипломатии	146

<i>Д. О. Манин</i>	Лаврентий Рингубер: царский врач на переводческой службе короля Франции в 1681 г.	168
<i>А. В. Морохин</i>	О переводческой деятельности епископа Афанасия (Кондоиди)	177
<i>М. Т. Накишова</i>	Труды и дни переводчика Франца Шевиуса: новые детали биографии	183
<i>Т. А. Опарина</i>	Толмач «греченин» Кирилл Иванов	200
<i>Д. К. Попов</i>	Толмачи в русских посольствах к монгольским и тюркским кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.	212
<i>П. И. Прудовский</i>	Русско-польские переговоры в Дуровичах глазами переводчика Посольского приказа Василия Боуша	222
<i>В. Д. Пузанов</i>	Этнические группы и языки-посредники в Сибири конца XVI–XVII вв.	236
<i>П. А. Рылик, С. К. Севастьянова, А. Г. Бондач</i>	Неизвестный перевод Епифания Славинецкого и его лексические особенности	252
<i>А. А. Селин</i>	Споры о самодержавии в октябре 1592 г. в Тязвине: трудности перевода	263
<i>Д. В. Сень</i>	Восточные языки и устная коммуникация в пространстве южного пограничья (практики Войска Донского последней четверти XVII – начала XVIII вв.)	276
<i>А. С. Снаксарева</i>	Архив И. В. Паузе: переводы и проблема авторства («Послания» Горация и А. Кантемир)	298
<i>Л. Б. Сукина</i>	Фрагмент Книги Бытия в лицевом Синодике из собрания А. А. Титова (К вопросу о переводах Библии Пискатора в России XVII в.)	310

<i>А. В. Толстиков</i>	
Энгельбрект Нильссон – «русский толмач», российский пленник, стокгольмский бюргер	327
<i>К. С. Худин</i>	
Переводчики и толмачи, упомянутые в документах архива Аптекарского приказа (1645–1676 гг.): материалы к биографиям	337
<i>М. В. Яковлева</i>	
Толмачи и переводчики в системе управления Средним Поволжьем во второй половине XVI – первой половине XVII вв.	346
Список сокращений	359
Сведения об авторах	361

Практика переводов документов «белорусского письма» в Малороссийском приказе в 60—80-е гг. XVII в.

Малороссийский приказ, созданный в 1662 г., фактически выделился в отдельное ведомство из Посольского приказа. Последний ведал отношениями с Войском Запорожским до выделения под эти нужды отдельного приказа. Делопроизводство в Гетманщине велось на общем письменном языке украинцев и белорусов того времени — некоторые филологи называют его «рутенским» языком; в историографии также используются термины «староукраинский» и «старобелорусский» [Гуськов, Майер, с. 70]. В документах Малороссийского приказа он обозначался как «белорусское письмо».

В силу взаимопонимаемости «белорусского» и русского языка того времени устные переговоры официальных лиц Русского государства и Гетманщины, как правило, не требовали присутствия толмачей для перевода произнесенных речей, поскольку участники, видимо, понимали смысл сказанного. Т.Г. Таирова-Яковлева отметила, что в состав русских делегаций на переговорах с представителями Войска Запорожского в некоторых случаях входили толмачи, однако в документах не указывается, с какого языка они переводили [Таирова-Яковлева, 2017, с. 38]. Тем не менее, по крайней мере в рассматриваемый период, не удалось найти примеров того, чтобы к гетманам в Гадяч или Батурин вместе с царским представителем, отправляемым для ведения переговоров, и подьячим Малороссийского приказа, призванным оформить документы, включая статейный список, посылался бы еще и толмач. Напротив, статейные списки показывают, что лица, отправленные из Москвы, напрямую вступали в диалоги с гетманами и старшиной. Так, в марте 1672 г. в Батурин приехал стрелецкий голова А. Танеев вместе с подьячим С. Щеголевым. При этом стрелецкий голова не только беседовал с гетманом Д.И. Многогрешным, но и провел тайную встречу с оппозиционной гетману старшиной, на которой, однако, присутствовал еще и Г.Е. Неелов, возглавлявший приказ московских стрельцов в Батурине¹.

¹ Акты ЮЗР. Т. IX. СПб., 1877. Стб. 665—679.

Относительно письменной речи («белорусского письма») некоторые современные исследователи полагают, что она была понятна носителям русского языка того времени даже без перевода (за исключением латинизмов и полонизмов) [Гуськов, Майер, с. 70]. Хотя в отличие от официальных польских документов XVII в. официальные документы Войска Запорожского, как правило, не изобилуют латинизмами, однако незнакомым с ним грамотным жителям Русского государства письменный «белорусский» язык, как представляется, был непонятен. И дело не только в отличиях в лексике между двумя языками, которые далеко не всегда были вызваны заимствованиями из польского языка в «белорусский», но и несколько иными грамматикой и синтаксисом, а также нередко разной семантикой у похожих по написанию слов. Пожалуй, заметную сложность представляла и задача прочитать саму «белорусскую» скоропись, в которой графика многих букв не совпадала с принятой в русской скорописи, да и некоторые писцы использовали буквы из латиницы, прежде всего, — «Z» и «N»².

Поэтому неудивительно, что документы, исходившие от официальных лиц Войска Запорожского, стали переводить в Москве еще до того, как был создан отдельный Малороссийский приказ. Так, в 1655 г. царь Алексей Михайлович и члены Боярской думы заслушали перевод «листа» к царю наказного гетмана И.Н. Золотаренко [Таирова-Яковлева, 2017, с. 38]³.

Переводы документов, исходивших от гетмана и старшины Войска Запорожского, выполнялись для решения конкретных бюрократических задач, стоявших перед Малороссийским приказом. Прежде всего, они были необходимы, чтобы царь и его окружение максимально точно понимали смысл написанного. Это требовалось, чтобы избежать недопонимания между Москвой и Гетманщиной, которое могло привести к сложностям в двусторонних отношениях. Так, в 1656 г., еще до учреждения Малороссийского приказа, в Посольском приказе неправильно перевели фразу из «листа» казацкого полковника И. Нечая к русскому воеводе кн. А.Б. Репнину, в результате чего получилось, что полковник был отправлен гетманом Б.М. Хмельницким в Могилев не управлять образованным там казацким полком, а «государствовать» над бе-

² Примеры «белорусской» скорописи 2-й пол. XVII в., а также ее палеографический анализ см.: [Панашенко].

³ См. также документ: Акты ЮЗР. Т. XI. СПб., 1879. № 35 (X). Стб. 787–788.

лорусскими землями Великого княжества Литовского [Таирова-Яковлева, 2017, с. 254–255].

Позднее, уже после создания Малороссийского приказа, опасность недопонимания между царской властью и Войском Запорожским в силу неточного перевода документов в значительной мере сохранялась, и это осознавали участники коммуникации. Справедливость этого тезиса показывает случай, имевший место осенью 1686 г. 15 октября к гетману И. Самойловичу приехал дьяк севской разрядной избы М. Жаденов, который привез к нему царскую грамоту⁴. После получения этой грамоты 18 октября гетман написал «лист» боярину кн. В.В. Голицыну, возглавлявшему тогда Малороссийский приказ, выражая удивление, что ему до сих пор не прощено его переписка с польскими официальными лицами без санкции Москвы по вопросу принадлежности земель на правом берегу Днепра⁵. Дело в том, что Самойлович уже был прощен царской властью за это, о чем ему было сообщено в прежней царской грамоте⁶. В связи с этим гетман высказал предположение, что такая реакция Москвы стала результатом неправильного перевода на русский язык: «И по нашей малороссийской речи ничего в тех писмах не было верности моей противного, и пресветлейшим великим государем досадного, разве переводами переводя слово от слова на великороссийскую речь могло что отмениться от своего исправления, да и между странами не всякое слово к слову согласуется, так и в переводах бывают отмены»⁷. 3 ноября в ответном письме Голицын заверил адресата, что никто не хотел его намеренно оскорбить, а что на царской грамоте было написано «просщательная грамота» вместо «милостивая грамота», то по этому поводу было проведено расследование в Малороссийском приказе. Подьячий, отправлявший грамоту, был «истязан накрепко», после чего признался, что сделал соответствующую надпись на грамоте уже по ее запечатании, чтобы знать, о чем она, и написал это по ошибке «безо всякого умыслу». Боярин подчеркнул, что цари Иван V и Петр I и впредь сохранят гетмана в своей милости⁸.

⁴ См. статейный список поездки М. Жаденова к гетману: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 338–356.

⁵ Подробнее об этой переписке и прощении гетмана: [Кочегаров, с. 425–431].

⁶ См. царскую грамоту гетману И. Самойловичу от 6 октября 1686 г.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 274–276; Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 361. В тот же день, 18 октября, гетман отправил «лист» царям Ивану и Петру Алексеевичам с просьбой его простить: Там же. Л. 325–328.

⁸ Там же. Д. 162. Л. 50–53 об.

Итак, гетман Самойлович в описанной непонятной для него ситуации с царской грамотой предположил, что она стала результатом неправильного перевода его «листов» к официальным лицам Речи Посполитой. Судя по ответному письму боярина кн. В.В. Голицына, гетман оказался неправ, однако само по себе его предположение относительно причины отправки к нему царской «прощательной» грамоты демонстрирует осознание им важности правильного перевода в переписке между Москвой и Батурином.

Поскольку переводы документов докладывались на заседаниях Боярской думы в присутствии царя, в некоторых случаях они могли подвергнуться своеобразной цензуре, вызванной тем, что приказные люди не желали прогневать монарха и знатных вельмож произнесением в их присутствии нелицеприятных слов о них. Так, в переводе доноса старшины на гетмана И. Самойловича от 7 июля 1687 г. оказался пропущенным целый абзац, где приводились уничижительные характеристики, данные бывшим гетманом в частном разговоре царевне Софье и царям Ивану и Петру Алексеевичам [Яковлева, с. 191]. Кроме того, фраза Самойловича с выражением недовольства тем, что Голицын помогает полякам, превратилась в выражение недовольства тем, что бояре помогают полякам (фраза «нехай же Голецин, такий сын, скачет та дает ляхам помоч» в переводе превратилась в «пусть же бояре, такие непочтивой матери дети, скачут и полякам дают помочь») [Яковлева, с. 192]. Притом нельзя согласиться с утверждением, что переводчик неправильно перевел слово «скаран» как «казнен», поскольку «скаран» означало «наказать» вообще, необязательно смертью [Яковлева, с. 192] в следующем предложении:

Оригинальный документ [Яковлева, с. 192]	Перевод ⁹
«И о том все Войско Запорожское бьет челом, штоб по знятю з него гетманства не был, а не жыл на Украине, але зо всем домом его взят к Москве, и яко явный изменник их царского величества и Войска Запорожского скаран»	«И о том все Войско Запорожское бьет челом, штоб по снятии его с гетманства не был, а не жил на Украине, но со всем домом взять бы его к Москве, и яко явной изменник их царского величества и Войска Запорожскаго был казнен»

⁹ Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. М., 1858. № 78. С. 303.

Однако в русском языке того времени слово «казнить» также не означало обязательно смертную казнь, иначе уточнялось «казнити смертью» [СлРЯз XI–XVII вв., 1980, с. 24–25].

Еще одной причиной, делавшей необходимым перевод документов, присылаемых из Гетманщины, было то, что в царских грамотах к гетманам, старшине и в Запорожскую Сечь как правило повторялось содержание предыдущего «листа» или иного документа, пришедшего от них в Москву. Таким образом, царские грамоты выступали своеобразным ответом на прежние послания их адресатов. Например, в царской грамоте гетману Д.И. Многогрешному от 14 июня 1671 г. излагалось краткое содержание его «листа» к царю Алексею Михайловичу от 1 июня того же года¹⁰.

Среди наиболее важных документов, нуждавшихся в переводе, были договорные статьи между Войском Запорожским и Москвой. Это были основополагающие документы для отношений между ними, определявшие широту автономии Гетманщины в составе Русского государства. При обсуждении договорных статей украинская сторона представляла в Москве свой вариант их текста, до этого, как правило, принимавшийся на Генеральной войсковой раде, а затем царь постатейно налагал на них резолюции. Для рассматриваемого периода варианты статей на «белорусском» языке не найдены, однако они определенно существовали, следовательно, должны были переводиться перед их утверждением царем.

Некоторые следы такого перевода на примере Московских договорных статей 1665 г. обнаруживаются при сопоставлении конечной версии документа с черновыми текстами, возникшими в процессе их утверждения во время переговоров в Москве. Если сравнить черновые варианты с окончательным текстом, то в некоторых местах можно заметить своеобразное совершенствование перевода, например, замену слов «украинский» / «украинный» на «малороссийский», а «Украина» – на «Малороссийские города» [Алмазов, 2024, с. 23]. Притом, бросается в глаза незавершенность работы по правке перевода, что можно видеть на примере фрагмента статьи № 2¹¹:

¹⁰ Ср.: Акты ЮЗР. Т. IX. № 95 (III). Стб. 400–406; № 95 (IV). Стб. 406–410.

¹¹ Жирным шрифтом выделены слова, оставшиеся непереуведенными, подчеркнута переуведенная фраза.

Самый ранний из двух черновиков ¹²	Окончательный текст статей ¹³
«гаи, сады, займища, сеножати, поля, огороды при вольностях не нарушено, без всякой от бояр и от воевод, и от ратных людей, по городам будучих и через города идучих, <u>шкоды, заставати</u> <u>имеют</u> при тех же вольностях казацких»	«гаи, сады, займища, сеножати, поля, огороды при вольностях не нарушенно, без всякия от бояр и воевод, и ратных людей, по городам будучих и через города идущих, <u>шкоды, имеют быти</u> при тех же вольностях казацких»

Как известно, делались переводы важнейших документов: «листов», «инструкций», статей и т.п. Однако менее важные документы не переводились письменно. Притом сведения из таких документов могли использоваться в докладах. Вероятно, в этом случае разбирали написанное подьячие, составлявшие доклады, или же они просто устно опрашивали тех, кто подавал документы. Так, 21 декабря 1678 г. в Москву приехал гетманский сын Г.И. Самойлович, его стряпчий подал в Малороссийский приказ список приехавших, вклеенный в столбец непереведенным. В докладе о выдаче жалованья прибывшим на приезде сказано, что с гетманским сыном Григорием приехал его дворецкий, стряпчий, челядник и 6 казаков¹⁴.

Уже вскоре после выделения Малороссийского приказа из Польского руководство нового учреждения озаботилось наймом переводчиков. 8 июля 1665 г. в Малороссийском приказе был назначен годовой оклад 15 руб. и поденный корм по гривне на день переводчику «польского и белорусского письма» Андрею Нариничу. Вперед на оставшиеся дни до конца года ему выдали жалованья и корма на 7 руб. 23 алтына 2 деньги¹⁵. В сентябре 1665 г. была подготовлена память в Земский приказ¹⁶, чтобы А. Нариничу выделили двор в Черной слободе, поскольку «двора у него на Москве своего нет»¹⁷.

Следующее свидетельство о переводчике Малороссийского приказа вызвано ошибкой. Согласно В.О. Эйнгорну, 30 июля 1673 г. вместе с подьячим С. Щеголевым в Батурин приехал переводчик

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 9.

¹³ ПСЗ. Т. I. СПб., 1830. № 376. С. 617.

¹⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 114. Ч. 2. Л. 230, 231.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 184. Л. 45–46.

¹⁶ В памяти не упоминается Земский приказ, однако память адресована думному дворянину П.К. Елизарову и дьякам А. Башмакову и Ф. Протопопову, возглавлявшим Земский приказ в тот период: [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 63].

¹⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1665 г. Д. 45. Л. 17.

Малороссийского приказа Семен Лаврецкий [Эйнгорн, с. 924]¹⁸. Документ, на который ссылался Эйнгорн, сейчас недоступен в архиве в силу ветхости. Однако в черновике письма главы Малороссийского приказа А.С. Матвеева к гетману И. Самойловичу от 6 сентября 1673 г. Лаврецкий назван переводчиком Посольского, а не Малороссийского приказа¹⁹. В переводе ответного «листа» гетмана к Матвееву от 17 сентября 1673 г. сказано, что Лаврецкий был переводчиком Посольского приказа, а Семен Щеголев, ездивший в миссию вместе с переводчиком, был подьячим Малороссийского приказа²⁰. Вероятно, в документе, который использовал Эйнгорн, Лаврецкий назван просто переводчиком, а вот про Щеголева сказано, что он был подьячим Малороссийского приказа (именно так указано у Б.Н. Флори, которому посчастливилось получить в архиве это дело) [Флоря, с. 285].

Тем не менее имеются прямые свидетельства, что переводчики в 1670-е гг. служили в Малороссийском приказе. Д.А. Беззев опубликовал челобитную переводчика «польских и малороссийских писем» Ивана Молчанова, которую он датировал периодом между 1662 и 1676 гг. [Беззев, с. 485]. Поскольку дата смерти переводчика известна с точностью до месяца, можно сократить предполагаемый период его службы в приказе: начало — не ранее декабря 1662 г., окончание — май 1673 г. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 281]. Смерть не позволила ему выехать в полки Белгородского разряда для службы там в качестве переводчика с польского языка [Шамин, с. 574]. Кроме того, Иван Тяжкогорский, переводивший с «белорусского», служил в Малороссийском приказе в 1675–1678 гг. [Гуськов, Майер, с. 66; Гуськов, Шамин, с. 117]. Переводчиками в Малороссийском приказе в рассматриваемый период числились также Константин Христофоров (в разные годы) и Григорий Колчицкий (Кульчицкий) в 1663–1679 гг. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 125, 211].

На переводах документов, использовавшихся в настоящей работе, нет прямого указания, что они выполнены именно в Малороссийском приказе, однако, скорее всего, они были сделаны именно в этом учреждении. По крайней мере в одном случае имеется прямое указание на перевод документов с «белорусского»

¹⁸ См. о нем подробнее: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 139–144].

¹⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 95. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 17.

языка не в Малороссийском, а в Посольском приказе. Речь идет о переводе переписки гетмана Самойловича и его родных²¹, ставшей главным доказательством вины гетманского сына Григория на процессе по делу об измене в октябре 1687 г. в Севске²².

Представляется, что такая передача документов для перевода в другом приказе не могла быть вызвана большей компетентностью переводчиков Посольского приказа, поскольку их коллеги из Малороссийского приказа, как правило, имели послужной список не хуже, да и могли служить одновременно в двух приказах²³. Можно было бы предположить, что в силу важности дела его перенесли в учреждение, в котором лица, связанные с отстраненным гетманом, не могли повлиять на его ход. Тем более, что переводчики, как и другие служащие Малороссийского приказа, за время службы обрастали неформальными связями с различными лицами из Войска Запорожского. Так, 16 января 1669 г. нежинский протопоп Симеон Адамович, выполнявший роль своеобразного посредника в отношениях между гетманами Левобережной Украины и Москвой, просил у дьяка Л.Т. Голосова, чтобы «того письма моего не объявлявано, и чтоб кто простой не переводил, а переводчики у Вас есть таковы, что переведши, тотчас и нашим людям скажет»²⁴. Известно, что переводчики Малороссийского приказа в некоторых случаях сами были выходцами из Гетманщины, например, Г. Колчицкий приехал в Москву из Киева [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 125]. Однако передача документов для перевода в Посольский приказ вряд ли могла обеспечить режим большей секретности, поскольку служившие там переводчики также могли иметь связи с Гетманщиной. Тем более, что многие переводчики одновременно служили в двух приказах.

В рассматриваемый период целый ряд процессов, связанных с Войском Запорожским, управлялись через Посольский приказ. Именно в Посольский приказ должен был посылать свои отписки Григорий Бахметев, которому приказали руководить отправкой

²¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 41. Ч. 2. Л. 543.

²² См. подробнее: [Алмазов, 2016].

²³ Примером может служить Г. Колчицкий, служивший в двух приказах в 1664–1679 гг. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 125].

²⁴ Акты ЮЗР. Т. VIII. СПб., 1875. № 7(3). С. 14–15. О.А. Романова ошибочно назвала адресатом этого «листа» дьяка Г.С. Дохтурова: [Романова, с. 48]. В этот период Л.Т. Голосов был одним из руководителей Посольского приказа, руководство которого одновременно ведало Малороссийским приказом [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 96, 135].

бывшего гетмана И. Самойловича и его сына Якова в Сибирь²⁵. В связи с этим можно предположить, что руководству двух приказов во главе с кн. В.В. Голицыным по какой-то субъективной причине было удобнее управлять делом Г. Самойловича через Посольский приказ, что обусловило передачу переписки И. Самойловича и его родственников для перевода в это учреждение.

Основную сложность в понимании документов из Гетманщины составляли различные термины и понятия, особенно те, которые обозначали явления, институты, вещи и т.д., отсутствовавшие в жизни Русского государства того времени. Некоторые термины, касавшиеся внешней политики и дипломатии, нуждались в переводе. Так, в переводе «листа» переяславского полковника Дмитрашко Райчи от 8 июля 1673 г. «цесарь турецкий» был переведен как «турской салтан»²⁶.

Кроме того, в пункте 9 «информации» прилуцкому полковнику Л. Горленко, отправленному 26 мая 1665 г. из Канева, где тогда находилась ставка гетмана И.М. Брюховецкого, содержится ссылка на войсковые права, которую переводчик первый раз перевел как «уложение воинское стародавнее», а второй раз — «уставы воинские»:

Оригинальный документ ²⁷	Перевод ²⁸
«Стороны Рожка, товариша полку Переяславского, з товариши, од думного дворянина од Ивана Ивановича Чаадаева против прав войскових стародавних не належне пойманого и в турму вкиненого, просити маєт, чтоб одпустити его велено, а за такое в правах войсковых насилы од помененого дворянина у учиненое о указ государев на того ж думного дворянина просити маєт, бо гетман не толко Рожкови не пробачил бы выстутку, але тепер и судьи Незамаєви, постерегши по нем измѣну, не поблажил»	«Об Рожке ж, товарище полку Переясловского, с товарищи од думного дворянина Ивана Ивановича Чаадаева, противу уложения воинского стародавнего напрасно пойманого и в тюрьму вкиненого, просити имеет, чтоб отпустить его, Рожка, велено; а за такое в уставах воинских насиле, от рекомого дворянина учиненое, об указе государеве на того ж думного дворянина просити имеет, понеже гетман не токмо Рожку не отпустил бы вины, но теперво и судьи... ²⁹ , увидя по нем измену, не поблажил бы»

²⁵ См., например, его отписку о доставке бывшего гетмана и его сына из Нижнего Новгорода в Казань: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 41. Ч. 2. Л. 481–482.

²⁶ Перевод: Акты ЮЗР. Т. XI. № 87. Стб. 285–287. Ср. с подлинником: РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 291. Л. 1–2 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 151. Л. 2 об.

²⁸ Акты ЮЗР. Т. V. СПб., 1867. № 127(1). С. 282.

²⁹ Отточие поставлено в публикации. Вероятно, публикаторы документов в «Актах ЮЗР» не смогли прочитать, как звали судью.

В Войске Запорожском «войсковыми правами» назывались неписанные нормы войскового права, не только регулировавшие военную и административную деятельность старшины, но и использовавшиеся в качестве источника уголовного права наряду с Литовскими статутами и магдебургским правом [Дядиченко, с. 314–319]. Переводы же в формах «уложение воинское стародавнее» и «уставы воинские» могли привести к ошибочному пониманию: во-первых, как письменного источника права, во-вторых, как относящегося только к военной сфере. Притом в Московских договорных статьях, принятых 22 октября 1665 г., используются фразы «стародавние права и вольности казацкие» и «права и вольности стародавние войсковые»³⁰. Представляется, что этот текст переводил неопытный переводчик, не знавший основных юридических терминов.

Правильное понимание отдельных слов и терминов, включая вполне повседневную лексику, также имело большую важность для отношений Москвы с Войском Запорожским. Так, в подлиннике «инструкции», которую в феврале 1673 г. гетман И. Самойлович дал нежинскому протопопу Симеону Адамовичу для устных переговоров в Москве, содержалась просьба «о гарматах гунчих на пару кони»³¹, в переводе же она была интерпретирована как «в воинской поход о пушках полковых лехких, по две лошади под пушку»³². Слово «гунчие» не удалось обнаружить в словарях, но оно, определенно, означало не «полковые». Так, в завещании батуриных мещан Евдокии и Ивана Ханевских, оставленном 16 апреля 1716 г., упоминаются «уздечка гунчая» и «уздечка гунчая білая»³³. Поскольку речь в данном случае идет о пушках, то можно предположить, что речь идет о материале — т.е. металле, из которого отлита пушка. Скорее всего, «гунчие» означает «медные», поскольку в Русском государстве в XVII в. легкие полковые пушки изготавливались именно из меди [Лобин, с. 111, 126–127]. Переводчик же не смог перевести это, видимо, довольно редкое слово.

В переписке гетмана И. Самойловича и его родных, переведенной в Посольском приказе, встречается много терминов, связанных с повседневностью и бытом. Так, в подлиннике «листа» младшего гетманского сына Якова Самойловича к старшему брату Се-

³⁰ ПСЗ. Т. I. СПб., 1830. № 376. С. 617.

³¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 276. Л. 1 об.

³² Там же. Оп. 1. 1673 г. Д. 9. Л. 42.

³³ Сіверщина гетьманських часів. Т. 4. Київ; Чернігів, 2022. С. 266.

мену (1683 г.) упоминается кунтуш: «табъну на кунтуш из материя перское, обом нам велѣв з одноеа покраяти кунтуши к святам»³⁴. В Посольском приказе эту фразу перевели следующим образом: «объяри на кафтан и материи персицкой, ис которой обоим нам велел зделать кафтаны к празнику»³⁵. Примечательно, что кунтуш представлял собой верхнюю мужскую одежду с широкими рукавами с разрезами у локтей, которую носили поверх жупана (кафтана) [Таирова-Яковлева, 2016, с. 101; Чубик, с. 89]. Однако переводчик не нашел более адекватного термина. Кроме того, как видно из сравнения приведенных фраз из подлинника и перевода, «табен» перевели как «объярь». Табен (табин) — название плотной шелковой персидской ткани, разновидность тафты [Косміна, с. 336], тогда как объярь — плотная шелковая ткань из серебряных или золотых нитей с узорами или без узоров, не обязательно изготовленная в Персии [СлРЯз XI—XVII вв., 1987, с. 208].

В некоторых случаях по сохранившимся документам можно судить о том, как проходил процесс работы над переводом текстов. В частности, это относится к универсалу гетмана Правобережной Украины П.Д. Дорошенко к жителям Каневского полка от 20 августа 1672 г. 15 сентября нежинский воевода С.И. Хрущов прислал в Малороссийский приказ копию универсала, которая была им получена от нежинского наказного полковника Ф. Завадского и, судя по всему, была сделана в нежинской казацкой полковой канцелярии, поэтому была дословной³⁶. Позднее для внесения в книгу Малороссийского приказа, в основном содержащую переписку с киевской воеводской администрацией, сделали новый перевод документа. Возможно, основой для перевода послужила копия, которую гетман И. Самойлович прислал белгородскому разрядному воеводе боярину кн. Г.Г. Ромодановскому 10 сентября, а воевода в тот же день отправил его в Москву³⁷. Не исключено, что и сам гетман мог прислать в Москву подлинник полученного им документа. О том, что перевод мог быть сделан с другой копии или оригинала, свидетельствует последняя фраза перевода (подпись гетмана), помещенного в приказную книгу: «Петр Дорошенко, рука власная»³⁸. Она отсутствует в копии универсала, присланной в Москву нежин-

³⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 442. Л. 1 об.

³⁵ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 41. Ч. 2. Л. 545.

³⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 16. Д. 62. Л. 56–57.

³⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 17. Л. 18 об. — 19.

³⁸ Акты ЮЗР. Т. XI. № 10. Стб. 27.

ским воеводой, которая завершается помещенной в кружок фразой: «Копѣя унѣверсала пана гетмана Петра Дорошен...»³⁹.

Вот в качестве примера фрагмент, повествующий о падении города Каменца-Подольского в результате осады османским войском, позволяющий проиллюстрировать разницу между двумя вариантами перевода:

Копия документа «белорусского письма» ⁴⁰	Перевод, помещенный в приказной столбец ⁴¹	Перевод, помещенный в приказную книгу ⁴²
«не могучи старшина камянецкая енер<альная> и панами людом военним и посполством, таким <...> любо ся напрод в замках обоих – в земляном и <мѣсть(?)> – з армат и дробного оружа, бьючи, поставили и <озрадовали(?)> <...>»	«не могучи старшина камянецкая генеральная с розными господами, людом военным и посполством, таким сильным приступам преж во обоих замках – в земляном и в каменном – и в месте армат и дробного оружия, бьючи, поставили и озрадовали выдержать»	«не могучи старшина камянецкая генеральная с розными господами людем военным и с посполством так великим силам либо в замках своих обоих, в земляном и каменном, и в городе из пушек, из мелкого ружья, бьючи, отпор давали, выдержать не могли»

Не исключено, что автору перевода, помещенного в указанную книгу, был знаком перевод, выполненный с копии универсала, присланной нежинским воеводой. На полях этого первого перевода слово «армат» было пояснено как «пушек», а «озрадовали» как «не смогли»⁴³. И в том, и в другом случае обе пары слов на полях и в тексте были отмечены «галочками». Также возможно, что первый перевод был своеобразным черновиком второго.

Еще один перевод, позволяющий судить о работе – перевод «инструкции», данной гетманом регенту войсковой канцелярии В.Л. Кочубею при отправлении в Москву 12 января 1685 г.⁴⁴ Текст имеет следы редакторской правки: во фразе «таких доступна речей» слово «речей» зачеркнуто, помечено «галочками», а на полях

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Д. 62. Л. 61.

⁴⁰ Там же. С левого края часть текста заклеена, с правого края крайние слова плохо читаются из-за повреждения документа.

⁴¹ Там же. Л. 58. Жирным шрифтом выделены слова, оставшиеся непереуведенными.

⁴² Акты ЮЗР. Т. XI. № 10. Стб. 26.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Д. 62. Л. 58.

⁴⁴ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 93–123.

написано слово «дел» и помечено квадратной скобкой; ниже на том же листе во фразе «ныне великих государей наших стороне чинятца убытки» слово «убытки» было исправлено на «убытком», также было помечено «галочками», а на полях таким же образом, с квадратной скобкой, написано слово «вредительства»⁴⁵. В целом почерк в исправлениях похож на почерк основного текста, но более светлый цвет чернил может говорить о том, что правку внесли спустя некоторое время после составления перевода. Текст перевода написан двумя разными почерками подьячими, переписавшими с черновика, один из которых мог править по указанию переводчика.

Несмотря на внесенные правки, текст перевода изобилует словами, фразами и оборотами, которые остались непереуведенными, что, определенно, затрудняло понимание смысла текста.

Оригинальный документ ⁴⁶	Перевод ⁴⁷
«А когда сѣя Малая Росія з Войском Запорозким и з народом посполитым принята остана в милостивую милостивого пресвѣтлого монархи оною оборону, тогда край сей Малоросійский обрѣтался в совершенной своей полности не только от Полское землѣ по рѣку Случ и по город Каменец, а от Волоское землѣ по рѣку Днѣстр широта его протягалася, но и от Литвы вглубь своѣ широко мѣл границы»	«А когда сѣя Малая Росія с Войском Запорозским и с посполитым народом принята учинилася в милостивую милостивого пресветлого монарха оною оборону, тогда сѣя Малоросійская страна обреталася в совершенной своей полности не токмо от Полской земли по реку Случ и по город Каменец, а от Волоской земли по реку Днестр широта ея протягалася, но и от Литвы вглубь свои широкие имела границы»

В некоторых случаях переводы были некачественными — являясь практически дословными копиями оригинальных документов. Таким был перевод документа «О чом Мефодий епископ Мстиславский і Оршанский, блюстителъ митрополии Кіевской, приехал к Москве битъ чолом великому государю в его, великого государя, нужных украинных делех». Этот документ не датирован, но, как установил В.О. Эйнгорн, Мефодий Филимонович приехал в Москву 11 марта 1665 г. [Эйнгорн, с. 282]. Следовательно, документ

⁴⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 98.

⁴⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. I. Владимир, 1903. № VII. С. 16.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 96–97. Жирным шрифтом выделены непереуведенные слова.

был составлен на рубеже февраля—марта 1665 г., перед приездом епископа в Москву.

Для примера обратимся к одному из фрагментов документа для сравнения его с тем же фрагментом в переводе.

Оригинальный документ ⁴⁸	Перевод ⁴⁹
«чтоб и они всяк своих мещан оберегали и не допускали козаком, от гетмана приезждаючим, над меру вымыслов чинити, напивати много, сукна на зипуны имати, также сапоги, панчохи, але указное чтоб им было давано ести и пити, чтоб слушная»	«чтоб и они всяк своих мещан оберегали и не допускали козаком, от гетмана приезждаючим, над меру вымыслов чинити, напивати много, сукна на зипуны имати, также сапоги, панчохи, але указное чтоб им давано ести и пити, что слушная»

Примечательно, что лексика епископа Мефодия, судя по всему, испытала влияние речи московских собеседников, с которыми он часто общался. В использованном фрагменте он употребляет слова «зипуны» и «сапоги» вместо «чоботи» и «кафтани» / «жупани». Можно предположить, что такое влияние было результатом взаимного сближения используемой в переговорах терминологии, своеобразного, необязательно отрефлексированного, «договора о терминах». Этот процесс нашел отражение и в переводах документов «белорусского письма», сделанных в Москве: зачастую не переводились такие термины, как «регIMENT», «маестат», «маестности», «вельможность» и т.п.⁵⁰, хотя при желании найти для них адекватный перевод в русском языке было бы несложно.

Подводя итог, стоит отметить, что в 1660–1680-е гг. важные документы «белорусского письма» («листы», «инструкции», различные статьи, универсалы и пр.), присылавшиеся из Гетманщины, переводились, как правило, в Малороссийском приказе. Переводы требовались Москве, чтобы избежать недопонимания в отношении с казацкими властями. Хотя отдельные непонятные переводчикам слова либо оставались непереуведенными, либо им давался неверный перевод, в целом переводы позволяли царям и их окружению верно понять содержание оригинальных документов. В Малорос-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 771. Л. 497.

⁴⁹ Там же. Л. 503.

⁵⁰ См., например, переводы «листов» полтавского полковника П. Левенца к гетману И. Самойловичу от 6 и 7 февраля 1675 г., в которых несколько раз встречается слово «вельможность»: Акты ЮЗР. Т. XI. № 16(1, 2). Стб. 51–53.

сийском приказе имелись штатные переводчики. Скорее всего, их было одновременно в штате не меньше двух человек, поскольку, во-первых, один из них мог находиться в длительных командировках в действующих войсках во время кампаний против гетмана П.Д. Дорошенко и турецко-татарских войск, во-вторых, объем работы был довольно значительным – гетманы порой присылали в Москву по 2–3 «листа» в день.

Литература

- Алмазов А.С.* Значение отношений украинского гетмана Ивана Самойловича с родственниками для реконструкции его политического портрета // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции, Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 15–21.
- Алмазов А.С.* Московские договорные статьи 1665 г.: переговорный процесс и утверждение царем // Славяноведение. 2024. № 2. С. 16–27.
- Безъев Д.А.* Малороссийский приказ: причины создания, штаты, основные направления деятельности. М., 2015.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Гуськов А.Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4(78). С. 62–81.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в 1680–1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1(83). С. 108–122.
- Дядиченко В.А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959.
- Косміна О.* Вбрання української еліти XVII–XVIII ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. 2015. Вип. 11–12. С. 330–364.
- Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
- Лобин А.Н.* Пушки первые Романовых: Русская артиллерия 1619–1676 гг. М., 2022.
- Панашенко В.В.* Палеографія українського скоропису другої половини XVII ст.: на матеріалах Лівобережної України. Київ, 1974.
- Романова О.А.* Малороссийское духовенство в русско-украинских взаимоотношениях (1659–1672 гг.): Симеон Адамович // Проблемы истории России. Вып. 7. Екатеринбург, 2008. С. 38–55.
- СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
- СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987.
- Таирова-Яковлева Т.Г.* Повседневная жизнь, досуг и традиции казацкой элиты Украинского гетманства. СПб., 2016.
- Таирова-Яковлева Т.Г.* Инкорпорация: Россия и Украина после Переяславской рады (1654–1658). Київ, 2017.

- Чубик Ю.* Чоловічий шляхетський одяг як невід'ємний елемент матеріального життя волинської шляхти XVI–XVII століть // Україна у світовій історії. 2014. № 4(53). С. 83–97.
- Шамин С.М.* Переводчики на Турецкой войне. Абдрахман Текелев в полку князя Г.Г. Ромодановского (1674 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. VI: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 573–577.
- Флоря Б.Н.* Россия и Левобережное гетманство в конце 60-х – начале 70-х годов XVII в. М., 2024.
- Эйнгорн В.* О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1890.
- Яковлева Т.Г.* Донос старшины на И. Самойловича: анализ першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 190–200.

Neues Karten Spiel — новонайденный немецкий рукописный памфлет начала XVIII в.

Одной из базовых задач исследования рукописного памятника переводного происхождения является установление его иноязычного оригинала. В нашем случае мы сталкиваемся проблемой противоположного характера — наличием в РГАДА немецкоязычной рукописи «Neues Karten Spiel»¹, озаглавленной на архивной обложке «Около 1706 г. Новая картошная игра ломбера, или Изображение состояния в тогдашнее время Европейских держав», посвященной событиям периода Северной войны. К сожалению, этот уникальный памятник сохранился вне исторического документального контекста. Он лишен каких-либо комментирующих помет, конвоя, а также сведений о генезисе рукописи или факте перевода. Хотя очевидно, что в том или ином виде перевод (хотя бы устный) необходимо было выполнить уже для того, чтобы ознакомиться с содержанием попавшей в Россию рукописи.

Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот ранее не описанный и не опубликованный документ значимого для отечественной переводческой культуры периода; дать его жанровую, историческую и лингвистическую характеристику с перспективой дальнейших разысканий предполагаемого немецкого печатного оригинала и вероятного перевода на русский язык. Текст публикуемого документа представляет исследователям дополнительные сведения об «информационной войне», шедшей параллельно войне реальной.

Рукопись на немецком языке (с рядом лексических особенностей, обсуждаемых ниже) написана на четырех тетрадных листах небрежным готическим курсивом с лигатурами. Графическое выделение отдельных лексем («labete», «lenter», «tripplir», «Paroll», «banquerott», «Raison», «Franckreich») и иноязычного (нидерландского) фрагмента текста («Well ick hoor, dat de Koninck iut Sweden

¹ РГАДА. Ф. 375. Оп. 1. 1706 г. Д. 32. Л. 1—4.

heeft tot sulcken Speel noit genoodiget en gij woorden so bald mood offt mogt gij daar door jan woorden, waar tawy Hollander oick helpen willen») предположительно было обусловлено их выделением шрифтами в печатном оригинале, с которого был сделан данный список.

В жанровом отношении «Neues Karten Spiel» представляет собой политический памфлет, описывающий актуальные исторические события в формате карточной партии представителей разных европейских держав: королей Швеции, Польши, Дании и Англии, русского царя, императора Священной Римской империи, властителей Курляндии, Голштинии, Бранденбурга, Нидерландов и др. Для сравнения можно привести сохранившийся среди бумаг кн. Б.И. Куракина «Список с пашквиля, которой ныне выдан. 4 июля 1706 г.»:

Британия — имею добрыя карты для игры.
Голландия — и мы имеем добрыя трумфы.
Версалия — аloo выиграю или проиграю.
Австрия — что отец заставил, буду играть.
Барселона — не тужу, играю на чужие деньги.
Прусы — для себя играю, а не для людей.
Купенгаген — я пасую.
Евгений — играю смело, надеючись на изрядную даму.
Стокгольм — играю-играю, и все выигрываю, а прибыли не имею.
Дрезден — коли короля забью, то выиграю.
Москва — брат Дрезден, играй смело, я за тебя поставлю.
Познань — я давно знаю, что от короля проигратца мне.
Турок — я играл, да много проиграл, больше не хочу
[Архив Куракина, с. 169–170].

Европейская традиция использования карточного кода в новостных, сатирических и образовательных целях восходит к началу XVI в. [Алпатов] и появляется в России в 1672 г. в виде перевода Николаем Спафарием «Географии и истории» Жана Демаре [Белоброва], а также перевода типологически сходного памфлета «Анатомия Европы», представляющего войну в Нидерландах в форме обмена европейских государей речевыми жестами — репликами Страстных Евангелий [Алпатов, Майер, Шамин].

С исторической точки зрения предметом политической карточной партии в рассматриваемом памфлете «Neues Karten Spiel» стали события начала Северной войны: неудачи русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г. («Triumph aus, Rus!»), сражение на

Двине в июле 1701 г. («hat die Dünamunde Schaetze ein, da wird das Spiel gelingen», «weil er mir hier in Riga in die Karte gekucktet, doch will ich Ihm sein schitzigen Triumph baldt stumpff machen», «Triumph aus Riga!») и эйфорические угрозы шведской атаки на Печоры, Псков и Новгород («Es gilt dismahl nicht Narva, sondern Novogrod, Plescau und Pitchur mit aller umb liegenden ländern»). Кроме обозначенных выше коронованных особ, типичных для большинства политических памфлетов данной эпохи², обращает на себя внимание обилие военачальников и градоначальников «General Feltmarechal Dahlberg», «General Flemming», «General Paikull», «General Wellingh», «Pattkull», «Oberster Budberg», непосредственно вовлеченных в оперативные взаимодействия на местности и весьма фамильярно апеллирующих друг к другу («Holla Pattkull», «wo dein Ohn Budberg uns nicht helffen will», «daß sie alle meine Schwäger, Ohne Vättern und dergleichen sint»).

Идентичны с «Neues Karten Spiel» по триумфальному прошведскому пафосу немецкоязычные тексты января–февраля 1701 г., индексированные электронным каталогом Das Verzeichnis Deutscher Drucke des 18. Jahrhunderts:

- «солдатский диалог под открытым небом» после битвы при Нарве «Lustig und ernstliches Gespräch Dreyer Soldaten, Als: Peter, Ein Sachse, von der Moscovitischen Armée. Bernt, Sein Landsmann, unter der Schwedischen Armée. Jean, Ein Frantzose: So sie nach dem Entsatz der Stadt Narva, über den jetzigen verwirreten Zustand Europae, unter freyem Himmel gehalten»;
- «деревенская» стихотворная сатира на разгромленных москочитов «Erster Anhang Der bißherigen Glorieusen Nachrichten; Betituliret: Sarcasmus Rusticus in Cladem Muscowiticam! Oder: Hönische Baur-Gedancken über die Muscowitische Niederlage: Darin zugleich Eine große Freude und Hertzlicher Wunsch über den herrlichen Schwedischen Sieg enthalten / Alles nach Anleitung der 13. Glorieusen Nachrichten / in Platt-Teutscher Pommerscher Sprache Reimweise vorgestellt»;
- реляция о благодарственном торжестве по случаю снятия осады Нарвы «Relation, Wie das allgemeine solenne Danck-

² Cp. «Entlarvte Ratio-Status: In einem bey jetzigem Krieg unter denen europäischen Potentaten lauffenden Karten-Spihl» (1706). <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB00024B7900000000>

Fest / Wegen des bey dem Entsatz der Stadt Narva / Am 20. Novemb. alten styli, Ao. 1700. von Jh. Kön. Maj. zu Schweden wider die Moscoviter erhaltenen herrlichen Sieges / In der Pom[m]erschen Stadt Alten Stettin / am 15. Februarii itztlaufenden 1701. Jahres mit schuldigster Devotion hochfeyerlich begangen worden»;

- триумфальная оратория «Die Miraculeus- und Glorius- durch die Hülffe Gottes Befochtene Grosse Victoria Von Ihro Königl. Mayest. zu Schweden Carol dem XII. Wider die Grosse und stolze Macht Der Russen / Und Der dadurch geschehene glückliche Entsatz Narva In einem Musicalischen Actu a 2. Choren: Nebst beygefügtten Triumph- und Sieges-Liedern An... erlebtem Grossen Namens-Tage / den 28. Jan. 1701. Auff dem Königl. Schwedischen Athenæo in Bremen... Auffgesetzt und dirigiret / Von Laurentio Laurenti Directore der Music»³.

В связи с изложенным вызывает вопрос появление на обложке архивного дела даты «около 1706 г.», которая, безусловно, не может обозначать год выхода предполагаемого печатного оригинала «Neues Karten Spiel» или время создания анализируемой рукописной копии: тема шведского триумфа и нюансы событий первых лет Северной войны потеряли актуальность после русских военных успехов 1703–1704 гг. Возможно, дата на обложке отражает момент отложения в архиве документа, лишённого политического значения и исключённого из круга рабочих источников Посольского приказа.

Вызывает дискуссию и перевод на обложке «Новая картошная игра ломбера» для оригинального названия «Neues Karten Spiel», поскольку в самом тексте ломбер не упоминается. Участники партии играют в родственную ломберу Labete (фр. la Bête), которая в начале XVIII в. набирала популярность в Германии и вполне могла претендовать на звание новой карточной игры⁴. Вместе с тем в тексте памфлета используются термины Lenter, Tripplir, Scherwentzell, которые могут быть поняты либо как обозначения конкретных фигур и ходов карточной партии, либо как самостоятельные названия других популярных немецких карточных игр. В последнем случае возникает ситуация, при которой участники партии не всегда по-

³ VD18-Datenbank. <https://kxp.k10plus.de/DB=1.65/>

⁴ Ср. «Dunckeles Fälschlich und heimliches Karten- und Labet-Spiel: Wer einen andern eine Grube graben will/ fällt selbst darein» (1685). <http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?PPN612297969>

нимают, по каким именно правилам играет партнер («ich merke doch wohl, daß mir einer tripplir Karte anderwegen gemischt wird»), что, как кажется, отражает реалии начала Северной войны, когда вовлеченные в нее политические игроки еще только выбирали стратегию и прощупывали намерения противников и союзников. В целом перечисленные выше названия относятся к классу низовых азартных игр, отличающихся возможностью в любой момент выйти из торгов, если карты в руке не сулят успеха («Holla Pattkull, es gehet noch gut, ich hatte im Sinn die Karte gar aus der Faust zu werffen und davon zu lauffen, jetz aber sint wier versichert, daß Dahlberg sein lenter und nichts thut»), что в сумме с фамильярным («Verzage nicht Hr. Schwager setze hertzen für, sie pflegen glücklich zu sein»), а местами и вульгарным («Holla Pattkull wier sein der Teuffel zerreis mich labete») речевым поведением партнеров создает неприглядный облик державных картежников.

Ироническое переключение между карточным и военно-политическим кодами проходит лейтмотивом через весь памфлет. Регулярно обыгрываются двусмысленные пары значений:

Paroll – удвоение ставки / военный пароль;

Triumph – козырь / триумф;

Labete – штраф / поражение;

Banquerott – банкрот / побежденный;

Scherwentzell; Pamphilius und Pancratius – валеты-«нижники» / пехота;

Reit Pferde – валеты-«вышники» / рейтары.

Из лингвистических особенностей памфлета отметим переворачивание в финальной формуле «die Katze selber zu Hause ist» известной пословицы «Wenn die Katze nicht zu Hause ist, tanzen die Mäuse auf den Bänken».

Текст памфлета публикуется в приложении с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Подстрочный перевод выполнен Н.А. Чесновой⁵, он играет ознакомительную роль и, несомненно, будет скорректирован по мере уточнения значения элементов карточного кода, их корреляции с реальным статусом участников событий 1700–1701 гг., а также в случае обнаружения русского перевода, выполненного сотрудниками Посольского приказа.

⁵ При заинтересованной помощи и консультациях к.ф.н. Фомичевой Александры Андреевны, преподавателя кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которой авторы выражают сердечную признательность.

Приложение

Neues Karten Spiel	Новая карточная игра
Hertzog von Hollstein Ich soll labete sein, weil mir so häufig mit Trümpfe zugespielt wirdt von meinem Nachbahr.	Герцог Гольштейнский Судя по тому, как мой сосед пасует мне с козырями, я проигрываю.
König in Schweden Verzage nicht Hr. Schwager setze hertzen für, sie pflegen glücklich zu sein.	Шведский король Не падай духом, шурин, оставайся с червами, они принесут удачу.
Hertzog von Hollstein Wer nur einen guhten lenter davon hätte, oder sei mir damit behilfflich.	Герцог Гольштейнский Только бы кто имел хороший триплет из выигрышных карт, или помог с этим.
König in Schweden Ja wohl so viel, als in eine gantze Karte gehöret, ich merke doch wohl, daß mir einer tripplir Karte anderwegen gemischt wird, so muß ich deswegen, den Holl- und Englander um einen Zusatz von Spades ersuchen, weil sie worden mit in diesem Spiel gehöreten.	Шведский король Да это, конечно, так много, как если бы имелась вся колода карт, но я все же заметил, что карты в триплере та-суются по-другому, поэтому должен просить у голландцев и англичан до-бор пик, потому как и они принадле-жат этой игре.
König in Pohlen Nun ist der König in Schwed- mit Dänenmark zu werke, mitlerweile, will ich die Liefländer ersuchen mit einem Karten Spiel.	Польский король Сейчас Король Швеции сосредоточен на Дании, между тем я хочу просить о карточной игре лифляндцев.
Pattkull Ja Ihre Mayst Liefland ist mit all, ihrem Könige rebellisch dazu hilft, daß sie alle meine Schwäger, Ohne Vättern und dergleichen sint; auf mein Paroll und Halß wage Budberg mein Ohn, hat die Dünamunde Schaetze ein, da wird das Spiel gelingen.	Паткуль Да, Ваше Величество, Лифлянд со все-ми, помогающими вашему мятежно-му королю в том же, в чем мои зятья, дядья, кузены и т.д.; но мой пароль и призыв к риску моим дядей Буд-бергом, если сокровища Дюнамюнде будут получены, значит, игра удалась.

<p style="text-align: center;">König in Pohlen</p> <p>General Flemming nimm deine alte Karte, zeug hin nach Riga, mische sie wohl durch, sihe zu, kanste sie labete machen, (л.10б) es wäre mir lieb, sonders wegen unsere Gemahlin, die gerne ihr Lieb gedieg, wegen ihrer Evangelischen Religion, da haben will, mir hat der Czaar eine grose Partey Kuhten zu dem Spiel versprochen. Ich soll selber die Scherwenzell verschaffen, der Branderburger hat mir auch eine Partey Klevere versprochen.</p>	<p style="text-align: center;">Польский король</p> <p>Генерал Флемминг, возьми свои старые карты, отправляйся в Ригу, перетасуй их, посмотри, можно ли их разложить в лабету, что было бы очень приятно, особенно из-за вашей супруги, которая с любовью охотно возвращала вас, из-за ее протестантской веры, да будет известно, царь обещал мне прекрасную часть земель к игре. Я должен играть вальтами, Брандербургер тоже обещал мне часть треф.</p>
<p style="text-align: center;">General Flemming</p> <p>Triomph aus Riga!</p>	<p style="text-align: center;">Генерал Флемминг</p> <p>Козыри из Риги!</p>
<p style="text-align: center;">General Feltmarechal Dahlberg</p> <p>Wo kumpt mir dieser fallscher Spieler so balt, der jüngst lieb und seel versprochen hat, daß er mit mir sein Spiel anfangen wolte, insonderheit, weil er mir hier in Riga in die Karte gekucket, doch will ich Ihm sein schitzigen Triomph baldt stumpff machen, und mit dem Scherwenzell drein schlagen.</p>	<p style="text-align: center;">Генерал Фельдмаршал Дальберг</p> <p>Откуда пришел ко мне этот шулер прибалт, который недавно сердцем и душой клялся, что он хотел начать свою игру со мной, потому что он подсмотрел в мои карты здесь, в Риге, но я скоро побью его дрянной козырь и ударю вальтом.</p>
<p style="text-align: center;">General Flemming</p> <p>Holla Pattkull wier sein der Teuffel zerreis mich labete, wo dein Ohn Budberg uns nicht helffen will, schreibe ich darum, oder wier sein gar banquerott und es wird mit dir schlecht aussehen.</p>	<p style="text-align: center;">Генерал Флемминг</p> <p>Эй, Паткуль, мы, черт подери, проигрываем, ведь твой дядя Будберг не хочет помогать нам, я пишу об этом, или мы его сделаем банкротом, или тебе будет плохо.</p>
<p style="text-align: center;">Pattscull</p> <p>Herr Ohn ist das Paroll, daß du so scharff spielest, da du doch versprochen hast, mir anderst zu begegnen und die Karte in die Faust zu spielen.</p>	<p style="text-align: center;">Паткуль</p> <p>Дядя, поднимаю ставки, чтобы ты играл также остро, как обещал встретиться со мной и проиграть карты в кулаке.</p>
<p style="text-align: center;">Oberster Budberg</p> <p>Ich muste wohl nach dem ich selber wegen der Finnen nicht sicher bin, den mit ihnen muß man wie mit einer schar(л.2) lloosen Cy umgehen, sie wollen sonst gantz und gar mit Pamphiluis und Pancratius zum Fenster ein; gedult bis morgen, ich will mein Herten durch den Pfaffen bewegen, daß sie nicht so stark manchen den strumpff eindringen.</p>	<p style="text-align: center;">Будберг старший</p> <p>Я, вероятно, должен спросить о том, в чем сам не уверен – о финнах, с которыми нужно обращаться как с отбившимися от стада коровами, иначе они хотят всего и сразу вместе с вальтами выйти на простор; жду до завтра, так как хочу двигать червы по карточному столу, чтобы они не пробивали некоторых до костей.</p>

<p style="text-align: center;">General Flemming</p> <p>Holla Pattkull, es gehet noch gut, ich hatte im Sinn die Karte gar aus der Faust zu werffen und davon zu lauffen, jetz aber sint wiew versichert, daß Dahlberg sein lenter und nichts thut.</p>	<p style="text-align: center;">Генерал Флемминг</p> <p>Эй, Паткуль, пока еще все идет хорошо, лучше выбросить карты из рук и бежать отсюда, хотя сейчас мы застрахованы, что Дальберг играет лентер и ничего не сделает.</p>
<p style="text-align: center;">Herzog in Kurlandt</p> <p>Jetz gehöre ich noch zum spiele, nach dheme es auf meinen Grunde geschicht, und will meine Triomphe begeben, frisch darauf es gehet guth, General Paikull haltet Spiel fürchtet mich nicht.</p>	<p style="text-align: center;">Герцог Курляндский</p> <p>Сейчас я все еще принадлежу этой игре, после того как она стала моей основой, и я хочу добавить мой козырь, он хорошо ложится на новые события, генерал Пайкуль держал игру, не боясь меня.</p>
<p style="text-align: center;">General Paikull</p> <p>Ja Teuffel auch, da kompt General Wellingh mit einer wohl gemischten Karte, ich will mich aus dem Wege machen, ich mag mit Ihm nicht spielen, er hat mehr Hertze alß ich, und jetz sint sie Triumph.</p>	<p style="text-align: center;">Генерал Пайкуль</p> <p>Да, черт возьми, вот и генерал Веллинг наверняка с перетасованной картой, я хочу уйти с дороги, я не люблю с ним играть, у него больше черв, чем у меня, и теперь они козыри.</p>
<p style="text-align: center;">Herzog von Kurlandt</p> <p>Mit Ihm komm ich wohl zurecht, ich habe ihm schon in Franckreich gekant, dazu will ich Ihm auch noch ein paar guthe Reit Pferde geben.</p>	<p style="text-align: center;">Герцог Курляндский</p> <p>Я с ним, наверняка, полажу, я его уже знаю по Франции, к тому же я хочу подарить ему еще пару хороших Рейтар.</p>
<p style="text-align: center;">König in Dännemarck</p> <p>Ich will das Spiel mit dem Hertzog von Hollstein aufgeben, er hat bessere Hertzen von Schweden und Lüneburg (л. 2об.) bekommen, alß ich habe. Ich scheidе daraus. Adieu Ihr Ghr Spieler.</p>	<p style="text-align: center;">Король Дании</p> <p>Я хочу бросить игру с герцогом Гольштейна, он получал лучшие черви от Швеции и Люнебурга, чем я. Я удаляюсь из этого. Прощайте, дорогие игроки!</p>
<p style="text-align: center;">König in Pohlen</p> <p>Der Teuffell zerreiße mich, der König in Dännemarck hat aufgehört zu spielen. Ich werde zuertz banquerott werden, wo die Moscowiter und Brandenburger mir nicht werde beistehen und sonderlich mit Hertzen, allein mein Ghr Ohne der König in Schweden hat alle die Hertzen aus der ganzen Karte, er spielet alleine und hat keine Hilfe, doch könne wiew Ihm nicht thun, weil er annoch nicht selber zu stelle will ich mit Generall Wellingh ein Piquet abstechen. Oho er geht schon aus dem Spiel, nun wird es wohl gehen.</p>	<p style="text-align: center;">Король Польши</p> <p>Черт меня подери! Датский король вышел из игры! Сначала я стану банкротом, московиты и бранденбургцы меня не поддержат, тем более червами, только у моего дяди, короля в Швеции, все червовые карты, он играет один и помощи ему нет, но мы не можем ничего сделать, потому, что он сам все равно не справится, я хочу сам выбить из седла генерала Веллинга. Ого, он уже вышел из игры, теперь, наверняка дело пойдет на лад.</p>

<p style="text-align: center;">König in Schweden</p> <p>Wie spielt man hin in Lieflandt, ich will auch eins mit dem Czaar wagen: Triumph aus, Rus! Es gilt dismahl nicht Narva, sondern Novogrod, Plescau und Pitchur mit aller umb liegenden ländern.</p>	<p style="text-align: center;">Шведский король</p> <p>Как бы вы ни играли в Лифляндии, я тоже хочу рискнуть с царем: Козыри из России! Речь идет не о Нарве, а о Новгороде, Пскове и Печерах со всеми прилегающими землями.</p>
<p style="text-align: center;">der Czaar</p> <p>Also den Diabell hier mag der Teuffel mit spielen, ich würde sonst hier Hoosen und Wams verspielen, nach dhem der König von Schweden so verwegen spielt. Er muß treffliche Karten haben. Ich habe von Saxen scharwenzell und Pamphiluis gelihen, item auch sonst guhte Triomphen, so seit sie doch alle von Schwedischen Triomphen gestochen, ich wage es nicht mehr.</p>	<p style="text-align: center;">Царь</p> <p>Итак, вижу, черт тут хочет дьяволу подыграть, в противном случае я здесь проиграюсь до нитки, после такой дерзкой игры шведского короля. Он, должно быть, имеет прекрасные карты. Я позаимствовал у саксонца вальтов, а также и другие хорошие козыри, так ведь они уже побиты шведскими козырями, я большего не посмею.</p>
<p style="text-align: center;">(л.3) König in Pohlen</p> <p>Potz Teuffell was höre ich, ist doch der König von Schweden in Lieflandt gekommen, und hat schon im ersten Spiel den Peterknut banquerott gemacht, nein ich will mich den draußen machen, und zu sehen, daß ich andere Karten bekomme, mit diesen richte ich nichts aus, darum Ihr Ghr Reichs genossen, hellft mir mit neue Karten, oder ich werde nicht allein, mein Land verlihren, sondern auch durch solche Spiels Anfang mein König Reich verschertzen. Ich wolte daß der Teuffell, den lant streicher Pattkull sampt General Flemming zerrisse, der solch Spiel angefangen hat, nach dhem es nicht nach meinem Willen gespielt wird. Ich hatte Aufangs guhte Karte, darzu Trümpfe genug, auch von andere zu sage, alleine ich sehe, ich bliebe alleine bestecken.</p>	<p style="text-align: center;">Король Польши</p> <p>В дополнение к черту что я слышу, неужели шведский король все-таки вступил в Лифляндию и уже в первой игре сделал Петра Великого банкротом, нет, я хочу выйти из игры и посмотреть, получу ли я другие карты, с этими я не против, дорогие товарищи, порадуите меня новыми картами, или я не только останусь один, потеряю свою страну, но через такое начало игры подшучу над своим королевством. Я хотел бы, чтобы Дьявол, которого бродяга Паткулль вместе с генералом Флеммингом разодрали, который начал такую игру, после того как партия была сыграна против моей воли. Сначала я имел хорошие карты, много козырных, чтобы говорить с другими, но я вижу, что я остался здесь в одиночестве.</p>
<p style="text-align: center;">Kayser</p> <p>Wie geht euch das Spiel so unglücklich, ich hätte es nicht gedacht, ich kan euch auch keine Karten versprechen, nach dheme ich mit dem Könige von Franckreich spielen muß.</p>	<p style="text-align: center;">Кайзер</p> <p>Я не думал, что у вас получится такая неудачная игра, и я не могу обещать вам никаких карт, ведь я должен буду играть с королем Франции.</p>

<p style="text-align: center;">König in Englandt</p> <p>Wer euch in solch unnöthig Spiel gelad hat, der helfe euch winder davon. Ich spiele mit Schweden eine Karte, doch wollet Ihr aufhören, und dem König in Schweden sein Spiel bezahlen, so will ich mit dem Holländer dahin bringen, daß Ihr mir Raison davon kommen solt.</p>	<p style="text-align: center;">Король Англии</p> <p>Тот, кто вовлек вас в такую нечестную игру, да поможет вам избавиться от нее. Я играю со Швецией, но если Вы хотите остановиться и заплатить королю Швеции за его игру, то я хочу сыграть с голландцем, что Вы мне на ум привели.</p>
<p style="text-align: center;">(л.3об) Hollandt</p> <p>Wèll ick hoor, dat de Koninck iut Sweden heeft tot sulcken Speel noit genoodiget en gij woorden so bald mood oft mogt gij daar door jan woorden, waar tawy Hollander oick helpen willen.</p>	<p style="text-align: center;">Голландец</p> <p>Ну, я слышал, что Королевство Швеция пригласило вас играть, а к игре, и, если вы скажете это прямо, вы можете использовать свои слова, чтобы помочь голландцам.</p>
<p style="text-align: center;">Brandenburg</p> <p>Ich wolte mich zwar in solch Spiel nicht gerne mengen, allein doch umb meinem Schwester Sohn den Hertzog von Kurlandt wil ich euch doch etwas Trümpf geben insgeheim, daß keiner davon erfahret.</p>	<p style="text-align: center;">Браденбуржец</p> <p>Хотя мне не хотелось бы вмешиваться в такую игру, но только, ради сына моей сестры, герцога Курляндского, я дам вам кое-какой козырь втайне от всех, чтобы никто об этом не узнал.</p>
<p style="text-align: center;">König in Dännemarck</p> <p>Ich habe zwar versprochen, mit euch das Spiel gegen Kron Schweden anzufangen, allein der Hollander hat mir den Sunt verschlossen, daß ich weder Trupmh noch Herten brauchen kan, doch will ich 1000 Trümpf heimlich in der Karten in Kurlandt ein practiciren, sehet zu wie Ihr euch damit behelffen könnet.</p>	<p style="text-align: center;">Король Дании</p> <p>Хотя я обещал начать с вами игру против шведской короны, наедине голландец заверил меня, что я не могу использовать червовые козыри, но я хочу тайно использовать 1000 козырных карт в Курляндии, посмотрим, как Вы сможете с этим справиться.</p>
<p style="text-align: center;">Luneburg</p> <p>Ich merke wohl, daß Saxische Trümpffe nach Saxen solln geführt wird, das angefangene Carten Spiel mit Kron Schweden zu spielen, allein contra, ich lasse nicht durch.</p>	<p style="text-align: center;">Люнебуржец</p> <p>Я замечаю наверняка, что саксонских козырей надо отвезти в Саксонию, чтобы начать карточную игру со шведской короной, одних я их не пропущу.</p>
<p style="text-align: center;">König in Schweden</p> <p>Ich höre, daß der König in Pohlen hat neue Kartn bekommn, damit will er ein Neu Spiel bey Riga anfangen, aber laß Ihm über die Düna kommn, und das Wasser offen werden, ich will schon mit Ihm (л.4) aushaltn, ich hoffe er soll des Spielens müde werdñ</p>	<p style="text-align: center;">Король Швеции</p> <p>Слышу, король Польши получил новые карты, с которыми он хочет начать новую игру под Ригой, но пусть он перейдет через Двину, и вода станет открытой, я хочу уже держаться от него подальше, я надеюсь, он устанет от игр.</p>

<p style="text-align: center;">Ehstnische Stände</p> <p>Nun woll an, weil unser König bey uns sein will, so wollen wir Mann auf Mann vertreten, umb zu helfen, daß der Moskowitische Czaar und der König aus Pohlen in diesem Spiel wenig gewinnen soll.</p>	<p style="text-align: center;">Эстонец</p> <p>А теперь давайте, раз наш король хочет быть с нами, то и мы хотим представлять вальта за вальтом, чтобы помочь московскому царю и польскому королю поменьше выиграть в этой игре.</p>
<p style="text-align: center;">Liefandt und der Adell</p> <p>Wir hatten gedacht, das Spiel sollte anders ablauffen, alleine nun müssen wir Steche halten, weil die Katze selber zu Hause ist.</p>	<p style="text-align: center;">Лифляндцы и дворянство</p> <p>Мы думали, что игра пойдет по-другому, только теперь нам одним придется терпеть урон, потому что кошка пока дома.</p>

Литература

- Алпатов С.В.* «Игральные карты – Библия»: фольклорная версия новоевропейского культурного кода // Живая старина. 2009. № 2. С. 5–6.
- Алпатов С.В., Майер И., Шамин С.М.* «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4(50). С. 5–12; 2013. № 1(51). С. 5–16.
- Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 3. СПб., 1892. С. 169–170.
- Белоброва О.А.* Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М., 2005. С. 204–224.

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Переводчик и секретарь русской дипломатической миссии в Стамбуле Николай Барка: 1711—1712 гг.

Первый постоянный представитель Петра I при Высокой Порте стольник П.А. Толстой за несколько лет пребывания при османском дворе сформировал разветвленную сеть агентов и информаторов, которые помогали ему в выполнении главной задачи — поддержании мира между Россией и Османской империей. Значительную помощь в создании этой сети оказал С.Л. Владиславич-Рагузинский, предложивший свои услуги еще посланнику Е.И. Украинцеву, прибывшему в 1699 г. в Стамбул для подписания мирного договора. По рекомендации серба одним из первых корреспондентов Толстого стал консул Дубровника (Рагузы) Лука Барка. Помимо выполнения консульских обязанностей он служил переводчиком у английского посла при Высокой Порте Роберта Саттона.

После смерти Луки Барки-старшего (в 1709 г.) эти две должности занял его племянник и тезка — Лука Барка-младший. Он также продолжил сотрудничать с русским правительством и принял деятельное участие в русско-турецких мирных переговорах в Стамбуле, завершившихся подписанием Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712 г.). С разрешения английского посла в течение нескольких лет рагузинец помогал русским дипломатам получать важную информацию, касающуюся политической обстановки в Европе и Стамбуле, а также пересылать донесения в Посольский приказ. Сотрудничал с Толстым и зять Барки, венецианский переводчик Б. Навон (был казнен османами в 1715 г.).

Многочисленные упоминания о сотрудничестве с Барками встречаются в донесениях, записках, статейных списках и расходных книгах петровских дипломатов, которые в основном отложились в РГАДА и АВПРИ (ф. 89 «Сношения России с Турцией»), а также в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова»). Как и другие информаторы, они получали подарки от русских послов и ежегодное вознаграждение. Менее известен историкам брат Луки Барки-

младшего – Николай. Первая краткая биографическая справка о нем помещена в материалах к словарю «Переводчики Посольского приказа в XVII в.» [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 252]. Между тем Николай стал единственным представителем своей семьи, который поступил на службу в Посольский приказ в качестве переводчика.

По-видимому, самое раннее упоминание о Николае Барке в посольской переписке относится к 1706 г. Уже в первые годы пребывания в Стамбуле П.А. Толстой осознал, что помимо переводчиков с латинского и греческого (которых по сложившейся традиции включали во все русские посольства к османскому двору) для успешного выполнения возложенных на него правительством поручений также требуется и переводчик с турецкого языка. В ответ на просьбы посла прислать переводчика из Посольского приказа Ф.А. Головин порекомендовал обучить турецкому языку одного из подьячих. Тем более, что еще в Москве подьячему Ивану Небогату было поручено «выучится турецкому языку и писма совершенно»¹. Однако Толстой предложил не обучить турецкому языку (из-за его сложности) своего служителя, а дать возможность освоить русский язык местному жителю, который бы уже владел турецким [Базарова, 2019, с. 11–12].

31 июля 1706 г. Петр Андреевич отправил Н. Барку в Посольский приказ, чтобы тот, изучив в совершенстве русский язык, вернулся в Стамбул в качестве переводчика. В «цифирном письме» посол доложил Головину: «И ныне, государь, взял я у господина Луки Барки родного его племянника Николая, которой изрядно знает язык турецкой и писать и читать может по-турецки изрядно, к тому ж знает язык латинской, греческой и по-словенски² знает немного. И ныне отпустил ево к Москве для того, чтоб ему, неколикое время побыв на Москве, совершенно изучится словенского языка. И надеюсь, государь, что в малые недели изучится, понеже молодец зело изряден и поятен. И прошу у тебя, государя моего, милости, чтоб ево, Николая, по коликом времени паки ко мне прислать. Истинно, государь, без переводчика турецкого языка быть мне трудно. И купил ему книг турецкого языка с латынским на сто левков с лишком»³.

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 20.

² В своих письмах и статейных списках Толстой «словенским» называет русский язык.

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1706 г. Д. 3. Л. 287 об. – 288.

П.А. Толстой выдал Н. Барке на проезд 128 левков «из наличные великого государя казны» и придал ему в качестве сопровождающего своего дворового человека («чтоб он не взял с собою кого из греков»). Посол просил боярина «милостиво принять» Барку и «явить милосердие» ради его дяди, «понеже они строением господина Савы Владиславича работают в делах великого государя, в чем могут, со всяким усердием». Размер жалования для Николая не был обговорен заранее. Этот вопрос Толстой оставил на «милостивое рассмотрение» Головина: «колико твоя милость изволишь определить против протчих переводчиков, тем будет благодарен»⁴.

По-видимому, «в малые недели» Николаю Барке освоить русский язык не удалось, и он задержался в Москве надолго. Лишь через несколько лет после приезда в российскую столицу имя Н. Барки появилось в списках раздачи жалования служителям Посольского приказа. С 1709 г. он начинает встречаться в ведомостях с окладом в 250 руб. [Севастьянов, с. 90; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 252]. Все эти годы П.А. Толстой в донесениях в Посольский приказ не раз поднимал вопрос возвращения Барки в Стамбул, постоянно ссылаясь на крайнюю нужду в переводчиках итальянского и турецкого языков. Г.И. Головкин, как и прежде Ф.А. Головин, предложил послу принять на службу кого-нибудь из местных специалистов, а Н. Барку решил оставить для работы в Посольском приказе. В ответ Толстой указывал на возможные значительные траты государевой казны, поскольку «доброму и разумному человеку из народа иноземческого» потребуются «учинить... оклад жалованья немалой, как здесь и прочих государей послы дают переводчикам великие дачи», т.е. выплачивать 300–400 рублей годового жалования. Посол также писал, что переводчики по местному обычаю получают от Высокой Порты «барат» (точнее, берат – грамоту турецкого султана, предоставляющую особые права и привилегии). Толстой был уверен, что великий везир «по склонности своей» к нему такую грамоту даст, и это станет знаком «свободности» его «пребывания равною мерою против других послов». Посол надеялся найти подходящего человека и обучить его «словенскому языку» на русском посольском дворе, уже не отправляя в Москву⁵.

⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1706 г. Д. 3. Л. 288–288 об.

⁵ Там же. Ф. 1274 («Панины – Блудовы»). Оп. 1. Д. 3170. Л. 87 и др.

Осенью 1710 г. Н. Барка с каким-то поручением прибыл в пограничную крепость Бендеры. Возможно, его приезд связан с доставками подарков бендерскому паше, с которым русское правительство стремилось поддерживать дружеские отношения. 1 октября П.А. Толстой поручил Николаю узнать: «поедет ли Юсуп-паша из Бендера сюда, и кто будет на его месте», будет ли зимовать в Бендерах шведский король. Посол передал Барке письмо брата и просил без промедления отправить курьера, доставившего эти послания, в Посольскую канцелярию⁶.

Николай Барка участвовал в качестве переводчика вместе с другими служителями Посольской канцелярии в Прутском походе. 10 июля 1711 г. П.П. Шафирова в поездке в турецкой военной лагерь на р. Прут для ведения переговоров о мире сопровождали три переводчика – А.И. Остерман⁷ (владел латинским, немецким, голландским, французским), И. Суда (греческий, итальянский и турецкий языки) и Н. Барка (греческий, итальянский и турецкий языки). Николая указали именовать Чернышовым⁸, «чтоб прозвища его турки не признали, понеже родственники его тем же прозвищем живут в Цареграде, и от того б он мог пострадать от турков» [Базарова, 2016, с. 159]. Судя по записям в статейном списке П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 г., Н. Барка стал основным переводчиком на переговорах с великим везиром Балтаджи Мехмед-пашой. П.П. Шафиров впоследствии вспоминал, что именно Н. Барку отправили к великому везиру с обещанием вознаграждать за заключение мирного договора 150 000 рублями⁹. После подписания Прутского мира Барка вместе с Шафировым и Шереметевым остался в турецком военном лагере. 12 июля 1711 г. он получил должность секретаря, а размер его жалования увеличили до 300 рублей [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 252].

Русские полномочные министры нуждались прежде всего в опытном и надежном переводчике. 20 июля 1711 г. великий везир, пригласивший Шафирова и Шереметева в свой шатер для

⁶ РГАДА. Ф. 1274 («Панины – Блудовы»). Оп. 1. Д. 3170. Л. 246 об. – 247.

⁷ Судя по записям в статейном списке 1711 г. в переговорах с великим везиром А.И. Остерман участвовал в качестве переводчика, 12 июля, после подписания мирного договора, он в один день с Н. Баркой был произведен в секретари. И уже с указанием новой должности упоминался в статейном списке [с. Базарова 2016, с. 159, 167, 564].

⁸ В переписке Толстого и Шафирова с русским правительством брата Луки и Николай также встречаются под фамилией «Кириковы».

⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 3.

приватной беседы, из всех сопровождавших русских дипломатов служителей позволил остаться только Барке («через которого они с везирем разговаривали») [Базарова, 2016, с. 176]. По пути в Адрианополь из турецкого военного лагеря Барку несколько раз вызывал великий везир или его секретарь Омер-эфенди, чтобы передать Шафирову и Шереметеву важные сведения, имевшие отношения к выполнению условий договора. В частности, неоднократно поднимался вопрос о возвращении шведского короля на родину через польские земли. Секретарь великого везира даже признался Барке в личной беседе «с клятвою, призывая в том Магомета своего, что они желают, дабы он, король, пропал». Русскому секретарю даже разрешили прочитать письмо великого везира, отправленное им Речи Посполитой («а списка с него не мог получить») [Базарова, 2016, с. 185, 197, 201].

В свою очередь Шафиров нередко посылал Барку к османам с сообщениями о получении царских указов, а также «для проведения, нет ли чего у турков нового» или «нет ли в турках какова вящаго подозрения» [Базарова, 2016, с. 212, 217]. В пути в османскую столицу Барка беседовал не только с секретарем везира, но и с переводчиком Ионакием Маврокордато. На одной из таких встреч И. Маврокордато «будто за дружбу» просил предостеречь русских дипломатов, что если мирный договор будет разорван, то они погибнут первыми. Также переводчик предупредил, что русская «цифирная азбука» П.А. Толстого «розбрана у них» и просил свое имя заменять в донесениях особым знаком [Базарова, 2016, с. 210].

В конце 1711 г. вместе с полномочными министрами Шафировым и Шереметевым, которые должны были оставаться в османской столице до выполнения Россией условий Прутского мирного договора, Барка прибыл в Стамбул, где продолжил участвовать в переговорах с османами. Теперь уже Шафиров просил срочно прислать в Стамбул переводчика: «Понеже ныне у нас никого нет кто б по-французски и по-немецки умел, а и по-италиански один Николай Барко, и тот непрестанно в посылках к Порте и в переводах турецких имеет дело» [Базарова, 2016, с. 444].

В конце 1711 – начале 1712 г. именно через Барку осуществлялись основные контакты российских дипломатов с представителями Порты. Секретарь неоднократно ездил к великому везиру, чтобы передать уверения послов в том, что царь намерен твердо придерживаться условий Прутского договора и выполнять все его условия. Во время новых мирных переговоров в Стамбуле, кото-

рые велись при посредничестве английского и голландского послов, Барка ездил с поручениями как к европейским дипломатам на Галату, так и к османским министрам, читал и переводил тексты документов. 6 апреля 1712 г., именно его русские послы отправили к великому везиру с «благодарствованием оному за ево показанные труды, за вспоможение содержания мира». 11 апреля он ездил к европейским дипломатам с официальным сообщением о прибытии русских послов к османскому двору и поздравлениями с заключением мирного договора.

Н. Барка завоевал доверие П.П. Шафирова, поэтому брату английского переводчика нередко давали конфиденциальные поручения. Николай передавал подарки и денежное вознаграждение как официальным представителям Порты, так и тайным агентам и информаторам («многие дачи чинены чрез секретаря Барка») ¹⁰. В расходных книгах послов встречаются записи о возмещении секретарю средств, которые были издержаны им «в розные времена будучи у Порты по его росписи» ¹¹. Так, 13 января 1711 г. Николай передал служителям рейс-эфенди «сверх прежних дачь» шесть червонных. В сложные времена, когда османы разорвали мирный договор, и русским послам грозило тюремное заключение, Барке передавали на хранение секретные документы. Шафиров вспоминал: «порядочных записок с указами и росписками... тамо отнюдь держать было невозможно, но держаны те записки иногда у секретаря Барка» ¹².

Итак, Николай Барка являлся одним из самых ценных сотрудников русской дипломатической миссии, пользовался доверием послов, которые ему давали самые сложные и ответственные поручения. Карьере секретаря и переводчика оборвала внезапная болезнь и кончина. Вице-канцлер сообщил в Москву, что Н. Барка умер 7 октября 1712 г. По словам Шафирова, секретарь получил разрешение побывать на именинах жены своего брата Луки. «И там в доме его на Галате, — писал вице-канцлер, — занемог и умре в три дни язвою» ¹³. Шафиров пожаловался в Москву, что теперь вынужден «употреблять» в делах переводчика Толстого Гаспара Тесту. Смерть избавила Барку от серьезных испытаний. Через три недели после его кончины, 31 октября 1712 г., Высокая Порта объявила

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 6 об.

¹¹ Там же. Л. 45, 45 об., 46 и др.

¹² Там же. Л. 6 об.

¹³ Там же. 1712 г. Д. 6. Л. 901.

войну России, и все сотрудники русской миссии были помещены в Семибашенный замок. После освобождения из заключения равноценной замены Барке русские послы не нашли.

Литература

- Базарова Т.А.* Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафилова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: Исследование и тексты. СПб., 2016.
- Базарова Т.А.* Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: Материалы Международной научной конференции. М., 2019. С. 9–16.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.
- Севостьянов А.С.* Посольский приказ в начале XVIII в.: Институциональные изменения в условиях преобразований Петра I. Дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022.

Роль толмачей и переводчиков во взаимодействии московских правителей с Габсбургами в конце XV — начале XVII в.

Начало отношений русских государей с представителями династии Габсбургов, со второй половины XV в. неизменно становившимися правителями Священной Римской империи, приходится на конец 1480-х гг. Проходившие как в форме непосредственного обмена посольствами, так и путем пересылки грамот, эти отношения с перерывами продолжались при всех преемниках Ивана III и, в силу разницы языков и культур, требовали активного участия посредников — толмачей и переводчиков — по крайней мере с одной из сторон.

Основными языками, на которых осуществлялась коммуникация между сторонами, были русский, латинский, немецкий и, в меньшей степени, польский. В самом начале контактов использовался также итальянский, которым владел Юрий Траханиот, грек на великокняжеской службе [Буланин], возглавивший три посольства к Габсбургам в конце 1480-х — начале 1490-х гг. [ПДС. Т. I, стб. 14, 34, 82]. На аудиенции у римского короля Максимилиана I в 1489 г. Траханиот произнес речь и получил через Георга фон Турна ответ на «ломбардском наречии» (*in lombardischer Sprach*) [Lehmann. Das VII. Buch. Cap. CXX, s. 999]. Возможно, итальянский использовался и на переговорах в Москве в 1490 и 1491–1492 гг., где Максимилиана представлял именно фон Турн (Джорджо делла Торре, в русских источниках — Юрий Делатор) [ПДС. Т. I, стб. 24, 69], но не исключено, что тот в какой-то степени понимал и русский язык [Корти]. Когда же в 1492 г. русским послам доставили в дороге две грамоты Максимилиана, они смогли сами прочесть только написанную «по-фрязски», а немецкую им перевел любекский типограф Бартоломей (Варфоломей) Готан¹, с которого взяли клятву не разглашать ее содержание. Интересно, что с этих грамот Ива-

¹ Готан («Бартоломей Любчанин» посольской книги), по всей видимости, оказывал различные услуги проезжавшим через Любек русским посольствам, а с 1493 г. работал в России [Рааб].

ну III отправили «списки слово в слово по-гречески», тогда как для себя дипломаты «сколько уразумели, столько по-русски перевели» [ПДС. Т. I, стб. 106–107].

Можно предположить, что в первых посольствах Ивана III к Габсбургам владевшие латинским или немецким языком переводчики участия не принимали². Об этом, кроме истории с немецкой грамотой, свидетельствуют материалы посольства 1490–1491 гг.: Траханиот и его спутник Василий Кулешин, отправленные к Максимилиану с текстом союзного договора, должны были просить, чтобы габсбургский экземпляр был написан «русским письмом». Если же у римского короля не найдется соответствующего писца, можно было согласиться на немецкий или латинский текст, оговорив, что крестоцелование будет действительно, лишь если иноязычный вариант полностью соответствует русскому, поскольку проверить это на месте послы не могли («занеж мы латынские грамоты и немецкие не знаем») [ПДС. Т. I, стб. 41–42]. Неизвестно, как в итоге решили проблему: копия экземпляра от имени Максимилиана, хранящаяся в Венском архиве, написана на немецком [Lichnowsky, s. DCCLIII–DCCLV], тогда как в посольской книге на русском языке дан «список слово в слово» без упоминаний о переводе [ПДС. Т. I, стб. 65–69].

При великокняжеском дворе соответствующие переводчики, конечно, были, и, например, грамоту «латинским письмом», которую в 1490 г. привез в Москву слуга Николая Поппеля – ранее тот приезжал в Россию как посол императора Фридриха III [ПДС. Т. I, стб. 1–14], – Иван III распорядился в русском переводе отправить находившемуся в пути русскому посольству [ПДС. Т. I, стб. 57]. В то же время в 1505 г. великий князь отказался использовать латинский язык для собственных посланий Максимилиану и его сыну Филиппу несмотря на просьбу их представителя Юдока Гартингера. Из слов последнего известно, что раньше – вероятно, в 1490-х гг. – при габсбургском дворе были «некоторые разумеющие язык русской», но их «не стало» [ПДС. Т. I, стб. 130].

² Запись состоявшихся в 1493 г. переговоров с русскими дипломатами – один из самых ранних документов фонда «Россия» венского Династического, придворного и государственного архива – составлена на немецком языке (HHStA. StAbt. AV VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. A. F. 3–6v), однако неясно, когда и кем был выполнен этот перевод. Благодарю С.В. Полехова за предоставленные копии материалов из указанного фонда.

В результате в следующий приезд Гартингер сообщил, что грамоту Ивана III пришлось для перевода посылать в Венецию «к одному бискупу», и попросил проверить, соответствует ли результат оригиналу [ПДС. Т. I, стб. 144–145]³.

В 1514 г. по итогам переговоров о союзе между Василием III и ставшим уже императором Максимилианом проект договора от имени габсбургской стороны составили в великокняжеской канцелярии на немецком языке [ПДС. Т. II, стб. 1445–1448]. На нем же написаны экземпляр, утвержденный Максимилианом, и предложенный последним, но не принятый великим князем вариант с измененными условиями [Fiedler 1863, s. 244–247, 253–256]. Однако уже в 1518 г. император, принимая русское посольство, говорил на латинском языке [ПДС. Т. I, стб. 346]. На латинский также переводил в 1518–1519 гг. русский толмач слова своей стороны для приехавших в Москву итальянцев Франческо да Колло и Антонио де Конти [Francesco da Collo, p. 53, 55], а ответ на их посольство был написан в двух экземплярах – на русском и на латинском [ПДС. Т. I, стб. 382, 384; Francesco da Collo, p. 104].

Латинский язык не утратил значения и при коммуникации русской стороны с преемниками Максимилиана I – императором Карлом V и его братом, австрийским эрцгерцогом, позднее римским королем и императором Фердинандом I, а также императором Максимилианом II. По-латински произносил речь русский толмач на аудиенции у Карла V в 1525 г. [АТ. Т. 7. № 29, p. 243], и годом позже на латинский переводили в Москве Леонгарду Ногароле (Нугароле) и Сигизмунду Герберштейну слова, сопровождавшие утверждение русско-литовского договора о перемирии [Герберштейн. Т. 1, с. 590–591]. На латинском языке написаны или на него переведены сохранившиеся в Венском архиве материалы контактов второй половины 1520-х – начала 1530-х гг.⁴ [Fiedler 1858, s. 68–72, 80–93]. Известные оригиналы посланий Карла V, Фердинанда I и большинства посланий Максимилиана II Ивану IV также составлены на латыни [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 4, 12, 23, 45, 48, 53, 56, 58, 65, 79, 105].

³ В Венском архиве сохранились только оригиналы посланий Максимилиану и сокращенные латинские переводы посланий Филиппу [Picková, s. 132–133].

⁴ HHStA. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. A. F. 13–41.

С другой стороны, с 1570-х гг. габсбургская сторона начала в переписке переходить на немецкий язык. На это могут указывать русские переводы нескольких грамот Максимилиана II, где в императорской титулатуре используется фраза «всегда (по всяко время) прибавитель царствам», соответствующая немецкому *zu allen zeitten mehrer des Reichs* [Переписка. № 77, 88, 108] (*semper augustus* латинского варианта титула передавалось как «всегда счастливый» или «всегда прибавитель(ный)» [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 72, 80, 86, 91, 93, 105]). Одно немецкое послание Максимилиана II (1576) даже сохранилось, хотя и фрагментарно [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 107]. Наконец, грамоты от имени наследовавшего Максимилиану императора Рудольфа II за редкими исключениями [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 118; ПДС. Т. II, стб. 16]⁵, составлялись уже на немецком языке [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 109, 116, 117, 126–128, 130, 133, 139, 140]⁶. На нем же позднее писались грамоты брата Рудольфа, австрийского эрцгерцога Максимилиана⁷.

Все это время русские правители продолжали отправлять послания Габсбургам на русском языке⁸ [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 70, 112, 119, 123, 134, 135; Ерусалимский, Шварц. Приложение. № 1], причем со второй половины 1570-х гг. эти послания, равно как и речи русских послов, переводились на немецкий⁹. В отдельных случаях, однако, немецким языком могли воспользоваться уже в Посольском приказе. Так, сразу на двух языках – русском и немецком – написана опасная грамота Ива-

⁵ РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 20.

⁶ Там же. Д. 9–17, 21–26.

⁷ Там же. Д. 18, 19, 32.

⁸ ННStA. StAbt. AV VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. Russische Urkunden 3–12, 14–37.

⁹ Ibid. K. 1. Konv. G. F. 21–21v; K. 1. Konv. H. F. 18–22v, 24–29v, 144–146v; K. 2. Konv. 1 (A). F. 7–10; K. 2. Konv. 3 (C). F. 21–26, 33–37v; K. 2. Konv. 5 (E). F. 35–40; K. 2. Konv. 7 (G). F. 1–4v; K. 2. Konv. 10 (K). F. 7–54, 111–112v, 115–116v, 174–175v, 190–191; K. 3. Konv. 1. F. 125–130v, 133–136v, 139–142v; K. 3. Konv. 4. F. 42–59v, 66–67v, 72–84; K. 3. Konv. 5. F. 41–44v, 118–121v; K. 3. Konv. 6. F. 5–6v, 58–60v, 79–84v; K. 4. Konv. 5. F. 2–5v, 7–11, 13–15v, 31–31v, 32–34, 35, 36–38v, 41–44v, 47–48v, 107–110v, 113–115, 127–127v; K. 5. Konv. 5. F. 38–45v, 51–58v, 76–84v. Латинские переводы посланий 1560, 1575 и 1576 гг.: ННStA. StAbt. AV VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. C. F. 52–53v; K. 1. Konv. E. F. 23–27; K. 1. Konv. G. F. 5–16v. Латинский текст речи Афанасия Власьева во время посольства 1599 г.: ННStA. StAbt. AV VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 4. Konv. 5. F. 122–125.

на IV на посольство Максимилиана II [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 70]. Грамоту на немецком языке послали от имени Ивана IV императорским послам Иоганну Кобенцлю и Даниэлю Принцу (1575), причем такое письменное обращение царя к прибывшим в Россию дипломатам уже само по себе было исключением [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 99]. На немецком языке написан и оригинал послания Ивана IV Рудольфу II, отправленного с посольством Якова Молвянинова и Тишины Васильева (1582) [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 135], а более раннее русскоязычное послание, порученное Истоме Шевригину (посольство 1580–1581), было еще в России переведено на немецкий [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 134].

По сравнению с письменными документами меньше имеется свидетельств о языках, на которых во второй половине XVI – начале XVII в. проходили переговоры. Даже когда в посольских книгах упоминается присутствие толмачей, об их «языковой специализации» говорится не всегда, хотя в целом «немецкие» толмачи встречаются чаще «латинских». Кроме того, многие имена известных нам толмачей – более подробно о них будет сказано ниже – явно указывают на их немецкое происхождение. С русскими посольствами того периода отправлялись к Габсбургам в основном немецкие толмачи или переводчики, но несколько раз ездил и латинский¹⁰ [Статейный список Константина Скобельцына, с. 311; ПДС. Т. I, стб. 718, 909; Т. II, стб. 235]. Кроме того, устный перевод могла организовывать габсбургская сторона, но есть лишь одно прямое свидетельство, что этот перевод осуществлялся на русский язык [Статейный список Константина Скобельцына, с. 313; ПДС. Т. I, стб. 671–673, 676, 687, 701, 703, 944; Т. II, стб. 348].

Что касается приезжавших в Россию габсбургских представителей, то едва ли владели латинским гонцы и торговые люди, в разное время привозившие русским государям императорские послания или сообщавшие о скором прибытии большого посольства¹¹ [ПДС. Т. I, стб. 714, 1222, 1423; Т. II, стб. 1, 389, 794; Uebersberger, s. 567]. Послы Кобенцль и Принц, напротив, могли использовать как немецкий, так и латинский языки, а Принц, кроме того, и польский. В отчете послов несколько раз упоминается польский толмач [Вержбовский, с. 16–17, 27], который, вероятно, был для

¹⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 225.

¹¹ Там же. Л. 27 об., 107–107 об., 116 об. – 117, 130, 162, 232.

них основным, хотя в ходе одной из встреч с царскими приближенными разговор проходил при посредстве немецкого толмача [Вержбовский, с. 22]. Перед аудиенцией у Ивана IV дипломатов предупредили, что им следует говорить по-немецки или по-польски, но ни в коем случае не на латыни [Вержбовский, с. 55]. Определенная близость польского и русского позволяла сторонам также общаться напрямую, и на переговорах Кобенцль и Принц, согласно их отчету, отвечали отчасти через переводчиков, отчасти сами — насколько позволяли их возможности (*so vil wir genügt*) [Вержбовский, с. 44].

В сопровождении литовского толмача приехал в Россию посланник австрийского эрцгерцога Максимилиана Генрих Хойгель (1587), однако ни назначенный ему пристав, ни сам дипломат, который «по-русски... мало уме[л]», не рисковали говорить друг с другом при его посредничестве [ПДС. Т. I, стб. 965]. При общении с главами крупных посольств императора Рудольфа II к Федору Ивановичу — Никласом Варкочем (1589, 1593, 1594—1595) и Авраамом фон Дона (1597) — использовались как латинский, так и немецкий языки. Если при первом приезде Варкоча приставу, встречавшему дипломата перед Москвой, приказывалось «молвить от господаря речь толмачом неметцким или латынским, которым языком посол говорить учнет» [ПДС. Т. I, стб. 1115], то в дальнейшем для этой роли сразу предназначался «толмач латынский» [ПДС. Т. I, стб. 1258; Т. II, стб. 58, 456]. С другой стороны, на встрече перед Смоленском в 1594 г. был послан немецкий толмач [ПДС. Т. II, стб. 48], а в 1597 г. Дона передал русской стороне роспись участников посольства «немецким письмом» [ПДС. Т. II, стб. 443]. В материалах посольства 1593 г. упоминаются как латинские, так и немецкие толмачи [Sammlung... S. 150, 152, 174, 191; ПДС. Т. I, стб. 1279, 1355].

В связи с посольствами Варкоча в источниках встречаются также упоминания об использовании польского языка. В 1594 г. перед приездом на русский рубеж габсбургский дипломат посылал к смоленскому воеводе с просьбой «изготовити... толмача, чтоб ляцкому языку умел» [ПДС. Т. II, стб. 40], а в Москве он «прислал речем своим письмо неметцким писмом, а другой лист польским письмом» [ПДС. Т. II, стб. 68]. В отчете о своем первом посольстве (1589) Варкоч говорит о высказанном Борисом Годуновым желании получать зашифрованные сообщения габсбургской стороны на польском языке, поскольку царский шурин сам его

«по большей части понимает» (*weil sie selbst den mehren thail Polnisch verstehen*)¹².

Следует отметить многообразие ролей, в которых нередко выступали толмачи и переводчики в ходе дипломатических контактов¹³ — кроме непосредственно перевода они участвовали в дипломатическом церемониале и служили посредниками в коммуникации дипломатов с принимающей стороной. В России толмачей назначали встречниками¹⁴ [ПДС. Т. II, стб. 755, 792, 797] и приставами [ПДС. Т. II, стб. 374, 763, 807, 815–816] для императорских гонцов и посланников, которых они также могли провожать с подворья на аудиенцию и обратно [ПДС. Т. I, стб. 967; Т. II, стб. 397, 407]. Толмачи — правда, прежде всего для выполнения именно переводческих задач — включались в число провожавших посольство до границы [ПДС. Т. I, стб. 123, 1211; Т. II, стб. 629; Sammlung... S. 191], а при Василии III они часто приезжали на посольское подворье, чтобы передать сообщение от русского государя или получить сообщение иноземного дипломата [ПДС. Т. I, стб. 195–196, 227, 273, 278, 294, 382–383; Selbst-Biographie... S. 122; Герберштейн. Т. I, с. 542–544].

В ходе посольств к Габсбургам толмачи подносили им поминки от своего имени [АТ. Т. 9. № 252, р. 255] и получали ответное жалование [ПДС. Т. I, стб. 703–704, 828, 873; Т. II, стб. 373], а иногда и удостоивались чести поцеловать руку императору или австрийскому эрцгерцогу [ПДС. Т. I, стб. 946; Т. II, стб. 333, 740]. В 1595 г. посольский переводчик участвовал в церемониальных встречах, которые русские дипломаты устраивали приходившим к ним императорскому послу Варкочу в Смоленске и испанскому послу в Праге [ПДС. Т. II, стб. 247, 348]. В небольших посольствах (1575, 1580–1581, 1582–1583, 1584) толмач порой оказывался единственным человеком, которого русские гонцы или посланники могли послать для взаимодействия с габсбургской стороной, например, чтобы сообщить о своем приезде, узнать о возможности получить подводы или попасть на аудиенцию к императору¹⁵ [ПДС. Т. I,

¹² ННStA. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 3. Konv. 1. F. 55.

¹³ Обзор основных направлений деятельности переводчиков Посольского приказа на материалах XVII в. см.: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, 2021, с. 19–28].

¹⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 164 об.

¹⁵ Там же. Л. 227.

стб. 824, 865, 872–873, 935–936]. Наконец, толмачи могли сами выступать в роли гонцов, хотя именно в отношениях московских правителей с Габсбургами такая служба им выпадала нечасто [Опись архива Посольского приказа 1614 г., с. 113; ПДС. Т. II, стб. 638, 714; Лисейцев, с. 359].

Поскольку выполнение названных выше функций в большинстве случаев требовало умения понимать язык противоположной стороны, переводческая, организационная и церемониальная роли оказывались в случае толмачей тесно переплетены. При этом именно об осуществлении перевода в конкретных ситуациях в русских источниках напрямую говорится достаточно скупое, а для периода до 1570-х гг. и вовсе почти не говорится¹⁶. В статейных списках мы наблюдаем сопровождавших посольство толмачей за работой лишь тогда, когда те переводят для царских дипломатов ответные габсбургские грамоты, в которых обнаруживаются проблемы с титулом русского государя [Статьейный список Константина Скобельцына, с. 313; ПДС. Т. I, стб. 682, 702; Т. II, стб. 715]. Напротив, бывавшие в России иностранные дипломаты присутствие толмачей и их участие в коммуникации сторон, как правило, отмечают. Весьма часто об этом упоминают да Колло [Francesco da Collo, p. 53, 55–57, 65–66, 70, 72, 83, 87, 102], Герберштейн [Selbst-Biographie... S. 122, 124–125; Герберштейн. Т. 1, с. 524–525, 542–545, 550, 552–558, 590–591, 624–625] и один из участников посольства Варкоча 1593 г. [Sammlung... S. 152–153, 157, 159, 160–161, 164, 172, 174–177, 191], несколько реже – Кобенцль и Принц [Вержбовский, с. 15–17, 22, 24, 27, 35–36], Михаэль Шиле (1598) [Sammlung... S. 427–432, 435, 437], Генрих фон Логау (1604)¹⁷. С другой стороны, как будто «не замечают» толмачей в своих отчетах Иероним Гофман (1560)¹⁸, Варкоч (1589, 1594)¹⁹ и Дона (1597)²⁰.

Не представляется удивительным, что в русских источниках, не заостряющих внимание на толмачах и переводчиках, несмотря на их неизменное присутствие и, по сути, незаменимость в ходе обще-

¹⁶ Среди немногих исключений в материалах раннего периода см.: [ПДС. Т. I, стб. 345, 349].

¹⁷ HHStA. StAbt. AV VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 4. Konv. 5. F. 104, 106v, 113v, 114v, 116.

¹⁸ Ibid. K. 1. Konv. C. F. 55–62.

¹⁹ Ibid. K. 3. Konv. 1. F. 34–66v; Konv. 5. F. 9–40.

²⁰ Ibid. K. 4. Konv. 2. F. 2–7v.

ния сторон, далеко не всегда называются имена этих людей. В на-казах служилым людям, встречавшим габсбургских представителей в конце XVI – начале XVII в., употребляются фразы вроде «молити речь толмачом», но кто именно выступал в этой роли, не говорится [ПДС. Т. I, стб. 1105, 1115; Т. II, стб. 48, 58, 64, 395, 429–430, 468, 494, 581, 762, 767, 815, 842, 864]. В то же время именно с русской стороны определенный, пусть и очевидно неполный круг толмачей и переводчиков, в разные периоды участвовавших в контактах с Габсбургами, выделить удается²¹.

При Иване III некий «Селя толмач» в качестве пристава сопровождал Гартингера, посла Максимилиана I, на пути от Москвы до Ивангорода в 1504 г. [ПДС. Т. I, стб. 123], а в следующем году оставившийся в Нарве дипломат попросил прислать к нему Дмитрия Щербатого (Щербача): «Дмитрий языку нашему умеет и меня знает» [ПДС. Т. I, стб. 125–126]. А.В. Циммерлинг [Циммерлинг, с. 351–355] отождествляет его с Дмитрием Герасимовым (Митей Малым) – книжником, переводчиком с латинского и немецкого, участником многочисленных дипломатических миссий [Боднарчук]. С ответами на привезенные Гартингером послания Максимилиана и его сына Филиппа великий князь отправил в Ивангород «Власа толмача» [ПДС. Т. I, стб. 131–132], который вместе с Дмитрием должен был встретиться с габсбургским представителем. Судя по сохранившимся источникам, в последующих связях с Габсбургами Герасимов активного участия не принимал, хотя беседовавший с ним в Риме в 1525 г. гуманист Павел Йовий упоминает о его недавней поездке к императору [Россия в первой половине... с. 230, 258]. В 1526 г. Герасимов встречался с приехавшим в Москву Герберштейном [Герберштейн. Т. 1, с. 516–517].

В правление Василия III в материалах отношений с Максимилианом I и его потомками регулярно упоминаются другие толмачи – Влас (Власий) Игнатов (Игнатъев) и Григорий Истома Малый²². Влас Игнатъев – он же упомянутый выше «Влас толмач» имперских посольских книг – владел латинским и немецким

²¹ Попытку охарактеризовать штат толмачей и переводчиков Посольского приказа середины XVI – начала XVII в. см.: [Ерусалимский, 2022].

²² В дневнике да Колло один раз вместе с Истомой переводчиком назван также некий Владимир (*Valodimera e Isthoma interpreti*) [Francesco da Collo, p. 55, 72]. Неясно, действительно ли речь идет о переводчике, которого пока не представляется возможным идентифицировать, или в тексте ошибка (множественное число вместо единственного), и имеется в виду дьяк Владимир Племянников.

языками, выполнял различные дипломатические поручения, принимал участие в переводах духовной литературы [Турилов]. После первого появления в источниках по связям с Габсбургами он взаимодействовал с Герберштейном во время пребывания последнего в России в 1517 г., приезжая на подворье с сообщениями от великого князя и переводя по крайней мере на одной из аудиенций [ПДС. Т. I, стб. 195–197], а также участвовал во встрече посольства да Колло и де Конти перед въездом в Москву в 1519 г. [Francesco da Collo, p. 55]. Принимал Влас участие и в русских посольствах к императору Карлу V и его брату, австрийскому эрцгерцогу Фердинанду, по крайней мере в 1524–1525 и 1526–1527 (возможно, также в 1522–1523) гг. [Россия в первой половине... с. 206; Полехов, Шишкин, с. 1028, 1030] Помимо своих непосредственных задач, толмачу случалось и удовлетворять любопытство габсбургской стороны: в 1525 г. он был посредником в беседе русских дипломатов с гуманистом и советником Фердинанда Габсбурга Иоганном Фабри, который на основе полученных сведений написал трактат «Религия московитов» [Россия в первой половине... с. 135–140], а в 1526 г. встречался с повторно приехавшим в Москву Герберштейном, сообщив ему сведения о своем пути в Данию вокруг Скандинавии [Герберштейн. Т. 1, с. 514–515].

В отличие от Власа, о книжной деятельности Истома («толмач Истома Малой» посольской книги) свидетельств нет, однако он тоже владел латинским и немецким языками и был участником многих русских посольств [Хорошкевич]. В одной из описей архива Посольского приказа упоминается о его поездке гонцом к императору Максимилиану I в 7023 (1514/15) г. [Опись архива Посольского приказа 1614 г., с. 113], в 1517–1518 гг. он сопровождал в Империю дьяка Владимира Племянникова [ПДС. Т. I, стб. 315, 345, 348–349] и должен был ехать туда же с дьяком Семеном Борисовым в 1519 г. (посольство не состоялось из-за смерти Максимилиана) [ПДС. Т. I, стб. 470–471]. Что касается приезжавших к Василию III императорских посольств, то Истома наряду с Власом взаимодействовал с Герберштейном в 1517 г. [ПДС. Т. I, стб. 273, 278, 294; Герберштейн. Т. 1, с. 524] и был, по-видимому, основным толмачом во время пребывания в Москве да Колло и де Конти [Francesco da Collo, p. 55–56, 72, 102; ПДС. Т. I, стб. 382–383, 397, 427, 435, 448]. С его слов Герберштейн записал информацию о маршруте в Данию по Северному морскому пути, отличном от того, которым следовал Влас [Герберштейн. Т. 1, с. 508–509].

С 1570-х гг., когда после нескольких десятилетий затишья между московскими государями и Габсбургами возобновился активный обмен посольствами, мы встречаем среди упомянутых в материалах этих посольств толмачей и переводчиков почти исключительно иноземцев²³. Насколько позволяют судить переименованные на русский лад имена из посольских книг, большинство из них были немцами. В 1573–1574 г. Константина Скобельцына, посланного Иваном IV к императору Максимилиану II, сопровождал Каспар Хепер («Кашпир толмач», Каспер (Кашпир) Иванов, Кашпир Гетчар) [Статейный список Константина Скобельцына, с. 311]. Хепер был родом из Виттенберга и упоминается на царской службе с 1567 г. Кроме участия в посольстве Скобельцына, Хепер ездил в Империю самостоятельно в 1576 г. с грамотой Ивана IV к Максимилиану II и вернулся в начале 1577 г. с ответным посланием Рудольфа II [Ерусалимский, Шварц, 2018, с. 74; Дипломатическая переписка... Разд. I. № 89, 106, 109, 115; ПДС. Т. II, стб. 638, 714]. Неясно, были ли ему сыном Ермолай (Ермола) Кашпиров, в 1574–1575 гг. встречавший перед Москвой императорских гонцов и переводивший для них на разбирательстве по поводу неподобающего поведения Скобельцына в Империи²⁴. В следующем году он был толмачом на одной из аудиенций императорских послов Кобенцля и Принца у Ивана IV [ПДС. Т. I, стб. 543].

Весьма насыщенной была деятельность толмача и переводчика Федора (Федки) Филиппова – перешедшего на русскую службу ливонского уроженца, настоящее имя которого было Вильгельм Поплер [Ерусалимский, Шварц, 2018, с. 77–78]. По свидетельству познакомившегося с ним Антонио Поссевино, он был сначала католиком, потом лютеранином и, наконец, перешел в православие [Bathory et Possevino, p. 69]. В начале 1575 г. Федор вместе с гонцом Никоном Ушаковым отправился к императору Максимилиану II²⁵, но по дороге участников посольства захватили шведы; Ушаков, вероятно, погиб в плену, а толмач в результате протестов царя в 1576 г. вернулся в Россию [Ерусалимский, Шварц, 2018, с. 78]. В 1577–1578 гг. он сопровождал к императору Рудольфу II послан-

²³ В имперской посольской книге в описании первой аудиенции Варкоча у Федора Ивановича в 1589 г. упоминается «толмач князь Иван Оболенской» [ПДС. Т. I, стб. 1139] – уникальный для своего времени пример титулованного толмача [Ерусалимский, 2022, абз. 20].

²⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 164 об., 184 об. – 185.

²⁵ Там же. Л. 225.

ника Ждана Квашнина [ПДС. Т. I, стб. 718], а в 1580–1581 гг. — гонца Истому Шевригина, ездившего в Империю и Рим [Bathory et Possevino, p. 68]. В материалах последнего из названных посольств в имперской посольской книге Федор Филиппов не упоминается, но по другим источникам известно о ссоре Федора с нанятым Шевригиным для перевода с итальянского миланским купцом Франческо Паллавичино, который был тяжело ранен и в итоге умер [ПДС. Т. X, стб. 320, 334–335; Bathory et Possevino, p. 74–75; Поссевино, с. 57].

О многих толмачах и переводчиках имеются лишь единичные упоминания. Таковы «переводчик латынской Бартуш Петров», который перевел одну из грамот Максимилиана II Ивану IV [Дипломатическая переписка... Разд. I. № 91]; толмач Петр, который участвовал только в одном посольстве Ивана IV к Максимилиану II 1576 г., возглавленном Сугорским и Арцыбашевым [ПДС. Т. I, стб. 682, 702–704]; «толмач из Ругодива» (Нарвы) Индрик Грим, которого местные воеводы должны были отпустить вместе с Шевригиным к датскому королю Фредерику II и к Рудольфу II в 1580 г. [ПДС. Т. I, стб. 813–817].

Напротив, с начала 1580-х гг. в материалах контактов с Габсбургами регулярно фигурирует в качестве латинского толмача или переводчика поляк Яков Заборовский (Якуб Заборович). В 1582–1583 гг. он участвовал в посольстве Молвянинова и Васильева в Империю и Рим [ПДС. Т. I, стб. 865–866, 870, 872–873, 886] (в имперской посольской книге о нем говорится как о «толмаче Якове», но в других документах называется полное имя [Ерусалимский, 2021, с. 57]), в 1584 г. сопровождал ездившего от Федора Ивановича к Рудольфу II Лукьяна Новосильцева [ПДС. Т. I, стб. 909, 935–936, 946], а в 1599–1600 гг. — посланника Бориса Годунова к императору Афанасия Власьева [ПДС. Т. II, стб. 715–716]. Во время пребывания в России имперских посольств Заборовский переводил на встречах Никласа Варкоча с Борисом Годуновым и Андреем Щелкаловым в 1593 г. [ПДС. Т. I, стб. 1278–1279, 1355; Sammlung... S. 164] и на встрече Авраама фон Доны с Василием Щелкаловым в 1597 г. [ПДС. Т. II, стб. 523], а также сопровождал от подворья до Посольского приказа приезжавшего перед Доной императорского гонца Лукаса Паули [ПДС. Т. II, стб. 407]. Вероятно, знание Заборовским польского языка определило его назначение приставом к «цесареву человеку» Яну Прочинскому, приезжавшему в Москву в конце 1595 — начале 1596 г. [ПДС. Т. II, стб. 374]. Во время повторного

приезда Прочинского (1597) Заборовский участвовал в распросах гонца, забирал и переводил привезенные им послания [ПДС. Т. II, стб. 546]. Именно Заборовского, по свидетельству Варкоча, Годунов в 1589 г. хотел назначить переводчиком для переписки на польском языке с габсбургской стороной²⁶.

В 1588 г. с приехавшим к Федору Ивановичу от австрийского эрцгерцога Максимилиана посланником Генрихом Хойгелем взаимодействовал толмач Олфер (Олферий) Северов [ПДС. Т. I, стб. 974], который позднее, в 1601 г., был приставлен к императорскому посланнику Михаэлю Шиле [ПДС. Т. II, стб. 767]. Необходимо отметить, что на русской посольской службе Северов – уроженец Немецкой слободы в Москве, происходивший из семьи ливонских немцев – был в первую очередь переводчиком шведского языка и в годы Смуты даже перешел на шведскую службу [Селин, 2019; Беляков и др., с. 175]. В несостоявшемся посольстве 1588 г. к Рудольфу II должен был принимать участие толмач Юшка Вицентов [ПДС. Т. I, стб. 1004], а в 1589 г. в число сопровождающих имперского посла Никласа Варкоча по дороге от Москвы до «нового Колмогорского города» был назначен толмач Юшко Юрьев [ПДС. Т. I, стб. 1211, 1214–1215]. Последний, очевидно, одно и то же лицо [Ерусалимский, 2022, абз. 44] с Юрием Юрьевым, который участвовал во встрече посольства Варкоча на смоленском рубеже в 1594 г. [ПДС. Т. II, стб. 43, 48]. Еще один Юрий, Андреев, должен был находиться на подворье у приехавшего с посланием императора гонца Станислава Хлопицкого (1594) [ПДС. Т. II, стб. 3]. К сожалению, недостаток сведений не позволяет с уверенностью отождествить кого-то из них с одноименными толмачами, упомянутыми в дневнике Стефана Гейса, участника более раннего (1593) посольства Варкоча, – Георгом Мейнертсом (Georg Meinerts) и Юрием фон Ольном (Jory von Ohln) [Sammlung... S. 152, 191]. Напротив, не названный Гейсом по имени польский толмач, знавший латинский язык [Sammlung ... S. 152], – это определенно Яков Заборовский.

«Немчин» Анца (Иван, Иванко) Андреев (Ганс Англер (Англяр)), отпущенный вместе с возвращавшимся из России Варкочем к Рудольфу II (1593) и вернувшийся с императорскими грамотами [ПДС. Т. I, стб. 1415–1418; Т. II, стб. 32, 35], в качестве «немецкого толмача и переводчика» участвовал в единственном крупном

²⁶ HHStA. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 3. Konv. 1. F. 55.

посольстве Федора Ивановича к императору (1595) [ПДС. Т. II, стб. 235–236]. Позднее он сопровождал в Москве императорского гонца Лукаса Паули на царскую аудиенцию (1597) [ПДС. Т. II, стб. 397] и был приставом у другого гонца, Бальтазара Мерле (1604) [ПДС. Т. II, стб. 797, 807, 815–816, 820]. Последней службой Англера стала поездка к императору с грамотой (1604–1605): на обратном пути он был задержан шведами и скончался в плену [Лисейцев, с. 51, 328, 358–359; Беляков и др., с. 44].

Другими «немецкими толмачами», появляющимися в источниках в конце XVI – начале XVII в., являются Роман Бекман и Григорий (Гриша) Крокольский. В 1597 г. они участвовали во встрече императорского посла Доны в Пскове и были среди провожавших его до Смоленска на обратном пути [ПДС. Т. II, стб. 435, 629]. Роман Бекман упоминается в качестве не только толмача, но и переводчика – в сообщении о переведенных им списках привезенных даров и участников посольства Доны [ПДС. Т. II, стб. 449]. Скорее всего, он также был основным толмачом при гонце Шиле, который побывал в Москве в 1598 г. и в отчете писал о «немецком толмаче Рейхарде Бекманне» (*teutscher tolmetzsch Reichardt Beckmann*) [Sammlung... S. 427, 430–432]²⁷. Участвовал Бекман и в зарубежных дипломатических миссиях, но не на габсбургском направлении – в 1580-е гг. он несколько раз ездил в Англию в качестве толмача и гонца [СИРИО. Т. 38. Указатели, с. II] и один раз был послан в Любек для найма различных специалистов (1600–1601) [Бантыш-Каменский. Ч. 2, с. 191]. Крокольского, который был в первую очередь толмачом на шведском направлении [Селин, 2021, с. 158–159; Ерусалимский, 2022, абз. 20], мы находим также в материалах 1601 г., где он вместе с приставом встречал посланника Шиле в Ивангороде и расспрашивал его [ПДС. Т. II, стб. 755–756]. В последних контактах царя Бориса Годунова с Габсбургами участвовал толмач Гаврило Бекетов²⁸, в 1604 г. встречавший и расспрашивавший гонца Мерле в Ивангороде [ПДС. Т. II, стб. 792–793]. Позднее

²⁷ Другой немецкий толмач, Адольф Заттлер (Adolf Sattler), упомянутый Шиле лишь однажды [Sammlung... S. 428], по русским источникам не прослеживается.

²⁸ Основной «специализацией» Бекетова, долгое время находившегося в шведском плену и впоследствии жившего в Ивангороде, был шведский язык [Селин, 2021, с. 159–160]. Будучи одним из толмачей на переговорах со шведами в Тязино (1594–1595), он встречался с членами свиты Эренфрида фон Минквица, присланного в качестве посредника императором Рудольфом II [Uebersberger, S. 560–561] (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 148 об. – 150).

ивангородские воеводы должны были его послать вдогонку движущемуся в Москву посольству Генриха фон Логау, пристав которого остался без толмача [ПДС. Т. II, стб. 888].

Иностранцы оставили немногочисленные свидетельства о качестве и способах работы русских толмачей. Итало-испанский гуманист Пьетро Мартире (Педро Мартир), находившийся на службе у императора Карла V, иронично охарактеризовал латинский перевод послания Василия III последнему (1522) – очевидно, зачитанный вслух во время аудиенции – как «хорошо отделанную» (*culta*), но «не цicerоновскую» (*non est Ciceroniana*) речь [Алексеев, с. 55–56; Лобин, с. 133]. Ян Дантышек, польский представитель при дворе Карла V, сообщал в письме королю, что в 1525 г. на аудиенции у императора переводчик (не названный по имени Влас Игнатьев) говорил на латыни, которую никто не понял (*locutus... est eorum interpres latinum, quod nemo intellexit*), и посольству пришлось передать порученное им сообщение в письменном виде [АТ. Т. 7. № 29, р. 243]. Гуманист и советник австрийского эрцгерцога Фердинанда Иоганн Фабри, встречавшийся с Власом в Тюбингене в том же году, охарактеризовал его знания немецкого и латыни как «посредственные» (*Germanice et Latine mediocriter callebat*) [Россия в первой половине... с. 145, 174].

В составленном Иоганном Кобенцлем и Даниэлем Принцем отчете об их посольстве в Россию 1575–1576 гг. отмечено, что толмачи русской стороны были людьми «неумелыми и непригодными» (*ungeschickht und untauglich*) [Вержбовский, с. 36], причем лучшими из них были польские, тогда как немецкие – плохи, а латинские – еще хуже [Вержбовский, с. 55]. Несколько лет спустя Кобенцль в контексте описания царских жестокостей рассказывал Поссевино о происшествии, случившемся на аудиенции у Ивана IV: кто-то (*uno Moscovito o altro interprete*) обратил внимание, что переводивший слова посла толмач плохо выполняет работу (*non interpretava bene*), и царь приказал его удалить; больше дипломат толмача не видел, предположив, что его казнили [Bathory et Possevino, р. 71]. Что же касается манеры устного перевода, то Герберштейн и Кобенцль сообщают о его буквальности (*de verbo ad verbum*) [Герберштейн. Т. 1, с. 550, 553, 590–591; Sammlung... S. 20], а первый, кроме того, говорит о переводе после каждых двух-трех слов [Герберштейн. Т. 1, с. 550, 553].

С габсбургской стороны к контактам с московскими государями по возможности привлекали людей, так или иначе знакомых с сла-

вянскими языками. Поиск подходящих кандидатов облегчался тем, что под властью Габсбургов находились земли, населенные славянскими народами — словенцами в их наследственных австрийских владениях, а после 1526 г. также чехами, поляками, словаками и хорватами из земель Чешской и Венгерской короны. Явно славянские имена носят два упомянутых в русских статейных списках толмача габсбургской стороны — Михаил Чернович (1574) [Статьейный список Константина Скобельцына, с. 313] и Ян Попел (1595, выступал также в роли пристава) [ПДС. Т. II, стб. 346, 351]. Выше уже говорилось о фон Турне, сыне наместника Гориции — территории, часть населения которой составляли словенцы. Он мог быть знаком со словенским языком [Корти, с. 151–152]. Самым известным примером является Сигизмунд Герберштейн, происходивший из населенной в основном словенцами Крайны и с детства владевший не только немецким, но и словенским языком²⁹ [Герберштейн. Т. 2, с. 51–56]. Хотя эти познания наверняка служили ему подспорьем во время поездок в Россию в 1517 и 1526 г., а также при взаимодействии с русскими посольствами к Габсбургам [ПДС. Т. I, стб. 344, 347, 352, 356; *Selbst-Biographie...* S. 279, 282], на переговорах без толмачей он обойтись не мог. В немецком варианте «Записок о Московии» Герберштейн даже привел свой разговор с Василием III в 1526 г.: на вопрос, понимает ли он по-русски, дипломат ответил: «понимаю отчасти, но не все» (*ich verstuendts zum thail, doch nit alles*) [Герберштейн. Т. 2, с. 590–591].

Знание польского языка должно было сыграть роль в назначении посланником к Ивану IV Иеронима Гофмана в 1560 г. В то же время в инструкции Гофману предусматривается возможность, если польского окажется недостаточно, нанять переводчика на границе с Россией [Посольство И. Гофмана... с. 133]. К сожалению, в отчете о посольстве ничего не говорится о том, на каком языке проходили переговоры, понадобился ли посланнику переводчик, и если да, то нанял ли его Гофман сам или пользовался услугами человека, предоставленного русской стороной.

²⁹ Еще до Герберштейна в Москву в качестве представителей Максимилиана I приезжали другие выходцы из Крайны — отец и сын Георг и Никлас Шнитценпаумеры (в 1514 и 1515 гг. соответственно), по-видимому, также знавшие словенский [Войсов, с. 407–417]. Впоследствии, в 1528 и 1529–1530 гг., эрцгерцог Фердинанд отправлял в качестве посла к Василию III хорвата Стефана Клиничича [Полевых, Шишкин, с. 1031, 1036].

Иоганн Кобенцль, возглавивший посольство Максимилиана II к Ивану IV (1575–1576), был выбран для этой миссии благодаря знанию словенского языка [Uebersberger, S. 439], тогда как сопровождавший Кобенцля Даниэль Принц был родом из Силезии [Uebersberger, S. 440] и достаточно свободно владел польским языком. Перед въездом в Россию он диктовал на польском языке своему толмачу послание смоленскому воеводе, впоследствии писал на этом же языке записку главе Посольского приказа (*Canzler*) и подготовил письменный перевод на польский немецкой речи, произнесенной на аудиенции у царя [Вержбовский, с. 15, 27, 55]. Вероятно, в результате этой поездки Принц приобрел репутацию эксперта по русским делам и впоследствии принимал активное участие во взаимодействии с приезжавшими к Максимилиану II и его преемнику Рудольфу II русскими дипломатами: Сугорским и Арцыбашевым (1576), Квашниным (1577–1578), Молвяниновым и Васильевым (1582), Новосильцевым (1584–1585), Вельяминовым и Власьевым (1595) [ПДС. Т. I, стб. 670–705, 754–760, 868–874, 936–947; ПДС. Т. II, стб. 330–355]. Для Квашнина, Молвянинова и Васильева, Новосильцева он выступал в роли пристава, а в статейных списках посольств 1576, 1585 и 1595 гг. прямо говорится о его деятельности как устного переводчика на встречах с императорскими приближенными, аудиенциях у императора и даже при разговоре с испанским послом в Праге [ПДС. Т. I, стб. 671–673, 676, 684, 687, 701, 703, 944; Т. II, стб. 348]. Более того, Новосильцев отметил, что Принц «учал сказывать цесарское слово по-русски» [ПДС. Т. I, стб. 944], хотя неясно, действительно ли это был «московский» русский язык.

С большой долей вероятности владел польским Никлас Варкоч – силезский дворянин, до своей первой поездки в Москву в 1589 г. действовавший в качестве агента австрийского эрцгерцога Максимилиана в Речи Посполитой [Uebersberger, s. 535]. Выше приводились свидетельства источников о посольствах Варкоча к Федору Ивановичу, где упоминается польский язык.

Для рубежа XVI–XVII вв. имеются сведения о толмаческой деятельности «цесарского немчина» Лукаса Паули³⁰, некоторое время жившего в России и выполнявшего поручения как русской, так

³⁰ О Лукасе Паули и его отце Магнусе Паулюсе, также не один раз принимавшем участие в контактах русских государей с Габсбургами, см.: [Ерусалимский, 2022, абз. 43]

и габсбургской стороны [ПДС. Т. I, стб. 924, 1049, 1101, 1370–1371; Т. II, стб. 108, 389, 474–475, 515, 520–521, 716, 804, 884]. Во время пребывания в габсбургских владениях посольства Бориса Годунова в 1599 г. он не только был приставом у царского представителя Афанасия Власьева [ПДС. Т. II, стб. 726, 728, 731, 737], но и «толмачил» на аудиенции у австрийского эрцгерцога Максимилиана [ПДС. Т. II, с. 739]. В 1604 г. Паули выполнял роль толмача у отправленного Рудольфом II к Борису Годунову посла Логау, но в предоставленной русской стороне росписи участников посольства он был «дан в дворянех цесаревых», и потому, вероятно, русский пристав, сопровождавший Логау по дороге в Москву, сообщал, что «у посла... у цесарева толмача... нет». Более того, пристав, с которым не было царского толмача, жаловался на поведение Паули: «он мне от посла говорит, а что послу велю говорить, и он от меня послу не говорит, а сказывает послу от меня редкое слово» [ПДС. Т. II, стб. 884–885]. Писать по-русски Паули, по всей видимости, не умел, потому что по результатам одной из своих поездок к императору от Федора Ивановича он представил в Посольский приказ отчет «немецким письмом» [ПДС. Т. I, стб. 1124].

Потребность в осуществлении устного и письменного перевода была неотъемлемой составляющей дипломатических контактов между московскими государями и представителями династии Габсбургов. Сторонам приходилось привлекать для осуществления этих контактов людей, знакомых с различными языками – латинским, немецким, русским, польским, словенским, итальянским. Доля каждого из названных языков, за исключением русского, со временем менялась. Итальянским пользовались знавшие его Юрий Траханиот и Георг фон Турн, а словенский мог быть подспорьем владевшим им Сигизмунду Герберштейну, Иоганну Кобенцлю и, вероятно, фон Турну. Прямые указания на употребление польского появляются лишь со второй половины 1570-х гг., тогда как немецкий со временем потеснил, хотя и не заменил полностью латинский. В письменной коммуникации каждая из сторон предпочитала составлять документы на привычном для себя языке, однако русские грамоты могли в редких случаях сразу переводиться на латинский или немецкий, а габсбургские дипломаты второй половины XVI в. порой писали на польском.

На протяжении всего рассмотренного периода Габсбурги привлекали к осуществлению контактов с московскими правителями людей, в той или иной степени владевших славянскими языками.

Напротив, русская сторона, если не считать первых посольств³¹, предпочитала полагаться на латинских, немецких и польских толмачей (с конца XVI в. некоторые из них, занимавшиеся не только к устным, но и письменным переводом, обозначались также как переводчики). Поначалу это были, по всей видимости, преимущественно или даже исключительно русские люди, тогда как со времени Ивана IV их сменяют иноземцы, в основном немецкого происхождения. Можно назвать целый ряд имен тех, кто участвовал в контактах с Габсбургами особенно часто: Влас Игнатъев и Истома Малый, Федор Филиппов (Вильгельм Поплер) и Яков Заборовский, в меньшей степени – Ганс Англер. Непосредственная переводческая деятельность толмачей, в отличие от их участия в церемониальных и организационных аспектах дипломатических связей, в сохранившихся русских источниках, особенно ранних, остается как бы в тени, тогда как многие габсбургские представители о взаимодействии с толмачами упоминают. Немногочисленные известные оценки качества работы русских толмачей достаточно негативны.

В тех случаях, когда сторонам было важно достичь взаимопонимания, они были готовы воспользоваться любыми доступными средствами – об этом свидетельствуют разнообразие языков, употреблявшихся в устной и письменной коммуникации, использование при необходимости чужого языка для письменных документов, выбор в качестве дипломатических представителей людей, способных объяснить в чужой стране не только при помощи толмачей, но и самостоятельно. В то же время московские правители и Габсбурги придерживались разных стратегий при организации диалога друг с другом: первые были вынуждены в значительно большей степени полагаться на служивших им толмачей и переводчиков, которые со времени правления Ивана IV были почти исключительно иноземного происхождения, тогда как вторые, зачастую довольствуясь посредничеством толмачей русской стороны, стремились дополнительно обеспечить успех переговоров, привлекая для их проведения владевших славянскими языками

³¹ Исследователи полагают, что польский, латинский и, возможно, немецкий языки в разной степени знал Афанасий Власъев [Лисейцев, с. 57, 71; Ерусалимский, 2022, абз. 4, 8], ездивший к Рудольфу II в 1595 (вместе с М.И. Вельяминовым) и 1599–1600 гг. [ПДС. Т. II, стб. 202, 656], но прямых свидетельств об использовании им этих языков во время посольств нет.

подданных. Лишь в конце правления Ивана III и при Василии III мы видим на службе у великого князя небольшую группу достаточно образованных для России того времени толмачей, которые, однако, действовали на вспомогательных ролях и важных миссий не возглавляли. Разница в выучке людей, назначавшихся на дипломатическую службу Габсбургами и русскими государями, могла сказываться как на их взаимодействии, так и на взаимном восприятии — знавшие несколько языков, включая общую для Европы латынь, габсбургские подданные вполне могли оценивать уровень великокняжеских и царских толмачей с позиций общего превосходства своей культуры. Именно поэтому более полную и объективную картину того, как осуществление устного и письменного перевода сказывалось на взаимо(не)понимании сторон, может дать лишь последовательное сопоставление сохранившихся разноязычных версий грамот и записей устных выступлений, что требует уже отдельного исследования.

Литература

- Алексеев М.П.* Московский подьячий Яков Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // *Алексеев М.П.* Сравнительное литературоведение. М., 1983. С. 49–57.
- Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1–4. М., 1894–1902.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Боднарчук Е.В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.
- Буланин Д.М.* Траханиот Юрий Дмитриевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л. 1989. С. 437–438.
- Вержбовский Ф.Ф.* Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. IV. Донесение Иоанна Кобенцля о Московии от 1576 года. Варшава, 1901.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1–2. М., 2008.
- Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы. М., 2023.
- Ерусалимский К.Ю.* Переводчики Посольского приказа на польско-литовском направлении в XVI – начале XVII в.: к вопросу о персональном составе штата и сферах деятельности // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы международной научной конференции. Вып. 2. М., 2021. С. 53–58.
- Ерусалимский К.Ю.* Толмачи и переводчики Посольского приказа во второй половине XVI в.: круг обязанностей, персональный состав и дипломатические направления // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. Вып. 8(118) [Электрон-

- ный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840022599-7-1> (дата обращения: 23.02.2025). DOI: 10.18254/S207987840022599-7
- Ерусалимский К.Ю., Шварц И.* Миссия Ждана Квашнина в Священной Римской империи: К истории российско-имперских отношений XVI века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 1(23). С. 71–104.
- Корти М.* Делатор или фон Турн? // *Клио*. 2017. № 4(124). С. 150–156.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Лобин А.Н.* Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 130–141.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. Т. I. СПб., 1851; Т. II. СПб., 1852; Т. X. СПб., 1871.
- Опись архива Посольского приказа 1614 года // *Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года* / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 45–137.
- Полехов С., Шишкин В.* Контакты Московского государства с Габсбургами в последние годы правления Василия Третьего // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 3. С. 1023–1046.
- Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1599–1560 гг. // *Исторический архив*. 1997. № 6. С. 133–140.
- Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
- Рааб Г.* Новые сведения о печатнике Варфоломее Готане // *Международные связи России до XVII в.* / под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 339–351.
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / ред. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38. СПб., 1883.
- Селин А.А.* Олфер Северов: Переводчик новгородского разряда в 1611–1617 гг. // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVII столетия: материалы международной научной конференции*. Вып. 1. М., 2019. С. 128–134.
- Селин А.А.* «...Стояли на ругодивской стороне и говорили с ними через реку». Тявзинские толмачи и переводчики 1592–1593 гг. // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы международной научной конференции*. Вып. 2. М., 2021. С. 156–162.
- Статейный список Константина Скобельцына (1573–1574 гг.) // *Археографический ежегодник за 1979 г.* М., 1981.
- Турилов А.А.* Власий // *Православная энциклопедия*. Т. IX. М., 2005. С. 107–108.
- Хорошкевич А.Л.* Истома Григорий Малый // *Большая российская энциклопедия*. Т. 12. М., 2008. С. 100.
- Циммерлинг А.В.* Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты Ивана III // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. 2020. № 1(23). С. 326–373.
- Acta Tomiciana: Epistolarum, legationum, responsorum, actionum et rerum gestarum: Serenissimi principis Sigismundi Primi, Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae / per Stanislaum Górski canonicum cracoviensem et plocensem collectarum*. Т. 7: А. D. MDXXIV–MDXXV. [Posnaniae], [1860]; Т. 9: А. D. MDXXVII. Posnaniae, 1876.
- Bathory et Possevino: Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves, publié et annotés par le P. Pierling, S.J.* Paris, 1887.

- Bojcov M.A.* Afanasij Kuricyn schreibt dem Kanzler von Tirol // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2024. Bd. 72. H. 3. S. 427–428.
- Fiedler J.* Aktenstücke zu Siegmund's Freiherr von Herberstein zweiter Mission nach Russland. 1525–1526 // Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte. Bd. 2. Wien, 1858. S. 63–93.
- Fiedler J.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilji Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514 // Sitzungsberichte der philosophisch-historische Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 43. Wien, 1863. S. 183–289.
- Francesco da Collo.* Relazione del viaggio e dell'ambasciata in Moscovia. 1518–1519 / a cura di Giampaolo Zagonel. Vittorio Veneto, 2005.
- Lehmann Ch.* Chronica der Freyen Reichs Statt Speyr. Erste Aufgabe. Rosen; Frankfurt am Main, 1612.
- Lichnowsky E.M.* Geschichte des Hauses Habsburg. Bd. 8. Kaiser Friedrich III. und sein Sohn Maximilian 1477–1493. Wien, 1844.
- Picková D.* Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku: příspěvek k dějinám rusko-habsburských vztahů na přelomu 15. a 16. století. Praha, 2002.
- Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 1 / hg. von B. von Wichmann. Berlin, 1820.
- Selbst-Biographie Siegmunds Freiherrn von Herberstein 1486–1553 / hrsg. von Th. G. von Karajan // Fontes rerum Austriacarum. Abt. 1. Wien, 1855. Bd. 2. S. 67–396.
- Uebersberger H.* Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. I. 1488–1605. Wien; Leipzig, 1906.

**Переводчик Иван Орешек —
участник тайной миссии в Берлине
(1700—1701 гг.)**

В июне 1700 г. стольник и гвардии капитан кн. Ю. Ю. Трубецкой был послан в Берлин к курфюрсту Фридриху III для заключения союзного договора с Бранденбургом-Пруссией. Миссия предвосхищала вступление Петра I в Северную войну, и царь предпринял попытку расширить Северный союз, пригласив Фридриха III присоединиться к Дании и Речи Посполитой. Трубецкому предписывалось добиться тайной аудиенции и представить обоснование претензий Петра I к шведскому королю, а также подробно рассказать об обидах, нанесенных ему шведской короной. Наиболее известен так называемый «Рижский инцидент», когда во время Великого посольства в 1697 г. царь инкогнито посетил Ригу, и шведская администрация не выполнила его просьбу и не позволила ознакомиться с системой городских укреплений. Особо дипломату следовало напомнить о заключенном в том же 1697 г. в Кенигсберге тайном словесном договоре между Петром I и Фридрихом III о взаимной помощи против общих неприятелей.

Сопровождал Трубецкого в его тайной миссии переводчик «цесарского» (немецкого), латинского и польского языков Посольского приказа иноземец, можно предположить, что выходец из Речи Посполитой, Иван Орешек (Арешек) (? — не ранее 1708) [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 165]. Он был католиком, и при поступлении на службу 12 августа 1698 г. его «приводил к вере» (присяге) «римского закона ксенз» Францыскус Емелиянус (Франц Эмелиан)¹. Впервые имя Ивана встречается приказном делопроизводстве в связи с челобитной переводчиков, золотописцев и толмачей во главе с Николаем Спафарием от 12 сентября 1698 г. о выдаче им помесячно поденного корма из четверных доходов Новгородского приказа. В Посольском приказе составили справку об окладах служащих, в которой значился и Иван Орешек с годовым

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 32. Л. 4 об.

жалованьем в 36,5 руб. (в месяц 3 руб. 3 алтына 2 деньги)². 22 сентября по челобитной было принято положительное решение³. Новую коллективную челобитную — о выдаче жалованья за 1698 г. — переводчики, золотописцы и толмачи подали уже 2 ноября, и вновь в выписке Посольского приказа значился Иван Орешек с указанием оклада в 40 рублей⁴.

Вскоре ему пришлось покинуть Москву и отправиться в дальнюю поездку на юг, в только что взятый Азов, а также в Воронеж, превратившийся в центр кораблестроения. 13 марта 1699 г. туда в сопровождении бояр выехал Петр I, вперед них отправились К.И. Крюйс и другие моряки. Царь ехал надолго, и для ведения переписки и организации контактов с иностранными специалистами вслед за ним командировали группу переводчиков и толмачей, включая Ивана Орешка, которые перед отъездом 16 марта просили увеличить назначенные им для поездки суммы, поскольку «поднятка нечем, потому что мы, холопи твои, людишка скудные»⁵. Кормовые деньги были рассчитаны на пять месяцев, с 1 апреля по 1 сентября, и Орешку определили 15 руб. 10 алтын. Ориентировочно, переводчик вернулся в Москву осенью 1699 г.

За несколько месяцев до назначения в дипломатическую миссию кн. Трубецкого 14 марта 1700 г. Иван Орешек подал вместе с Николаем Асановым челобитную, в которой переводчики традиционно писали о своей тяжелой работе и жалком материальном положении: «в государственном Посольском приказе всякие твои, великого государя, письма переводим денна и ночью безленостно, а твоего великого государя жалованья по окладу и поденного корму нам, холопом твоим, на нынешней 1700 год не выдано, а oprич твоего, великого государя, жалованья нам, холопом твоим, прокормитца нечем, помесья и вотчин за нами нет»⁶. На обороте их челобитной помета о решении боярина Ф.А. Головина: выдать по 50 руб. жалованья в зачет до присылки денег из Ратуши. К тому времени годовой оклад Ивана Орешка уже составлял 75 руб. 16 алтын 4 деньги⁷. 22 января 1701 г. ему определили отпустить «жалованье недостаточное» за период с 1 сентября 1700 г. по 1 января 1701 г. —

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 15.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. 1698 г. Д. 33. Л. 3.

⁵ Там же. 1699 г. Д. 12. Л. 4.

⁶ Там же. 1700 г. Д. 34. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 15.

25 руб. 16 алтын 4 деньги⁸, а на 1701 г. назначили «окладу и корму» 76 руб. 16 алтын 4 деньги. Часть из них в его отсутствие 12 мая получила супруга, за которую на немецком языке расписался Конрад Мейер⁹. В его подписи указано другое имя переводчика – Йохан Хризостимус (Гризостимус)¹⁰, но больше оно в документах Посольского приказа не встречается.

В июне 1700 г. Иван Орешек отправился в Берлин со стольником кн. Ю.Ю. Трубецким «для переводу»¹¹, но во время этой тайной миссии он организовывал не только письменный перевод документов, но выступал и как толмач. Переводчик присутствовал при встречах российского дипломата с бранденбургским курфюрстром и его чиновниками и осуществлял устный перевод всех напряженных переговоров. Трубецкой приехал в Берлин с подписанным царем проектом договора, который должен был стать основой наступательного союза, подобно заключенным ранее договорам с датским и польским королями. В нем говорилось о безвозмездной помощи друг другу, невступлении в иные союзы и сохранение оборонительного альянса не только после победы над Швецией, но и при наследниках монархов [Путята, 1880, с. 96–97].

Миссия Трубецкого при прусском дворе оказалась неудачной. Встретили его холодно; демонстрируя расположение к русскому царю, не спешили вступать в договоренности. Практически сразу по приезде в Берлин и уже после первых контактов с бранденбургскими дипломатами Трубецкой в донесении к главе Посольского приказа Головину писал, что «жить мне здесь не для чего, того ради, что отказали мне вовсе в моем деле»¹². К доношению от 27 июля 1700 г. Трубецкой приложил выписку из ответа, данного ему от имени курфюрста, перевод которого осуществил Иван Орешек. Фридрих III характеризовал сложную международную обстановку, отмечая мощь шведской коалиции, в которую входили англичане и голландцы, а также ее достижения в военных действиях против Дании [Путята, 1880, с. 97–98].

В Москве считали, что именно отсутствие у России мирного договора с Османской империей является препятствием к подпи-

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 7. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 24. Л. 2, 12 об.

¹⁰ Благодарю за перевод Е.Е. Рычаловского, который также отметил, что фамилия является производной от Хризостомус – Златоуст.

¹¹ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 5.

¹² Там же. Л. 50.

санию оборонительного союза, и не отзывали Трубецкого. После заключения Россией 3 июля 1700 г. Константинопольского мира Головин поспешил известить о нем дипломата для использования этого козыря в переговорах с Фридрихом III. Новость застала Трубецкого в Гамбурге, куда он отправился якобы на прогулку, чтобы скрыть истинную цель своего пребывания в Берлине. 11 сентября он добрался до столицы Пруссии, но курфюрст находился в пригороде Гольце, куда немедленно поехал и наш герой, вероятно, в сопровождении переводчика Орешка. Здесь Трубецкой наконец-то получил аудиенцию у курфюрста и сообщил тому о заключении Россией мира с Портой, что было воспринято «с нарочитым удовольствием». После этой реакции русский дипломат вновь приступил к реализации своей миссии — просил Фридриха III «с великим прилежанием о том, чтобы он показал дружбу на деле, чтоб изволил начать войну такожде против короны свейской немедленно по обязанности своему, как сами между собою с царским величеством его курфирстская пресветлость персонально обязались душами, будучи в Прусех и ради приращения впредь всякия между собою дружбы» [Путята, 1880, с. 99]. Бранденбургский курфюрст был любезен, но непреклонен: он передал Петру I пожелание успеха в его начинании и победы над шведами, высказал готовность показать на деле свою дружбу, но категорически отказался от вступления в Северную войну на стороне России, опасаясь участи, которая постигла датского короля в боевых столкновениях со шведами.

Москва не оставляла надежды склонить Пруссию к союзу. Из Посольского приказа Трубецкой получил наказ, предписывавший вновь указать прусским государственным чиновникам на необходимость заключения оборонительного союза между Россией и Пруссией. От дипломата требовали приложить все возможные усилия, предпринять все меры и использовать все способы для достижения Прусского союза: «всякими мерами домогаться, чтобы по первой статье наступательный союз учинить курфирстская пресветлость изволил, а если сего учинить не можно, то б по последним статьям учинити, чтоб датския короны, как в статьях написано, курфирстская пресветлость не оставил, и, учиняя сие, писать на почте немедленно, а самому ожидать указа» [Путята, 1880, с. 101].

Трубецкой ринулся выполнять поручение, хотя бранденбургский дипломат Марквард Людвиг фон Принцен в который раз заявил о невозможности заключения оборонительного союза и выступил

пленения Фридриха III против Швеции. Трубецкой получил в начале октября 1700 г. аудиенцию в Розентале, но, как и прежде, курфюрст настаивал на невозможности вступить в союз и в войну против Карла XII. Даже угроза нападения шведов весной—летом 1701 г. на Саксонию и бранденбургские провинции не способствовала изменению политики Фридриха, предпочевшего вступить в союз с императором Священной Римской империи против Франции.

В январе 1701 г. курфюрст короновался королем Пруссии под именем Фридриха I, и Трубецкой присутствовал на торжественной церемонии в Кенигсберге, описание которой прислал в Посольский приказ. Это была одна из первых коронаций XVIII столетия, описание которой получила Москва, и, возможно, в дальнейшем использовала для разработки коронационных сценариев. В письме к Головину дипломат сообщал: «Известно тебе, государю моему, буди, нынешняго генваря в 7 числе в Королевце курфирст Брандебурской принел помазание на королевство Прусское от епискупа своего закона, а то помазание принели от помянутаго епискупа оба, курфирст и курфирстрина, в церкви, и во время помазания стояли на коленках оба, так курфирст и курфирстрина, а коронования их никто не видал, потому что пришли оне в церковь оба в коронах, и сказывают, что короны положили в своих покоях сами на себя, а в помазание их была стрельба ис пушек и из мелкаго ружья три разы»¹³. Помимо описания коронации, Юрий Трубецкой прислал в Посольский приказ сведения о воинской иерархии в Священной Римской империи — список чинов от генералиссимуса до прапорщика, перевод которого сделал Иван Орешек; в дальнейшем эта информация могла быть использована при реорганизации русской армии¹⁴.

Весной 1701 г. после нескольких неудачных раундов переговоров Трубецкой был отозван в Москву. Он прибыл в Берлин инкогнито, в этом же статусе находился там все время, и даже уехать был вынужден тайно. 8 апреля 1701 г. он сообщил в зашифрованном доношении об отпусковой аудиенции у прусского короля в Потсдаме, «и в то время был при королевском величестве один обер-камергер да мой переводчик, а у руки я не был, потому что меня не звали»¹⁵. Таким образом, Ивана Орешка можно считать одним из

¹³ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1701 г. Д. 3. Л. 3.

¹⁴ Там же. 1700 г. Д. 5. Л. 15 об. — 17.

¹⁵ Там же. 1701 г. Д. 3. Л. 18 об. — 19.

первых переводчиков XVIII столетия, который присутствовал на аудиенции у монаршей особы и осуществлял коммуникацию российского дипломата с прусским королем. Первый дипломатический опыт Трубецкого, хотя и был неуспешен, но дал ему не только знания о ведении переговоров в отстаивании интересов России, но и навыки использования придворных интриг, тайных связей и договоренностей в государственных интересах. Орешку участие в заграничной миссии дало опыт участия в прямых дипломатических переговорах; сопровождая Трубецкого, он мог познакомиться с жизнью европейского двора.

Десять месяцев переводчик провел в Берлине, а оттуда, не возвращаясь в Москву, ему велели ехать в Варшаву для работы в составе еще одной дипломатической миссии, связанной с участием России в Северной войне. В 1701 г. генерал-адъютант кн. Г.Ф. Долгоруков был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворе союзника Петра I польского короля Августа II. Именно такой переводчик как Иван Орешек, уже бывший в курсе вопросов создания антишведской коалиции, мог пригодиться в дипломатической работе Долгорукова.

Письмо главы Посольского приказа Ф.А. Головина с распоряжением отправить переводчика Ивана Орешка на новое место службы в Польшу к Долгорукову застало Трубецкого в Берлине. 8 апреля 1701 г. дипломат сообщил, что «я поеду на нынешних днях из Берлина к Москве, а переводчика своего отпущу по твоему, государя моего, письму к князь Григорью Федоровичу»¹⁶. Переводчику выдали «на подмогу» 200 ефимков, но в своей челобитной в конце мая 1701 г. он сообщил, что самостоятельно добирался из Берлина до Варшавы на почте, прибыл туда раньше Долгорукова, шесть недель жил в городе, ожидая дипломата, и вошел в большие долги. По приезде Долгоруков сразу отпустил обратно в Москву прибывшего с ним толмача Ефима Фрыка, видимо, рассчитывая использовать более опытного Ивана Орешка и в этом качестве. Просьбу Орешка удовлетворили, и для «польской посылки» переводчику определили выдать 100 руб. из Ратуши, финансировавшей штат Посольского приказа¹⁷. Согласно выписке, составленной в этом учреждении, на 1702 г. жалованье Ивана Орешка составляло 76,5 руб.¹⁸

¹⁶ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1701 г. Д. 3. Л. 19.

¹⁷ Там же. Д. 43. Л. 5.

¹⁸ Там же. 1702 г. Д. 46. Л. 2.

В Варшаве переводчику пришлось напряженно трудиться. Деятельность посла, его постоянные активные контакты с иностранными дипломатами и чиновниками, широкий круг решаемых вопросов заставили Орешка овладеть еще итальянским и французским языками. О своих заслугах во время государственной службы в дальних странах и лишениях, которые он принужден был терпеть, переводчик писал из Люблина в марте 1703 г., прося увеличить жалованье. Из похода от Петрополя (так в первые месяцы именовали будущую столицу — Петербург) руководитель Посольского приказа Ф.А. Головин прислал письмо, распорядившись «Ивану Орешку оклад и корм учинить во всем против Швымера 120 рублей»¹⁹. Этот размер жалованья сохранялся за ним и в 1704—1705 гг.²⁰

Переводчик вернулся в Россию вместе с Долгоруковым в 1706 г. В это время он получал оклад 150 руб.²¹, к которому после челобитной получил прибавку в 20 руб.²² В 1707 г. Иван Орешек в числе других переводчиков Посольского приказа и приказных служителей значился на службе в военном походе с окладом в 170 руб.²³ Последний раз его имя встречается в окладном списке служащих за 1708 г., но только в одном из вариантов приводится иное написание фамилии — Ареховский, оклад указан в 250 руб., на полях стоит отметка «в армии»²⁴. Переводчик, т.о., оставался в действующей армии, возможно, принимал участие в сражениях Северной войны — при Лесной и в Полтавской битве, а может быть окончил жизнь раньше.

Приложение

Челобитные переводчика Посольского приказа Ивана Орешка о выдаче жалованья

1.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом холопи твои государственного Посольского приказу переводчики

¹⁹ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1703 г. Д. 30. Л. 2 об.

²⁰ Там же. 1704 г. Д. 9. Л. 3; 1705 г. Д. 1. Л. 5 об.

²¹ Там же. 1706 г. Д. 27. Л. 2.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же. 1707 г. Д. 17. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 73.

Лучка Шуковский, Ивашко Арешек, Рамазанко Тефкелев, да толмачи Ивашко Волошанин, Ромазанко Сакаев.

В нынешнем [7]207-м (1699) по твоему великого государя указу велено нам, холопом твоим, быть на твоей великого государя службе, на Воронеже и в Азове, а твоего великого государя жалованья дано нам, холопом твоим, для той посылки малое число, по тридцети и по двадцети пяти рублей человеку перевоотчикам, а толмачам по пятнатцати рублей. А тем твоим великого государя жалованьем нам, холопом твоим, поднятца нечем, потому что мы, холопи твои, людишка скудные, а хлебной всякой запас против прежних годов великою ценою покупаютца.

Милосердый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, своего великого государя жалованья поденной корм на нынешней [7]207-й год выдать, чтоб нам, холопом твоим, будучи на той твоей великого государя службе было чем прокормитца. Великий государь, смилуйся, пожалуй.

На Л. 4 об. помета: «[7]207-го марта в 14 де[нь] выписать».

РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1699 г. Д. 12. Л. 4. Подлинник.

2.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу быют челом холопи твои государственного Посольского приказу перевоотчики немецкого и латинского языков Ивашко Арешик да турецкого и татарского и арапского языков Митька Асанов.

Работаем мы, холопи твои, тебе великому государю в государственном Посольском приказе всякие твои великого государя письма переводим денна и ночью безленостно, а твоего великого государя жалованья по окладу и поденного корму нам, холопом твоим, на нынешней 1700 год не выдано, а оприче твоего великого государя жалованья нам, холопом твоим, прокормитца нечем, помеся и вотчин за нами нет.

Милосердый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, то свое великого государя жалованья для своего государского многолетнего здравия и для нашей скудости оклад и поденной корм на нынешней 1700 год выдать. Великий государь, смилуйся.

На Л. 8 об. помета: «1700-го марта в 14 де[нь]. По указу великого государя боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи, слушав сего челобитья, приказал дать сим челобитчиком для их скудости в зачет великого государя жалованья на нынешней 1700-й во окладных по десяти рублей человеку из Новгородского приказу из четвертных доходов. А как на тою дачю из Ратуши деньги присланы будут, и тогда те деньги взамен ис присыльных денег отдадутся к расходу чертветному».

РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 34. Л. 8. Подлинник.

3.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой Посольского приказу переводчик Ивашко Орешек. В прошлом, государь, 1700-м году по твоему великого государя указу послан я, холоп твой, на твою великого государя службу в Брандембургские государство, и жыл я на той твоей великого государя службе девять месяцев, и служил тебе, великому государю, верно.

А в нынешнем 1701-м году в марте месяце по твоему великого государя указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей великого государя службе в Польше при стольнике князе Григорье Федоровиче Долгоруком. И я, холоп твой, по тому твоего великого государя указу из Берлина ехал до Варшавы на почте, и в Варшаву приехал до приезда его князя Григорья Федоровича, и жил в Варшаве шесть недель, ожидав приезда его. А июня в 9 де[нь] он, князь Григорей Федорович, в Варшаву приехал, и по твоему великого государя первому указу велел мне быть у твоих великого государя дел, на твоей великого государя службе при себе, а толмача, каторой с ним послан из Москвы отпускает к Москве, и тое великого государя жалованье, которое ему, толмачу, дано на Москве, остатное, чего он, толмач, по се число еще не издержал, для подмоги и житья отдано мне, холопу твоему. А я, холоп твой, ехав из Берлина, также и здешном жьтьем, ожидая приезда ево, князь Григория Федоровича, разорился и одолжал, и платишка свое для всякие нужды распродал. Итого, государь, за многу долгу мне, холопу твоему, заплатить нечем.

Милосердый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, для той твоей великого

государя службы твоего великого государя жалования на подмогу и здешного житья против иных моей братей мне, холопу твоему, выдать, чтоб мне, холопу твоему, было чем долг выплатить, также и годовое твое великого государя жалованье вели мне, холопу твоему, прибавить, чтоб мне, холопу твоему, з женишкою и з детишками чем было прокормится. Велики государь, смилуйся.

На Л. 1 об. подпись: «Ивашка Орешек руку приложил».

*РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 43. Л. 1.
Подлинник. Автограф.*

4.

Державнейший царь, государь милостивейший.

Служа вам, великому государю, Вашему царскому величеству чрез семь лет в государственной Посольской канцелярии за переводчика, и был в последним Азовском походе, також с стольником князь Юрьем Юрьевичем Трубецким при дворе короля прусского, а ныне по указу Вашего царского величества уже третьей год пребываю при чрезвычайном после ближним стольнике князь Григорье Федорове Долгоруково у двора Его королевского величества польского, где не токмо немецкого, польского, латинского языка, но при оных и италианские и французские словесные и письменные переводы, хотя последние не в совершении, однакож в надлежащей довольности со всеверным прилежанием управляю. А живучы безпрестанно на службе Вашего царского величества во отлучении с Москвы четвертой год, не могл никогда случаю получить и упротить милосердаго прибавления Вашего величества жалованья к годовому моему настоящему окладу и кормовым деньгам, и сию по сие число при первом мне учиненном самой меньшей статье окладе. А мои братия иные малых языков переводчики имеют Вашего царского величества жалования вдвое и втрое моего больше, и могут их дела управлять спокойно, живучы на одном месте, а я, будучы в безпрестанных походах и проездах в разареном государстве, покупая лошадей и всякие потребности дорогою ценою, оскудал, и от оной принужден себя учинить в долгу многими деньгами, так что и платить и впредь здесь пропытается нечым.

Всемилоостивейший государь, прошу Вашаго царского величества, повели за оные службы по превысокому милосердому вашему изволению, и для вышеупомянованной моей приключившейся скудости и заимного долгу на подмогу здешного служебного по-

ходу Вашего царского величества милостивым жалованьем пожаловать, и к годовому моему окладу и кормовым деньгам прибавку учинить, за которое милосердное ваше монаршское призрение буду при надлежащей моей должности верных и прилежных услуг моих всягдо всевышаго маестату ублажати.

Вашего царского величества всенижайший и покорнейший раб Иван Орешек.

В Люблине июня в де[нь] 1703-го году.

РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 30. Л. 1–1 об.

Подлинник. Автограф.

5.

Державнейший царь, государь милостивейший.

Служим мы, нижайшия раби, Вашему величеству немалые годы, и бываем непрестанно в Ваших великого государя воинских походах, а Вашего величества жалованья нам даетца малое число, которым невозможен з домашними в год пропитатися.

Того ради вас, всемилостивейшаго царя и государя нашего, просим, дабы за службы наши к прежним нашим окладом учинена по заслуге нашей была придача из окладу, которой даван переводчику Семену Лаврецкому.

Вашего величества нижайшия раби Посольского приказу переводчики Иван Орешек, Матвей Белецкий, Петр Голембеевской.

1706-го июля 3-го дня.

Помета: «Выписать».

РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 27. Л. 1 об.

Подлинник. Подписи-автографы.

Литература

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.

Путята А.А. Вопрос о прусском союзе в первую половину великой Северной войны // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. М., 1880. С. 81–138.

Служба переводчика Посольского приказа Семена Андреева в Крыму в 1620-х годах

Личность переводчика Семена Андреева неоднократно привлекала внимание исследователей. Его роль в корпорации переводчиков Посольского приказа и успешная деятельность в дипломатических ссылках с сопредельными кочевыми образованиями Дешт-и-Кипчака (Ногайская Орда, Кумыкская Орда, Калмыцкая Орда), а также с государством Сефевидов (Персией), Бухарским и Крымским ханствами во второй половине 1610-х – 1620-х гг. отмечена Д. В. Лисейцевым в монографии о внешнеполитическом ведомстве в эпоху Смуты [Лисейцев, 2003, с. 272]. Статья о переводчике имеется в материалах к словарю Посольского приказа XVII в., где подробно рассмотрена его служебная деятельность и приложен внушительный обзор источников, как опубликованных, так и неопубликованных [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 48–50]. Автор этой статьи также неоднократно обращался к деятельности Андреева в ссылках с Крымом на исходе Смуты и 1620-е гг. [Виноградов, 2021, с. 24–25; Виноградов, 2024б, с. 124–125, 276–279; Виноградов, 2025, с. 32–33, 36].

В служебной деятельности С. Андреева крымское направление занимало особое место. В качестве переводчика он участвовал в трех посольствах в Крым: 1) И. Спешнева и Б. Нестерова, к которому он присоединился в октябре 1615 г. и был отправлен в Москву перед отпуском посольства в конце ноября – начале декабря того же года; 2) О. Я. Прончищева и Р. Болдырева, в составе которого он состоял с момента его формирования (находился в Крыму с января по сентябрь 1625 г.); 3) С. И. Тарбеева и И. Басова, в состав которого он был направлен в октябре 1626 г. после его отхода из Валук в Елец в условиях угрозы срыва посольской размены [Виноградов, 2023б, с. 38] (находился в Крыму с октября 1627 г. по август 1629 г.)¹.

¹ С. Андреев прибыл в Елец 5 ноября 1626 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1626 г. Д. 5. Л. 59).

Выбор Семена Андреева в качестве переводчика посольства О.Я. Прончищева и Р. Болдырева определялся его опытом прежних ссылок с Крымом. В условиях политической нестабильности в Крымском ханстве, одним из последствий которой было ухудшение русско-крымских отношений и, как следствие, трудностей в исполнении посольских миссий в Бахчисарае, руководство Посольского приказа назначало переводчиками в составе отправляемых туда миссий наиболее опытных представителей этой корпорации. Ситуация в русско-крымских отношениях была исключительно сложной. Сохранение хотя бы видимости союзных отношений между Российским государством и Крымским ханством после смещения Портой в мае 1623 г. хана Джанибек-Гирея и замены его ханом Мухаммед-Гиреем III (правил до июня 1628 г.) было под вопросом ввиду враждебной позиции калги (наследника престола) Шагин-Гирея [Новосельцев, 1948, с. 126–127].

Андреев принял дела у С. Тонаева, являвшегося переводчиком миссии Я.О. Дашкова и В. Волкова. Вместе они принимали участие в съезде в государевом шатре русских разменных послов и крымских «встречников-разменных мурз», а также возвращающихся из Крыма и направляющихся туда русских и крымских посланников и послов при размене под Валуями на реке Ураевой 9–10 декабря 1624 г. [Виноградов, 2023а, с. 96–97]. Информация, полученная при размене, показывала, что шерть, принесенная ханом на тексте русско-крымского договора в ноябре 1623 г., не имеет реального значения ввиду отказа калги Шагин-Гирея принести ее.

10 января 1625 г. посольство Прончищева и Болдырева прибыло в Яшловское предместье Бахчисарая, обычное место пребывания русских посланников². Исполнение посольства шло под знаком нарастающего кризиса, которые в конечном итоге привели к его фактическому провалу. Конфликты посланников Прончищева и Болдырева с ханским окружением начались сразу после аудиенции у хана 28 января, на которой Мухаммед-Гирей III в принципе занял благожелательную позицию в вопросе сохранения дружбы и любви со своим «братом» московским государем, обусловив ее получением больших выплат поминок и запросов как ему лично, так и остальным представителям династии Гиреев, а также жалования крымской знати и ханским сановникам. Переданные на аудиенции поминки и отосланное его ближним людям жалование

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 11. Л. 16.

хана и его окружение не устроило. Уже 29 января в Яшлов прибыли московский амиат (посредник в осуществлении русско-крымских дипломатических ссылок) Ибрагим-паша Яшлавский («князь Сулешев») и капучейский голова хана Сефер Гази-ага с требованием доплаты поминок и запросных денег. После переговоров С. Андреева послали к ближнему человеку хана великому везиру Алгазе-аге. По возвращении он сообщил посланникам о ханских требованиях касательно выплат, одобренных его ближними людьми. 14 февраля Алгазы-ага прислал память о поминках и жаловании, написанную «татарским письмом». Андреев сделал перевод этого документа, после чего был послан к Алгазе-аге, казначею Мусафер-аге и конюшему князю Сейфукару с объяснением неприемлемости крымских требований. Ближние люди хана переводчика не приняли. На следующий день Семен Андреев вновь поехал к Алгазе-аге, на этот раз с толмачом — служилым татаринном Тулубаем Бавкеевым. Переводчик в очередной раз обосновал неприемлемость требований крымской стороны³.

Последовала пауза, после которой 6 марта Ибрагим-паша и Сефер Гази-ага вновь прибыли на стан с требованием выплат. 11 марта Алгазы-ага вызвал Андреева и передал ему ответ от имени хана. Мухаммед-Гирей III объяснял, что хотя требование увеличения выплат инспирированы Шагин-Гиреем, он настаивает на их выполнении, без чего калга не будет приведен к шерти⁴. Наконец в дело вступил и сам калга, ранее отказывавшийся принимать посланников. 10 апреля 1625 г. капучейский голова вызвал посланников вместе с Андреевым в свою резиденцию в Ак-Мечеть. Посланники прибыли к калге. На аудиенцию их должен был сопровождать амиат Ибрагим-паша, но по пути он сбежал в Бахчисарай. Шагин-Гирей посланников в своем дворце не принял, но и в Яшлов не отпустил. Привезенные «поминки» у посланников попытались изъять силой. Ночью Семен Андреев был схвачен людьми калги и отведен к задержанному по приказу Шагин-Гирея на пути в Бахчисарай и возвращенному в Ак-Мечеть Ибрагиму-паше. Последний должен был вести переводчика к калге, но тот их не принял, отправившись спать. 11 апреля Андреева вернули посланникам и выдворили их обратно в Яшлов. Однако на следующий день переводчика вновь вызвали в Ак-Мечеть. Пьяный Шагин-Гирей принял его

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 11. Л. 17–20.

⁴ Там же. Л. 22–23.

в саду около дворца и после бурных упреков в утайке поминок набросился на него и отодрал за бороду. Впрочем, затем Шагин-Гирей смилостивился и отпустил переводчика, предварительно насильно напоив его вином [Новосельский, 1948, с. 127]. Внимание Шагин-Гирея к персоне С. Андреева, возможно, объяснялось намерением всучить ему свою память с требованиями выплат лично ему, чего он, впрочем, не сделал. 15 апреля состоялась аудиенция посланников и переводчика у калги Шагин-Гирея. Царевич опять был пьян, отказался взять поминки, порвал врученную ему царскую грамоту и вновь попытался выдрать бороды и у посланников, и Андреева⁵. По выходе из дворца поминки изъяли его люди.

Дикие выходы Шагин-Гирея объяснялись его стремлением сорвать хотя бы видимость нормальности исполнения посольства Прончищевым и Болдыревым. Калга намеревался организовать поход на Российское государство под предлогом малого размера выплат правительством Михаила Федоровича причитающихся материальных средств. Хан колебался, он предпочитал тянуть время, проведя очередную посольскую размену. 26 апреля, после получения сведений о прибытии к хану калги Шагин-Гирея и нурадина (второго наследника престола) Азамат-Гирея с требованием разрешить, точнее, санкционировать поход на московские уkraine, к нурадину послали толмачей с целью повлиять на хана. Хан согласия на нападение на Российское государство не дал [Новосельский, 1948, с. 128]. Между тем новое русское посольство Д.Ф. Скуратова и Н. Постникова уже выступило из Москвы. Проведение посольской размены решили форсировать, чтобы активизировать русско-крымские ссылки и предотвратить возможное крымское нападение. 10 мая от разменных послов кн. Г.К. Волконского и Т. Агеева в Крым с извещением посланников о выступлении посольства и с призывом начать подготовку к посольской размене прибыл толмач Федор Маслов. Отпускаемый из Москвы крымский посол Шагин-мурза также прислал к хану гонцов. Однако решения об отпуске русского посольства из Крыма не последовало. 13 мая хан отбыл в Гезлев, единственный из крымских портовых городов под властью крымских ханов, в связи с нападениями на него запорожцев. Это могло дать повод к задержанию посольства. Посланники отправили туда С. Андреева. По возвращении он сообщил подробности запорожского нападения, в котором участвовали

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 6. Л. 26–29.

и донские казаки. Это могло создать в дальнейшем проблемы при переговорах с крымцами. Впрочем, в конце мая Алгазы-ага сообщил: вернувшийся в Бахчисарай хан намерен осуществить размену. Но отпуск посольства затягивался. Продолжались вымогательства крымцев. 3 июня провалом кончились переговоры С. Андреева с Алгазой-агой из-за требуемого им дополнительного жалования. В тот же день Ибрагим-паша силой изъял жалование, якобы пред-назначавшееся Алгазы-аге⁶.

Крымские гонцы во главе с Мустафой-челеби с уведомлением о снаряжении нового крымского посольства выступили из Бахчисарая только 28 июля. Их сопровождали отправленные Прочищевым и Болдыревым с отписками в Посольский приказ служилые татары во главе Тулубаем Бавкеевым. Шагин-Гирей не только не отправил своего гонца, но и пытался задержать ханского в Перекопе. Когда стало ясно, что началась реальная подготовка к посольской размене, 3 августа Алгазы-ага прислал своего человека Мустафу с извещением о готовности калги Шагин-Гирея дать аудиенцию и принести шерть. 9 августа Ибрагим-паша и Алгазы-ага действительно прибыли с приглашением на аудиенцию к калге⁷. По прибытии посланников 10 августа в Ак-Мечеть последовал отказ калги принять их. Препятствования посланников и переводчика с ближними людьми калги на площади перед дворцом выявили его отказ приносить шерть на тексте договора без увеличения выплат, количество которых должно быть зафиксировано особым договорным актом. Кроме того, было выдвинуто требование свести казаков с Дона. От имени калги также были предъявлены обвинения в санкционировании Москвой участия донских казаков в нападениях запорожцев на крымское побережье. Аудиенция была сорвана. 11 августа последовал вызов Андреева к Алгазы-аге, вновь выдвинувшему требования свести казаков с Дона — уже от имени хана⁸.

Тем не менее 28 августа 1625 г. у хана состоялась отпускная аудиенция. Мухаммед-Гирей III обещал жить в мире и дружбе с русским царем. Однако принявший отдельно в тот же день в Бахчисарае посланников Шагин-Гирей в очередной раз отказался приносить шерть⁹. 1 сентября Ибрагим-паша, назначенный ханом глав-

⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 11. Л. 1–2, 25–27.

⁷ Там же. 1625 г. Д. 1. Л. 8, 10.

⁸ Там же. Л. 10–15, 17.

⁹ Там же. Л. 21–27; 1624 г. Д. 6. Л. 95

ным крымским встречником на посольскую размену, явившись на стан в Яшлов, предупредил посланников о возможном нападении Шагин-Гирея на московские украинны. Посольство 4 сентября выступило из Яшлова, однако было задержано в Перекопе¹⁰, там разразился очередной конфликт с Ибрагимом-пашой, опасавшимся выступить на размену без санкции Шагин-Гирея. Семену Андрееву в ходе напряженных переговоров с Ибрагимом-пашой удалось разрешить конфликтную ситуацию, и посольство выступило из Перекопа.

Вторая крымская служба С. Андреева завершилась 30 сентября 1625 г., когда состоялась размена на реке Ураевой под Валуйками посольства О.Я. Прончищева и Р. Болдырева с посольством Д.Ф. Скуратова и Н. Постникова. Размена прошла в напряженной обстановке, вопреки установившемуся обычаю Прончищев и Болдырев вместе с Андреевым не были отпущены перед ее осуществлением на русскую сторону реки к разменным послам для доклада об исполнении посольства¹¹. Переговоров между русскими разменными послами и крымскими встречниками в государевом шатре не было [Виноградов, 2023, с. 33–34]. По возвращении Андреева пожаловали прибавкой к окладу. Сохранилась его челобитная о выдаче прибавочного жалования за участие в посольстве Прончищева в Крым с пометой — «дать»¹². Служба переводчика была оценена, следствием чего было его третье назначение в состав посольства в Крым.

Изначально назначение Андреева в состав посольства С.И. Тарбеева и И. Басова не предполагалось. Миссия выступила из Москвы в мае 1626 г., а Семен Андреев присоединился к нему в ноябре 1626 г., сменив в Ельце заболевшего переводчика Урмамеля Башмакова¹³. Посольство Тарбеева и Басова явилось одной из наиболее трудных и опасных русских дипломатических миссий в Крым первой половины XVII в. [Савелов, 2019, с. 1–13; Новосельский, 1948, с. 129, 135–137; Виноградов, 2025, с. 24–44]. Ситуация в русско-крымских отношениях после фактического провала посольства Прончищева и Болдырева, в котором участвовал Андреев (январь–сентябрь 1625 г.), и следующего посольства Скуратова и Пост-

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 6. Л. 109; 1625 г. Д. 1. Л. 27.

¹¹ Там же. 1624 г. Д. 6. Л. 117; 1625 г. Д. 1. Л. 10–15, 44.

¹² Описание документов московских приказов. Приказные дела старых лет. 1627–1629 годы. М., 2023. С. 186.

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1626 г. Д. 5. Л. 68; 1627 г. Д. 2. Л. 178.

никова (октябрь 1625 – август 1627 г.), была напряженной. Хан Мухаммед-Гирей III, чье положение на бахчисарайском престоле, несмотря на повторное утверждение его Портой, было неопределенным, не хотел идти на мир с Москвой. Внутриполитическое положение Крыма, отягощенное авантюрной политикой брата хана – калги Шагин-Гирея, вступившего в конфликт с главой Бужакской Орды Кантемиром, было напряженным. Для укрепления авторитета брата Шагин-Гирей предлагал организацию регулярных нападений на украинны Российского государства. При переговорах с посланниками Скуратовым и Посниковым Мухаммед-Гирей III фактически дезавуировал закрепленный принесением им шерти договор 1623 г. с Россией под предлогом малого размера поминок [Новосельский, 1948, с. 133]. Шагин-Гирей договора не признавал в принципе. Тем не менее руководство Посольского приказа вновь поставило перед очередным посольством задачу добиться сохранения хотя бы относительного добрососедства с Крымским ханством. Напряженность ситуации в русско-крымских отношениях проявилась в затягивании, вплоть до угрозы срыва, посольской размены по вине крымской стороны. С момента отправления посольства до его прибытия к месту назначения прошло больше года [Виноградов, 2023б, с. 38–43].

Посольство Тарбеева и Басова по прибытии в Крым сразу столкнулось со значительными трудностями. Крымская сторона выдвигала неприемлемые требования выплат как поминок и запросов представителям династии Гиреев, так и жалования крымской знати и сановникам. Посланники не обладали таким количеством казны, расходование которой лишало их необходимого резерва на случай чрезвычайных обстоятельств. Обстановка в Бахчисарае была тревожной. Уже после перехода Донца и вступления в крымские улусы были получены сведения о готовящемся вторжении на полуостров Бужакской Орды мангитского мурзы Кантимира, недавно с боями изгнанного из Крыма [Савелов, 2019, с. 17]. Целью похода было смещение хана Мухаммед-Гирея III и калги Шагин-Гирея. Вторжение Кантемира было санкционировано Портой, стремившейся руками могущественного мурзы, принявшего подданство султана, освободить престол для своего ставленника, бывшего хана Джанибек-Гирея. По размещении на стане в Яшловском предместье Бахчисарая в конце октября посланники столкнулись с наплывом эмиссаров как самого хана, так и его ближних людей с требованием выплат поминок и жалования [Савелов, 2019, с. 17–18].

Новый московский амиат Мустафа Яшлавский (князь Сулешев), заменивший умершего брата Ибрагима-пашу и принявший на себя обязательства при размене содействовать исполнению посольства, со своей стороны только озвучивал крымские требования, сопровождая к посланникам многочисленных просителей. Состоявшаяся 6 ноября аудиенция посланников у хана только ухудшила ситуацию. Тот выдвинул претензии относительно нападений донских казаков и кочевавших у Астрахани ногаев: «пишет ко мне государь в грамотах своих, и послы ево речью мне все хорошо говорят, только де не то делается с ево подаревы стороны». Так как «астроханские люди» и донские казаки «в Крымских юртах людей емлют и побивают и лошади и животину отгоняют», Мухаммед-Гирей III обвинил Михаила Федоровича в нарушении заключенного и закрепленного шертью договора и отказался содействовать приведению к шерти Шагин-Гирея, а также потребовал увеличения выплат со стороны Москвы ему, царевичам, царицам, царевнам, а также ближним людям. Традиционные возражения посланников, что Москва не может нести ответственности за эти действия, не были приняты во внимание [Савелов, 2019, с. 19–22]. Количество поминок Мухаммед-Гирея III не устроило. Хан потребовал предоставить ему, калге Шагин-Гирею и нурадину Азамат-Гирею детальную роспись всей привезенной в Крым казны на татарском языке, на основании которой будут производиться все выплаты. Аналогичное требование передал посланникам и калга Шагин-Гирей. Составление этих финансовых документов эмиссары хана и калги предполагали возложить на хорошо известного им С. Андреева.

Позиция Шагин-Гирея по отношению к Москве отличалась откровенной враждебностью. 16 ноября посланники получили аудиенцию у калги в его резиденции в Ак-Мечети. Перед аудиенцией ближние люди калги, обнаружив отсутствие у посланников росписи, угрожали принудительным изъятием поминок. На аудиенции посланники вручили только легкие поминки. Шагин-Гирей, придя в ярость, отказался приносить шерть и обрушился на Тарбеєва и Басова с площадной бранью. После аудиенции посланников задержали во дворце Шагин-Гирея. Только 28 ноября их отпустили в Яшлов [Савелов, 2019, с. 49–51].

Переводчик в поездке посланников в резиденцию калги не участвовал, они, зная особое отношение к нему калги Шагин-Гирея, оставили его в Яшлове. По возвращении посланников в Яшлов, 2 декабря туда нагрянули ближние люди калги в сопровождении

многочисленных капучеев для получения недоданных выплат. Последовали жесткие пререкания с посланниками, отказавшими эмиссарам калги в выплатах — «и они поехали от нас, осердясь, и лаючи, и грозя» [Савелов, 2019, с. 51–52]. Ночью стан посланников окружила стража калги, а утром его ближние люди начали погром. Они искали С. Андреева, чтобы привести его в Ак-Мечеть для выяснения вопроса о количестве привезенной казны, заявив посланникам что «для того вы переводчика схоронили, чтобы вам нам не все отдать» [Савелов, 2019, с. 53]. Андреева на стане не было: сразу по возвращении посланников от калги его отослали его в Бахчисарай с протестом против действий Шагин-Гирея. Не обнаружив Андреева, приближенные калги схватили толмачей — служилых татар Мустафу Тевлетева и Петра Елагина — и хотели везти их в Ак-Мечеть. Посланники с трудом их отбили. Многочасовая перебранка завершилась угрозой Тарбеева и Басова прекратить дальнейшее исполнение посольства и тем самым допустить открытый грабеж, но это означало бы полный разрыв Москвы с Крымом [Савелов, 2019, с. 53–55]. Подобный демарш возымел действие: опустошив все запасы продовольствия, уведя часть лошадей, люди калги удалились. Оставшаяся казна была сохранена. Вернувшись, Андреев доложил, что его не приняли ни хан, ни его люди.

В сложившейся тупиковой ситуации Тарбеев и Басов решили продолжить неоднократно применявшуюся русскими посланниками практику дипломатических контактов с ханским дворцом, постоянно отправляя туда для переговоров переводчика посольства в сопровождении одного или нескольких служилых татар, являвшихся также толмачами. Андреев должен был руководить этими контактами. 26 декабря в Бахчисарай с просьбой об аудиенции у хана послали Семена Андреева и служилого татарина Амангилдея Бинюкова. Предлогом было вручение посланниками недоданных на предыдущей аудиенции легких поминок. Мухаммед-Гирей III Андреева и Бинюкова принял, но в аудиенции Тарбееву и Басову отказал, заявив, что посланники должны вести переговоры с его «ближним человеком» Алгазой-агой [Савелов, 2019, с. 62]. В последующие дни Андреева и служилых татар в Бахчисарай «посылали многижда», но хан их не принимал [Савелов, 2019, с. 63]. Алгазыага также отказывал ему в приеме.

18 января посланников неожиданно вызвали на аудиенцию к хану. В условиях угрозы со стороны Кантемира и откровенно враждебной по отношению к нему позиции Порты Мухаммед-

Гирей III вынужден был пойти на возобновление контактов с русскими дипломатами, чтобы выяснить перспективы отношений с Москвой [Новосельский, 1948, с. 129; Виноградов, 2025, с. 29–30]. Хан выяснял также намерения Москвы в отношении Речи Посполитой. Посланники в очередной раз отметили намерение царя соблюдать Деулинское перемирие. Затем посланники провели зондаж о своем отпуске, настойчиво указывая на нежелательность долгого ожидания размены у Валуек. Мухаммед-Гирей III уклончиво ответил, что отпуск и размена будут им решены по ознакомлению с государевыми грамотами, врученными ему посланниками еще в ноябре, и об отпуске посольства будет извещена Москва [Савелов, 2019, с. 63–65].

Относительно благоприятная позиция Мухаммед-Гирея III была в очередной раз отвергнута его братом Шагин-Гиреем. 19 января С. Андреев со служилым татаринном А. Бинюковым был послан к калге Шагин-Гирею с просьбой об отпуске Бинюкова с крымскими гонцами в Москву для уведомления о размене. На следующий день, 20 января, Андреев и Бинюков вернулись — Шагин-Гирей их не принял. Вместо этого через нового московского амиата Алея Яшлавского, сменившего умершего в декабре брата Мустафу, последовало предъявление новых требований выплат в доставленной им грамоте калги. Сделанный Андреевым перевод послания Шагин-Гирея показывал неразрешимость сложившейся ситуации [Савелов, 2019, с. 66–68]. 21 января Андреев и Бинюков были посланы к хану Мухаммед-Гирею III «с калгиной грамотой» и ее переводом. Хан в приеме отказал [Савелов, 2019, с. 68]. Отпуск посланников и новая посольская размена откладывалась на неопределенный срок.

Между тем борьба за власть в Крымском ханстве вступила в решающую стадию. 26 февраля Шагин-Гирей выступил в поход против Кантемира, а уже 23 апреля вернулся в Крым «с немногими людьми» после страшного разгрома [Савелов, 2019, с. 69]. 30 апреля посланники по распоряжению хана бежали из Яшлова в Чуфут-Кале ввиду начала осады Бахчисарая Кантемиром [Савелов, 2019, с. 70]. Там посольство пережило осаду Кантемиром Бахчисарая, обороняемого союзными калге Шагин-Гирею запорожцами во главе с гетманом Дорошенко. Взять Бахчисарай Кантемир не смог, отступив к крепости Кафа, куда с османскими войсками прибыли бывший хан Джанибек-Гирей и его брат Девлет-Гирей. Это решило исход борьбы: Бахчисарай был взят. Мухаммед-Гирей III и Шагин-

Гирей бежали из Крыма, намереваясь продолжать борьбу [Новосельский, 1948, с. 135, Савелов, 2019, с. 70–71]. 29 июня 1628 г. хан Джанибек-Гирей вступил в Бахчисарай [Савелов, 2019, с. 71].

3 июля по приказу нового хана русское посольство вернулось на стан в Яшлов [Савелов, 2019, с. 72]. Посланникам Тарбееву и Басову предстояла сложная задача подтверждения союзнических обязательств хана Джанибек-Гирея по отношению к Москве, принятых им принесением шерти еще в 1614 г. В служебной деятельности Семена Андреева наступил новый важный этап. Как один из опытейших лиц в составе посольства, он должен был играть важную роль в переговорах с лично известным ему ханом Джанибек-Гиреем и его ближними людьми. 18 июля Андреев по поручению посланников подготовил и отправил в Бахчисарай для переговоров с ближними людьми нового хана толмачей служивых татар Амангилдея Бинюкова и Мустафу Тевлетева с просьбой об аудиенции [Савелов, 2019, с. 72–73]. 20 июля посланники были приняты ханом, декларировавшим восстановление «дружбы и любви великим государем Михаилом Федоровичем». Был согласован вопрос о посольской размене. Предполагалось, что хан отправит гонцов в Москву с русскими служилыми татарами из состава посольства уже 24 июля [Савелов, 2019, с. 74–76].

Ситуация в русско-крымских отношениях оставалась неопределенной. Положение хана на престоле было непрочным, Крыму угрожало вторжение смещенных Портой Мухаммед-Гирея и Шагин-Гирея, нашедших поддержку у запорожцев. Первая попытка вторгнуться на полуостров была предпринята ими уже в ноябре 1628 г. [Новосельский, 1948, с. 136]. С июля по начало августа 1628 г. деятельность С. Андреева сосредоточилась на переводе посланий хана и калги в Москву. Это предусматривалось посольским обычаем. С 21 июля началась подготовка к отпуску крымских гонцов и русских служивых татар. Посланные за списком с посланий хана и калги государю Михаилу Федоровичу служилые татары их доставили, но при переводе Андреев выяснил, что «царское имя написано не сполна» — опущено наименование «самодержец». Пререкания при многочисленных посещениях служивых татар и самого Андреева 23, 25, 27 и 28 июля с ближними царевыми людьми завершились принятием титулатуры «великому государю, брату нашему, и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, государю и многих государств обладателю» [Савелов, 2019, с. 77–80]. Сам текст послания хана, переведенный Андреевым и отправленный

в Москву с А. Бинюковым, содержал не вполне очевидные свидетельства прочности положения хана на бахчисарайском престоле (поддержка Порты и признание его крымской знатью), обвинения Мухаммед-Гирея и Шагин-Гирея в «недружбе» с московским государем, насильстве над его посланниками, и готовность к посольской размене, ответственной за которую являлся Алей князь Сулешев. В послании оговаривалась присылка казны, а также требование свести с Дона казаков [Савелов, 2019, с. 81–85]. Ценность документа определяется тем, что перевод ханского послания, доставленного его гонцом Осман-беком, сделанный уже в Москве, утрачен.

Между тем русская разведка выяснила, что Мухаммед-Гирей и Шагин-Гирей пользуются поддержкой черкасов и имеют сторонников в Крыму [Савелов, 2019, с. 93–94]. Тарбеев и Басов довели это до сведения Посольского приказа в отписках с отправленным в начале августа 1628 г. вместе с крымскими гонцами служилым татаринном А. Бинюковым, который в пути обогнал крымцев и прибыл в Москву в конце августа. Осман-бек приехал в Москву 7 сентября¹⁴. Его сразу отпустили обратно в Крым с извещением о готовности к посольской размене вместе с опытным толмачом служилым татаринном Василием Зянгилдеевым [Виноградов, 2024а, с. 68].

В Москве после расспроса Бинюкова и ознакомления с отписками посланников решили отправить в Крым посольства Л.А. Кологривова и А. Дурова, выступившее из Москвы 29 сентября и 6 ноября 1628 г. прибывшее в Оскол, где находилось до июня 1629 г. [Виноградов, 2023а, с. 69–72]. Посольская размена затягивалась. В ноябре Мухаммед-Гирей и Шагин-Гирей пытались вторгнуться в Крым. Только после провала вторжения Джанибек-Гирей вернулся к подготовке посольской размены. Хан предполагал, что вскоре последует новое вторжение мятежных братьев, что подтверждалось сведениями, собранными русскими служилыми татарами. Джанибек-Гирей в декабре отправил в Москву гонцов во главе с Осман-беком, с которыми посланники отправили служилых татар, в том числе недавно прибывшего В. Зянгилдеева. Русские и крымские гонцы выступили 20 декабря. В этих условиях в декабре С. Андреев возобновил контакты с ближними царевыми людьми, с которыми он встречался вместе с посланниками 26 и 29 декабря¹⁵.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 8. Л. 5.

¹⁵ Там же. 1629 г. Д. 9. Л. 33–34.

С января 1629 г. начался очередной важный период деятельности С. Андреева. 2 января он сообщил о крупных перестановках в бахчисарайских верхах: великим визирем назначили Магметшу-агу, который уже 10 января через вызванного к нему С. Андреева сообщил о согласии хана учинить размену в марте¹⁶. 21 января переводчик, посланный посланниками к Алею князю Сулешеву, вновь утвержденному ханом главным крымским «встречником», сообщил Тарбееву и Басову о требовании главы клана Яшлавских увеличить жалование ближним царевым людям. 26 января Магметша-ага, вызвав к себе Андреева, передал через него посланникам сведения о подготовке вторжения в Крым Мухаммед-Гирея и Шагин-Гирея. В связи с этим великий визирь предупредил о возможном срыве посольской размены, хотя вновь подтвердил намерение хана произвести ее в марте. В это время, весной 1629 г., Семен Андреев ослеп¹⁷. Природа болезни не ясна, но он сохранял работоспособность и действовал в качестве толмача, перманентно выезжая в Бахчисарай для переговоров и перевода послания на слух. Проблема заключалась в том, что сопровождавшие его ранее в поездках в качестве толмачей русские служилые татары А. Бинюков и М. Тавкеев были уже отправлены в Москву с крымскими гонцами. В поездках в Бахчисарай Андреева теперь сопровождал Василий Грызлов, прибывший в Крым в качестве гонца 2 апреля с уведомлением о подготовке к посольской размене. 10 апреля Андреева послали к ближним царевым людям с просьбой об аудиенции в связи с приездом В. Грызлова. 12 апреля Андреева отправили к великому визирю Магметше-аге уже с Грызловым¹⁸. Последний оказался способным учеником Семена Андреева, что определило его дальнейшую успешную карьеру толмача в Посольском приказе.

Ситуация с отпуском посольства, между тем, затягивалась, так как полуострову угрожало очередное вторжение Мухаммед-Гирея и Шагин-Гирея. 19 апреля явившийся на стан в Яшлов Алей князь Сулешев посоветовал посланникам в случае их подхода к Бахчисарая со всем посольством в очередной раз укрыться в Чуфут-Кале¹⁹. Этого не понадобилось: Джанибек-Гирею при поддержке орды Кантемира удалось одержать решающую победу, силы братьев

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1629 г. Д. 9. Л. 35. О Магметше-аге [Новосельский, 1948, с. 185–186]

¹⁷ Там же. Л. 36–44; 1629 г. Д. 6. Л. 3; 1629 г. Д. 12. Л. 3.

¹⁸ Там же. 1629 г. Д. 9. Л. 12, 13.

¹⁹ Там же. Л. 15–16.

были уничтожены в значительной степени благодаря их конфликту с союзными им черкасами. Мухаммед-Гирей погиб, Шагин-Гирею удалось бежать [Новосельский, 1948, с. 136–137; Виноградов, 2025, с. 37]. 28 мая Джанибек-Гирей вступил в Бахчисарай с телом Мухаммед-Гирея. В тот же день, 28 мая, Алей князь Сулешев с людьми калги Девлет-Гирея в ознаменование победы потребовали увеличения выплат хану и его ближним людям²⁰.

4 июня В. Грызлова послали к ближним царевым людям для выяснения ситуации с разменом и с просьбой выдать список послания хана в Москву. 5 июня Андреев и Грызлов были посланы к ближним царевым людям для обсуждения размены. Однако и великий визирь, и казначей дали уклончивые ответы²¹. Ситуация кардинально изменилась, когда 7 июня посланный для вестей в Бахчисарай Грызлов принес сведения об отправлении через Кафу османских чавушей в Москву. Порта, активизировав в условиях очередного конфликта с Речью Посполитой ссылки с Российским государством, одновременно санкционировала и быстрое возобновление русско-крымских ссылок. Андреев, немедленно посланный к Алею князю Сулешеву, вернувшись в Яшлов, сообщил посланникам о согласии хана на отпускную аудиенцию и размену. Развитие получила интрига с переводом Андреевым текста ханского послания к Михаилу Федоровичу, которое должно было везти новое посольство. 9 июня Грызлов привез список послания хана²², Семен Андреев сделал его перевод, обнаружив, что оно не содержит требований унять донских казаков, хотя ранее Магметша-ага оглашал это требование при переговорах. Приглашения на отпускную аудиенцию к хану получено не было, и отпуск посольства вновь откладывался.

В середине июня 1629 г. ситуация в Крыму в очередной раз обострилась. Появились слухи, что в Бахчисарае хан собирает чрезвычайное собрание крымской знати. Андреев и служилые татары были посланы в Бахчисарай провести о «думе» у хана. Выяснилось, что на «думе» обсуждалось убийство практически контролировавшего Крым Кантемира. Последовало бегство главы Буджакской Орды в Кафу, где тот стал собирать силы для похода на Бахчисарай. Очередную вспышку междоусобной войны в Крыму

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1629 г. Д. 9. Л. 18, 21.

²¹ Там же. Л. 25, 26.

²² Там же. Л. 27–28. Это краткое изложение содержания послания. Полный текст в составе 123-го фонда РГАДА отсутствует.

предотвратило вмешательство Порты, фирманом султана удалившего Кантемира из Крыма в его ставку в Ак-Кермане под предлогом организации похода на Речь Посполитую [Новосельский, 1948, с. 187]. После решения проблемы с Кантемиром посланники решили послать С. Андреева и В. Грызлова к великому визирю Магметше-аге с просьбой об отпускной аудиенции. 24 и 25 июня они ездили к великому визирю. Крымская сторона потребовала внесения обязательства свести казаков с Дона в последующие договорные акты. Затем Андреев и Грызлов были призваны к хану, и Джанибек-Гирей лично изложил эти требования для передачи посланникам²³.

По итогам переговоров 26 июня состоялась отпускная аудиенция посланников и В. Грызлова у Джанибек-Гирея, С. Андреев в ней не участвовал. Хан объявил о готовящимся походе калги Девлет-Гирея и Кантемира на Речь Посполитую по распоряжению султана. Как условие дружбы и любви с Москвой Джанибек-Гирей потребовал унять донских казаков («сыскать воров») и прекратить поддержку Москвой совместных нападений запорожских и донских казаков на крымское побережье, причем это являлось главным условием принесения им новой шерти при заключении договора с новым русским посольством. Без внесения в текст договора этих обязательств хан утверждать его своей шертью отказывался. Перед отпуском миссии в Москву посылались крымские гонцы²⁴. Началась подготовка к отъезду посольства из Крыма. Как всегда, она заняла продолжительное время. 29 июня Андреев участвовал в переговорах с Алеем князем Сулешевым об организации условиях размены. В конечном итоге было достигнуто соглашение об отпуске толмача Грызлова с крымскими гонцами в Валуйки с уведомлением о размене²⁵. 16 июля Грызлов уже прибыл к разменным послам, которые в очередной раз ожидали размены в Ельце [Виноградов, 2025, с. 41]. Посольство выступило из Яшлова в Перекоп только в августе. Хан затягивал отпуск посольства, пытаясь с помощью своих связей в Стамбуле прояснить позицию Порты в отношении Москвы.

Ситуация накануне выступления посольства из Перекопа, несмотря на анонсированный крымский поход калги Девлет-Гирея

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1629 г. Д. 9. Л. 1, 3, 4.

²⁴ Там же. Л. 4–8.

²⁵ Там же. Л. 11.

против Речи Посполитой, была сложная. Предполагались проблемы при посольском размене в плане предъявления требований об обуздании Москвой действий донских казаков. В обстановке неопределенности в русско-крымских отношениях хан Джанибек-Гирей включил в состав крымского посольства своего личного эмиссара Апсамета Халифу. На пути к Донцу по поручению посланников переговоры с ним вел Семен Андреев, который, получив от него сведения о возможном конфликте на съезде в государевом шатре при посольской размене с разменными послами, предложил отправить его после перехода Донца непосредственно в Валуйки, куда уже прибыли оба посольства с разменными послами. Напряженности добавляла запутанная интрига с отправлением отпущенных вместе с Грызловым крымских гонцов в Швецию (с санкции Порты). Так как крымская сторона отпускаемых посланников об этом не уведомила, не желая давать им возможности для давления русской дипломатии на посольском съезде и размене, Грызлов по поручению посланников по прибытии в Валуйки известил воеводу крепости о необходимости задержать крымцев, что и было сделано. С. Андреев предупредил Апсамета Халифу, что все гонцы будут задержаны в Валуйках до завершения съезда и размены у реки Ураевой [Виноградов, 2025, с. 42].

3 сентября 1629 г. посольство Тарбеева и Басова с новым крымским посольством Джан-мурзы и крымскими встречниками подошли к реке Ураевой. 4 сентября Андреев и посланники прибыли за реку в русский стан для встречи с разменными послами Ф.Л. Бутурлиным и В. Трескиным и новыми русскими посланниками Л.А. Кологривовым и А. Дуровым. После встречи они отбыли назад в крымский лагерь²⁶. 6 сентября Андреев присутствовал при переговорах в государевом шатре, ознаменовавшихся конфликтом разменных послов с Алеем князем Сулешевым, сперва отказавшимся приносить шерсть на тексте предварительного русского соглашения. После ожесточенных препирательств с русскими разменными послами под давлением Апсамета Халифы глава Яшлавских отступил. 7 сентября состоялась размена. 8 сентября 1629 г. посольство Тарбеева и Басова вместе с новой крымской миссией Джан-мурзы двинулось в Москву²⁷ [Виноградов, 2024а, с. 74–78; Виноградов, 2025, с. 42–43]. Эпопея посольства Тарбеева и Басова

²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1629 г. Д. 9. Кн. 23. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 21 об. – 23 об.; 1629 г. Д. 11. Л. 13.

завершилась, и вместе с ней завершилась крымская служба Андреева. Это был и конец его службы как переводчика: после февраля 1640 г. он скончался [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 50].

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.
- Виноградов А.В.* Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство на завершающем этапе Смуты // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. Вып. 2. М., 2021. С. 22–27.
- Виноградов А.В.* Переводчик Посольского приказа Суналей Тонаев в посольствах в Крымское ханство в 1610-х – 1620-х гг. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. Вып. 3. М., 2023. С. 81–98.
- Виноградов А.В.* Русско-крымские посольские размены 1623–1627 годов // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 8. Белгород, 2023. С. 23–45.
- Виноградов А.В.* Русско-крымская посольская размена 1629 г. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 9. Белгород, 2024. С. 66–88.
- Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения (1598–1619). М., 2024.
- Виноградов А.В.* Посольство С.И. Тарбеева и И. Басова в Крым 1627–1629 гг. // Историк и гражданин: сборник научных работ по истории России позднего Средневековья и Нового времени. К 85-летию В.А. Артамонова. М., 2025. С. 24–44.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–1628 гг. М., 2019.

К вопросу о происхождении семейства Элмесов и их дальнейшей жизни в Московии

В начале сентября 1599 г. в столицу Московского государства приехал Т. Уиллис — посол от английской королевы Елизаветы I Тюдор и доктор, приглашенный занять место придворного врача и призванный заменить на этом поприще М. Ридли¹. В «донесении о своем путешествии в Россию» Уиллис сообщает, что утром 6 сентября по приказу думного дьяка Посольского приказа В.Я. Щелкалова за ним были посланы некий «голландский» пристав и толмач с английского языка². Последний — Джон Элмес, также известный как Иван Фомин — был переводчиком Уиллиса в ходе его посольства. Примечательно, что это был далеко не единственный вклад Джона в события англо-русских отношений конца XVI — первой половины XVII вв. Во время службы в Посольском приказе он принимал участие в переводе целого ряда документов с английского [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 38]. Вдобавок, Джон владел шотландским, шведским и немецким языками, что позволяло ему использовать их с той или иной интенсивностью в своей профессиональной деятельности [Там же, с. 36].

Происхождение Джона Элмеса вызывает серьезные разночтения в историографии. По мнению ряда исследователей, Элмес родился и вырос в Московии в семье служилых англичан, о чем может говорить его уровень владения английским языком [Там же]. По другому предположению, переводчик мог происходить из семьи ливонских немцев [Wagh, Maier, 2023, p. 202]. В качестве возможных доказательств этой теории следует отметить, что во время учебы в Кембридже сын Элмеса Ганс был отмечен в университет-

¹ Марк Ридли (1560–1624 гг.) — английский доктор и выпускник Кембриджского университета, прослуживший в качестве придворного врача при царе Федоре Ивановиче с 1594 по 1598 гг. После возвращения в Англию продолжил занятия медицинской практикой и сделал успешную карьеру на этом поприще в Лондоне (DNB, 1885–1900, Vol. 48. P. 285).

² BL. Cotton MS. Nero B. XI. Doctor Willies his Relation of his Journey to Russia. P. 400.

ских бумагах как «allemanus» [Appleby, 1979, p. 41]. Еще одним косвенным доказательством немецкого происхождения переводчика можно назвать пожертвование, сделанное Джоном в 1622 г. в пользу лютеранской общины в Москве [Waugh, Maier, 2023, p. 202]. Некоторые авторы не находят эти доводы убедительными и говорят о невозможности установления происхождения Джона Элмеса [Dumschat, 2006, s. 630–631]. Несмотря на вышесказанное, в тексте этой статьи я не только намерен вступить в существующую в историографии дискуссию и поддержать теорию об английском происхождении семейства Элмесов, но и выскажу свою версию появления этого рода в Московском государстве.

Известно, что Джон Элмес начал заниматься переводческой деятельностью еще в 1580 г., будучи толмачом у своего деда — некоего «доктора Романа» [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 36] Невзирая на то, что эта зацепка серьезно сужает поиски до определенной профессиональной и возрастной группы, историки так и не предприняли попытку идентификации этого доктора. По моему предположению, под именем «Роман» может скрываться английский врач и аптекарь Ричард Элмес, прослуживший при дворе Ивана IV не одно десятилетие [Змеев, 1896, с. 160–161; Dumschat, 2006, s. 600]. Примечательно, что Ричард прибыл в Московию вместе с другим английским медиком — доктором Ральфом Стэндишем³ — в составе дипломатической миссии Энтони Дженкинсона в 1557 г. Но если о Стэндише известно, что его пребывание при дворе было прервано преждевременной смертью в 1559 г. [Таймасова, 2008, с. 15], то Элмес был на службе в качестве врача в Московском государстве по крайней мере 26 лет [Dumschat, 2006, s. 600]. Тем не менее, нахождение последнего на царской службе вряд ли было легким. По мнению М.Б. Мирского, некий проступок Элмеса стал причиной гнева со стороны Ивана IV, из-за чего врач не только потерял прежний уровень доверия при дворе, но и не мог покинуть страну в течение долгого времени [Мирский, 2005, с. 69].

Ричард Элмес находился в Московском государстве вплоть до смерти царя в 1584 г., когда был отпущен в Англию вместе со вдо-

³ Ральф Стэндиш (после 1520–1559 гг.) — английский врач, получивший образование в Кембридже в 1540–1550-е гг. Через несколько лет он стал обладателем лицензии на ведение медицинской деятельности, вскоре после чего отправился на службу в Московское государство (*Munk W. Lives of the Fellows of the Royal College of Physicians, 1518–1800. London, 1888, Vol. I. P. 56.*)

вой астролога и лекаря Элизеуса Бомелия⁴ и врачом Робертом Якобом⁵. Несмотря на это, Ричард и Джон Элмеса проживали в Москве в начале 1580-х гг. Стоит отметить, что последний поступил на службу в Посольский приказ не позднее 1589 г. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 36], что никаким образом не противоречит возможности предыдущей работы в качестве толмача для его деда Ричарда — или же упомянутого выше «доктора Романа».

О Джоне Элмесе до нас дошло больше сведений, чем о его деде и, тем более, отце, личность которого еще предстоит установить⁶. Если не сосредотачиваться на богатом опыте работы в дипломатической сфере, включающем участие в посольских миссиях в Швецию, Данию, Мекленбург, Священную Римскую империю и Голштинию между 1614 и 1641 гг., он был вовлечен в самые разнообразные формы переводческой деятельности. В частности, в 1618 г. Джон стал толмачом на русско-шведских переговорах, а в 1634 г. выступил в том же качестве во время встречи голштинского посольства в Москве [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 37]. Примечательно, что Джон Элмес находился на службе в Посольском приказе вплоть до середины 1650-х гг. [Там же, с. 36]. Л.В. Волков полагал, что переводчик умер от чумы в 1654 г., когда количество сотрудников приказа сократилось с 15 до 5 человек [Волков, 1978, с. 154].

⁴ Элизеус Бомелий (1530–1574/9) — английский астролог и врач голландского происхождения, получивший степень доктора медицины в Кембридже. Получил достаточно быстрое признание на своем поприще в Лондоне, что не смогло спасти его от проблем с законом. Чтобы уйти от правовых последствий работы без лицензии, Бомелий поступил на службу к Ивану IV. Через несколько лет он попал в опалу, из-за чего оказался в тюрьме, где и умер (DNB. 1885–1900, Vol. 5. Pp. 334–335).

⁵ Роберт Якоб (ум. в 1588 г.) — английский доктор, получивший образование в Кембридже и Базельском университете. После обучения он стал придворным врачом Елизаветы I, рекомендовавшей его для службы в Московском государстве. Якоб не только известен как лекарь Ивана IV, но и как человек, предложивший русскому царю идею брака с Марией Гастингс (DNB. 1885–1900, Vol. 29. P. 122).

⁶ И. Майер и Д. Уо отмечают, что в документах Посольского приказа XVI–XVII вв. достаточно часто можно встретить обращение к отдельным людям по их отчеству. Если говорить о случае Джона Элмеса, или же Ивана Фомина, то его часто называли «Фомин сын» — из чего можно предположить, что отца Джона звали Томасом (*Daniel C. Waugh, I. Maier. Cross-Cultural Communication. P. 202*).

Не менее интересно сложилась судьба и одного из детей Джона Элмеса — Ганса⁷. Еще во время миссии 1614—1617 гг. к габсбургскому двору жена Джона — Марья — обратилась к английскому послу и купцу Джону Меррику с просьбой отвезти ее сына в Англию для изучения языка [Waugh, Maier, 2023, p. 203]. О дальнейшем развитии этой истории можно узнать из переписки между Карлом I и Михаилом Федоровичем. В послании английского короля от 23 апреля 1629 г. сообщается, что Ганс Элмес учится в Кембридже и уже преуспел в изучении английского, латинского и греческого языков. Помимо того, Ганс отправился во Францию с целью получения «дальнейшего опыта», а также освоил медицину и другие науки⁸. В грамоте от 20 мая 1631 г. упоминается возвращение Ганса в Лондон, где ему должны были предоставить доступ ко всем «упражнениям и лекциям», полезным для его обучения⁹.

Дальнейшая судьба Ганса Элмеса является предметом дискуссии. И. Майер и Д. Уо считают, что как и в случае со студентами, «отправленными за границу Борисом Годуновым, нет никаких правдоподобных доказательств, что он [Ганс] когда либо возвращался в Россию» [Waugh, Maier, 2023, p. 203]. Ряд исследователей придерживаются иной точки зрения, согласно которой Ганс вернулся в Россию в 1642 г. [Волков, 1978, с. 155; Dumschat, 2006, s. 631]. В качестве подтверждения этих слов С. Думшат приводит ссылки на письма английских купцов, где упоминается возвращение Ганса в Московию [Dumschat, 2006, s. 631]. Еще одним доказательством в пользу этой версии можно назвать послание Карла I от 30 марта 1642 г., где упоминается возвращение в Русское государство подданного царя — доктора Элмеса — получившего в Англии медицинское образование¹⁰.

Подводя итог, повторю основные идеи моего исследования. Вероятно, четыре поколения семейства Элмесов — Ричард, Томас, Джон и Ганс — провели в Московском государстве около 100 лет. Представители этой английской фамилии занимали разные должности и положение в России. Двое из Элмесов занимались врачебной деятельностью, один находился на службе в качестве переводчика Посольского приказа не менее 60 лет. Несмотря на внуши-

⁷ В некоторых источниках его также называют Джоном, Иваном и Иоганном (Dumschat S. Ausländische Mediziner. S. 630).

⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. Д. 42. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 58. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 77. Л. 1.

тельную историографию, в истории семейства Элмесов остается ряд незакрытых лагун. Один из примеров – вопрос о Томасе Элмесе, чья идентификация может стать одной из ключевых задач в изучении истории этой семьи в Московском государстве.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.
- Волков Л.В.* О переводчиках научной литературы // Естественные представления Древней Руси. Сборник статей М., 1978. С. 148–155.
- Змеев Л.Ф.* Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896.
- Мирский М.Б.* Медицина в России X–XX веков: очерки истории. М., 2005.
- Таймасова Ю.Л.* Английские лекари в России во второй половине XVI века // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2008. Вып. 4. С. 13–29.
- Daniel C. Waugh, I. Maier.* Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle and Uppsala, 2023.
- Dumschat S.* Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.
- John H. Appleby.* Dr Arthur Dee: Merchant and Litigant // The Slavonic and East European Review, Jan., 1979, Vol. 57, № 1 (Jan. 1979). Pp. 32–55.
- Munk W.* Lives of the Fellows of the Royal College of Physicians, 1518–1800. London, 1888, Vol. I.

Забайкальские толмачи во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.: персональный состав, численность и языковой потенциал

В последние десятилетия в российской исторической науке растет внимание исследователей к деятельности и роли переводчиков и толмачей на службе Российскому государству, особенно в XVI—XVII вв.¹, что вполне оправдано и объяснимо: именно в эти века преимущественно моноэтническое (русское) Московское княжество превратилось в полиэтничную Российскую империю и, соответственно, актуальной являлась задача выстраивания коммуникации российских властей и их представителей на местах с иноязычным (нерусским) населением и их правителями. Данная коммуникация с российской стороны преследовала цель либо инкорпорации «иных» народов в состав России, либо выстраивание с ними отношений, закреплявших успехи или минимизировавших потери России на международной арене. При этом в поле зрения исследователей находится преимущественно европейский «театр» русско-нерусского взаимодействия, в котором участвовали переводчики и толмачи (см., например: [Переводчики и переводы, 2019; Переводчики и переводы, 2021; Переводчики и переводы, 2023; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин; Моисеев; Ерусалимский]). Деятельность же последних на просторах Азии, в том числе в Сибири, в XVI—XVII вв. редко оказывается в фокусе исследовательского интереса историков. К настоящему времени опубликовано лишь несколько статей, специально посвященных толмачам, работавшим на азиатском «театре» в тот период, когда Сибирь стала частью Российского государства [Акишин; Люцидарская, 2010; Люцидарская, 2011; Малов, Смирнова; Пузанов, 2020; Пузанов, 2021а; Пузанов, 2021б; Пузанов, 2023].

¹ В историографии общепризнано, что толмачами в России в то время называли тех, кто мог осуществлять устный перевод (хотя бы даже приблизительный) с одного языка на другой, переводчиками — тех, кто, кроме качественного устного перевода, мог делать и перевод письменных текстов.

Настоящая статья посвящена выявлению состава и численности толмачей, действовавших в одном из сибирских регионов — Забайкалье. Здесь российские власти и их представители на местах помимо взаимодействия с приведенными в подданство царю народами вступили в интенсивные (как мирные, так и военные) контакты с политическими объединениями халха-монголов (далее — монголов) и маньчжурским Цинским Китаем, которые во второй половине XVII в. не только активно противодействовали российской экспансии за пределы Забайкалья, но и стремились вытеснить русских из этого региона. Упоминания о забайкальских толмачах, очень редкие и краткие, встречаются в трудах по истории присоединения Забайкалья к России [Александров; Залкинд], истории служилых людей данного региона [Багрин; Леонтьева] и российско-монгольско-маньчжурских взаимоотношений [Мясников; Чимитдоржиев; Шастина; Яковлева]. Есть лишь две публикации, в которых систематизированы сведения о некоторых забайкальских толмачах, извлеченные из опубликованных и архивных источников [Акишин; Полухина].

В Забайкалье русские землепроходцы вступили в контакты с теми этнотерриториальными группами, языки которых им были уже знакомы — монголоязычными братьями («братскими людьми» — будущими бурятами), табунгутами, монголами и тунгусоязычными тунгусами. С этими языками русские познакомились и стали осваивать их в ходе общения с обитателями степей, прилегающих с юга к Западной Сибири, и территории от Енисея до Байкала — с монголами-ойратами, монголами-хотогойтами, братьями и тунгусами. Поэтому неудивительно, что среди русских землепроходцев, пришедших в Забайкалье, были толмачи, которые без особых проблем обеспечили коммуникацию с местным населением на их языках. Об этом убедительно свидетельствует информация о первых контактах русских с монголами и тунгусами.

Толмачи присутствовали в составе отрядов казачьего десятника К. Иванова (Москвитина) (1646 г.), стрельца (или казачьего десятника?) Я. Кулакова (1647 г.) и сына боярского И. Похабова (1647 г.), ведших переговоры с монгольским цецен-ханом Шолоем и табунгутским Турухай-табуном, в посольстве сына боярского Я. Зaboлoцкoгo к тем же монгольским предводителям (1650 г.), в отрядах землепроходцев, действовавших в Забайкалье в 1650-х гг., в «полку» первого воеводы А.Ф. Пашкова, прибывшего в Забайкалье в 1657 г. Ясно, что эти толмачи приходили в Забайкалье из других сибир-

ских регионов. Сохранившаяся информация не дает возможности точно определить статус и этничность большинства из них. Толмачи при Москвитине и Похабове в документах упоминаются вообще без имени, при Кулакове находился толмач Ганька Семенов², при Заболоцком – толмач из Тобольска Панфил Семенов³, при Пашкове – толмач Андрей Колча⁴, в отрядах землепроходцев – толмачи Игнат Бородин и Григорий Антонов⁵.

Обозначение в источниках этих людей толмачами позволяет предполагать, что таковыми они либо являлись по должности, т.е. были служилыми людьми и имели, выражаясь языком XVII в., чин толмача (например, П. Семенов и, возможно, А. Колча – даур, попавший в плен к казакам на Амуре, отправленный в Москву и там назначенный, видимо, из Сибирского приказа толмачом в «полк» Пашкова), либо по временной обязанности – исполняли функцию толмача в течение какого-то срока в силу необходимости и знания «иноземческого» языка. При этом не исключено, что кто-то из названных выше толмачей, помимо Колчи, являлся выходцем из сибирских автохтонов, принявших православие и зачисленных в служилые люди (практика весьма распространенная в Сибири в XVII в.).

Однако во многих отчетных документах землепроходцев и Пашкова (отписках, сказках, расспросных речах) при описании контактов (мирных или военных) с местным населением вообще не упоминаются толмачи, хотя сообщается о ведении переговоров с представителями этого населения по самым разным вопросам. И это свидетельствует о том, что среди землепроходцев были те, кто, хотя и не назывался толмачом, но в достаточной степени владел монгольским и/или тунгусским языком, что позволяло осуществлять языковой перевод, понятный всем контрагентам коммуникации.

² РМО. 1636–1654: сб. док. М., 1974. С. 315–319, 329–332, 339–341.

³ Там же. С. 345–346, 365, 386, 387.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 319, 329. Пашков планировал взять с собой «для толмачества китайского, и даурского, и тунгусково языков» китайца (китайское имя Тенур), который в 1654 г. попал в плен к русским казакам на Амуре, был крещен в Тимофея Иванова, после чего отправлен в Якутск, откуда по дороге в Москву прибыл в Енисейск. Здесь Пашков зачислил его в свой полк. Однако в июле 1655 г. «толмач Тимошка своровал, по подговору Ивана Акинфова (енисейского воеводы в 1655–1657 гг. – А.З.) ... з дороги с Енисея-реки в Енисейской острог збежал к нему, Ивану Акинфору, на двор. И Иван Акинфов тово толмача Тимошку из Енисейсково острогу свез с собою к Москве» [Зуев, 2012].

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 337, 341, 344.

В качестве примера приведу описание сыном боярским П.И. Бекетовым общения его казаков Федора Афанасьева, Любима Пермитина и Федоса Васильева Донщины с монголами. Этим казакам в апреле 1653 г. Бекетов послал из зимовья, поставленного им на «усть Прорвы-реки» (где-то в районе устья р. Селенги), для объясачивания окрестных «бращких, и тунгуских людей, и мунгальских людей». Вернувшись 9 июня того же года, они рассказали Бекетову, что случайно оказались в ставке монгольского «Култуцина-царевича» (будущего алтын-хана Лубсан-сайн Эринчин-хунтайджи). С их слов Бекетов изложил в своей отписке содержание разговоров «царевича» и казаков. Закончив же изложение, он указал, что все три упомянутых казака «языку досужи мунгальскому, и брацкому, и тунгускому», хотя ни разу не назвал их толмачами⁶.

Размещение в Забайкалье в построенных укрепленных пунктах (острогах) постоянных русских гарнизонов (состоявших из служилых людей) и администрации (приказчиков, а в Нерчинском остроге с 1681 г. — воевод), организация и проведение ежегодного сбора ясака с подчиненного населения и управление им, а также необходимость вести переговоры с не признававшими российскую власть монголами, отношения с которыми часто из мирных становились конфликтными и наоборот, привели к появлению с 1660-х гг. собственно забайкальских кадров толмачей. С этого времени они часто упоминаются в источниках, но эти упоминания отрывочны, малоинформативны и не позволяют с достаточной степенью полноты определить численность и состав тех, кто осуществлял переводческую деятельность. Тем не менее, знакомство с документами позволяет утверждать, что толмачи в Забайкалье, как в прочих сибирских регионах, были представлены двумя основными категориями⁷.

К первой, самой многочисленной группе, можно отнести тех, кто временно (*от случая к случаю или часто*) исполняли обязанности толмачей, но являлись по служилому чину казаками. Об их временной толмаческой функции убедительно свидетельствует то, что в источниках они называются толмачами лишь в контексте коммуникации с иноземцами, в прочих же случаях фигурируют как казаки. Надежными источниками, подтверждающими реальный чин

⁶ РМО. 1636–1654. С. 389–392.

⁷ О категориях сибирских толмачей см. также: [Пузанов, 2020; Пузанов, 2021б].

таких временных толмачей, являются именные окладные книги с указанием размера жалованья служилым людям и именные списки/книги на выдачу жалованья. Их составляли ежегодно, фиксируя чин каждого служилого человека.

Таковыми казаками, привлекаемыми к толмачеству, были: в Се-ленгинском остроге – Афанасий Федорович Байдон (как толмач упоминается в 1665 г.; владел тунгусским (далее – тунг.) и монгольским (монг.) языками)⁸, Тарас Афанасьев (1665, 1666, 1668, 1675 гг.; монг.)⁹, Иван Григорьевич Бодорой (1673, 1681, 1682, 1684 гг.; монг.)¹⁰, Тимофей Иванов (1675, 1676 гг., китайский) (см. о нем ниже), Константин Дрокин (1684 г.; монг.)¹¹, Павел Михайлович Черемной (Чермной, он же Томской; 1682, 1687 гг.; монг.)¹², Иван Матвеевич Шарапов (1687, 1688 гг.; монг.)¹³, Кондратий Тихонов (1687–1689 гг.; монг.)¹⁴, Клим Турчанинов (1688, 1690, 1691 гг.; монг.)¹⁵, Семен Дмитриевич Краснояр (1689, 1690, 1693 гг.; монг.)¹⁶, Иван Татаринов (1691 г.; неизв. яз.)¹⁷, в Баргузинском остроге – Дмитрий Жаравлев (1682, 1685/86 гг.; тунг.)¹⁸, в Нерчинском остроге – Киприан Никитин (1669 г.; неизв. яз.) [Багрин, с. 179], Афанасий Федоров (1670 г.; неизв. яз.)¹⁹, Максим

⁸ РМО. 1654–1685: сб. док. М., 1996. С. 133.

⁹ Там же. С. 131, 137, 144, 193, 290, 300; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 583. Л. 226 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 768. Л. 277; Кн. 941. Л. 293 об.; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 50–53; Стб. 63. Л. 135. РМО. 1654–1685. С. 375, 380, 426, 502; *Спафарий Н.* Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева. СПб., 1882. С. 163–164.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 75. Л. 111.

¹² Там же. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 52; Стб. 63. Л. 135; РМО. 1654–1685. С. 396, 398; РМО. 1685–1691: сб. док. М., 2000. С. 81, 124, 129, 154; РКО в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. М., 1972. С. 230, 231, 243, 244, 246–248, 264, 273, 289. Убит монголами в 1687 г. (РМО. 1685–1691. С. 154).

¹³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 113, 114, 116–118, 120–122, 125–128, 144, 136–137, 196, 198, 220, 226, 289, 369. Убит монголами в 1688 г. (РМО. 1685–1691. С. 154).

¹⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 215, 252, 257; РМО. 1685–1691. С. 146, 155, 201.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1061, ч. 2. Л. 59; Оп. 4. Стб. 144. Л. 150; РКО в XVII в. Т. 2. С. 233, 245, 364; РМО. 1685–1691. С. 135, 270, 315, 368.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 144. Л. 270–271; РКО в XVII в. Т. 2. С. 633–634, 640; РМО. 1685–1691. С. 246, 279, 437.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1061, ч. 2. Л. 58; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 213. Л. 69.

¹⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 768. Л. 271 об.; Кн. 941. Л. 288 об.; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 81. Л. 46.

¹⁹ РКО в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. М., 1969. С. 270.

Ларионович Изока (1673/74 г.; тунг. и монг.)²⁰, Яков Ларионович Галка (1675–1677 гг.; тунг. и монг.) [Багрин, с. 531], Григорий Харитонович Куча (1675 г.; тунг. и монг.)²¹ [Багрин, с. 205, 212, 531], Сафрон Анисимов (1675–1677 гг.; тунг.)²² [Багрин, с. 531], Евдоким Алексеевич Анисьев (1675 г.; тунг.)²³, Дмитрий Еремеевич Суетин (1675–1677, 1680, 1681, 1689, 1690 гг.; монг. и тунг.)²⁴ [Яковлева, с. 116–117; Багрин, с. 206, 252, 531, 565], Григорий Семенович Расторгуев (1675–1677, 1682, 1684 гг.; монг. и тунг.)²⁵ [Багрин, с. 531], Иван Ларионов (1680 г., монг. и тунг.)²⁶, Изот Ларионов (1680 г., монг. и тунг.)²⁷, Семен Гаврилович Молодой (1681 г.; тунг. и, возможно, монг.)²⁸, Данила Семенович Жучердей (иногда упоминался как Новокрещен; 1689, 1691, 1692 гг.; тунг.)²⁹ [Багрин, с. 565], Федор Иванович Зябликов (1690 г.; монг.)³⁰ [Багрин, с. 565], Артемий Петрович Мунгал (1690/91 г.; монг. и тунг.)³¹ [Багрин, с. 269, 274, 276], Михаил Павлович Гантимуров (1692 г.; тунг. и, возможно, монг.)³², Трофим Иванович Усков (1692 г.; тунг.)³³, в Читинской слободе – Андрей Баженов (1692 г.; неизв. яз.)³⁴, в Итанцинском остроге – Василий Григорьев (1691/92 г.; неизв. яз.)³⁵. В Нерчинском остроге также служили два казака, чьи прозвища явно указывают на то, что они привлекались к толмачеству – Яков Толмач

²⁰ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 20. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; РМО. 1654–1685. С. 277.

²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44.

²³ РКО в XVII в. Т. 1. С. 482, 519.

²⁴ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–17, 23–27; ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 330–331; РМО. 1654–1685. С. 303; РМО. 1685–1691. С. 277, 358; РКО в XVII в. Т. 2. С. 409, 472, 558–560; Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: Документы и материалы. Иркутск, 2014. С. 252.

²⁵ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 10. Л. 7; Д. 26. Л. 3, 4, 58; Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. С. 232.

²⁶ Исторический выбор... С. 252, 253.

²⁷ Там же. С. 253.

²⁸ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.

²⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 782. Л. 291 об., 323; Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.

³⁰ РКО в XVII в. Т. 2. С. 496, 501.

³¹ В конце 1680-х гг. был казаком и толмачом в Албазинском остроге, затем зачислен в гарнизон Нерчинска (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1061, ч. 2. Л. 130; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 39. Л. 41, 43).

³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 67. Л. 7.

³³ Там же. Л. 11.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1574. Л. 73 об.; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 265. Л. 27.

³⁵ Там же. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 293. Л. 27.

(1677 г.; неизв. яз.)³⁶ и Иван Толмач (1681 г.; неизв. яз.)³⁷. Всего в Забайкалье в последней трети XVII – первой четверти XVIII в. были следующие остроги: Баргузинский, Баунтовский, Ильинский (до 1688 г. слобода), Кабанский (до 1692 г. – слобода), Кучидский, Селенгинский (далее – Селенгинск), Удинский (далее – Удинск) – относились к забайкальской части Иркутского уезда, Аргунский, Еравнинский, Иргенский, Итанцинский, Нерчинский (далее – Нерчинск), Телембинский, Читинский (до 1710-х гг. – слобода) – входили в состав Нерчинского уезда.

Вторая категория – это *штатные толмачи*, те, кто, будучи служилыми людьми, в окладных книгах фигурировали именно как толмачи, т.е. имели чин толмача. В документах они нередко назывались также городовыми толмачами. В окладных же книгах их имена и фамилии всегда писали сразу после конных казаков, поскольку те и другие получали одинаковое жалованье. Видимо, поэтому к толмачам применялось, правда, очень редко, еще одно официальное наименование – конные казаки толмачи. Когда именно штатные толмачи появились в забайкальских гарнизонах, неизвестно. Окладные книги жалованья, где прописывали чины служилых людей, сохранились лишь за отдельные годы. Тем не менее, эти книги, а также сведения из других документов позволяют предположить, что чины толмачей стали вводиться в кадровый состав забайкальских гарнизонов со второй половины 1670-х – первой половины 1680-х гг.

В декабре 1677 г. некий «сирота» Иван Калмак подал челобитную в Нерчинскую приказную избу с просьбой «приверстать» его «в талмачи выбылое место преже бывшево талмача Тихона Кузьмина»³⁸. Поручителями за Ивана при верстании выступили несколько нерчинских служилых людей: «поручилися в Нерчинском остроге по новоприборному талмачю по Иване Ларионове сыне Колмаке, что быти ему в Нерчинском остроге в государеве службе в талмачах и служить ему, Ивану, в ряд с служилыми людьми»³⁹ (каким языком владел Иван Калмак, неизвестно). Формулировки челобитной и поручительства говорят о том, что в нерчинском гар-

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

³⁷ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

³⁸ Тихон Кузьмин упоминается как толмач в 1675–1677 гг. (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 10. Л. 1) [Багрин, с. 531].

³⁹ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2. Калмак был зачислен в толмачи вместо Кузьмина в январе 1678 г. [Багрин, с. 544].

низоне к концу 1677 г. была по крайней мере одна штатная должность толмача.

В 1681/82 г. в Нерчинске в чине толмачей служили три человека (И.Л. Калмак, Я.Л. Галка и Г.Х. Куча), в Телембинском остроге — еще один (М.Л. Изока)⁴⁰ [Багрин, с. 229, 551]. Трое последних как штатные толмачи значатся в окладных книгах служилых людей Нерчинского уезда 1684–1689 гг.⁴¹, а также упоминаются под этими же годами в других документах, в том числе зафиксировавших разного рода переговоры⁴². В 1690 г. среди служилых людей того же уезда было только два штатных толмача [Багрин, с. 362]. Галка как городской толмач Нерчинска упоминается в 1691–1692, 1698 гг.⁴³, Изока как толмач Телембинского острога — в 1688, 1691 и 1692 гг.⁴⁴ [Багрин, с. 571]. По данным «Окладной книги Сибири», составленной в 1697 г., в Нерчинске было три штатных толмача⁴⁵. В окладной книге 1699 г. указано уже шесть толмачей: в Нерчинске — Я.Л. Галка, Д.Е. Суетин, Яков Кожевник (неизв. яз.), Семен Кузьмич Томской (неизв. яз.), Фирс Потапович Хлуденев (монг.), в Телембинском остроге — М.Л. Изока⁴⁶.

К середине 1680-х гг. штатные толмачи появились в Селенгинске. Это утверждение основано на челобитной селенгинских служилых людей Г.Д. Уразова и П.П. Киргиза 1692 г., в которой сообщается, что «в прошлых... годах... указано быть... в Селенгинску для... толмачества... четыре человека»⁴⁷. Случилось это точно после 1683 г., поскольку в окладных книгах по Селенгинску за 1683

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 112; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 20. Л. 29; Д. 22. Л. 89; ДАИ. Т. 10. С. 227, 256.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 782. Л. 48 об., 81 об., 160, 232 об., 293 об., 324 об.; ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 90; Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886. С. 2.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1061, ч. 1. Л. 16; ч. 2. Л. 27; Стб. 1355. Л. 66 об.; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 33. Л. 40; Д. 43. Л. 33, 57; Д. 44. Л. 13, 15, 52, 57; Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 58. Л. 1; РМО. 1685–1691. С. 144, 145, 164, 167, 168, 170, 171, 421; РКО в XVII в. Т. 2. С. 350, 472, 476, 524, 540, 568, 577, 607, 785.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1292. Л. 279; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 265. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 265. Л. 26, 26об.; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 44. Л. 48; РМО. 1685–1691. С. 164; РКО в XVII в. Т. 2. С. 476, 524, 540, 568, 577, 607, 785.

⁴⁵ Окладная книга Сибири 1697 года. М., 2015. С. 244.

⁴⁶ Сибирские города... С. 10–11. Из них Д.Е. Суетин значится как убитый в 1697/98 г.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 114. Л. 46.

и более ранние годы должности толмачей отсутствуют⁴⁸. За 1684–1692 гг. таковых книг по тому же острогу пока не обнаружено. Поэтому вполне можно предположить, что «прошлые годы» относятся наиболее вероятно к середине 1680-х гг.

Из четырех упомянутых в челобитной толмачей удалось точно установить личности двух. Первый селенгинский толмач — Тарас Афанасьев. Он был участником строительства Селенгинска в 1665 г. В «книге раздаточной деньгам и товарам селенгинским служилым людям» за 1667/68–1669/70 гг. он значится как новоприобретенный казак⁴⁹, и это позволяет говорить о том, что в служилые люди его поверстали уже после возведения острога. С 1665 г., оставаясь в чине казака, Тарас привлекался к исполнению функций толмача. В декабре 1675 г. он в составе служилых людей, сопровождавших из Селенгинска послов тушету-хана Чихунь Доржи, кутухты Ундур-тегена и хунтайджи Шидишири-Батура, прибыл в Москву, в марте 1677 г. упоминается уже как толмач Посольского приказа⁵⁰ [Беляков, 2017, с. 283]. Как долго он пробыл в этой должности и по какой причине его отставили с нее, неизвестно. Но в 1680-х гг. Тарас в документах фигурирует (особенно часто с 1684 г.) уже исключительно как селенгинский толмач, т.е. как должностное лицо, основной обязанностью которого было осуществление переводческой деятельности⁵¹. В последующие годы (после 1689 г.) его имя уже не встречается среди толмачей. Второй селенгинский толмач — Иван Белогубов (монг.), в 1690–1691 гг. он значился на «годовой» службе в Удинске⁵² [Багрин, с. 656].

В той же челобитной сообщалось, что к 1692 г. из четырех селенгинских толмачей «один человек умер, а другой толмач постарел... и в посылке никуда для толмачества ево... послать нельзя»⁵³. В феврале того же года челобитчиков селенгинских казачьего десятника

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 941, 583, 768.

⁴⁹ Там же. Кн. 583. Л. 226 об.

⁵⁰ РМО. 1654–1685. С. 131, 137, 144, 145, 192–194, 300, 302.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 49–50, 52, 64; Стб. 37. Л. 3; Стб. 63. Л. 37, 92; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 273, 396; РМО. 1654–1685. С. 394–395, 397, 398–399; РМО. 1685–1691. С. 24, 28–65, 75–76, 85, 91, 92, 95, 97, 107, 108, 111–113, 116, 117, 158; РКО в XVII в. Т. 1. С. 257, 292; РКО в XVII в. Т. 2. С. 103, 154–155, 186, 197–199, 202, 204–206, 211–212, 228, 257, 258, 292, 295, 303, 306, 308, 356, 359, 364, 367, 371, 372, 374–376, 378, 382, 386, 409, 445, 448, 454, 473, 479, 482, 488, 607.

⁵² Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Д. 26. Л. 11; РМО. 1685–1691. С. 342.

⁵³ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 114. Л. 46. Умерший толмач — это, скорее всего, Т. Афанасьев.

Гурия Даниловича Уразова и рядового казака Петра Парамоновича Киргиза «приверстали» «по Селенгинску в городовые толмачи»⁵⁴. К тому времени они уже привлекались к исполнению толмаческих обязанностей: Уразов в качестве толмача упоминается в 1689/90 и 1691 г. (монг.)⁵⁵, Киргиз – в 1691 г. (монг.)⁵⁶. В окладной книге жалованья по Селенгинску 1693 г. оба они значатся штатными толмачами⁵⁷. Но только они. В документах, посвященных разного рода контактам российской стороны с монголами, табунгутами, ойратами (джунгарами) и маньчжурами, в которых были задействованы селенгинские служилые люди, в качестве штатных селенгинских толмачей фигурируют исключительно Уразов и Киргиз: первый – в 1692–1698 гг.⁵⁸, второй – в 1692–1703 гг.⁵⁹ Можно полагать, что власти сочли достаточным наличие в Селенгинске двух штатных толмачей. К тому же в соседнем Удинске появился свой штатный толмач: в 1691 г. таковым обозначен Герасим Емельянович Плотников (монг.)⁶⁰. Правда, к 1697 г. в этом остроге уже не было штатного толмача⁶¹.

Таким образом, штатные (городовые) толмачи в последней четверти XVII в. появились в Селенгинске, Нерчинске, Телембинском остроге и на короткое время – в Удинске, причем их численность периодически менялась. Во всех прочих забайкальских острогах штатных толмачей не было. Сроки их появления в Забайкалье и их численность (из расчета на отдельный гарнизон) примерно были такими же, как и в других сибирских регионах. Там также штатные

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 114. Л. 46–46 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Д. 129. Л. 6; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 3. СПб., 1884. Стб. 403–404.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 144. Л. 260–263, 282–292; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 213. Л. 34–35; Стб. 293. Л. 13; Стб. 394. Л. 4; РКО в XVII в. Т. 2. С. 617; РМО. 1685–1691. С. 342.

⁵⁶ РМО. 1685–1691. С. 312, 342.

⁵⁷ Сибирские города... С. 46.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 144. Л. 1–7, 172–173, 249–252, 264, 270–271; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 271. Л. 37; Оп. 2. Стб. 167. Л. 1–4; Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Д. 121. Л. 3; ДАИ. Т. 10. С. 286–288, 292, 374–375; РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. М., 1978. С. 14. Последнее известное нам упоминание о Г.Д. Уразове относится к 1702 г. [Силин, с. 43].

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 144. Л. 185–186; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 293. Л. 38; Стб. 394. Л. 4; Оп. 2. Стб. 167. Л. 1; ДАИ. Т. 10. С. 289, 291, 295; РКО в XVIII в. Т. 1. с. 52–54, 61, 588–589. Последнее известное упоминание о П.П. Киргизе относится к 1703 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 626–627).

⁶⁰ РМО. 1685–1691. С. 312.

⁶¹ Окладная книга Сибири 1697 года. С. 240.

толмачи в составе гарнизонов (но не всех) появлялись не сразу, а спустя некоторое время после формирования гарнизонов, и их численность на протяжении XVII в. варьировалась от 1 до 10 человек [Пузанов, 2020; Пузанов, 2021а].

Перечисленными выше поименно толмачами, как временными, так и штатными, явно не ограничивался состав тех представителей российской стороны, которые могли осуществлять коммуникацию на «иноземческих» языках. Служилым людям каждого забайкальского острога постоянно по разным поводам (в первую очередь при сборе ясака и разрешении конфликтных ситуаций) приходилось контактировать с окружающим коренным населением. И в источниках при описании таких контактов (как и во времена появления русских в Забайкалье) далеко не всегда упоминаются толмачи, хотя (пусть даже кратко) констатируется факт переговоров, как например: «в Теленбинском остроге в росправной избе извещал служилой человек Гаврило Метелкин... приехал де он, Гаврило... х тунгусу к Тибылче в юрты, и он де, Тибилча, извещал на тунгусов» (1682 г.)⁶²; «прибежал... в Баргузинской острог брацкой породы детина из-за Байкала-озера с реки Бугылдейхи Большой, а сказывает» (1684 г.)⁶³; «а до уреченного места едучи, те посланцы дорогою сказывали ему, Данилу Уразову, с товарищи: послал де их, Серенчин Зорикту с товарищи 20 человек, из Мугал мугальской Очирой Саин кан» (1684 г.)⁶⁴; «удинских стрельцов десятник Леонтей Буторин, конной казак Сава Краснояр с товарищи в четырех человеках... будучи де в мунгальской степи в урге Геген кутухты у приезжего китайского из-под Калгана тайши... слышали де, сказывал он, тайша, у себя в полатке» (1701 г.)⁶⁵.

Вряд ли можно сомневаться, что среди служилых людей было немало тех, кто мог общаться на «иноземческом» языке. В течение всей второй половины XVII в. острожные гарнизоны пополнялись крещеными в православие представителями коренного населения (носителями тюркского, монгольского и тунгусского языков), как прибывавшими из других сибирских регионов, так и проживавшими в Забайкалье. Об этом свидетельствует присутствие среди забайкальских служилых людей в разные годы указанного периода лиц с явно нерусскими или русифицированными прозвищами

⁶² РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 22. Л. 67.

⁶³ РМО. 1654–1685. С. 397.

⁶⁴ Сборник документов... С. 260–261.

⁶⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 143.

и фамилиями, как например, Данило Лапкай, Иван и Сава Ясыревы, Василий Сайдак, Марк Шижгутов, Лавр Мустафа, Иван Тарханов, Василий Бушухтуев, Осип Уланов, Яков, Василий и Дмитрий Калмак, Тимофей Татаринов, Михаил Тунгус, Яков и Никифор Башкир, Кузьма Турчанинов, а также с прозвищами, говорящими об их недавнем принятии православия: Василий, Петр и Герасим Новокрещены⁶⁶. В первой половине 1690-х гг. в Селенгинске были приверстаны в казаки восемь новокрещенных иноземцев⁶⁷.

К числу тюрко-, монголо- и тунгусоязычных иноземцев непосредственно или по предкам, судя по их прозвищам и фамилиям, относились многие из упомянутых выше временных и штатных толмачей: А. Колча⁶⁸, А.Ф. Байдон⁶⁹, И.Г. Бодорой⁷⁰, М.Л. Изюка и Я.Л. Галка⁷¹, К. Турчанинов, И. Татаринов, А.П. Мунгал, М.П. Гантимуров⁷², Д.С. Жучердей, Я. Толмач, И. Толмач, И.Л. Калмак, Г.Д. Уразов⁷³, П.П. Киргиз. Возможно, иноземцем был и Г.Х. Куча.

Нельзя исключать и того, что к толмаческой деятельности от случая к случаю привлекались и лица, не являвшиеся служилыми людьми — торговцы, промысловики (охотники за пушным зверем) и даже крестьяне, которые в процессе перемещения по Сибири и контактов с коренными обитателями овладевали языком / языками последних. Упомянутый выше Ф.И. Зябликов, толмачивший в 1690 г., в нерчинские казаки был поверстан в 1678 г. из

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 583, 768, 782, 1488; Кн. 1292. Л. 561 об., 562 об.; Оп. 3. Стб. 1061, ч. 1. Л. 16–19, 35, 83, 117; ч. 2. Л. 58–59; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 10. Л. 7; Д. 43. Л. 28.

⁶⁷ Акты... Т. 3. Стб. 405.

⁶⁸ Известно, что он был дауром (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 519).

⁶⁹ В 1658/59 г. в Баргузинском остроге сидел в аманатах тунгус Екокогирского рода Байдонко (Исторический выбор... С. 140).

⁷⁰ В 1681 г. в районе р. Итанцы обитали «брасские люди Бодорова роду» (РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 54). Сам И. Бодорой в 1669/70 г. числился новоприборным казаком в Селенгинском остроге (Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 583. Л. 227).

⁷¹ Максим и Яков — тунгусы, родные братья, были крещены и зачислены в нерчинские казаки в конце 1650-х гг. при воеводе А.Ф. Пашкове [Леонтьева, с. 34].

⁷² Тунгус, внук тунгусского (нелюдского) князца Гантимура.

⁷³ Гурий Уразов был сыном селенгинского казака Данилы Уразова и внуком енисейского казачьего десятника, участника похода П.И. Бекетова в Забайкалье Максима Уразова. Первые сибирские казаки Уразовы упоминаются в 1612/13 г. в Тарском остроге. Можно предположить, что они были выходцами из западносибирских татар [Полухина, с. 36–40].

промышленных людей⁷⁴. В 1684 г. нерчинский воевода И.Е. Власов сообщал енисейскому воеводе К.О. Щербатову, что торгово-промышленные люди напрямую получали информацию от тунгусов: «пришли в Нерчинской торговой человек Офонасей Бушковской, да промышленные люди Артюшка Никонов да Ларка Иванов, и сказали: на плотбище Яравнинского острога ясачной тунгус Оронко сказывал им»⁷⁵.

Известны факты привлечения к толмачеству и представителей местного коренного населения, знавшего в какой-то степени русский язык. Но пока нам удалось выявить в документах всего пять таких случаев, когда толмачами выступали уже упоминавшийся даур А. Колча, тунгус-новокрещен Алексей Толмач (1664 г.)⁷⁶, ясачные тунгусы Айдуган (Адаган) Гантимуров (1677 г.)⁷⁷, Топугар Гантимуров (1692 г.)⁷⁸, новокрещен Кузьма Никифорович Кучельга [Багрин, с. 228]. Редкость упоминания иноземцев (не бывших на русской службе) в качестве толмачей объясняется как еще слабым включением коренного населения в русскую языковую среду, так и недоверием русских к новоиспеченным подданным. Для последнего были основания: А. Колча и А. Толмач упоминаются в документах в связи с их изменой. Первый в 1658 г. «зазвал... обманом, изменою своею ясачных зборщиков преждево даурсково служилово человека Ивашка Иванова да Томсково города служилого человека Алешку Каленово в богдойския люди в Таргачинскую землицу и велел их убить», да по его же наущению «баргутцкия мужики... убили... служилых людей осьми человек – Ивашка Григорьева с товарыщи»⁷⁹. Второй в 1664 г. «отъезжал к ясачным тунгусам и подзывал ясачных тунгусов с собою итить войною под Нерчинской и под Теленбинской остроги и побивать служилых людей, а остроги розорить»⁸⁰.

В первой четверти XVIII в. численность штатных толмачей в забайкальских острогах сокращается, и они исчезают. Среди нерчинских служилых людей штатными городовыми толмачами в 1701–1708 гг. значились Я.Л. Галка и Матвей Трошин (монг.), в 1710 г. –

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 10. Л. 8–9.

⁷⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 158–159.

⁷⁶ ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. С. 327.

⁷⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

⁷⁸ Там же. Д. 67. Л. 7. Айдуган и Топугар были сыновьями Гантимура.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 319.

⁸⁰ ДАИ. Т. 4. С. 327.

Я.Л. Галка и Иван Калмаков (неизв. яз.), в 1711 г. — Я.Л. Галка и Сергей Суетин (неизв. яз.), в 1712 г. — С. Суетин и Тимофей Мирсанов (неизв. яз.)⁸¹ [Багрин, с. 597, 616], в 1714 г. — один человек⁸². Все они были приписаны к гарнизону Нерчинска, и, соответственно, отсутствовали в других острогах Нерчинского уезда. В 1721 г. один штатный толмач был в Нерчинске (Гаврила Чернецких (неизв. яз.))⁸³ и один — в Еравнинском остроге (Петр Петровых)⁸⁴. В окладных же книгах жалованья служилым людям Нерчинского уезда 1723 и 1725 гг. чины толмачей уже не значатся⁸⁵.

Окладных именных книг служилых людей забайкальских острогов Иркутского уезда за первую четверть XVIII в. не сохранилось. Поэтому невозможно точно определить, были ли в этих острогах штатные толмачи. Но другого типа документы позволяют предположить, что и там шел процесс исчезновения штатных толмачей как одной из категорий служилых людей. «Книга расходная» о раздаче жалованья служилым людям Удинска за 1705—1717 гг. свидетельствует, что там толмачей не было⁸⁶. В Селенгинске по указу Сибирского приказа от 21 марта 1709 г. «велено быть всегда толмачем» нерчинскому рядовому конному казаку Василию Фирсовичу Хлуденеву, сыну упомянутого выше бывшего нерчинского штатного толмача Ф.П. Хлуденева. Василий знал монгольский язык и периодически привлекался к выполнению толмаческих функций, в 1707 г. он даже ездил в статусе официального толмача в составе торгового каравана П. Худякова в Пекин. Но поверстали его в 1709 г. все же не в толмачи, а в чин дворянина по «селенгинскому

⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 217, 615, 626—627; Кн. 1574. Л. 9, 53, 68 об.; Кн. 1575. Л. 74 об.; Кн. 1576. Л. 18; Кн. 1631. Л. 45; Оп. 5. Кн. 805. Л. 40 об.; Кн. 1424. Л. 10 об.; Кн. 1976. Л. 5 об.; ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 22; Сибирские города... С. 13. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 73, 91, 106, 107, 108, 110. Замечу, что Иван Калмаков и упоминавшийся выше толмач Иван Ларионович Калмак — разные люди. Нерчинский казачий сын Т. Мирсанов был поверстан в толмачи в 1712 г. вместо Я.Л. Галки (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1576. Л. 74 об.).

⁸² Выписка из «росписного списка» Нерчинска 1714 г. без упоминания имен и фамилий нерчинских служилых людей (СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 93 об.). Возможно, этим штатным толмачом был А. Саватеев, в 1715 г. сопровождавший нерчинского сына боярского С.Н. Сенотрусова, посланного нерчинским воеводой с «листом» в китайский Цицикар (РКО в XVIII в. Т. 1. С. 601).

⁸³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1626. Л. 44.

⁸⁴ Там же. Л. 94 об.

⁸⁵ ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—142 об.; Д. 13. Л. 49 об. — 63 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1624. Л. 1—19.

списку» с возложением постоянной обязанности выполнять функцию толмача⁸⁷, что он впоследствии и делал до смерти в 1727 г.⁸⁸ В 1722 г. в Селенгинске упоминается еще один исполняющий обязанности толмача — казак Зотей Уваров (монг.)⁸⁹. Сведений о наличии в прочих западно-забайкальских острогах штатных толмачей не обнаружено.

В «генеральной выписке» Сибирской губернской канцелярии, составленной в 1724 г. и содержащей сведения о численности отдельных категорий (чинов) сибирских служилых людей, толмачи (как штатные «должностные» чины) отсутствуют в забайкальских острогах⁹⁰. Подобная ситуация, согласно «выписке», была и во многих других сибирских городах и острогах, и лишь в Тюмени, Томске, Нарыме, Кузнецке и Мангазее зафиксировано наличие толмачей как особых служилых чинов⁹¹. После 1725 г. должности городских толмачей исчезли из штатного состава забайкальских служилых людей [Зуев, 1994, с. 13]. Это стало следствием увеличения среди них числа тех, кто знал языки местных народов — в основном в результате зачисления на службу автохтонов.

По известным данным, в 1694–1714 гг. в гарнизоны Нерчинского уезда были поверстаны 31 крещеный и некрещеный тунгус [Леонтьева, с. 75], в 1707–1717 гг. в гарнизон Селенгинска — не менее 28 новокрещенов (в основном «мунгал») ⁹², в 1706–1717 гг. в гарнизон Удинска — не менее восьми новокрещенов⁹³. В первой четверти XVIII в. в гарнизоне Нерчинска значились несколько крещенных Гантимуровых — прямых потомков тунгусского князца Гантимура (в 1705–1708–2, в 1711–4, в 1712–7, в 1723–7, в 1725–10)⁹⁴. В том же гарнизоне с 1712 г. появилось особое подразделение казаков, комплектовавшихся некрещеными тунгусами (в 1712–20 человек,

⁸⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–2.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1619. Л. 15; Оп. 5. Д. 2251. Л. 113; РКО XVIII в. Т. 1. С. 359, 362–364, 370, 373–375; РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 2. М., 1990. С. 401, 576, 577, 587; РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 3. М., 2006. С. 462.

⁸⁹ РКО в XVIII в. Т. 1. С. 376.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 29–34 об.

⁹¹ Там же. Л. 15–36 об.

⁹² Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1619. Л. 20–110 об.

⁹³ Там же. Кн. 1624. Л. 27–56 об.

⁹⁴ Там же. Кн. 1574. Л. 60, 64, 68, 68 об.; Кн. 1576. Л. 63, 64, 68 об., 73 об., 74; Кн. 1631. Л. 35, 37 об.; Оп. 5. Кн. 805. Л. 31, 35; Кн. 1424. Л. 1, 5; ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 27 об., 44 об., 58, 61, 69 об.; Д. 13. Л. 49 об. — 128.

в 1723–13, в 1725–7)⁹⁵. Среди забайкальских служилых по-прежнему было немало лиц с «иноземными» фамилиями и прозвищами: Бакшиев, Мурзин, Тайшин, несколько Ясыревых, Новокрещеных, Калмаковых, Номоконовых, Тархановых, Разгильдеевых, Кайдаловых, Киргизовых и т.д.⁹⁶ И естественно, что эти иноземцы, зачисляемые в службу и активно начинавшие контактировать с русскоязычным окружением, осваивали русский язык и могли выступать в роли мультиязычных коммуникаторов. Следует учитывать и то, что служилые люди второй половины XVII в., знавшие монгольский и тунгусский языки, передавали свое полиглотство детям, часть которых зачислялась в службу. Многие русскоязычные служилые брали в жены представительниц коренного населения, которые обучали детей своему родному языку.

Наконец, лица, выполнявшие какое-то время функции толмачей, впоследствии продолжали службу в других чинах и, вполне вероятно, в случае необходимости привлекались в качестве временных толмачей к коммуникации с коренным населением. Так, Ф.П. Хлуднев, бывший в 1699 г. одним из нерчинских толмачей, затем служил в Нерчинске казачьим пятидесятиником, в 1703 г. в результате резкого конфликта с нерчинским воеводой был сослан в Тобольск «в работу» «к каменному делу», в 1706 г. помилован с восстановлением в чине пятидесятника, в 1709 или 1711 г. зачислен в дети боярские по Удинску, а в 1713 г. произведен в чин дворянина⁹⁷. Из штатных толмачей в казаки были переведены С.К. Томский, Т. Мирсанов, И. Калмаков, М.Л. Изока, Г. Чернецких. Службу в гарнизонах продолжали и те, кто ранее временно привлекался к толмачеству, как например, Д.С. Жучердей и А.П. Мунгал⁹⁸.

Таким образом, можно говорить о том, что к концу первой четверти XVIII в. вследствие существенного увеличения в составе гарнизонов лиц, владевших монгольским и / или тунгусским языками (в основном представителей местного населения) способность

⁹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1576. Л. 82 об. – 83; ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 139–142 об.; Д. 13. Л. 127–128.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1488, 1624, 1631; Оп. 5. Кн. 805, 1424; ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3, 12, 13.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1619. Л. 15а, 16, 100 об.; Оп. 5. Кн. 704. Л. 1 об. – 7 об.; Кн. 805. Л. 40; Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Д. 291. Л. 2 об.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1574. Л. 63 об., 64 об., 75, 60–76 об.; Кн. 1576. Л. 67 об., 69, 80 об.; Кн. 1626. Л. 35 об., 102; Кн. 1631. Л. 36 об., 40, 41 об., 47; Оп. 5. Кн. 805. Л. 34, 35 об., 38 об., 46; Кн. 1424. Л. 4, 5 об., 8 об., 15; ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 54 об., 58 об., 83; Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 216. Л. 1, 2.

к межъязыковому диалогу стала весьма распространенным явлением в среде забайкальских служилых людей, что позволяло без всяких проблем осуществлять необходимые контакты с местным автохтонным населением. К тому же межъязыковая коммуникация вследствие активизации взаимодействия русских и автохтонов в самых разных сферах жизнедеятельности стала постоянным и обыденным явлением. Соответственно, исчезла необходимость иметь в штатном составе служилых людей особые должности городских толмачей. Но сами служилые, равно как и представители коренного населения, продолжали при необходимости (в основном во время дипломатического взаимодействия с монголами и маньчжурами) привлекаться в качестве временных толмачей⁹⁹.

Забайкальские толмачи второй половины XVII – первой четверти XVIII в., как указывалось выше, владели (помимо русского) либо монгольским, либо тунгусским языком, либо тем и другим. И это позволяло местным российским властям вести коммуникацию с обитавшими в Забайкалье и вблизи него народами. Однако этим же властям (главным образом нерчинским приказчикам, а затем воеводам) приходилось контактировать по разным поводам и на разном уровне и с китайцами, которые в то время являлись подданными маньчжурской династии. И если в соседнем с Забайкальем Албазинском остроге, существовавшем до 1689 г. в верховьях р. Амур и являвшемся главным объектом российско-маньчжурских противоречий, отмечено наличие толмачей с китайского языка (являвшихся этническими китайцами, либо попавшими в плен к албазинским казакам, либо добровольно перешедшим на их сторону)¹⁰⁰, то в забайкальских острогах таковых не было (за единственным исключением, относящимся к посольству Н.Г. Спафария в Китай).

Спафарий по пути в Пекин в отписке в Посольский приказ (15–17 апреля 1676 г.), сообщил следующее: «И будучи... в Наунских селах¹⁰¹, марта в 15 день приходил ко мне... селингинской служив-

⁹⁹ См., например, документы, опубликованные в: РКО в XVIII в. Т. 2, 3.

¹⁰⁰ В 1650-х – 1680-х гг. в Приамурье неоднократно происходили вооруженные столкновения между русскими и маньчжурами, а в составе маньчжурских отрядов присутствовали китайцы. О китайцах в Албазинском остроге – пленных и перебежчиках см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 508; Стб. 973. Л. 151; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 35. Л. 21–23; ДАИ. Т. 12. СПб., 1872. С. 113. См. также: [Багрин, с. 249, 269].

¹⁰¹ Наунские села (Букей, позднее Цицикар) – маньчжурские поселения на р. Наун (Нонницзян).

лой человек, толмач богдойского да никанского языку¹⁰², которой и в прошлом году был в толмачех с Гаврилом Романовым в Китаех¹⁰³. А родом был он никанченин (никанец, т.е. китаец. — А.З.) и выехал на твое великого государя имя тому лет с 30, как была война по Амуру с китайцы, и крестился, и служил ... на Москве и в Тобольску и в ыных сибирских городех везде верно, и никакая измена за ним не объявилась. И для того я ... для скудости толмачей взял ево из Селинги», т.е. из Селенгинска¹⁰⁴. Селенгинский приказчик Е. Артемьев в отписке енисейскому воеводе (после 5 марта 1676 г.) подтвердил, что Спафарий забрал с собой из Селенгинска толмача в «Китайское государство»¹⁰⁵. Правда, этого толмача-китайца за его «воровские речи» против маньчжуров Спафарий из науных сел отослал с казаками «чрез Албазин в Нерчинской, чтоб ево в Нерчинском посадили в тюрьму»¹⁰⁶. Судя по приведенным Спафарием скучным биографическим сведениям о «никанце», речь идет об упоминавшемся выше крещеном китайце Тимофее Иванове, который из Енисейска в конце 1656 г. либо в первой половине 1657 г. прибыл в Москву, откуда его отправили служить казаком в Томск [Зуев, 2012, с. 60]. Когда и в силу каких обстоятельств он оказался в Селенгинске, как сложилась его судьба после отправки с Науна в Нерчинск, нам неизвестно. Но свидетельство Спафария — это единственное упоминание о присутствии хотя бы в одном забайкальском остроге толмача с китайского языка.

Таким образом, в силу отсутствия в Забайкалье русско-китайских толмачей в российско-маньчжурских переговорах из числа забайкальских служилых людей принимали участие те, кто знал тунгусский и / или монгольский язык, причем толмачили в основном на последнем. Маньчжуры и тунгусы вполне понимали друг друга, так как являлись (и являются) частью одной тунгусо-маньчжурской языковой семьи. А принадлежащие к этой семье народы, обитавшие в Забайкалье, Приамурье и к югу от них, имели, в свою очередь, многовековой опыт языкового общения с монголоязычными соседями. Как свидетельствуют статейные списки российских послов и посланников, монгольского языка было до-

¹⁰² Никанский язык — китайский. Русские в то время звали китайцев никанцами.

¹⁰³ Речь идет о торговом караване И. Поршенникова, Е. Филатьева и Г. Романова, который в конце 1674 г. — начале 1675 г. был в Пекине.

¹⁰⁴ РКО в XVII. Т. 1. С. 512.

¹⁰⁵ ДАИ. Т. 7. СПб., 1859. С. 323–324.

¹⁰⁶ РКО в XVII. Т. 1. С. 358, 513–515.

статочно для устной коммуникации с маньчжурами и китайцами. Кроме того, переговоры на «высшем уровне» (посланника Н.Г. Спафария в Пекине в 1676 г. и полномочного посла Ф.А. Головина под Нерчинском в 1689 г.) велись также и на латинском языке, но в этом случае диалог обеспечивали уже не толмачи, а квалифицированные переводчики¹⁰⁷. Следует принимать во внимание и тот факт, что с маньчжурской стороны в переговорах изредка принимали участие и русские – пленные и перебежчики, оказавшиеся у маньчжуров и освоившие как их язык, так и китайский¹⁰⁸ [Багрин, с. 256, 261]. Соответственно, у российских властей не возникло острой потребности иметь в забайкальских острогах толмачей китайского языка, хотя возможности для этого были – они вполне могли (по примеру гарнизона Албазинского острога) зачислять на службу тех китайцев, которые попадали в плен или добровольно переходили на русскую сторону.

Подводя итог, можно констатировать, что всего удалось выявить поименно 50 забайкальских служилых людей, исполнявших во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. обязанности толмачей, в том числе 20 из них в разное время являлись штатными толмачами. Имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет уверенно утверждать, что толмачи в большинстве своем являлись либо выходцами из тюрко-, монголо- и тунгусоязычных народов, либо их ближайшими потомками. Такой этнический состав толмачей был характерен и для других регионов Сибири [Люцидарская, 2011, с. 27–29; Пузанов, 2020, с. 47, 48; Пузанов, 2021а, с. 31]. Соответственно, языками, которыми владели забайкальские толмачи (кроме русского), являлись монгольский (самый распространенный) и тунгусский.

Литература

Акишин М.О. О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень, 2014. С. 41–49.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.

¹⁰⁷ См. статейные списки Н.Г. Спафария (РКО в XVII в. Т. 1. С. 370–450) и Ф.А. Головина (РКО в XVII в. Т. 2. С. 502–604).

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 35. Л. 18; Д. 39. Л. 48; СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 70 об.; ДАИ. Т. 11. СПб., 1869. С. 81; Т. 12. С. 111.

- Багрин Е.А.* Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб., 2024.
- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Ерусалимский К.Ю.* Толмачи и переводчики Посольского приказа во второй половине XVI в.: круг обязанностей, персональный состав и дипломатические направления // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 8. URL: <https://history.jes.su/s207987840022599-7-1/>.
- Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
- Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994.
- Зуев А.С.* Первые китайцы в Русском государстве (середина XVII века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 10. С. 57–62.
- Леонтьева Г.А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012.
- Люцидарская А.А.* Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 16. Новосибирск, 2010. С. 401–404.
- Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.
- Малов А.В., Смирнова О.С.* Переводчики и толмачи вне Посольского приказа в 1613–1621/22 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 209–229.
- Моисеев М.В.* Переводчики и толмачи с восточных языков в Московском государстве в конце XV–XVI вв. // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 72–82.
- Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019.
- Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021.
- Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023.
- Полухина А.Г.* Династия сибирских служилых людей Уразовых (XVII в.) // Вестник КЛИО. Вып. 4. Новосибирск, 2014. С. 36–40.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 46–59.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Тобольске в XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021а. № 4. С. 25–37.
- Пузанов В.Д.* Служба и социальное положение провинциальных толмачей на востоке России в XVI–XVII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021б. С. 127–138.
- Пузанов В.Д.* Толмач и ясачные люди в Сургутском уезде: дело 1709 г. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023. С. 274–278.
- Силин Е.П.* Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947.
- Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978.

Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.

Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009.

Трудности двойного перевода в сфере польско-украинско-русских языковых контактов (на примере текста Куруковского договора 1625 г.)

При изучении деятельности посольских переводчиков и истории переводов проблема мастерства первых и адекватности вторых занимает важное место с точки зрения реконструкции качества дипломатической, культурной и прочей коммуникации разноязыких социумов и политических образований. Для истории России раннего Нового времени значение этой проблемы в той или иной мере осознавалось и классической историографией, однако в наследство от нее достались скорее априорные суждения о степени взаимного понимания/ непонимания людей, находившихся по разные стороны языкового барьера, основанные на эмпирическом и не систематизированном опыте их авторов. Лишь в последние десятилетия эта проблематика, находящаяся на стыке исторических и лингвистических исследований, приобрела более конкретный характер в отношении различных сфер языковых контактов России и других стран. Еще в 1989 г. технику переводов польской поэзии второй половины XVII – первой трети XVIII вв. (в т.ч. в Посольском приказе) проанализировал С.И. Николаев [Николаев, с. 112–130]. В дальнейшем подобные исследования значительно интенсифицировались. В статье И. Майер на материале немецких и нидерландских газет было показано, как русские переводчики справлялись с переводом содержащихся в них фразеологизмов [Майер, с. 47–65], в ее же работах в соавторстве с А.Г. Гуськовым оценивается качество переводов с немецкого, латинского и французского, выполнявшихся в Посольском приказе переводчиками Леонтием Гроссом и Иваном Тяжкогорским [Гуськов, Майер, 2019а, с. 48–53; Гуськов, Майер, 2019б, с. 70–77]. Необходимо отметить вышедшую в 2020 г. монографию Зинаиды Оборневой, посвященную переводчикам Посольского приказа с греческого языка первой половины XVII в., где наличествует раздел, посвященный среди прочего качеству перевода [Оборнева, с. 136–219].

Можно привести и другие подобные работы, однако следует подчеркнуть, что обозначенная в них проблематика может быть даже в более значительной степени актуальна для тех контактов между Россией и Речью Посполитой, в ходе которых переводчикам Посольского приказа приходилось сталкиваться не только с образцами собственно польского языка, но и с кириллическим письменным языком восточнославянского населения Речи Посполитой (т.н. «белорусское письмо» в московском делопроизводстве; западнорусский; староукраинский/старобелорусский)¹. Он имел свои грамматические особенности и в разной степени мог быть насыщен полонизмами (как в лексическом, так и грамматическом смысле) и потому в той или иной степени требовал перевода/переложения и т.д. Исследование по анализу работы переводчиков с такими текстами хотя бы в рамках дипломатической практики в науке пока не проделано. Впрочем, и данная статья предлагает относящийся к этой сфере лишь единичный кейс, к тому же не во всем типичный, степень значения которого для общих выводов о качестве политико-дипломатической коммуникации пока относительна.

В январе 1626 г. в Путивль прибыли представители погребещенского Вознесенского монастыря (Погребище — ныне город в Винницкой обл. Украины) во главе с игуменом Андрианом. Они привезли и передали русским властям ценные документы с информацией о недавно подавленном в Речи Посполитой казацком восстании 1625 г. В их числе был список Куруковского договора — соглашения, заключенного между казаками и польско-литовской стороной после разгрома движения запорожцев [Кочегаров, с. 32]. Текст указанного документа Андриан, с его слов, получил в Погре-

¹ Как показывают исследования лингвистов, определение письменных кириллических памятников восточнославянского населения Речи Посполитой для XV—XVII в. и особенно более ранних периодов как «старобелорусских» или «староукраинских» затруднено в силу значительной схожести их грамматических и лексических черт; не различались эти языки и использовавшими их современниками; ряд исследователей считают, что письменный литературный язык был общим для всего восточнославянского населения польско-литовского государства (о дискуссиях на эту тему см., например: [Мойсиенко, с. 45—64; Мойсієнко, с. 21—30]). Для работ по истории вполне релевантным представляется, поэтому, определение языка текста по географическому признаку (в тех случаях, когда точно известно место происхождения). Поэтому в данной статье язык, на котором были написаны тексты, привезенные в Москву представителями Вознесенского Погребещенского монастыря, именуется староукраинским.

бишах от своего духовного сына, Андрея Липы. Последний был сербом по происхождению, служил капитаном гайдуков у польного коронного гетмана С. Конецпольского и оказался свидетелем событий подавления восстания и подписания Куруковского соглашения [Кочегаров, с. 33].

Переводить привезенные документы поручили Исааку Андрею сыну Житкому (ок. 1600—19 января 1648 г.; варианты написания фамилии: Жидкий, Жидкой, Житкий), который служил в Посольском приказе переводчиком с польского языка. Характерно, что Исаак Житкой по происхождению не был ни приказным человеком, ни жителем Москвы. Он был орловским боярским сыном, попавшим в польский плен во время Смуты ок. 1609 г. (судя по всему еще ребенком). На чужбине Житкой провел 12 лет, вернулся в Россию в ноябре 1621 г. и 22 июня следующего года был зачислен переводчиком в Посольский приказ вместо выбывшего переводчика Тимофея Луцкого. О его переводческой деятельности известно мало. В апреле 1632 г. Житкой перевел в Разрядном приказе некое «письмо» на польском языке, изъятое у пленника Андрея Орешкова; в 1644 г. он экзаменовал на переводчика Ивана Максимова [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 115].

28 января 1626 г. Исаак Житкой перевел доставленные в Москву два документа — текст Куруковского договора и речь запорожского полковника Олифера Голуба². Оба они были написаны одним почерком, аналогичным почерку грамот на имя царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета от игумена Андриана и, следовательно, были составлены неизвестным нам монастырским переписчиком / переводчиком³.

Оригинал Куруковского договора, на основе которого будет в дальнейшем рассмотрена переводческая деятельность И. Житкого, был составлен на польском языке. Он не сохранился, однако еще в XIX в. было найдено и опубликовано несколько списков. Самый ранний из известных текстов, по-видимому, происходит из рукописи № 341 Библиотеки Польской академии наук в Курнике [Кочегаров, с. 39]. Именно он в дальнейшем будет использоваться для сравнительного анализа.

² Тексты переводов см.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 14—30.

³ Ср. почерк документов: Там же. Л. 5—7 об. (грамоты царю и патриарху), 10—13 об. (Куруковский договор и речь Олифера Голуба).

Этот анализ в отдельных случаях представляется необходимым, поскольку в староукраинском переводе, доставленном в Москву, было допущено несколько однотипных, но серьезных искажений текста, весьма труднообъяснимых. Суть их заключалась в том, что в отдельных местах переводчик/переписчик не смог понять распространенного сокращения типа «Rpta» («Rzeczpospolita») и «Rempub.» (Rem publicam – республика в винительном падеже на лат. яз.), заменив их не встречающимися в польских или староукраинских текстах словами «репщья» или даже «репутащья». Сомнительно, чтобы подобные ошибки допустил писарь Вознесенского монастыря в Погребищах, скорее всего он механически их воспроизвел. Можно предположить, что обозначенные выше сокращения оказались неясны для серба Андрея Липы, который, по всей видимости, все-таки был причастен к копированию текста Куруковско-го соглашения.

Так или иначе, указанные искажения сделали непонятными отдельные, пусть и небольшие фрагменты списка с текста польско-казацкого договора 1625 г. и представляли, помимо бисерного почерка документа, отдельный вызов для переводчика Посольского приказа. Как справился с указанной проблемой в частности, и с переводом в целом Исаак Житкой? В рамках данной статьи обратим внимание на наиболее существенные особенности его перевода.

Значительное (а может и наибольшее) количество искажений и ошибок содержал перевод с польского на староукраинский преамбулы Куруковского договора. В этом фрагменте коронные комиссары декларируют, что, исполняя волю Речи Посполитой, они взяли на себя обязанность достичь всеми возможными способами умиротворения Войска Запорожского с наибольшей выгодой для шляхетской республики, но с наименьшим кровопролитием. Речи Посполитой в первую очередь досаждали морские экспедиции казаков на османское и крымское побережье, ставившие страну на грань войны с турецким султаном, а также преступное с точки зрения коронных властей самоуправство казаков в королевских городах Поднепровья. Единственным средством, которым стало возможно прекратить указанные нарушения воли короля и республики, стала вооруженная экспедиция. Она привела к разгрому своевольников и заставила покориться оставшихся казаков, предложивших свою службу Речи Посполитой, которые за это получали по заключенному соглашению полное прощение (см. таблицу 1).

**Фрагмент преамбулы польского (оригинального) текста
Куруковского договора в современном переводе**

<p>Oznajmujemy, iż czyniąc dosyć poruczeniu Rptej i powinności, którąśmy na się wzięli, szukaliśmy wszystkich sposobów, które nam czas i occasja podawała, by się było intencij i potrzebie Rptej jako najbarzi wygodzić mogło jako z najmniejszym Rptej zawodem i krwie przelaniem. Do czego z miłości naszej i wiary powinny ku Rptej nie tylko pracy, ale i odwagi zdrowia nie załowaliśmy i za Bożą pomocą i zgodą nas wszystkich do takiego rządu i posłuszeństwa Wojsko j. k. m. Zaporowskie przywiedliśmy. Naprzód iż najbardziej Rempub. obchodziło i obchodzić słusznie miało, chodzenie ich z państw Rptej na morze nad wyraźni Rptej zakaz, także zbrodnie w miastach j. k. mci popełnione. Te iż przez szable za nastąpieniem wojska koronnego znacznie są pokarane, tym, których szczęście i wola Boża od tej karni zaślониła, iż i ostatek krwie swojej, przy której Rpta ich zostawiła na odwagi i usługi Rptej ofairują i obowiązują całe imieniem Rptej i je[g]o k. mci odpuszczamy⁴.</p>	<p>Объявляем, что, исполняя поручение Речи Посполитой и обязанность, которую мы взяли на себя, искали мы всех способов, которые нам время и случай давали, чтобы удовлетворить нужды и замыслы Речи Посполитой с наибольшей выгодой, а с наименьшим убытком и кровопролитием. Для этого по должной любви нашей и вере к Речи Посполитой, не только трудов, но и храбрости и здоровья мы не жалели, и с Божьей помощью и согласием среди нас всех к такому порядку и послушанию Войско его королевской милости Запорожское привели. В первую очередь, Республику более всего заботило и справедливо заботить должно, хождение их (казаков. — К.К.) из государств Речи Посполитой на море несмотря на явное королевское запрещение, а также преступления, совершенные в королевских городах. Все такие [проступки] саблей в ходе наступления коронного войска были гораздо покараны, а тех [казаков], которых счастье и Божья воля от такой казни заслонили, [и которые] остаток крови своей, которую им Речь Посполитая сохранила, для подвигов и услуг Речи Посполитой предлагают и обязуются, мы совершенно прощаем именем Речи Посполитой и его королевской милости.</p>
---	--

Такова основная суть разбираемого текста. Посмотрим теперь, как Житкой справился с содержащимися в ней ошибками. Первый такой случай присутствует в предложении, когда комиссары говорят, что стремятся реализовать «нужды и замыслы Речи Посполитой с наибольшей выгодой, а с наименьшим убытком и кровопролитием» («intencij i potrzebie Rptej jako najbarzi wygodzić

⁴ Biblioteka Polskiej akademii nauk w Kórniku. Rps. 341. K. 49v.

mogło, jako z najmniejszym Rptej zawodem i krwie przelaniem»). Переводчик с польского на староукраинский видимо не понял этого противопоставления и указанного сокращения, переведя текст следующим образом: «интентии и потребе Речи Посполитой яко найбарзий догодити могло, так на меншее репщии крве прелянем»⁵. Во второй части данного фрагмента исчезло слово «zawód» (в данном случае — ущерб, убыток), осталось только калькированное с польского «кровопролитие». Житкой перевел этот фрагмент со староукраинского достаточно вольно: «как наилучшей умели пособить и угодить промыслом и службою своею той незгоды, и замешанья, и битвы всей Речи Посполитой и тому кровопролитью иметь пособить»⁶. То есть комиссары должны были не послужить осуществлению намерений и нужд Речи Посполитой с наибольшей выгодой, как было в оригинале, а свою службу и промыслы приложить для успокоения «несогласия» («незгоды»), «беспорядков» («замешанья») и «вооруженного конфликта» («битвы») — и здесь московский переводчик, с одной стороны, старательно расцвел оригинал новыми конфликтными эпитетами, а с другой — все же, видимо правильно понял основной смысл, заключавшийся в том, что основная задача комиссаров заключалась в остановке кровопролития, поскольку словосочетание «кровопролитью иметь пособить» в данном случае следует трактовать как способствовать его прекращению.

Далее комиссары подчеркивают, что в соответствии со своей любовью и верой по отношению к Речи Посполитой они приложили по общему согласию множество трудов и здоровья для приведения Войска Запорожского к послушанию королю и республике («Do czego z miłości naszymy i wiary powinny ku Rptej nie tylko pracy, ale i odwagi, zdrowia nie żałowaliśmy i za Bożą pomocą i zgodą nas wszystkich do takiego rządu i posłuszeństwa Wojsko j.k.m. Zaporowskie przywiedliśmy»). В староукраинском тексте обозначение Речь Посполитая было потрактовано как «репутація», хотя в остальном текст был переведен верно: «До чоґосмы з милости нашею и вѣры, повинни ку репутації, не тылько працы и отваги, здоровья не жалуючи, з Божею помочю и згодою нас всѣх, до такого ряду и послушенства Войско его королевской милости За-

⁵ Здесь и далее все цитаты староукраинского текста даются по публикации [Кочегаров, с. 43–48]. Все комментарии текстологического характера см. там же; здесь они не воспроизводятся.

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 14–15.

порозкое привелисмы». Житкой видимо не понял значения указанной замены и решил ее вовсе исключить, попутно вновь подчеркнув отсутствовавшими в переводимом тексте эпитетами готовность комиссаров к переговорам. Вставкой переводчика стало утверждение, что представители Короны, были готовы слушать противника и всячески демонстрировали желание договариваться (видимо, так надо понимать в данном контексте фразу «не толко, что не слушать или о том желанья своего не показать»). Далее, достаточно сдержанное по значению слово «ряд» (порядок; в польском оригинале «rząd») Житкой переводит более эмоционально окрашенным термином как вежство/вежество (доброта, воспитанность), а затем к слову «послушание» добавляет еще и «смирение», словно желая подчеркнуть полную покорность казаков Речи Посполитой⁷.

Наконец, в последней части разбираемого фрагмента первый переводчик (с польского на староукраинский) не просто механически заменил «Речь Посполитую» на «репщью», а совершенно искажил смысл фразы. Если в польском оригинале говорилось об остатке казацкой крови, которую запорожцам сохранила Речь Посполитая и которую они теперь готовы проливать на службе шляхетской республике («isz i ostatek krwi swojej, przy której Rpta ich zostawiła, na odwagi i usługi Rptej ofairują»), то в староукраинском переводе вставленная вместо сокращения «Rpta» пресловутая «репция» была отнесена к казакам, что делало всю фразу не понятной и не соответствующей польскому тексту: «остаток их войска, през которую их репщью на одваг(и) и услуги Речи Псполитой оферуючи». В этом случае Житкой вновь авторизовал перевод, с одной стороны, опустив непонятный фрагмент, с другой (и это уже не касалось напрямую искажений староукраинского перевода) пояснив, что, по его мнению, прощают казакам королевские комиссары: «весь их норов и непокорство». Пояснение это необходимо было в связи с тем, что грехи запорожцев были перечислены в предыдущем предложении: разбой на море и преступления в королевских городах. Поэтому переводчик в целом обосновано счел, что появляющийся в конце предложения глагол «одпушаем» (в польском оригинале – «odpuszczamy») должен быть снабжен соответствующим дополнением (см. таблицу 2).

⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 15.

**Фрагмент преамбулы текста Куруковского договора
в староукраинском и русском переводе**

<p>ознаймуемы, иж чинячи досыт почрочену его королевской милости и Речи Посполитое, и повинности, которуюсмы на себе взяли, шукалысмы всяких способов, которых нам часы и оказыи подавали, абы се было интентии и потребе Речи Посполитой яко найбарзий догодити могло, так на меншее репщии крве прелянем. До чогосмы з милости нашею и вѣры, повинни ку репутации, не тылко працы и отваги, здорова не жалуючи, з Божею помощю и згодоу нас всѣх, до такога ряду и послушенства Войско его королевской милости Запорозкое привелисмы. Напрод иж набарзий репщии обходили и обходити мѣли хожене их репщии на море мимо вѣдомост Речи Посполитое и заказ, также и збродне в мѣстах его королевской милости попелненные. То юж през шаблю за наступенем войска его королевской милости коронного значнейшую кару, а тым, которых шасте и воля Божая от тое казни заслонила и юж остаток их войска, през которую их репщию на одваг(и) и услуги Речи Псполитой оферуючи и обещаючи именем его королевской милости и Речи Посполитой, отпускаем.</p>	<p>(Л. 14) сказываем и извешаем то и ведаючи совершене приказу ево королевской милости и всей сусобной Речи и повинность свою, которую есмо на себя взяли, искали есмо всяких мер и часов таких, чтобы есмо как наилучшей умели пособить и угодить промыслом и службою своею той незгоды, и замешанья, и битвы всей Речи Посполитой и тому кровопроли(л. 15)тью иметь пособить. И мы желаньем своим и любовью для веры своей послушны есмо не толко, что не слушать или о том желанья своего не показать, толко то все оставя и здорова своею не жалеючи, з Божьею помощю и договором всех нас до такова вежства и послушенства и до смиренья привели есмо его королевское милости Войско Запорозкое, которое през сево не послушно было Речи Посполитой. И ныне есмо хожене их на море без воли нашей и всяких обид и своеволства их по градом ево королевской милости сукротили казнею своею через саблю силою и нашествием войска корунново ево королевской милости явную казнь чинили, а иным, которых милость Божия и шастье их соблюло, от казни той ныне целы, а остатним людем войска их, видячи их смиренье и послушенство против Речи Посполитой, весь их норев и непокорство отпускаем именем ево королевской милости и со всею Речью Посполитою.</p>
--	--

Искажение написания термина «Речь Посполитая» имело место в староукраинском тексте, помимо преамбулы, и в дальнейшем. Так если казаки вновь поднимут восстание, то «musiała by Rpta ich nie za wierne poddane swe, ale za nieprzyjac(ió)ły mieć»⁸. В Вознесенском монастыре переписали текст так: «мусела их ку репунта-

⁸ Biblioteka Polskiej akademii nauk w Kórniku. Rps. 341. K. 51.

ция не зване свое подданные, але за неприятеле мѣти». Житкой понял текст, тем не менее, правильно, хотя слова «Речь Посполитая» восстановить в тексте не смог, опустив непонятную «репунтацию»: «имеют быть названы не подданными, толко будут названы недругами». Более того, далее, где речь шла о прощении казаков за совершенные преступления, Житкой догадался, что за пресловутой «репцией» скрывается Речь Посполитая и восстановил правильный термин в переводе. Если в староукраинском тексте казакам прощались «выступки, противные репций, поплнене», то переводе Житкого — «в чом были гараздо досадили Речи Посполитой»⁹.

Допустил ли Житкой при переводе собственные ошибки? Допустил, и самой крупной из них стала ошибка в датах, в том числе в сроках составления реестра тех казаков, которых Речь Посполитая брала на жалованье. Бывший сын боярский перевел «листопад» не как ноябрь, а как октябрь (дважды), а грудень — как ноябрь. Или, например, в том месте, где речь шла о сборе казаков для войны по указу короля и Речи Посполитой, подчеркивалось, что происходить это должно «престрегаючи в тягнению вшелякое тяжести людское». То есть запорожцы должны были собираться там, где им укажут, но поскольку предполагалось, что им будет платиться жалованье, казакам запрещалось налагать поборы на местное население. Житкой перевел этот фрагмент иначе — так, что получалось, будто казаки будут призваны защищать Речь Посполитую и ее подданных: «где будет явитца нужная служба для береженья Речи Посполитой и всякой нужды людской». Фрагмент текста, где описывалось, что суд казацких атаманов должен проходить с ведома королевских старост или подстарост, оказался переводчиком вовсе не понят и радикально сокращен¹⁰.

Текст, подготовленный Житким, — это именно перевод, пусть и с языка, близкородственного тогдашнему русскому языку Московского государства. Отдельные места в староукраинском тексте переводчик не понял или перевел достаточно путанно, но в целом следует признать, что перевод Исаака Житкого давал русским властям адекватное представление о содержании Куруковского соглашения и некоторых обстоятельствах его заключения. Вывод в определенном смысле банальный, если бы не два нюанса. Во-первых, переводчик сумел, пусть и весьма обще и не всегда точно, понять те

⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 21–22.

¹⁰ Там же. Л. 20.

места, которые были искажены при первом переводе текста с польского, а затем были не поняты либо механически воспроизведены при его переписывании в Вознесенском монастыре на староукраинский язык (при том что в русском переводе были и ошибки, и неточности). Это свидетельствует не только о знании Житким польского и западнорусского языков, но и неплохом знакомстве с социально-политическими реалиями Речи Посполитой. Во-вторых, такой достаточно сложный перевод был выполнен бывшим сыном боярским, который свои лингвистические и языковедческие знания получил эмпирически, находясь в плену (при этом его перевод не пестрит полонизмами, как можно было бы ожидать от человека, учившего язык без элементарной дидактики)¹¹, а не выходцем из Речи Посполитой, которые часто трудились переводчиками в Посольском приказе и для которых подобная задача должна быть несомненно более простой.

В приложении публикуется перевод Куруковского договора, выполненный И. Житким. Публикация осуществлена по современным рекомендациям Росархива¹². В комментариях, среди прочего, рассмотрены наиболее существенные расхождения русского перевода и староукраинского текста, которые не отмечены в статье или были разобраны недостаточно подробно.

Приложение

Текст Куруковского договора 1625 г. в переводе Исаака Житкого

(Л. 14) Мы, Станислав на Конецполю Конецполской и сендомирской, гетман полный и коронный, велюнский, барский; Томаш на Замостью Замойской, киевской, казимирской, Ян Данилович з Жирова, а руских земель, русский и корсунский, чегиринской, воеводы; Гаврило Гоской, киевской, Матвей Левонтьев-

¹¹ Очевидных полонизмов (не считая, заимствованных слов, аналогов которых в русском языке не было: гетман, каштелян и проч.) в переводе не так уж и много: место / miasto – город; речь / rzecz – вещь, дело; затыгать / zaciagać – вербовать; добра / dobra – имения, поместья; мешкать / mieszkac – жить; дедичный / dziedziczny – исконный, наследственный; панство / państwo – государство; уживать / używać – использовать; пан / pan – государь.

¹² См. «Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде» (2022) на сайте Федерального архивного агентства.

ский, каштелянове; Станислав с Потоцка Потоцкой и подолской, Степан Немерич киевской, подкоморья; Януш¹³ Собеский, брасновставский¹⁴, Александр Балабан, трембовелской, рогатинской, Адам Галиновской¹⁵, браславской, винницкой, Константин Вишневецкой, Борибут¹⁶, и Юрей из Острога Заславские,¹⁷ княжата, Януш Тишкович, Миколай с Потоку Потоцкой, воеводич браславской, Томаш Склинской, живулской, Федор Елец, хоружой¹⁸, Филон Стрибыл, чашник киевской, Ян Белецкой, старосты ево королевское милости и Речи Посполитой до наряду и подлинного отпуску и рады Войска Запорозкого и к ответу им воли ево королевской милости и всей сусобной¹⁹ Речи Посполитой сказаны и поставлены. Мы²⁰ комисаре, сказываем и извещаем то и ведаючи совершени приказу ево королевской милости и всей сусобной²¹ Речи и повинность свою, которую есмо на себя взяли, искали есмо всяких мер²² и часов таких²², чтобы есмо как наилучшей умели пособить и угодить промыслом и службою своею той незгоды, и замешанья, и битвы всей Речи Посполитой и тому кровопроли(Л. 15)тью иметь пособить. И мы желаньем своим и любовью для веры своей послушны есмо не толко что не слушать или о том желанья своего не показать, толко то все оставя и здоровья своево не жалеючи, з Божьею помочью и договором всех нас до такова вежства и послушенства и до смиренья привели есмо его королевское милости Войско Запорозкое,²³ которое преже сево не послушно было Речи Посполитой²³. И ныне есмо хоже не их на море без воли нашей и всяких обид и своеволства их по

¹³ В оригинале (здесь и далее речь о староукраинском переводе) «Якуб».

¹⁴ В оригинале «красновставский».

¹⁵ Так в рукописи, должно быть «Калиновский».

¹⁶ В оригинале «Корибут».

¹⁷ В оригинале «Заславский».

¹⁸ Далее зачеркнуто «а чашник».

¹⁹ Слово вписано над строкой. По всей видимости здесь и еще в одном месте далее Житкой пытался найти аналог слову «посполитый» в значении «общий», «совместный». В первом случае он оставил термин «посполитая», во втором — нет, но в дальнейшем от использования своего неологизма отказался.

²⁰ Слово вписано над строкой.

²¹ См. примечание № 19.

^{22–22} В оригинале речь о том, что комиссары изыскивали способы, которые сообразны времени и месту («которых нам часы и оказии подавали»).

^{23–23} Эта фраза была добавлена переводчиком от себя, видимо, для лучшего понимания текста.

градом ево королевской милости сукротили казней своею через саблю силою и нашествием войска корунново²⁴ ево королевской милости, явную казнь чинили, а иным, которых милость Божия и щастье их соблюло, от казни той ныне целы²⁵, а остатним людем войска их, видячи их смиренье и послушенство против Речи²⁶ Посполитой, весь их норев и непокорство отпускаем именем ево королевской милости и со всею Речью Посполитою, не токма тем, которые застанут в службе его королевской милости, да и не тем, которые вернутца до домов своих со смиреньем своим по указу и воли ево королевской милости, но и всем ныне не велим обиды чинить, толко быть всем послушным нам, Речи Посполитой, да чтоб старостам и всем приказным людем своим, честь и послушенство воздавали, а в приходы и в корысти не вступали и власти себя не чинили. И видячи мы то реч достойную, чтоб Войска Запорозкое из подданных ево королевской милости, будучи голову или старшово своево, как преж сево бывало, и з дозволения ево королевской милости и панов гетманов²⁷ коронных. (Л. 16) И мы, имеючи тот указ и волю его королевской милости и ото всей Речи Посполитой, ясневелможные панове воеводы и гетман корунный за ведомостью всех нас, а за обираньем из самого чину их подали есмо за болшого им пана Михайла Дорошенка и учинили²⁸ тако приговор, что и уперед тое тылко быть болшому в войске, которого ево королевская милость, а верность наша королем полским²⁹ панове наши через гетманов коронных и из их же самых выбраной в балшие, а имеют быть нам все послушны³⁰. А будет же хто³¹ же не похочет быть послушным и повеленья и указного слова не похотел чинить, и на³² таком быть у королевской милости про обиду свою сказывать на нем перед королем, ево милостью, да о том³³

²⁴ Слово вписано над строкой.

²⁵ Слово вписано над строкой.

²⁶ В тексте ошибочно «Реи».

²⁷ Далее зачеркнуто «ево».

²⁸ Слова «и учинили» вписаны над строкой.

²⁹ Слова «королем полским» исправлены из слова «королевская»; часть слова («-вская») была зачеркнута, над строкой дописано «-м полским».

³⁰ Здесь перевод весьма малопонятен. Смысл фразы в том, что, начиная с М. Дорошенка, казацким старшим может быть только тот, кто будет не только избран самими казаками, но и утвержден польскими королями по представлению коронных гетманов.

³¹ Слово вписано над строкой.

³² Слово вписано над строкой.

³³ Слова «о том» вписаны над строкой.

и гетмана имеют доложить коронново³⁴. А и иным старшим после сево, избрав меж себя со смиренем своим о нем просити в короля³⁵ имеют после живота нынешнего болшово своего. А будет для каких мер или иных нужных дел³⁶ не мочно учинить болшого им королю и всей Речи Посполитой и гетманов коронных, и они могут сами себе выбрать меж себя болшово (Л. 16а) после живота нынешнего гетмана, велим им для нужново времени полюбовно выбрать самим меж себя гетмана, а в короля не будучи, и король того в досаду себе не положит, толко велит дать им свой королевской лист коронным своим гетманом за крестным же целованьем как и ныне при всех панов комисаров гетман коронный дал и крестное целованье утвердил и по указу нашему³⁷. На чом мы учинили, то им всегда делать и послушным быть.

(Л. 17) Список, что говорил Дорошенко³⁸.

Я, Миколай³⁹ Дорошенко, целую крест Господень Господу Богу во Троицы единому, в том, что наяснейшему королю полскому, Жигимонту третьему и всей Речи Посполитой и Коруне Полской на сей власти моей, будучи по воли ево королевской милости, и⁴⁰ меючи целую веру и послушенство слукам⁴¹ короля его милости⁴², перестерегаю своевоество⁴³ в Речи Посполитой и смирять всякую

³⁴ Перевод этого предложения довольно неуклюж. Смысл в том, что казаки могут пожаловаться королю на старшего, если он, по их мнению, не исполняет свои обязанности, сместить его и предложить королю нового кандидата на утверждение.

³⁵ Слова «в короля» приписаны на полях.

³⁶ В оригинале причина более конкретна — нахождение войска вдалеке от короля и коронных гетманов.

³⁷ В данном фрагменте в староукраинском оригинале речь шла о том, что если казаки не будут иметь возможности утвердить гетмана в скором времени после избрания, он может исполнять свои функции вплоть до того, пока не будет утвержден королем. В переводе Житкого текст получил несколько иной смысл: если казаки изберут старшего и не представят его на утверждение королю по каким-то причинам, то последний может дать коронным гетманам «присяжный лист» для его утверждения. Вообще, в данном случае перевод малопонятен.

³⁸ Вместо этого заголовка в староукраинском оригинале написано: «Которая (присяга. — К.К.) ест теми словы».

³⁹ Ошибка в староукраинском оригинале. Должно быть Михаил.

⁴⁰ Размашистое «и» написано поверх слова «буду».

⁴¹ Так в рукописи. Возможно, должно быть «слугам».

⁴² В оригинале речи о королевских слугах нет, а лишь об обязательствах слушаться короля.

⁴³ В оригинале «перестерегаючи росказанья», то есть исполняя приказания. Здесь же в значении «упреждать самовольство».

своеволю и непослушество буду⁴⁴, а именно не мне самому, но и иным людям возбранять учну⁴⁵ к турецкому царю и в землю ево ходить⁴⁶ ни морем, и ни полем, обиды чинить не велю⁴⁷, кроме только повеления ево королевской милости, без указу⁴⁸ никак воевать не имею, то а будет хто из моего войска, которое мне ныне дано ведати, похочет без моего ведома итти куда, а я буду о том ведать, и я королю и гетману повинен извещать о таких, да и сам супротив таких ставлюся. А ныне⁴⁹ я охотников и выписных из войска на в[ол]ного⁵⁰ кликати без воли ево королевской милости никак не буду, только таких повинен буду казною учить против указу и послушества своево також всему тому совету и наменшому слову, што в писмах написали над Медвежих Лозах от их милостей панов комисаров сказано и совершеное есть, что⁵¹ со всем товариством моим буду все то делать, что королю годно будет. А будет король, ево милость для лучшово чину похочет ведать збор⁵² их и зывать, и за службу как наибольшей похочет учинити (Л. 18) заплату все войску и достойных людей, которые пригодятца на службу всей Речи Посполитой, приказал то, чтоб принес список подлинной и именами всево Войска Запорозского именно⁵³, в котором месте королевском живут и жить будут и на то учинен был зборщик⁵⁴, чтоб всех их в домах их досмотрел для лучшей веры и жили бы имели, не смотря⁵⁵ конец тому учинить на сем месте. А приговорили смотреть октебря в шестый день да до ноябрю 13 день⁵⁶ по уставу нового завета⁵⁷ нынешняго году. А чтоб то в шесть недель и сказаного дня чтоб были все в счоте, а быть им всем по нанешнему королевскому указу шесть тысяч, а болш не быть в росп[и]си. А в тех

⁴⁴ Слово вписано над строкой.

⁴⁵ Слово вписано над строкой.

⁴⁶ Слово вписано над строкой.

⁴⁷ Слова «не велю» вписаны над строкой.

⁴⁸ Слова «без указу» вписаны над строкой.

⁴⁹ Слово вписано над строкой.

⁵⁰ Здесь и далее утраты текста восстановлены в квадратных скобках.

⁵¹ Слово вписано над строкой.

⁵² В оригинале речь о желании короля знать число казаков.

⁵³ В тексте в слове пропущено «е»: «имнно»

⁵⁴ В оригинале речь о назначении «зборщика» (переписчика) не идет, хотя это, несомненно, подразумевалось.

⁵⁵ Слово вписано над строкой.

⁵⁶ В староукраинском тексте другие даты, соответственно 6 ноября и 18 декабря.

⁵⁷ То есть по григорианскому календарю.

шты тысячей дали есмо роспис переписать их, где хто живет и в ко[тором] городе⁵⁸ и хто именем жить будет. ⁵⁹-А которые будут отданы в подданные пану гетману или паном санатаром, а оттуду будут отданы до казны коронной и додати панов старостов и тем в росписи не быть, а быть им упереди послушным панов их и старост их⁵⁹. А тем, которые будут в росписи, убытка им никакова от нас не будет⁶⁰. А тех, которые будут не в росписи, и те от старост казнены никак не будут для тово, что отбыли в Войску Запорозском. А тем сказаным шести тысячам людем Войска Запорозского ево королевской милости сказываем быть всегда готовым на службу. А все шест тысячей та будет тогда написана в роспись сопча именно и даны им будут по-прежнему волности и крепости наши (л. 19) от королей их милостей полских и от нынешнего державствующаго короля ево милости как имели волности и крепости преж сево. А волно⁶¹ будет им себе уживать и волного житья, как торговли и рыбной ловли, и зверя да и во всем их промыслах не чинили бы ништо шкоты⁶² да и они бы старостам также не чинили, а езов тех не займали б и всяких рыбных ловель, которые преж сево были за старосты. А на тое войско шесть тысячей будут денги собраны у нас⁶³, годовое им жалованье, на праздник пророка Ильи шедесят тысяч золотых, а положено будет в Киеве, в месте ево королевской милости, а будут давать им именно затыгаючи до службы ево королевской милости, чтобы всегда были готовы и тово своего уряду или власти своевольных людей⁶⁴ перестерегали бы. А жалованье старшему их сказываем болшому над всем войском их триста золотых, обозному и писарю сто золотых, ясавулом двом по полто-

⁵⁸ В староукраинском оригинале «старостве».

⁵⁹⁻⁵⁹ В староукраинском тексте речь шла о том, что реестр всех казаков будет отдан гетману или комиссарам, те передадут его на хранение в коронную казну, откуда по просьбам старост из него будут выдаваться выписки (экстракты), чтобы они знали о численности и составе казачества в своих владениях. Эти данные должны были включаться в инвентари (описания), передаваемые старостой своему преемнику. Житкой, как видно, совершенно не понял данный пассаж.

⁶⁰ Все это предложение переводчик добавил от себя. В оригинале речь шла только о казаках, выписанных из реестра (см. следующее предложение).

⁶¹ Слово вписано над строкой.

⁶² Так в рукописи. Должно быть «шкоты».

⁶³ Слова «у нас» вписаны над строкой.

⁶⁴ В оригинале речь шла о том, что казацкий гетман и старшина блюли свои должности. Житкой добавил, что их следовало блюсти от «своевольных людей», что по смыслу было в целом верно.

раста золотых, шти полковником по сту золотых, сотником по пятдесят золотых, судьи войсковому сто золотых и с тово счету станет их шесть тысячей. Да по тысяче лежать им належит⁶⁵ за порогами за повеленьем короля ево милости и за ведомостью болшого их и по указу будут против своей повинности весть к нам держать⁶⁶ (Л. 20) о недругу нашем и ⁶⁷для береженья выходу их в нашу землю⁶⁷. А последнии⁶⁸ войска тово имеют и где стоят на волости за ведомостью ж и приговором коронных гетманов, а до войска коронново и где будет явитца нужная служба для береженья Речи Посполитой ⁶⁹и всякой нужды людской⁶⁹ всегда быть готовым и там и где скажем приезжать. А будет же лучитца старшому их быть или отъехать за пороги и он повинен и здеся в волости на свое место оставит разумново человека, который бы всякие дела знал, а именно то, чтоб грабленых и обиженных судил в правду с теми, которые обидеть ково⁷⁰ будут, чтоб никому обиды не было и никто б не в свои дела в городовые или в духовные не вступался, а всяк бы судил своих сам⁷¹. А на море Днепром рекою ани иными речками, которые в панстве нашему есть, ходити не смеют и с турским царем розрухи и нелюбви чтобы перестерегати, а войны⁷² никакой не чинить с суседы Речи Посполитой без воли и указу короля, ево милости ни морем, ани полем отнюдь вчинать не имеют. А чалны и струги болшие морские в вединоое⁷³ при вежах пожечь, а иных делать не велим под нашею болшою казнею, а на Низ отнюдь⁷⁴ ника-

⁶⁵ В рукописи «належи».

⁶⁶ Далее написано «о не-», дублирующее часть слово «о недругу» на следующем листе.

⁶⁷⁻⁶⁷ В оригинале более конкретно: защищать от неприятеля переправы и задерживать его.

⁶⁸ То есть остальные.

⁶⁹⁻⁶⁹ В оригинале «престрегаючи в тягнению вшелякое тяжести людской», то есть, чтоб не делали людям тягостей.

⁷⁰ Слово вписано над строкой.

⁷¹ Здесь Житкой выбросил целый фрагмент о праве подстарост (заместителей старост) принимать участие в казацком суде. Фрагмент этот сложен для понимания и даже в разных польских списках договора он имеет разные оттенки смысла [Кочегаров, с. 46], поэтому неудивительно, что переводчик предпочел его исключить.

⁷² В оригинале было уточнение: не вести войну, ни на море, ни на суше.

⁷³ Слова «в вединоое» вписаны над строкой. Возможно, должно было быть «в единое», т.е. немедленно, что передавало значение слова «зараз» староукраинского оригинала.

⁷⁴ Слова «на низ отнюдь» вписаны над строкой.

ких стругов морских⁷⁵ и лип спускать⁷⁶ не велим, што будет досматривать и беречь под ласкою и королевскою казнью старший их, а панове⁷⁷ старосты будут тако ж беречь. В добрах земских шляхетских и духовных, а волно будет жить в местах тем, которые шляхте и паном своим послушны будут. (Л. 21) А которые не похотят быть послушными паном своим и мы болш тем не даем сроку, толко на дванатцат недел, ⁷⁸-а письмо в том дати⁷⁸, не мешкая⁷⁹ в добрах шляхетцких и духовных, которые упрямостью и своеволством своим владели мелницы и пруды, и озера, преж сево тотчас без всяково хлопоту отдати прежним отчичом и держателем старостам и паном дедичным, а в волности и упрямства никакова не имели б и не чинили бы перед паны комисары, которых есмо до писаня сказаного войска и всказали. А хто бы не похотел быть непослушным⁸⁰ и слушать не хотел пана своего и после б сево не жил тот в местах и в селах шляхетцких и в духовных, а срок им учинен жить дванатцат недел, а волно ему свое все добро розпродать и двор свой для корысти, а не для убытка своего за те дванатцат недел, а болш сроку не даваем. А войско ни в какую бы им помочь не пособляли⁸¹, а за волею и указом ево королевской милости однолично так чинити имеют, да чтоб примирье⁸² от них ни с которыми соседы и государствы не было⁸³ и никаких послов от сторонних панов не приймали и посолством не ссылались бы и на службу нигде к чюжим паном не ходили ж, а ходить бы не дерзали ж, а дерзнут и они⁸⁴, и как имеют быть⁸⁵ названы не поддаными, толко будут названы недругами, ⁸⁶-которые шос себе иншого обычая и своеволи в Речи Посполитой чинить имели⁸⁶, и которые и вперед делать будут,

⁷⁵ Далее зачеркнуто «ни».

⁷⁶ В оригинале было уточнение: не спускать суда по Днепру и другим речкам.

⁷⁷ Слово вписано над строкой.

⁷⁸⁻⁷⁸ Перевод ошибочен или не ясен. В оригинале речь о том, что 12 недель отсчитываются от даты заключения договора.

⁷⁹ То есть не проживая.

⁸⁰ Должно быть «послушным», иначе смысл меняется.

⁸¹ В оригинале речь не о помощи, а о том, чтобы казацкое войско не вмешивалось в дела, которые его не касаются.

⁸² Далее зачеркнуто: «наше».

⁸³ То есть Войско Запорожское обязуется не заключать самостоятельно никаких соглашений с соседними странами, включая перемирия.

⁸⁴ Слова «и они» вписаны на полях.

⁸⁵ Далее зачеркнуто: «они».

⁸⁶⁻⁸⁶ В оригинале речь о том, чтобы казаки «собъ шос особного над иншие в Речи Посполитое члонки привлащили», то есть присвоили бы себе пол-

незгodu какую-нибудь, покинув ласку королевскую и против народу и честных людей недостойными и не добрыми покажутца, явною (Л. 22) казнею и болшим бы с ними как имели поступать и такую ж казнию казнить. И мы, ⁸⁷видячи их смиренье и послушество явное против Речи Посполитой⁻⁸⁷, все их прощаем своеволие, в чом были гараздо досадили Речи Посполитой в малых их проступку ласку свою им ныне именем королевским показываем, а будет той ласки и милости, и любви королевской ни во что себе поставят⁸⁸, и мы в том остерегаем и угрожаем, чтоб есто себе тую милость чтили или хто с них ни будь таков оберетца, что на слове своем и на крестном целованью и в тех волностей и грамот наших, которые мы им ныне дали, не устоят, и Речи Посполитой пособлять на непослушных людей⁸⁹ не будут, и мы увидя то по вас, и⁹⁰ тая милость и ласка наша и что ныне по воли им учинили, никак в чести не будет, толко несмотря ни на што, на тые своеволства и незгodu волею и казнию ево королевскою милостью наступать на них будем. А коли тое мы видим, что Войско Запорозское, ведаючи вину свою, как верные подданные его королевской милости повинились и тое учинили, што и вперед будут делать в прежнии годы кресным целованьем потвержати нынешних дел, в чом ныне для знамя⁹¹ к тому уложению печать войсковую приложивши, сколко старших и руками своими руки свои подписали ⁹²-у коронново листу⁻⁹², в крестном целованью от всево Войска Запорозкого. А деялось тое в обозе на Медвежьих Лозах октября⁹³ в 6 день лета 1625-го. А не токма старшина их, и товарищи их мал и велик крикнули великим гласом, теми словы крестное целованье отдали. Мы, атамань (Л. 23) и все Войско Запорозское ево королевское милости едиными усты и заговором и всяк себе молвил, целуем крест Господу

номочия иных чинов Речи Посполитой. И. Житкой этот фрагмент истолковал проще — как способность казаков своевольничать и устанавливать свои обычаи.

⁸⁷⁻⁸⁷ В староукраинском тексте этот текст был переведен с польского крайне путанно: «иж за тым каренем волности их и Реч[и] Посполитое», однако И. Житкой, не имея перед глазами польского текста, все же передал смысл правильно.

⁸⁸ В оригинале далее идет речь о нарушении казаками присяги и любого из пунктов заключенного соглашения. Переводчик этот текст сократил.

⁸⁹ Слово вписано над строкой.

⁹⁰ Сначала было написано «ни», потом «н» зачеркнуто.

⁹¹ То есть для свидетельствования.

⁹²⁻⁹² В оригинале было «у Курокова», то есть у Курукова.

⁹³ В оригинале ноября.

Богу в Троицы единому, в том, что догожаючи королевской воли, милости ево, ⁹⁴полно нынешнего часа ево королевской милости верность подданства не имели⁹⁴ и ныне всякое послушенство старшим нашим чинити, то есть на море с Непра не ходить, на панство царя турецкого не ходить же, а суды нам и болшие струги морские пожечь и миру з близкими государьство, розрухи никакой не делать, окромее ведомости и повеленья королевского и ничево такового не делать, в чом будет величеству королевскому досадно. И о том всем нынешняво дня с их милости комисары всему тому хотим вершенье учинить, а для росписи и перебору Войска Запорозкого и волности, и грамоты на поместьи⁹⁵ свои и для очистки выбрали есмо, кому то досмотрить и совершенье зделать и з межи себя наперва ево милость пана Халецково и ево милость пана подкоморово киевского, и ево милость пана жигвулсково и ево милость пана хоружова киевского⁹⁶.

РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 14–23. Подлинник.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Гуськов А.Г., Майер И.* Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 45–53 (Гуськов, Майер, 2019а).
- Гуськов А.Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 62–81 (Гуськов, Майер, 2019б).
- Кочегаров К.А.* Новые источники о казацком восстании 1625 года: речь полковника Олифера Голуба и неизвестный список Куруковского договора // Славяноведение. 2020. № 2. С. 28–49.
- Майер И.* Как московские переводчики XVII в. справлялись с фразеологизмами иностранных источников? (На материале переводов с немецкого и нидерландского языков) // Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists (Ohrid, 10–16 September 2008) / ed. by Per Ambrosiani. Umeå, 2009. P. 47–65.

^{94–94} В оригинале речь о том, что казаки обязуются с настоящего момента хранить верность королю («чинячи воли его королевской милости, досыт теперишнего часу вёрност подданства его королевской милости заховати»). И. Житкой передал этот фрагмент путанно.

⁹⁵ В рукописи «помети».

⁹⁶ То есть С. Немирича, Т. Склинского и Ф. Ельца.

- Мойсиенко В.М.* Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // Славяноведение. 2007. № 5. С. 45–64.
- Мойсієнко В.М.* Терміни для називання мови, якою писані кириличні пам'ятки на українських і білоруських землях у XIV–XVII ст. // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2007. № 2. С. 21–30.
- Николаев С.И.* Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII – первая треть XVIII века. Л., 1989.
- Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020.

К истории переводческой деятельности на Руси: великокняжеские толмачи

Перевод с иностранных языков на Руси был важной частью не только литературного процесса, но также присутствовал в деятельности центральных государственных учреждений, приказов, прежде всего Посольского, «ведавшего» со второй половины XVI и до конца XVII в. дипломатическими связями. Приказ отличался от иных приказных ведомств не только функционально, но и составом служащих. В соответствии с поставленными перед ним задачами в штате Посольского приказа трудились носители иностранных языков, «для переводу и толмачества переводчиков... с 50 человек, толмачей с 70» [Котошихин, с. 36–37]¹. Первые занимались письменным переводом, вторые, переводчики-синхронисты, устным; из этих двух должностей высшей в приказной иерархии считалась переводческая [Белокуров, с. 54], и денежные оклады переводчиков были существенно выше, чем у толмачей [Беляков, с. 119, 152–153].

Финансовые документы Посольского приказа строго разделяют переводчиков и толмачей только со второй четверти XVII в., переводчики же как категория приказных служащих известны с 1570-х гг. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 15–16]. Следует учитывать, что если слово «толмачь» впервые зафиксировано на Руси письменно еще в XIII в. [Словарь 2011, с. 406], то «переводчикь» появилось много позднее, не ранее второй половины XVI в. [Словарь 1988, с. 222] и, случайно или нет, около времени выделения посольской службы в отдельное направление административной деятельности, доверенное Посольскому приказу. Очевидно, все занятые переводами с иностранных языков лица ранее именовались толмачами — независимо от того, был ли этот перевод устным или письменным.

Международными контактами до появления Посольского приказа, в великое княжение Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) «ведали» бояре и одно из дворцовых ведомств, Казен-

¹ В действительности цифры выглядели гораздо скромнее [Белокуров, 54–55].

ный двор [Белокуров, с. 33–34; Рогожин, с. 15–21]. В XVI в. в государственном архиве хранилось множество документов на европейских и азиатских языках, относившихся к сношениям с иностранными державами за «доприказной» период [Зимин, с. 167–169], а при Казенном дворе уже тогда служили те, кто переводил их на русский язык [Белокуров, с. 34; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 243–251].

Наличие при оригиналах иноязычных грамот русских переводов отмечено в описи государственного архива. Здесь в «ящике 101» хранились шесть т.н. шерстных грамот крымских ханов «бесерменским письмом», и при трех есть помета «с переводом», а при одной помете присутствует имя, «перевода Вершиком Аникиш», явным образом искаженное; доставившего грамоту в Москву гонца отправили за нею в Крым осенью 1524 г. [Зимин, с. 46, 178–179] и, надо думать, вернулся он в столицу в исходе весны – в начале лета следующего 1525 г., когда московский толмач и выполнил письменный перевод документа.

Способности толмачей «доприказного» периода истории русской дипломатической службы к письменному переводу сомнению не подвергались. «Толмачи латинские и немецкие Власей и Дмитрей», известные Влас Игнатов и Дмитрий Герасимов, помогали в переводе на русский Толковой Библии и Толкового Апостола такому безусловно квалифицированному книжнику, каким был преп. Максим Грек, и в качестве толмачей они же выезжали с русскими посольствами за границу [Казакова 1980, с. 140–141; Казакова 1988, с. 195–196; Буланина, с. 140–141]. Уже в пору существования Посольского приказа принятому в него на службу в 1585 г. британцу Джону Элмесу (Ивану Фомину, Ивану Фомину Алманзену) «велено быть... в аглинских толмачах в переводчиках»², и не он один из приказных служащих занимался и письменными, и устными переводами [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 246–247, 249–250].

Возвращаясь к толмачам «доприказного» периода истории русской дипломатии, отметим, что кроме Власа Игнатова, Дмитрия Герасимова, «Вершика Аникиш» и других³ известны имена еще

² ГИМ, ОПИ. Ф. 450. Ед. хр. 83. Л. 2. Д. В. Лисейцев полагает, что И. Фомина взяли на службу в 1589 г. [Лисейцев, с. 245], что на самом деле произошло четырьмя годами ранее.

³ Авторами цитированной выше работы учтено около двух десятков имен переводчиков XV–XVI вв., и причастных к дипломатии, и литераторов

двоих, служивших в последней четверти XV — первой трети XVI в. при дворах великих князей рязанских и московских. Сведения о них ограничиваются упоминанием имен, но есть возможность проследить социальное положение толмачей, совершенно не сопоставимое с толмачами Посольского приказа.

Один из них — «Юрьманьга талмачъ». Первое и последнее упоминание этого рязанского толмача датируется 1486—1487 гг., временем правления в Рязани великого князя Ивана Васильевича (1483—1500). Его имя присутствует в докладной заемной кабале в пяти рублях некоего Василия Андреева с женой, занятых у другого подданного великого князя рязанского, Федора Васильевича. Документ утверждался и (или) вручался («доложа») заемщику боярином великого князя Федором Григорьевичем в присутствии свидетелей, «а на докладъ были Ерманга талмачъ да Анисим Сухининъ сынъ» [АСЭИ, с. 381].

В археографическом комментарии к цитируемой публикации отмечено, что начальное «Е» имени «талмача» написано в документе поправкой вместо бывшего «Ю» или «Я» [АСЭИ, с. 381, примеч. 5]. В первом издании докладной заемной кабалы оно действительно читается как «Юрьманьга» [Юшков, с. 30] и, очевидно, передано здесь точнее.

В Великом княжестве Рязанском все известные на сегодняшний день докладные заемные кабалы с обязательством заемщика вернуть в определенный срок взятые в долг деньги и санкциями за его нарушение вручались боярином великого князя в присутствии двух свидетелей. До наших дней сохранилось пятнадцать подобных документов и, соответственно, тридцать имен свидетелей, включая Юрьманьгу.

Отметим, во-первых, достаточно устойчивый круг тех, кто присутствовал с рязанским боярином «на докладъ». Понкрат Михайлов сын Котов «был» при вручении боярами долговых кабал пять раз, впервые в 1491/92 гг. и в последний в 1518/19 г., три десятилетия спустя, [АСЭИ, с. 374, 391, 395, 399], Никита (Митя, Митей) Иванов сын Очина между 1509/10 и 1518/19 гг. свидетелем трижды [АСЭИ, с. 391, 393, 396], а Михаил Митрофанов сын Мотюрина в 1515/16 гг. дважды [АСЭИ, с. 393, 396].

[Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 243—251]. К ним можно добавить толмачей Селю (Селивана), служившего в великое княжение Ивана III [Памятники дипломатических сношений, с. 123—125, 144] и Григория Истома, современника Василия III [Герберштейн, с. 200—202, 205, 206].

В ряде случаев можно говорить о свидетелях – родственниках, представителях одних фамилий. В 1501 г. с боярином «был» Софон Орьгун Спиридоньевич сын [АСЭИ, с. 389], а в 1518/19 Дмитрий Софонтьев, его, надо думать, сын [АСЭИ, с. 399]. В 1509 г. с боярином при вручении кабалы «был» Иван Федоров сын Кобылнин [АСЭИ, с. 390], а в 1514 г. Оксен Федоров сын и Игнатий Федоров сын [АСЭИ, с. 396], очевидно, его братья.

Во-вторых, имена свидетелей в подавляющем большинстве пишутся в рязанских грамотах не «полуименем», как у простолюдинов, а полными именами и с «отечеством»⁴. Судя по всему, речь идет о неслучайных людях, как-то связанных с рязанским великокняжеским двором, о ком никаких иных сведений, кроме упоминания имен в докладных заемных кабалах, нет. Они не входили в боярскую элиту Великого княжества Рязанского [Кирпичников, с. 5–6, 786], но принадлежали, и заемщики, и свидетели, к дворянам-землевладельцам, рязанским детям боярским [Сметанина, с. 51].

Интересно, что кроме толмача Юрьманьги известна профессия предка еще одного рязанского свидетеля при вручении грамоты, Семена Денежникова [АСЭИ, с. 391], сына или потомка мастера по чеканке монеты [Словарь 4, с. 213]⁵. Видимо, и он, и «талмач», несмотря на «плебейские» профессии, принадлежали, как и прочие свидетели, к рязанскому дворянству.

Еще одно, надо сказать, таинственное обстоятельство. Юрьманьга, единственный из тридцати свидетелей, назван в документе не крестильным именем, а прозвищем, не известным справочникам по русской средневековой ономастике⁶. В связи с этим стоит отметить наличие на Руси многочисленных гидронимов финно-угорского происхождения Юрманга, известных, однако, вдалеке от рязанских земель, на территории современных Костромской, Архангельской и Вологодской областей [Матвеев, 1990, с. 15; Матвеев, 2007, с. 33, 73, 75, 165, 193, 249]. Связано ли прозвище рязанского «талмача» с топонимикой Русского Севера, остается гадать.

⁴ Ср., кроме приведенных выше, Василий Онаньев сын Кобузов, Василей Шушпан Григорьев сын Акинфов, Матвей Яковль сын да Семен Иванов сын, Иван Яковлев сын Ступина [Акты социально-экономической истории, с. 374, 389, 395, 398].

⁵ О чеканке денег в Великом княжестве Рязанском см.: [Орешников, с. 379–382].

⁶ Не зафиксировано ни в словаре Н.М. Тупикова [Тупиков], ни у С.Б. Веселовского [Веселовский, 1974].

Если происхождение прозвища Юрьманьги, равно как и отсутствие в документе его крестильного имени, выглядит, повторимся, загадочно, то круг его занятий и язык, к переводам с которого он привлекался, наоборот, вполне очевидны. Великое княжество Рязанское последним на Руси прекратило самостоятельное существование, войдя в 1521 г. в состав владений московских Калитовичей. Однако «окончательное прекращение» рязанской самостоятельности имело место много ранее, в 1450-х гг. [Иловайский, с. 143], и семь последующих десятилетий Рязань находилась под полным контролем Москвы, формально сохраняя свой суверенитет [Лаврентьев, с. 147–155; Флоря, с. 360–362], часть которого составляли и собственные посольские связи с соседями, Литвой и Крымом.

В 1456 г. посольство короля польского и великого князя литовского Казимира IV побывало в столице Великого княжества Рязанского, Переяславле-Рязанском, передав великому князю Василию Ивановичу список претензий по пограничным вопросам [Акты Западной России, с. 7]. О каких-либо иных посольских контактах рязанских суверенов с Литвой известий не сохранилось, но в любом случае в толмачах в их ходе надобности не существовало: литовская великокняжеская канцелярия велась в то время на западнорусском языке и кириллицей.

Что же до Крыма, то здесь толмач был необходим. Из Бахчисарая в Переяславль-Рязанский ездили ханские гонцы с грамотами, крымский хан Менгли-Гирей состоял в личной переписке не только с «братом», великим князем Иваном III, но и с великим князем рязанским Иваном Васильевичем, титулуя его «другом» и адресуя ему «ярлыки» и «লেখкие поминки» [Лаврентьев, с. 153]. Надо думать, существовали и ответные рязанские грамоты, отсылавшиеся в Крым. После ликвидации рязанской самостоятельности в Москву перевезли архив великих князей, в том числе и посольские документы: «Ящик 17-й. А в нем грамоты докончальные резанских князей, и посольства, и иные списки» [Зимин, с. 32]. Так что присутствие при дворе рязанских суверенов собственного «талмача», носителя татарского языка, вполне объяснимо.

Федор Баикчахаров, другой толмач, московский, в отличие от рязанского, о чем положении трудно сказать что-то определенное, был связан с великокняжеским двором самым непосредственным образом и даже именуется «толмачом великого князя». Его имя не известно летописям и не встречается в документах, но присутствует в пергаменном Синодике Успенского собора Московского Кремля.

Соборный Синодик, составленный в начале XV в. [Щепкина, Протасьева, Костюхина, Голышенко, с. 212–213], имел значение официального документа [Моисеева, с. 100] и в дальнейшем пополнялся новыми именами [Бенцианов, с. 7–39]. Вечная память внесенным в него лицам провозглашалась на службе в Успенском соборе в Неделю православия (Торжество православия), совершаемой в первое воскресенье Великого поста. Слово «толмач» в Синодике присутствует в двух значениях, как имя собственное (среди некалендарных имен русского Средневековья известно имя Толмач [Тупиков, с. 448] и как профессия поминаемого на церковной службе.

В качестве имени оно фигурирует в тексте Синодика дважды. «Помощию Бога вседержителя Господа нашего Иисуса Христа во взятие града Казани, и егда Алегам царя взяша и всю землю их плениша, и на той брани избиенным... Ивану Толмачу Шаптякову.. вечная память» [Древняя российская вивлиофика, с. 463]. «Толмач» совершенно справедливо напечатано Н.И. Новиковым с большой буквы, как «непрямое» имя И. Шаптякова⁷, и в Синодике есть еще один его носитель, Федот Толмач Палецкий [Древняя российская вивлиофика, с. 480].

«Толмач» как профессия при имени поминаемого в Неделю православия присутствует только один раз. «Вечная память» в Успенском соборе провозглашалась, в том числе, и павшим участникам военных действий, воеводам и воинам и, единственный в Синодике случай, еще и погибшим дипломатам, «посланником великого князя, в граде Казани избиенным, Василию Юрьевичу Поджегину и всем... пострадавшим от безбожного царевича Саин Гирея в Казани» [Древняя российская вивлиофика, с. 465].

Дата гибели дипломатов известна по Никоновской летописи: «Въ лѣто 7031... Тоя же весны царь Саип Гирей въ Казани много зла християнству навель и кровь пролія, яко воду, и посланника великого князя Василья Юрьевича Поджегина уби» [ПСРЛ 13, с. 43]. Брат известного государственного деятеля и фаворита великого князя Василя III, И. Ю. Шигоны-Поджогина, В. Ю. Поджогин от-

⁷ Ср. новейшее издание части текста Синодика Успенского собора, где оно выглядит как имя, Толмач, но в таких же точно по составу поминаемых в Неделю православия списках синодиков новгородского Софийского и ростовского Успенского соборов «толмач» в этой публикации напечатано со строчной буквы и, в таком случае, оказывается не именем, а указанием на профессию [Памятники истории, с. 174, 189, 197].

правился с дипломатической миссией в Казань, где погиб в 1523 г. во время переворота и прихода к власти противника Москвы, хана Сахиб-Гирея [Худяков, с. 85]. Состав посольства Поджогина неизвестен, но кроме него вечную память на службах в Успенском соборе провозглашали еще одному члену миссии, «толмачу великого князя Феодору Байкчахарову, убиенному в Казани» [Древняя российская вивлиофика, с. 468]. Посланник оказался в числе помиаемых в Неделю православия как пострадавший, наряду с «воинскими людьми», за веру и отечество [Веселовский 1969, с. 315], равно как и погибший толмач, но, заметим, в летописном рассказе о казанских событиях 1523 г. фигурирует один В.Ю. Поджогин, имя же Федора Байкчахарова известно только по Синодику первенствующего храма Российского государства. Отдельное, наряду с главой посольства и братом великокняжеского любимца, помиание погибшего в Казани «толмача великого князя» и отсутствие в Синодике имен других членов миссии свидетельствует об особом положении Федора Байкчахарова, возможно даже не аристократа, а простолюдина⁸, при дворе Василия III.

Таким образом, толмачи Посольского приказа XVI–XVII вв. находились на несопоставимо низшей ступени социальной лестницы, нежели их коллеги более раннего времени.

Литература

- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. 1340–1506. СПб., 1846.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века. Отв. ред. Л.В. Черепнин, сост. И.А. Голубцов. Т. 3. М., 1960.
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1654–1682 гг. СПб., 2017.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII веке. Материалы к словарю. М., 2021.
- Бенцианов М.М.* Синодик Московского Успенского собора XIV–XVI вв. Принципы и закономерности внесения имен // Российская генеалогия. Научный альманах. 2021. Вып. 10. С. 7–39.
- Булачина Т.В.* Влас Игнатов (Игнатъев) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 140–141.

⁸ В историографии дискуссионным остается вопрос о принципах пополнения Синодика, но в любом случае это были представители правящей элиты [Бенцианов, с. 19–21, 37].

- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Подгот. к печати Э. Г. Чумаченко. М., 1974.
- Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.
- Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающаяся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Ч. 6. М., 1788.
- Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 2023.
- Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1884.
- Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 195–196.
- Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVII веков. М., 1980.
- Кириичников И. А.* Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.
- Лаврентьев А. В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011.
- Матвеев А. К.* К лингвистической идентификации финно-угорской субстратной топонимики // URALO-INDOGERMANICA. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции 18–22 июня 1990 г. Ч. 1. М., 1990. С. 10–17.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 3. Екатеринбург, 2007.
- Моисеева Г. Н.* Пергаменный Синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Т. 26. Л., 1971. С. 100–106.
- Лисейцев Д. В.* Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сб. материалов конференций 2002–2003 гг. М., 2006. С. 241–252.
- Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 года и материалы к истории русской нумизматики доцарского периода. М., 2006.
- Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранных. Т. 1. СПб., 1851.
- Памятники истории русского служилого сословия. Сост. А. В. Антонов. М., 2011. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
- Рогожин Н. М.* «Око всей великой России» // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. Под ред. Е. В. Чистяковой. Сост. Н. М. Рогожин. М., 1989. С. 15–33.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М., 2011.
- Сметанина С. И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. Научный исторический журнал. Вып. 6. М., 1995. С. 49–80.

- Туников Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. Подгот. изд. и предисл. Ф. Б. Успенского. М., 2005.
- Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. М., 2021.
- Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990.
- Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольшенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 135–234.
- Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898.

Ништадтский мир 1721 г.: переводчики, переводы, языки дипломатии

При изучении мирных конгрессов раннего Нового времени исследователи уделяют все большее внимание символической коммуникации, языковым практикам, языковому выбору сторон при составлении текстов мирных договоров [Burkhardt; Braun 2011, 2014], значению и роли переводчиков и переводов [Espenhorst; Jankrift; Braun, 2021]. В то же время практически неизученным остается языковой профиль российско-шведских переговоров на Ништадтском мирном конгрессе 1721 г., завершившем многолетнюю Северную войну (1700–1721), изменив расстановку политических сил в Европе и в особенности внешнеполитическое положение России и Швеции.

До сих пор в литературе не был обстоятельно рассмотрен вопрос о том, на каких языках были составлены Ништадтский мирный договор, российская и шведская ратификационные грамоты, осуществлялся ли их перевод, какова история создания этих текстов. В фундаментальной работе Л.А. Никифорова [Никифоров, с. 474] приведена цитата из реляции российских уполномоченных на конгрессе Я.В. Брюса и А.И. Остермана Петру I об отправке при реляции оригинала только что подписанного Ништадтского мирного договора с оговоркой, что они «оной перевесть не успели, понеже на то время потребно б было»¹. Однако факт необходимости перевода договора и вопрос о языках других документов конгресса в работе был обойден [Никифоров, с. 406, 410, 414, 422]. Текст договора был приведен по печатной ратификации на русском языке, который также был опубликован в ПСЗ². В отношении ратификационных грамот в работе упомянуто только дата, когда на конгресс доставили шведскую грамоту, а обстоятельства подготовки российской и процедура обмена не рассматривались [Никифоров, с. 476].

Примечательно замечание Й. Буркхардта в статье 2007 г., что даже для многих историков факт заключения Ништадтского

¹ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 4. Л. 195.

² ПСЗ-1. Т. VI. № 3819.

мирного договора между Россией и Швецией на немецком языке остается неизвестным или неожиданным [Burkhardt, s. 503]. В 2021 г. было осуществлено факсимильное издание экземпляра оригинала Ништадтского договора, хранящегося в АВПРИ, с небольшим археографическим пояснением, но без обращения к обстоятельствам и причинам составления договора на немецком языке [Археографическое пояснение, с. 66–72]. Статья Х. Духхардта о Ништадтском конгрессе не вводит в научный оборот новых сведений об обстоятельствах и причинах использования немецкого языка на конгрессе и персоналиях переводчиков. Сам автор отметил, что не имел возможности изучить российскую и шведскую литературу, а также данные шведских и российских архивов [Duchhardt, s. 27]. В ряде работ опубликованы некоторые сведения о персоналиях и службе переводчиков, участвовавших в работе Ништадтского конгресса и выполнявших переводы и подготовку документов в коллегии в Санкт-Петербурге [Долгова; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин]. Однако их работа в контексте подготовки мирного договора подробно не рассматривается. Настоящая статья призвана отчасти восполнить обозначенные лакуны и дополнить представление о том, каким был языковой ландшафт Ништадтского мирного конгресса; какие переводчики и другие служители КИД обеспечивали его работу; на каких языках были составлены основные документы; что определяло языковой выбор сторон в этот период.

Сведения, позволяющие осветить эти вопросы, рассыпаны по многочисленным делам и разным архивам. Большая их часть извлечена из материалов Ништадтского конгресса, хранящихся в АВПРИ. Ф. 96 «Сношения России с Швецией» и включающих копии и переводы грамот (полномочных и ратификационных), реляции, рескрипты, письма, паспорта для людей и судов, копии и переводы проектов мирного договора и текста мирного договора, белой журнал конгресса на русском языке и черновой журнал на немецком. Некоторые данные содержатся в РГАДА в делах Аландского конгресса (Ф. 96 «Сношения России с Швецией»; Ф. 158 «Приказные дела новых лет»). Привлечены материалы из фондов шведского Государственного архива (Riksarkivet) – оцифрованные оригиналы Ништадтского мирного договора, ратификационной грамоты Петра I и др.

Ништадтский конгресс необходимо рассматривать в тесной связи с Аландским 1718–1719 гг. – не только и не столько с точки

зрения политических переговорных позиций. Российскими уполномоченными на конгрессе в Ништадте (как и на Аландах) были Я.В. Брюс и А.И. Остерман, равно как и один из двух шведских представителей (Ю. Лиллиенстедт). Анализ материалов обоих конгрессов позволяет говорить о том, что при организации и проведении Ништадтского конгресса российские дипломаты и министры постарались учесть опыт Аландского. На Аландах к началу работы конгресса многое было не подготовлено и не продумано – российские полномочные министры Брюс и Остерман постоянно просили о срочной присылке специалистов, денег, различных вещей и предметов. Согласно материалам Ништадтского конгресса, многое из этого в 1721 г. было приготовлено и взято заранее³.

В Ништадте по опыту Аландов стороны пришли к договоренности относительно отмены церемониала на конгрессе для ускорения его работы. На Аландском конгрессе в силу различных причин основным рабочим языком стал немецкий – российские и шведские министры договорились для упрощения и ускорения хода переговоров прилагать к оригинальным полномочным грамотам немецкий перевод, на немецком языке были составлены декларация об отказе от сложного церемониала, проект текста мирного договора, велась официальная переписка между российскими и шведскими полномочными [Ларина, 2024, с. 317–321].

Языковой ландшафт Ништадтского мирного конгресса во многом был схожим с Аландским – к полномочным грамотам на национальных языках прилагались официальные копии на немецком; все поданные шведскими министрами мемориалы и проекты были составлены на немецком языке; черновой журнал событиям конгресса (включая записи о конференциях) велся на немецком и содержит много правки рукой Остермана, многие записи чернового журнала, например, текст пункта и обсуждение секретного вопроса о выплате компенсации за Лифляндию также написаны им. Вопрос о языке текста мирного договора и ратификационных грамот будет подробнее рассмотрен далее.

Работу «мирной неготиации», подготовку текста Ништадтского мирного договора и российской ратификационной грамоты обеспечивали две группы служителей, в том числе переводчиков, КИД – первая находилась непосредственно на конгрессе в Ништадте, вторая – в Санкт-Петербурге.

³ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 8. Л. 41.

И в кадровом вопросе в Ништадте был учтен опыт Аландского конгресса. К началу переговоров на Аландах российские уполномоченные не имели при себе переводчиков и были вынуждены настоятельно просить в реляциях о срочной присылке переводчика шведского языка из Посольской канцелярии, уже находясь на месте. Без переводчика шведского они не могли перевести и принять шведские полномочные грамоты. В Ништадте с самого начала вместе с Брюсом (еще до приезда Остермана 26 мая) находился переводчик шведского языка Алексей Манкиев. 4 мая от шведов была получена полномочная грамота, данная шведским королем назначенным на Ништадтский конгресс Ю. Лиллиенстедту и О. Стремфельту. Согласно помете на русском переводе, Манкиев перевел грамоту с шведского в тот же день, когда она была получена: «Переводил Алексей Манкиев в Нейштате маия в 4 день 1721»⁴.

Алексей Ильич Манкиев известен в первую очередь как секретарь кн. А.Я. Хилкова — российского резидента в Швеции в начале Северной войны, много лет бывшего в плену и скончавшегося в Швеции в 1717 г. Манкиев долгое время считался автором книги «Ядро Российской истории». Как выяснила С.Р. Долгова, его приняли в КИД 22 февраля 1720 г. на должность переводчика шведского, латинского и польского языков, в том же году он сопровождал в Швецию А.И. Румянцева, отправленного туда с поздравительной грамотой к вступившему на престол шведскому королю Фредрику I, супругу Ульрики Элеоноры. Впоследствии в 1722 г. он был определен в Комиссию Выборгского обер-коменданта И. Шувалова для разграничения земель по условиям Ништадтского мирного договора [Долгова, с. 337]. В одном и том же документе, беловом журнале (дневной записке) делам, происходившим на Ништадтском конгрессе, его фамилия приводится по-разному: «Манкевич» и «Манкеев». В записи от 10 июня 1721 г. отмечено, что «второй полномочный (Остерман. — Я.Л.) посылал к швецким министром переводчика Манкевича зват их к себе к завтраю на обед»⁵, а также 5 июля «его превосходительство Андрей Иванович Остерман посылал к швецким министром переводчика Манкеева звать к себе к завтраю на обед»⁶.

⁴ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 8. Л. 32 об.

⁵ Там же. Д. 15. Л. 72.

⁶ Там же. Л. 85 об.

Более значимую роль на Ништадтском конгрессе играл другой переводчик КИД – Яган (Иоганн) Шуберт (J.C. Schubert). Примечательны обстоятельства его перехода на службу в КИД. Во время Аландского конгресса в 1718 г. умер переводчик немецкого языка Степан Волков, находившийся при российских уполномоченных. Вместо него некого было прислать, поскольку переводчиков было мало и все они были заняты, имели много другой работы в контексте подготовки коллежской реформы. В связи с этим в реляции, отправленной с Аландов 5 мая 1719 г., Брюс и Остерман писали: «понеже мы здесь не имели такого человека, кого б употребить при здешних делах вашего царского величества в немецких писмах, и в том нам была немалая нужда, того ради мы приняли в вашу царского величества службу для здешних приключających немецких дел Ягана Хриштофа Шуберта, которой при мне, Якове Брюсе, был партикулярным секретарем и от нас во время сего конгресса в делах вашего величества уже употреблен был»⁷. Они выражали надежду, «что ваше царское величество сие всемилостивейше за благо приять изволите, и всеподданнейше имя ево в коллегии иностранных дел в список купно з другими служители внести, и на сеи 1719 год по вышеобъявленному определению вашего величества жалование сюды к нам прислать; а какую он нам в верности присягу учинил своей в делах вашего величества, со оной при сем копию прилагаем»⁸.

12 июня 1719 г. Остерман обеспокоенно писал в частном письме на немецком языке П.П. Шафирову, что они до сих пор не получили ответа о Шуберте, которого приняли в царскую службу, и надеялся, что такой демарш (*demarche*) был принят милостиво и одобрен⁹. Только 18 августа 1719 г. Г.И. Головкин и П.П. Шафиров «по указу великого государя и по вышеписанной реляции полномочных министров» определили «принять ево в коллегию иностранных дел к немецкой экспедиции и по обещанию их полномочных министров учинить ему его великого государя жалованья оклад купно и с кормовыми по триста по дватцати рублей на

⁷ Оригинал реляции Я. Брюса и А.И. Остермана от 5 мая 1719 г.: РГАДА. Ф. 158. Оп. 3. Д. 42. Л. 2. В более ранней моей статье эти сведения были приведены по копии из дел Аландского конгресса: РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1719 г. Д. 5. Л. 257.

⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 3. Д. 42. Л. 2 об. – 3; Ф. 96. Оп. 4. 1719 г. Д. 5. Л. 257 об. – 259.

⁹ Там же. Ф. 96. Оп. 4. 1719 г. Д. 5. Л. 491. Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи.

год, и то жалование на нынешней 1719 год триста двадцать рублей все сполна, для того что онои Шуберт и до обещанного ему сего его великого государя жалованья сначала того конгресса в делах его царского величества употреблен был, ему выдать и впредь с другими служителями той коллегии оное жалование повсягодно давать, да ему ж на нынешней год для пребывания его на Алантском конгрессе против других тамо обретающихся иностранных дел коллегии служителей дать сто рублей и о том к росходу дать указ, в котором написать, что те денги для отвезения к нему Шуберту отдать коллегии иностранных дел канцеляристу Федору Сениюкову¹⁰.

На Ништадтском конгрессе переводчик Шуберт исполнял обязанности секретаря посольства, он был упомянут в беловом журнале как «переводчик, который употреблен был за легацион секретаря»¹¹. Интересно, что в черновом журнале «происходившим на Нейштадтском конгрессе делам полномочных российских министров графа Брюса и Остермана», который велся на немецком языке, при упоминании Шуберта в двух местах он сначала указан как переводчик (Translateur), что было зачеркнуто и над строкой вписано рукой Остермана: «секретарь» (Secretaire)¹².

4 мая 1721 г. Шуберт и шведский секретарь Феиф обменялись полномочными грамотами в еще не достроенном конференц-гаузе: «С российской стороны Шуберт, а с шведской стороны легацион секретарь Феиф в конференц гаус пришли всякой с своего крыльца, и пришел в среднюю светлицу по обыкновенных комплиментах сидели, где оригинальными полномочными и с них копиями розменились и потом разошлись, один на российскую, а другой на шведскую сторону»¹³. Важно отметить, что присутствие с самого начала конгресса секретаря с российской стороны (как и переводчиков) также свидетельствует об учете опыта Аландского конгресса — тогда секретаря у российских полномочных не было. 11 мая 1718 г. Остерман писал Головкину и Шафирову с Аландов: «шведские господа министры при себе имеют секретаря посольства и требуют, чтоб он при конференциях присутствен был, для держания протоколу; и понеже мы такого человека при себе не имеем, которого к тому употребить могли б, того ради я намерен всяким образом от того уклонитца, дабы при конференциях с обеих сторон секретарям не

¹⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 3. Д. 42. Л. 4—4 об.

¹¹ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Дела Ништадтского конгресса. Д. 15. Л. 162 об.

¹² Там же. Д. 18. Л. 2, 8.

¹³ Там же. Д. 15. Л. 26 об.

быть, но держать бы нам самим протокол, ибо чтоб с шведкою стороны секретарь тут присудствовал, а с нашей бы стороны никто не был, и то весма неприлично будет»¹⁴.

Шуберт вел протокол первой конференции, происходившей 11 мая, еще до приезда Остермана: «В конференц гаузе в средней светлице поставлены были на обеих сторонах по столу и по одному стулу, за которыми сидели с российской стороны Шуберт, а с шведкою легацион секретарь Фейф для записки помянутой имевшей конференции»¹⁵. В ходе конгресса Шуберта посылали с различными поручениями к шведским уполномоченным («отдать комплимент» от имени прибывшего на конгресс Остермана, просить о подготовке документов, согласовать дату очередной конференции, передать приглашение на обед, согласовать финальные аспекты мирного договора), он же участвовал в церемонии обмена ратификационными грамотами.

Помимо переводчиков – шведского языка Манкиева и немецкого языка Шуберта в статусе секретаря посольства – на Ништадтском конгрессе в числе прочих служащих КИД присутствовали «студент Семен Малцов»¹⁶ и «студент Моисей Спешнев»¹⁷. В беломом же журнале в записи от 28 мая отмечено, что Остерман «посылал ко обоим шведским министром двух человек студентов, из которых одного к графу Лилиэнштету, другаго к барону Штремфелту со объявлением, что он желает их превосходительствам поклон свои отдат и ежели их превосходительствам то угодно быть может, чтоб изволили назначит, в котором часу можно в их квартиры быть»¹⁸. Также 30 мая Остерман «посылал к шведским министром одного студента зват их к себе к завтраю на обед»¹⁹.

М. Шиколо посвятил специальную обстоятельную статью практикам подготовки кадров для КИД – переводческой школе при КИД и отправке студентов в зарубежные дипломатические миссии для обучения иностранным языкам в 1720-е – 1740-е гг. [Шиколо]. Представляется, что присутствие студентов на конгрессе также рассматривалось как форма обучения кадров для КИД. Таким образом прослеживается определенный комплекс мер по подготов-

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 6. Л. 113 об.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Дела Ништадтского конгресса. Д. 15. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 162 об.

¹⁷ Там же. Л. 163.

¹⁸ Там же. Л. 49 об.

¹⁹ Там же. Л. 53.

ке кадров для КИД — так, Мальцов был сначала отправлен в Кенигсберг для обучения, после возвращения в 1720 г. — на Ништадтский конгресс, а затем — в зарубежную дипломатическую миссию. В Петербурге переводами занимался переводчик немецкого языка Иван Келлерман, в частности, он готовил текст российской ратификации Ништадтского мирного договора, о чем речь пойдет далее. В материалах конгресса также упоминается переводчик шведской стороны — Линдеман²⁰.

30 августа 1721 г. было составлено два «равногласящих», то есть идентичных, экземпляра мирного договора на немецком языке. Один экземпляр был подготовлен и написан шведской стороной, второй — российской. Оба экземпляра подписали все четыре уполномоченных на конгрессе (с российской стороны — Брюс и Остерман, с шведской — Лиллиенстедт и Стремфельт). После подписания состоялся обмен экземплярами мирного договора. Таким образом, подготовленный шведами экземпляр хранится в России²¹, а подготовленный российской стороной — в Швеции²².

Согласно беловому журналу конгресса подготовка двух экземпляров мирного договора происходила 30 августа следующим образом: «Российския полномочныя министры чрез многократную посылку к швецким министром Шуберта с ними об некоторых последних артикулах формального мира согласились, которыя со обоих сторон на мере постановили и оныя в формальной трактат набело на немецком языке переписыват велели. И когда с российской стороны экземпляр набело написан был, то оной отнесен был в квартиру к его превосходительству Андрею Ивановичю Остерману, где присутствовал и его сиятельство граф Яков Вилимович Брюс, откуда от российских полномочных министров в начале 11 часу пополудни послан был паки к швецким министром помянутой же Шуберт со известием, что российской экземпляр уже в готовности, и дабы ежели у них швецких министров с их стороны экземпляр готов и ежели им угодно будет, то российские полномочныя министры для подписания со обоих сторон экземпляров

²⁰ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Дела Ништадтского конгресса. Д. 4. Л. 5 об.

²¹ Там же. Ф. 163. Оп. 163/2. Д. 465. Л. 18–37. Шифр приводится по: [Археографическое пояснение, с. 66].

²² Riksarkivet. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b // Riksarkivet: [официальный сайт]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/reXTx26zNY9VzAE7DC1ZB6> (дата обращения: 10.05.2022).

будут к ним в квартиру графа Лилиенштета. Швецкия министры чрез него ж Шуберта ответствовали, что с их стороны экземпляры в полчаса изготовлен быт может, с которым они, когда изготовятся, для заключения и подписания оных обоих будут в квартиру к его превосходительству. И потом швецкия министры в квартиру к его превосходительству во 11ть часов пришли, при которых был легацион секретарь Феиф и будучи у его превосходительства со обоих сторон равногласящия экземпляры сами министры один з другим для верности читали, по прочтании которых оныя собственноручно подписали и печатми своими укрепили и оными разменили. И потом швецкия министры от его превосходительства в квартиры свои возвратились в 3м часу пополудни»²³.

Брюс и Остерман сразу же отправили царю оригинальный мирный договор на немецком языке, не тратя времени на его перевод на русский, что еще раз подчеркивает, что они вели переговоры и готовили документы на немецком языке. Это отмечено в белом журнале конгресса: «переводу с того трактату не послану, понеже того вскорости учинить было невозможно»²⁴ и в реляции от 30 августа 1721 г.: «При сем к вашему царскому величеству всеподданнейше посылаем подлинной трактат мирной, которой сего часу с швецкими министрами заключили, подписали и розменялись. Мы оной перевести не успели, понеже на то время потребно б было, и мы опаслись, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась»²⁵.

Факт составления Ништадтского мирного договора на немецком языке необходимо рассматривать в контексте языковых практик и накопленного опыта Аландского конгресса, где немецкий язык стал основным языком коммуникации, делопроизводства, проекта мирного договора. По наблюдениям исследователей дипломатии раннего Нового времени, уступчивость в использовании языка свидетельствовала о стремлении достичь политического соглашения, в то время как непримиримость в этом вопросе говорила об обратном — стремясь избежать открытого противостояния, дипломаты могли переносить конфликт в более «безобидную» плоскость языка [Braun, 2011, s. 106; Osthus, s. 90]. На Ништадтском конгрессе не происходили споры о языке переговоров или текста

²³ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Дела Ништадтского конгресса. Д. 15. Л. 120 об. — 121.

²⁴ Там же. Л. 120 об. — 121 об.

²⁵ Там же. Д. 4. Л. 195.

мирного договора — не только из-за накопленного опыта Аландского конгресса, языковых компетенций сторон, наличия переводчиков, но и нацеленности обеих сторон на заключение мира.

Однако языковая проблема едва не поставила под угрозу своевременный обмен ратификационными грамотами в трехнедельный срок, установленный условиями мирного договора. Представляется, что найденное сторонами решение демонстрирует, как достижение компромисса в вопросах о языке отражало и политическое стремление к миру. Проблема заключалась в том, что ратификационные грамоты, в отличие от мирного договора, были составлены на разных языках. Необходимо более детально рассмотреть процесс подготовки российской ратификационной грамоты и обстоятельств обмена в Ништадте. Это позволит понять, какую роль играли языки в дипломатической коммуникации, к каким противоречиям мог приводить языковой выбор сторон.

Ратификационные грамоты должны были включать дословный текст Ништадтского мирного договора. Несмотря на все более активное использование немецкого языка в российско-шведской дипломатической коммуникации в первой четверти XVIII в., при составлении грамот монархов традиционно продолжали использовать национальные языки — русский и шведский (хотя также стали прикладывать к грамотам копии на немецком языке). В шведской ратификационной грамоте преамбула и заключительная часть были написаны на шведском языке, однако, текст договора был дословно внесен на немецком²⁶. Как отмечалось в документах КИД 1723 г., копии ратификации ни на каком языке приложено не было²⁷. Когда же в Ништадте получили для обмена российскую ратификационную грамоту, оказалось, что она полностью составлена на русском языке с приложением копии на немецком.

В реляции Остермана и Брюса от 30 августа 1721 г., при которой они отправили царю подлинный мирный договор, содержался постскриптум с просьбой, «дабы ратификация как наискорее сюда отправлена была, а каким образом она написана быть имеет, тому

²⁶ Шведская ратификационная грамота Ништадтского мирного договора (фрагмент) // Ништадтский мирный договор. Документы Архива внешней политики МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/928/73q43vzg4dwb7d1tvhkomgxodto3qs1/e3bd1275dbd7e6f0dab7117b47cb0927.pdf> (дата обращения: 01.04.2025); Полностью оцифрованный документ см.: <https://agricolaverkko.fi/vintti/julkaisut/julkaisusarja/uudenkaupungin-rauha/kansio11.php?id=1#doc> (дата обращения: 01.04.2025).

²⁷ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 32. Л. 2 об. — 3.

при сем проэкт на немецком языке, о котором мы с швецкими министрами согласились. А швецкия министры надеются в 10 дней свою ратификацию получить, дабы иногда от замедления вашего величества ратификации какия споры не произошли»²⁸. Образцовая ратификация на немецком языке²⁹ включала преамбулу о желании российского и шведского монархов заключить мир и определении полномочных министров на конгресс в Ништадт, затем предполагала место для вставки текста Ништадтского мирного договора (традиционно для краткости писали только: «Inserantur раста») и заключительную часть.

Петр I получил оригинал Ништадтского мирного договора и образцовую ратификацию 3 сентября, привез их 4 сентября в Санкт-Петербург и немедленно велел перевести текст трактата на русский язык. Головкин сообщал в письме Остерману из Петербурга от 9 сентября 1721 г.: «Получили мы здесь от вас присланные мирные трактаты, учиненные вашими трудами, между Его Царским Величеством и короною шведскою, которые по переводу Его Царское Величество в Сенате сам слушать изволил и приняты зело милостиво, за что и мы вашей милости благодарствуем, а ныне сему чрез Божескую высокую ко всей России явленную милость по воздании благодарного молебного пения, торжествуем, что еще и продолжится, а ратификация соверша к вам посылается, против которой взаимно от шведского двора ратификации ожидать будем, також и вашего сюда счастливого прибытия желаем»³⁰.

В Сенате читали перевод трактата и образцовой ратификации, которые были выполнены переводчиками КИД в Санкт-Петербурге, а не на конгрессе. С конгресса, как уже было отмечено, были срочно присланы к тому времени только немецкий оригинал договора, образцовая ратификация на немецком же языке и экстракт из текста мирного договора. Сохранилось дело, содержащее копии и переводы, выполненные в Петербурге: копия текста Ништадтского мирного договора и сепаратного артикула на немецком языке³¹, черновик перевода на русский язык с многочисленными правками³², «Экстракт ис постановленного

²⁸ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 4. Л. 196.

²⁹ Там же. Л. 201–202.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 157.

³¹ Там же. Д. 7. Л. 1–19., 20–21.

³² Там же. Л. 22–48 об., 49–50.

мирного договору»³³, «Промемория ис проекту мирного, о чем которой пункт гласит»³⁴. Согласно делопроизводственной записи, «вышеписанные переводы с трактату между его царского величества и короля и королевства свеиского о вечном мире, заключенном в Неиштате 30 августа сего 1721 такожде сепаратной артикул, образцовую ратификацию и обнадеживании два, данные от свеиских министров, одно о ратификации мирного трактата, другое о титулах, его Царское величества и короля свеиского его Царское величество изволил слушать сентября 6 дня в бытность в Сенате. Притом были все господа сенатори и сверх их маеор от гвардии господин Мамонов да сенатской обер секретар Позняков и секретар Ларионов, читал упомянутые переводы с трактата и прочего вышеозначенного пред его царским величеством советник канцелярии господин Степанов»³⁵.

Российская ратификационная грамота была подготовлена к 9 сентября 1721 г., когда царь ее подписал, о чем сообщалось Брюсу и Остерману в рескрипте от 10 сентября: «от вас присланной трактат немедленно перевесть велели и коего часу оной на российской язык могли успеть перевесть, то того же времени мы оной весь и присланную от вас образцовую ратификацию с великим нашим удовольствием и увеселением слушали, и все пункты в том трактате содержанныя и чрез ваши труды постановленныя, мы все милости-вейше апробовали. И нашу ратификацию во всем против образцовой от вас присланной написать повелели и коего часу она могла быть приготовлена, то оную во имя Божие подписав немедленно к вам ради розмены с шведскими полномочными посылаем и уповаем, что она еще прежде назначенного срока о розмене ратификацей к вам прибудет»³⁶. Перевод из Ништадта прислали только 10 сентября 1721 г. Дорога от Ништадта до Петербурга занимала у курьеров, как правило, четыре—пять дней, что существенно замедляло обмен информацией.

Интересно, что согласно беловому журналу конгресса между получением российскими министрами ратификации и сообщении об этом шведам прошло четыре дня — 14 сентября «к российским полномочным министром прибыл от его царского величества из Санкт-Петербурга с ратификациею от гвардии каптенармус Иван

³³ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 7. Л. 57–64.

³⁴ Там же. Л. 65–70 об.

³⁵ Там же. Л. 71.

³⁶ Там же. Д. 1. Л. 158–158 об.

Шарапов да сержант втораго гренадерского полку Борис Федоров, которои от российских полномочных министров посылан был в Санктпетербург к его царскому величеству с реляциею»³⁷. И только 18 сентября «российские полномочные министры посылали к шведским полномочным министром Шуберта со объявлением, что понеже сеи ночи от его царского величества к ним российским полномочным с ратификациею его величества куриер прибыл, и чтоб они швецкия министры для принятия у них российской и отдания им швецкои ратификацеи изволили быть завтрешняго числа в конференц гауз во 11 часов. И швецкия министры по пристоинном за такое объявление благодарении объявили, что они с ратификациею государя их завтрешняго числа в конференц гауз будут»³⁸. Вероятно, российские уполномоченные не спешили официально сообщить о получении ратификации, размышляя, как быть, не окажется ли в последний момент препятствием для обмена тот факт, что присланная оригинальная российская ратификационная грамота составлена на русском языке.

Российская ратификационная грамота хранится в шведском Государственном архиве в Стокгольме (Riksarkivet). Она включает преамбулу, полный (дословный) текст Ништадтского мирного договора, включая сепаратный артикул, и заключительную часть. Ратификация составлена полностью на русском языке, хотя к русскому оригиналу приложили копию на немецком языке, правильность которой заверил Шафиров. Немецкую копию российской ратификационной грамоты готовил, по всей видимости, переводчик КИД Иван Келлерман, поскольку сохранились черновики с его правкой и примечаниями, каким шрифтом нужно писать ратификацию³⁹, черновая записка «приметы о описках», которые необходимо исправить⁴⁰. Получалось, что в ратификацию был включен не оригинальный (немецкий) текст договора, а его перевод на русский язык. Шведская же сторона предполагала, что в ратификационную грамоту будет включен в точности такой текст договора, какой был подписан 30 августа — т.е. на немецком языке, что имело важное значение для исключения в будущем какого-либо превратного или неверного толкования статей договора.

³⁷ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 15. Л. 136 об.

³⁸ Там же. Л. 142–142 об.

³⁹ Там же. Д. 7. Л. 99–100 об.

⁴⁰ Там же. Л. 102.

В делах Ништадтского конгресса сохранился документ на немецком языке «Пункты на взаимное уверение их превосходств Его царского величества господ полномочных министров» (Punctationes zur Gegenversicherung von Ihro Excell. Excell. Sr Czar. Maytt: Herren Ministres Plenipotenciaires). Он не подписан и не датирован, однако, поскольку требуемое в нем «обнадеживание» подписано 19 сентября, в день обмена ратификационными грамотами, датировать его следует не позднее 19 сентября: «Поскольку Его царское величество данную им ратификацию на ныне заключенный мир вместе с мирным инструментом подписал на русском нам неизвестном языке против немецкого экземпляра как оригинального, на ее [ратификации] копию его превосходительство господин вице-канцлер барон Шафиров подписал свидетельство. Мы просим ваши превосходительства изготовить нам обнадеживание, 1) что в Его царского величества канцелярии мирные инструменты таким образом на русском языке и никак иначе даются и 2) что как с шведской, так и с российской стороны во всех приключаящихся случаях следует придерживаться буквы немецкого экземпляра»⁴¹. Брюс и Остерман подписали необходимое «обнадеживание», его оригинал хранится в шведском государственном архиве⁴². Языковая проблема едва не поставила под угрозу обмен ратификационными грамотами в трехнедельный срок, установленный условиями мирного договора; найденное решение свидетельствует о готовности сторон как можно скорее завершить дело «миротворения».

Обмен ратификационными грамотами состоялся в «конференц-гаусе» 19 сентября, при этом российские солдаты были выстроены в строй и при подходе в 11 часов российских и шведских министров «учинена была им чест от всего фрунту з барабанным боем в поход... Обои министры вошед в конференц гаус по несколком времени обыкновенным образом между собою ратификациями разменялис, по разменении которых от россииских полномочных министров приказано было во знак того з галер из 13 пушек трижды, а салдатом всем фрунтом три залфа беглым огнем выпалит. А с швецкого прегантина из 8 трижды выпалено было. И когда то учинено было, то россииския и швецкия полномочныя министры в начале первого часу пополудни с швецкой стороны ис конференц

⁴¹ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1721 г. Дела Ништадтского конгресса. Д. 8. Л. 152.

⁴² RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D // Riksarkivet. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/odWdplc65qkwCvSU7zyMID> (дата обращения: 10.05.2022).

гауса вышли, и первой российской полномочной по прошению шведских министров пошел к ним в квартиру графа Либлингштета со всеми в свите российских полномочных министров обретающимися кавалерами и прочими обедать, и хотя и второй российской полномочной министр от них шведских министров також прилежно на обед прошен был, однакож оной за недомоганием к ним не пошел, но возвратился в квартиру свою и потом салдаты из строю розпущены. Во время шествия обоих полномочных министров х конференц гаусу за российскими ратификацию нес Шеберт, а за шведскими легацион секретарь Феиф, и по выходе из конференц гауса данную с шведской стороны ратификацию принес за вторым российским полномочным в его квартиру Шуберт же, а данную с российской стороны за шведскими министрами нес помянутой легацион секретарь»⁴³.

Вскоре после обмена ратификационными грамотами работа конгресса завершилась. Одна часть служителей КИД отправилась в Санкт-Петербург 24 сентября морем, другая – сухим путем: «Галерной капитан Дубровин с 4 российскими галерами, на которых отправлены на конгрессе бывшие государственной коллегии иностранных дел служители, имянно переводчик, которой употреблен был за легацион секретаря Яган Шуберт, переводчик Алексеи Манкеев, канцелярист Сергеи Семенов, копиист Никита Калинин, студент Семен Малцов и маеор фон Лукеи з бывшими в Неистате в его команде офицерами и рядовыми салдатами и обретающиеся при домех обоих российских полномочных министров взятыя из салдат гребцы и прочия, також и их обоих полномочных же министров багаж, восприял путь свои в Санкт Петербурх. А копиист же Иван Анисимов и студент Моисеи Спешнев поехал при втором российском полномочном министре сухим путем»⁴⁴. 15 и 16 октября Брюс и Остерман прибыли в Санкт-Петербург⁴⁵.

Переводчики и другие служащие КИД, работавшие как в Ништадте, так и в Петербурге, не получили вознаграждения сразу после окончания своих трудов – традиционно пришлось подавать челобитные. 5 ноября 1721 г. подали челобитную обер-секретарь и служители секретной экспедиции КИД, среди которых был и Иван Келлерман. Они отмечали, что многие из них еще с начала

⁴³ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Дела Ништадтского конгресса. Д. 15. Л. 147–148 об.

⁴⁴ Там же. Л. 162 об. – 163.

⁴⁵ Там же. Л. 172.

Северной войны трудятся «в государственной коллегии иностранных дел у секретных дел», были при императоре в походах, а также «трудились... и при учинении между вашего императорского величества и Швеции вечного мира трактата, и при отправлении на оной ратификации со всякою должною рабскою верностию и неусыпным прилежанием»⁴⁶. Они сетовали, что другие получили награждение, повышение в чинах и деревни в честь заключения мира, а они, «нижайшие рабы вашего величества, для такой всемирной радости и за толикие многие наши службы и долголетные неусыпные труды вашего императорского величества жалования ничего не получили»⁴⁷. 4 декабря это прошение слушали в КИД, было решено наградить обер-секретаря и служителей секретной экспедиции «за их в деле его императорского величества секретных и важных многие прилежные и излишние пред прочими их братею как во время всей последней с Швециею войны, так и при продолжении между его императорского величества с Швециею мирной негоциации и заключении со оною трактата вечного мира и при отправлении на оной его императорского величества ратификации» — наибольшее награждение было определено обер-секретарю Ивану Юрьеву (триста рублей) и переводчику Ивану Келлерману (двести рублей)⁴⁸.

20 ноября 1721 г. Брюс и Остерман подали в КИД прошение, отмечая работу своих сотрудников: «На Нейстатском мирном конгрессе при нас были определенные из государственной коллегии иностранных дел служители, а имянно переводчики Яган Шуберт, Алексей Манкеев, канцелярист Сергей Семенов, копиисты Иван Анисимов и Никита Калинин, студенты Семен Малцов и Моисей Спешнев. И понеже оныя в бытность свою тамо в деле миротворения многой неусыпной труд имели и в протчем как добрым людем принадлежит поступали, чему мы явныя свидетели»⁴⁹. Поскольку, в отличие от бывших на конгрессе офицеров, служители КИД не получили награждения, Брюс и Остерман просили «из выше упомянутых некоторых за их паче других имевшей труд повышением чина удостоить, а протчих его императорского величества всемилоствейшим прибавочным окладом жалованьем наградить.., ибо оныя будучи при так важном деле весма то заслужили»⁵⁰.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 2195. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Л. 2 об.

⁴⁸ Там же. Л. 3 об.

⁴⁹ Там же. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Л. 4 об.

5 декабря 1721 г. По этому прошению в КИД было решено «коллегии служителем, бывшим сего году на конгрессе Неиштацком, за их тамо в деле между его императорского величества и Швеции миротворения многия труды... А имянно, переводчика Ягана Шуберта определить секретарем посолства и дать ему ныне его императорского величества жалованья в приказ сто пятьдесят рублей, а годовое ему Шуберту жалованье учинить против других секретарей посолства и о том, что прочим секретарям посолства даецца в год жалованья, зделать выписку; переводчику Алексею Манкееву дать в приказ пятьдесят рублей; канцеляристу Сергею Семенову учинить годовой оклад и кормовые денги против регистратора секретной [коллегии иностранных дел] экспедиции, да ему ж дать в приказ сто пятьдесят рублей; копиистом Ивану Анисимову, Никите Калинину учинить к прежним их годовым окладом придачи по десяти рублей человеку»⁵¹. Интересно, что студенты Семен Мальцов и Моисей Спешнев были упомянуты в прошении, но им награждение не было определено. Впоследствии оказалось, что «такая в приказ дача чрезвычайная и в табелном окладе коллегии иностранных дел на такую дачю денег не положено», однако, поскольку «те служители такие дачи заслужили, то надлежит на тое их дачю денег требовать от штатс кантор коллегии или от правительствующаго сената не в оклад коллегии иностранных дел, для того, что ежели им такие в приказ дачи из оклада выдать, то в предбудущем году окладные дачи исправлять будет нечем»⁵².

В дальнейшем Манкиев был переводчиком при проведении новой российско-шведской границы в 1722–1723 гг. и скончался 16 мая 1723 г. [Долгова, с. 337]. Некоторое время службу продолжал Шуберт. В 1723 г. российский дипломатический представитель в Стокгольме М.П. Бестужев вел переговоры о заключении российско-шведского союзного оборонительного договора и просил Остермана прислать ему способного секретаря, а желательнее — Шуберта: «Милости прошу о добром секретаре для вспоможения мне в сем деле, понеже я еще в таких случаях не был, ежели смею ваше превосходительство покорнееше представить о господине Шуберте, которой был на конгрессе при вашем превосходительстве, великое милосердие мне в том показать изволите, ежели оно-

⁵¹ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 2195. Л. 5.

⁵² Там же. Л. 6–7.

го господина Шуберта ко мне прислать изволите»⁵³. М. Спешнев в 1723 г. состоял в КИД «при переводчиках» для изучения европейских языков, а в 1730-е гг. — на службе учеником при российском поселе в Лондоне [Шикуло, с. 360, 362].

Более подробно удалось проследить дальнейшие карьерные пути Ивана Келлермана и Семена Мальцова, однако, формат статьи позволяет лишь кратко охарактеризовать их на основе данных именных списков служащих Коллегии иностранных дел и Московской конторы, хранящихся в АВПРИ. Иван Келлерман был определен переводчиком в коллегию 11 июня 1712 г. с годовым окладом 100 рублей⁵⁴. В 1716 г. единый оклад составлял 150 руб., в 1716–1718 гг. — 200 руб. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 261]. 17 декабря 1720 г. был «в окладном списке написан он с окладом годового жалованья 300 рублей, кормовых 120». В 1733 г. «по усмотрению трудов ево» определен секретарем посольства с жалованьем 500 рублей⁵⁵. В списке 1737 г. служителей «при кабинете Ее императорского величества у иностранных дел», Келлерман записан как секретарь посольства с окладом 500 рублей. О прежней службе сообщалось, что он был «с 1712 по 1733 год переводчиком немецкого, французского, аглинского и голландского языков, и был в разных европейских и напоследи в Дербенском походах»⁵⁶. В конце списка отмечено, что «вышеименованные служители к делам при кабинете ее императорского величества определены по их достоинству и годности»⁵⁷. Однако согласно спискам «коллегии иностранных дел служителем» за 1741 и 1742 гг. Келлермана уже нет в живых: «Еще ж особливо производятся дачи по указом ис кабинета. Умершаго коллегии иностранных дел секретаря Келлермана жене вдове с малолетным сыном сиротского оклада 104, 16 ½»⁵⁸.

Семен Мальцов (Малцов) «в 1716м году по указу послан он с протчими в Кенизберг для обучения европейских языков и был тамо по 1720 год, а в 1720м году сентября 20 дня по рассмотрению ко[ллегии] ино[странных] дел определен был при ко[ллегии] учеником] и учинен ему годовой оклад 100 ру[блей]»⁵⁹. В 1723 г. (а, веро-

⁵³ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 6. Л. 254.

⁵⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 49. Л. 5.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 108 об. — 109.

⁵⁷ Там же. Л. 110 об. — 111.

⁵⁸ Там же. Л. 91, 104.

⁵⁹ Там же. Л. 13.

ятно, и ранее) Мальцов был одним из двух учеников в Стокгольме при М.П. Бестужева, которому было велено, чтобы он этих учеников «в письме реляции употреблял и чтоб они французского, немецкого и шведского языков обучались и в том бы я над ними имел надзирание, и ежели кто из них тех наук достиг или вперед достигнет, дабы я о том немедленно вашему императорскому величеству доносил»⁶⁰. 18 ноября 1727 г. он был определен в КИД переводчиком шведского и немецкого языков⁶¹. В августе 1727 г. «за бытность ево в Швеции учинено придачи ко 100 рублям» 50 рублей, затем такие «придачи» производились регулярно: в 1728 г. — 50 рублей⁶², в 1729 г. «за ево в канцелярских делах труды» — 20 рублей, в 1731 г. — 30 рублей, в 1733 г. дважды — 28 февраля «по усмотрению трудов ево» — 50 рублей, а 17 декабря «за многую в переводах работу» — 100 рублей⁶³.

Подобно Келлерману, Мальцов упомянут в списке 1737 г. служителей «при кабинете Ее императорского величества у иностранных дел» в качестве переводчика с годовым окладом 400 рублей. Указано, что он был в 1717–1727 гг. «учеником европейских языков и был сперва для науки в Кениксберге, а потом на мирном с Швециею Неиштатском конгрессе и при посольствах в Швеции»⁶⁴. «В 1727 году определен он Малцов в переводчики немецкого и шведского языков, а настоящей оклад учинен ему с прибавкою к прежнему в 1733 году за многие ево в переводах труды»⁶⁵. В списках «коллегии иностранных дел служителем» за 1741 и 1742 гг. Мальцов — секретарь посольства с окладом 600 рублей, в 1742 г. он также получал 60 рублей квартирных⁶⁶. Мальцов служил в КИД до 1760-х гг.: с 1749 г. — надворный советник с годовым жалованьем 800 рублей у дел в секретной экспедиции, 16 августа 1760 г. «пожалован в советники канцелярии и в Москву в арх[ив] с жа[лованьем] по 800 рублей»⁶⁷. Согласно именному списку КИД на 1 января 1762 г., Мальцов — советник канцелярии с окладом 800 рублей, находился он у дел «в Москве в архиве». Интересно,

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 6. Л. 300.

⁶¹ Там же. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 49. Л. 13 об.

⁶² Там же. Л. 13.

⁶³ Там же. Л. 13 об.

⁶⁴ Там же. Л. 108 об.

⁶⁵ Там же. Л. 109.

⁶⁶ Там же. Л. 83 об., 96 об.

⁶⁷ Там же. Л. 186.

что вплоть до 1762 г. неизменно упоминается, что он «из студентов Кенигсбергских»⁶⁸.

В заключение отмечу, что при подготовке и проведении Ништадтского конгресса был использован опыт Аландского конгресса, языковые и дипломатические практики на этих конгрессах должны рассматриваться в едином контексте. Более того, анализ российско-шведской дипломатической коммуникации в динамике позволит рассмотреть, как и почему немецкий язык стал постепенно приобретать все большее значение как третий, нейтральный, «не природный» ни для одной из сторон язык ведения переговоров и мирного договора, и в результате каких процессов постепенно уступил место французскому языку.

Важно отметить, что выбор языка определялся не только удобством, но и политическим стремлением сторон достичь компромисса. Разница в языках ратификационных грамот могла поставить под угрозу своевременный обмен ими. Однако обе стороны были намерены заключить мир, поэтому разногласия относительно языка не были перенесены в политическую область или использованы как предлог для отмены или задержки обмена ратификационными грамотами (а именно обмен ратификационными грамотами в полной мере свидетельствовал о заключении мира).

Известно, что при проведении новой российско-шведской границы в 1722–1723 гг. стороны не согласились писать единый текст «инструмента» разграничения на немецком, поскольку тогда Швеция еще не признала императорский титул Петра I. В то же время в 1724 г. Стокгольмский союзный российско-шведский договор был заключен на немецком языке, поскольку к этому времени императорский титул был признан в Швеции [Ларина, 2023, с. 1203–1206]. Более того, на конференции с М.П. Бестужевым по поводу заключения оборонительного договора шведские дипломаты сами выступили инициаторами написания текста на немецком, о чем он сообщал в реляции: «С швецкой стороны требуется, чтоб оригинал экземпляр с обеих сторон на немецком языке сочинен был, яко и в Неиштате учинено, а ратификации с стороны вашего императорского величества на россиском, а с стороны швецкой на швецком языках сочинены быть имеют»⁶⁹. Согласно протоколу конференции от 23 ноября 1723 г. (которую, к слову, переводил

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 49. Л. 194–194 об.

⁶⁹ Там же. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 6. Л. 529.

с немецкого И. Келлерман), К. Гилленборг отмечал: «Хотя нам объявлено будет, какой экземпляр его российское величество соизволит, то однакож мы имянно предостерегаем, чтоб немецкое за оригинал как и в Ништадте учинено, почиталось, ибо комиссары на немецком языке друг с другом трактовали. И предложил бы я способ, а имянно что оригинальной экземпляр с обеих сторон на немецком языке, ратификация же тамо на российском и здесь на шведском может написана быть», а Д. Н. Гепкен также отметил, что «немецкой язык нам с обеих сторон чужой и тако никому чрез то предосуждения не будет»⁷⁰.

Ништадтский конгресс следует рассматривать как место профессионализации, практики, обучения переводчиков и служителей КИД, о чем свидетельствует присутствие на конгрессе студентов и их последующие карьерные пути. Дальнейшее изучение языковых, символических, коммуникативных практик Ништадтского конгресса не только в сравнении с Аландским, но и в контексте других европейских конгрессов, позволит приблизиться к пониманию того, как функционировала европейская дипломатия раннего Нового времени, как происходила ее профессионализация, какими были практики российской дипломатии в общеевропейском контексте.

Литература

- Археографическое пояснение к Ништадтскому мирному договору // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи. 1721–2021. М., 2021. С. 66–72.
- Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Долгова С. Р. Русский резидент в Швеции А. Я. Хилков и загадка А. И. Манкиева // Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717). К истории Северной войны. Сборник документов / сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. М.; СПб., 2015. С. 333–342.
- Ларина Я. И. Языки дипломатии на Аландском конгрессе (1718–1719) // Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centrasiatique. 2024. № 65/2. P. 305–326.
- Ларина Я. И. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 4. С. 1196–1214. (Здесь С. 1202–1203).
- Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 6. Л. 537.

- Шукуло М.И.* Ученики иностранных языков и дворяне посольства при российских дипломатических миссиях: 1720–1740-е годы // Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centrasiatique. 2024. № 65/2. P. 351–380.
- Braun G.* Französisch und Italienisch als Sprachen der Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress // Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress. Köln – Weimar – Wien, 2014. S. 23–65.
- Braun G.* Verhandlungs- und Vertragssprachen in der „niederländischen Epoche“ des europäischen Kongresswesens (1678/79–1713/14) // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2011. № 12. S. 103–130.
- Braun G.* Verhandlungssprachen und Übersetzungen // Handbuch Frieden im Europa der Frühen Neuzeit. Oldenburg, 2021, S. 491–509.
- Burkhardt J.* Sprachen des Friedens und was sie verraten. Neue Fragen und Einsichten zu Karlowitz, Baden und „Neustadt“ // Wege der Neuzeit. Festschrift für Heinz Schilling zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Ehrenpreis, U. Lotz-Heumann, O. Mörke, L. Scjorn-Schütte. Berlin: Duncker & Humblot, 2007. S. 503–519.
- Duchhardt H.* Der Friede von Nystad: Streiflichter auf einen Friedenskongress am Rande des Reiches // Юбилей: взгляд сквозь века. К 75-летию со дня рождения выдающегося историка, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Юрия Евгеньевича Ивонина (1947–2021). Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. С. 26–40.
- Espenhorst M.* Einführung: Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen und -defizite im vormodernen Friedensprozess // Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft. Göttingen, 2012. S. 9–15.
- Jankrift K.P.* Diplomaten, Dolmetscher und Übersetzer. Sprachwahl in Friedensprozessen des 15. bis 18. Jahrhunderts // Utrecht – Rastatt – Baden 1712–1714. Ein europäisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV. Göttingen, 2013. S. 261–273.
- Osthus D.* Der Friedenskongress als Ort metasprachlicher Konflikte // Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress. Köln – Weimar – Wien, 2014. S. 89–104.

Лаврентий Рингубер: царский врач на переводческой службе короля Франции в 1681 г.

Период 1680-х гг. был временем серьезных изменений во внешней политике России. Продление Андрусовского перемирия 1667 г. способствовало продолжению переговоров с Речью Посполитой о заключении «вечного» мира и более плотному вовлечению России в дела создания антитурецкой коалиции [Кочегаров, с. 162–164]. Большую роль сыграло также закрепление османских войск на Украине после Журавневского договора 1676 г. с Речью Посполитой и окончание в Западной Европе Голландской войны 1672–1678 гг. Как показал Б.Н. Флоря, Боярская дума 23 января 1680 г. даже одобрила проект союза России с императором Священной Римской империи и королями Франции и Речи Посполитой [Флоря, с. 140–141]. Для плотного включения в переговорный процесс царское правительство использовало как официальные посольства, так и менее формальные механизмы контактов с европейскими дворами в т.ч. прибегая к помощи существовавших в России «контактных групп». Одной из них являлись иностранцы на русской службе, которые могли выполнять различные функции: от военных специалистов, до врачей и переводчиков. Нельзя не отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода свидетельства «контактных групп» имели большое значение для оперативного получения информации во внешнеполитическом ведомстве России [Лисейцев, с. 49].

В настоящем исследовании рассмотрена деятельность Лаврентия Рингубера. В историографии он был известен как авантюрист и царский врач, контактировавший с курфюрстом Саксонским и герцогом Саксен-Готским, предлагавший свои услуги при дворах императора Священной Римской империи, французского короля и в России 1684 г. [Рингубер Лаврентий, с. 224–226]. Его биография изучена в трудах дореволюционных историков, в т.ч. П. Пирлинга, А. Брикнера и Д.В. Цветаева [Brückner, Dumschat, Pierling; Брикнер; Памятники к истории; Рингубер Лаврентий с. 224–227]¹,

¹ Благодарю Ингрид Майер за помощь с немецкоязычной историографией.

однако необходимо внести его деятельность в более широкий контекст с учетом особенностей его позиции в системе международных отношений.

Биография Рингубера тесно связана с царским двором. Впервые он оказался в России вместе с врачом Л.А. Блюментростом в 1668 г. вследствие просьбы царского правительства об отправлении врачей в Москву, направленной к герцогу Саксен-Готы Эрнсту I [Рингубер Лаврентий, с. 224]. Рингубер был не только помощником Блюментроста, но и, благодаря тесным связям с другими иностранцами, в частности, с П. Менезием, выполнял дипломатические поручения. В составе посольства Менезия в 1672 г., направленного в Рим, Венецию, Вену, Дрезден, Берлин и Митаву, Рингубер начал дипломатическую деятельность [Pierling, p. 20]. Летом 1674 г. его включили в посольство С.М. Протопопова в герцогство Саксен-Гота [Рингубер Лаврентий, с. 225].

После участия в русской посольской миссии Рингубер отдельно встретился с герцогом Саксен-Готы и был им направлен к царю Алексею Михайловичу для передачи грамоты [Памятники к истории, с. 169]. Исполняя эту миссию, Рингубер встретился в Вене с посольством П.И. Потемкина 1674 г., с которым будет сотрудничать в Париже в 1681 г. Считалось, что Рингубер уже тогда дал уничижительный портрет посланника для Саксен-Готского двора [Pierling, p. 46; Брикнер, с. 412]. Однако в его донесении герцогу от 4(14) апреля 1675 г. он упрекал Потемкина исключительно в жадности и тяге к роскоши, называя его в остальном хорошим человеком («*virum alias bonum invaserat auri sacra fames*») [Rélation du voyage, p. 159]. Двойственность в отношении как к Потемкину, так и к русским в целом, была характерна для Рингубера. В своей деятельности он сочетал попытки популяризации России в Европе, в частности, благодаря дарению связанных с Россией вещей при иностранных дворах, примером чему может служить русский катехизис [Maier, p. 322–340]. С другой стороны, он часто обращал внимание на недостатки русских. Отбывая из Москвы в 1678 г., Рингубер писал, что «русские не более чем варвары, а Кремль полон писарей, фарисеев и Иродов» (*Les Russes ne sont plus que d'affreux barbares, et le Kremlin regorge de Scribes, de Pharisiens, d'Hérodies*) [Pierling, p. 55].

Путешествие по Европе привело его в Рим, где он, вероятно, обратился в католичество. Нельзя сказать, что обращение было экстраординарным явлением, т.к. в ситуации «конфессиональной

вариативности» вероисповедные границы для негосударственных акторов оставались размыты², а у католика в Риме было намного больше практических возможностей. На пути в Италию с сентября 1678 по февраль 1679 г. Рингубер также посетил Францию [Pierling, p. 56], но влияние этого факта на его карьеру неочевидно.

В Риме бывший царский врач активно налаживал связи, в т.ч. благодаря поддержке со стороны П. Менезия. Следствием этого стало то, что папа Иннокентий XI устроил Рингубера в коллегию Пропаганды [Pierling, p. 60, 67]. С 1679 по 1681 г. он вел католическую пропаганду в странах Западной Европы [Pierling, p. 59]. Тем не менее Рингубер не обходил вниманием Россию и подал Иннокентию XI две записки о соединении церквей (в 1679 г. и 10 апреля 1680 г.) [Рингубер Лаврентий, с. 226]. Основными сюжетами предложений для папы были: торговля с Востоком, крестовый поход против турок, союз поляков с русскими, проповедь католицизма среди татар и китайцев и значение правильного использования царских титулов. Рингубер настаивал на необходимости пребывания в Москве папского представителя, хорошо разбирающегося не только в теологии, но и в истории, чтобы опровергнуть распространенные заблуждения о латинянах, их методах и целях [Pierling, p. 69]. К январю 1681 г. Рингубер отправился в Париж и подал королю Франции касающийся похожих сюжетов проект. Он позиционировал себя представителем московских католиков, направленным к папе, но, оказавшись на обратном пути в Париже, просил передать свой проект на рассмотрение королевских советников [Pierling, p. 60]³.

Залогом успеха развития отношений с Россией Рингубер считал молодость московского монарха. Перспективным представлялось ему и то, что современные ему русские почти аристократичны («*Imperiumque Moscoviticum quasi Aristocraticum*»), противостоят туркам и татарам, ведут дела с поляками и шведами, а также торгуют с англичанами и голландцами. В этом отношении французский король интересовал русских еще больше, т.к. является арбит-

² Термин «*confessional ambiguity*» введен в англоязычной историографии для изучения возникновения толерантности в обществах, где конфессиональные различия не играли определяющей роли для их участников, а межконфессиональное взаимодействие развивалось, создавая «серые зоны», не определяемые точно по конфессиональной принадлежности [см. Hanlon, p. 194].

³ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 106.

ром мира и войны («*regem vero Christianissimum Europae pacis ac belli summum mirantur arbitrum*»). Торговля и сближение с таким монархом не могли не быть более престижны, чем с англичанами и голландцами⁴.

В первой статье Рингубер подкреплял свою позицию ссылкой на мнение приближенных Федора Алексеевича, поддерживавших сближение с Францией из-за могущества ее короля: князей Одоевского, Долгорукова, Ромодановского, Трубещкого, бояр Бутурлина, Богдана Матвеевича Хитрово, Ивана Михайловича Милославского, Александра Севастьяновича (вероятно, А.С. Хитрово) и др. Все они, по словам Рингубера, надеялись на приезд французского посла с поздравлением Федора Алексеевича с восшествием на престол⁵. Несмотря на то, что русские, с точки зрения Рингубера, плохо знакомы с международными отношениями и потому преувеличивают значение своей страны в Европе⁶.

Во второй статье Рингубер обращал внимание короля на то, что он может способствовать успеху распространения католичества в России: убедить царя в необходимости объединить силы с польским королем в противостоянии туркам, даровать католикам право строить церкви, чего не могли добиться поляки, но по сообщениям русских этого вполне можно достичь при договоренности с более сильным государством⁷.

В третьем предложении Рингубер обращает внимание на развитие торгового проекта. Он пишет, что дипломатическими мерами можно переориентировать архангельскую торговлю с англичан и голландцев на французов, которые ранее были от нее отстранены из-за сговора их противников с местными архангельскими властями. Чтобы избежать этого, необходимо отправить экспедицию с официальным королевским представителем, а также с вином и остальными французскими товарами. Успех миссии неизбежен вследствие ссоры русских с англичанами из-за угроз Иоанна Гебдона добиться возвращения торговых привилегий для англичан под давлением королевского военного флота, направленного к Архангельску. Эту уникальную возможность охлаждения отношения Москвы к англичанам, с точки зрения Рингубера, нельзя было

⁴ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 106–106r.

⁵ Ibid. Fol. 107.

⁶ Ibid. Fol. 107.

⁷ Ibid. Fol. 107r–108.

упускать⁸. Французский король должен не только играть роль покровителя своих подданных за границей, но и противостоять протестантским государствам в лице Англии и Республики Соединенных провинций.

В четвертом предложении Рингубер описал товары для торговли. Прежде всего он подчеркнул, что именно красное французское вино наиболее востребовано в русском богослужении. Помимо него необходимо продавать в России шерстяные и шелковые ткани, олово и некоторые виды оружия с одеждой, всякого рода изделия, серебряные и железные, а также различные специи, о видах которых лучше выяснить из торгового опыта. Из России же возможно привезти огромное количество ценнейших товаров: шкурки горностаев для украшения мантий, меха черного соболя, а также рыси, бобров, выдры, черных, белых и серых лисиц, волков и медведей разного окраса. Дополнительно выделялись шкуры и необработанные кожи лося и, вероятно, тюленя («*canis marini*»), а также крупного рогатого скота, волов и лошадей. Рингубер подчеркивал, что красная душистая кожа, называемая юфтью, не встречается нигде кроме как в России и служит главным образом для изготовления седел для экипажей и страховки лошадей. Он подчеркивал, что в порт Архангельска привозят персидский шелк, хлопок, одежды и ковры, лазурит, безоар, сердолик, бирюзу. На рынке этого русского города находят кости моржей, слоновую кость и чешую различных рыб, что придает изделиям непревзойденный блеск. В России, согласно Рингуберу, производятся вещи, очень полезные механикам, мыловарам и особенно врачам, в связи с чем голландцы экспортируют их в огромном количестве. Он подробно расписывал продовольственные товары, экспортируемые из России (зерно, солонину, рыбу), подчеркивая, что нет порта в Европе, который бы предлагал морякам столько мяса и съестных припасов по самой низкой цене, как Архангельск. В дополнение к этому содержалось описание кораблестроительных материалов (древесины и смолы). Пункт о торговле заканчивался утверждением, что из Московии также есть безопасный путь в Пекин, и через него могут поступать товары с Востока⁹. Главное значение учреждения торговли состояло именно в получении высокой прибыли, хотя развитие

⁸ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 108r. В 1678 г. Рингубер выехал из Москвы именно в сопровождении И. Гебдона [см. Pierling, p. 55–56].

⁹ Ibid. Vol. 1. Fol. 109r–110.

отношений могло способствовать и строительству католической церкви в Москве¹⁰.

Подытоживая свой проект, Рингубер отметил, что развитие отношений с Россией позволит получать аналитическую информацию о состоянии дел в Восточной Европе, влиять на развитие отношений царя с турецкими, польскими и шведскими представителями. Отдельно отмечалось, что турки и татары вызывают страх в Москве, шведы являются врагами русских, а поляки лишь вызывают недоверие, в то время как «христианнейший» король Людовик XIV — восхищение¹¹. Позиция Москвы по отношению к католическим державам, таким образом, выглядела в проекте более благожелательной, чем отношения с протестантами. При этом связи царя с императором Священной Римской империи, в организации которых Рингубер принимал участие, оставались за кадром.

Акцент, сделанный Рингубером на организации торговли, соответствовал общей стратегии русского двора в отношениях с Францией. Поводом для отправления русского посольства к королям Франции и Испании в 1681 г. стало не только общее укрепление «братской дружбы и любви» между государями и уведомление о продлении Андрусовского перемирия с Речью Посполитой, но и обсуждение торговых вопросов¹².

О большом значении обсуждения торгового проекта в миссии во Францию может свидетельствовать то, что уже после отправления посольства через почту были направлены дополнительные инструкции о необходимости поднять вопрос о пропуске французских торговцев в Персию. В отличие от предыдущих пунктов, это условие было уникальным для французской стороны, в переговорах с Испанией оно не предполагалось. По всей видимости, его появление стало следствием получения в Москве упомянутого в курантах письма от Людовика XIV с просьбой позволить его подданным торговлю по Каспийскому морю [Шамин, 2003, с. 192]. Это предложение было обусловлено попыткой реализации договора французского короля с армянскими торговцами шелком и, согласно переданному из Москвы известию в европейские газеты, вызва-

¹⁰ ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 110r. Похожие проекты в отношении проживавших в России протестантов Рингубер готовил в 1673 г. для герцога Саксен-Готы [Dumschat, s. 427].

¹¹ Ibid. 1. Fol. 110r.

¹² РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 1 об. — 2.

ло широкое обсуждение при русском дворе с участием 20 «гостей или торгового дела советников» [Шамин, 2003, с. 192].

Исполнение миссии затруднял конфликт между первым посланником стольником П. И. Потемкиным и переводчиком Ю. Гивнером, приведший к отставке последнего. Для выполнения перевода в Голландии наняли Михаила Комыцкого; в переводе с латыни участвовали белгородский полковник Елизарий Кро и сын посланника Степан Потемкин¹³. Посольство достигло Парижа в апреле 1681 г., и на королевской аудиенции, согласно статейному списку и распросным речам Потемкина, разговор переводил на латынь именно оказавшийся при дворе Людовика XIV бывший царский врач Рингубер¹⁴. Исходя из записей в расходной книге посольства, служба при царском дворе создала у посланников доверие к Рингуберу, и Потемкин считал его заинтересованным в помощи миссии. Саксонец получил вознаграждение от русского дипломата за его переводческую деятельность: «Лаврентию Рингуберу, что бывал в Московском государстве в докторех — пара соболей осьмидесяти рублевого сорока»¹⁵. В целом с оценкой позиции саксонца как благожелательной по отношению к русской внешнеполитической стратегии можно согласиться.

Тем не менее, сам Рингубер дал иную картину русского посольства 1681 г. во Францию в письме к курфюрсту Саксонии Иоганну-Георгу III. Он утверждал, что участвовал не только в официальной аудиенции у короля, но и был переводчиком во всех публичных церемониях для Потемкина, на обсуждении проекта торгового договора между русским посольством и государственным секретарем по иностранным делам Франции Кольбером, а также перевел грамоту Федора Алексеевича к Людовику XIV на латинский язык. О самом же русском посланнике он отзывался скорее негативно [Брикнер, с. 412].

Разрабатываемый торговый проект действительно смог заинтересовать французскую сторону. Дипломаты покинули Францию в мае 1681 г., а уже в июле к Кольберу от неназванного резидента в Москве было отправлено письмо о перспективах франко-русской торговли, полученное в Париже 20 августа [Recueil des instructions, p. 74]. Однако сам Рингубер в дальнейшем развитии проекта не

¹³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 108.

¹⁴ Там же. Кн. 7. Л. 95а об.; Кн. 9. Л. 19.

¹⁵ Там же. Кн. 9. Л. 19.

участвовал: в ранее упомянутом письме к курфюрсту Саксонскому он утверждал, что ему предложили стать французским представителем в Москве, но он отказался из-за нежелания вновь служить иностранным государям [Брикнер, с. 412]. С точки зрения Пирлинга, в германские земли Рингубер вернулся уже протестантом, вновь сменив конфессию [Pierling, p. 89].

Сложно сказать, насколько бывший царский врач действительно восхищался королем Франции, как об этом писал Пирлинг [Pierling, p. 69–70]. Тем не менее, его позиция раскрывает некоторые особенности положения «контактных групп» между Россией и западноевропейскими странами. Пользуясь ситуацией «конфессиональной вариативности», Рингубер не ограничивался взаимодействием лишь с одним конфессиональным полюсом Европы, стараясь сотрудничать как с католическими, так и с протестантскими государями, свободно возобновляя связи с православным царским двором. Связь с московскими католиками легитимизировала его в системе международных отношений и помогла преуспеть при французском дворе, где он участвовал в обсуждении внешнеполитических вопросов с позиции, близкой официальным целям дипломатии царя. Сама конфессиональная риторика в проекте саксонца служила скорее его легитимации как агента в системе международных отношений, в то время как темы развития дипломатических отношений и торгового вопроса перекрывали собой конфессиональный вопрос о возведении в Москве католической церкви. Впрочем, его осведомленность о ситуации при русском дворе и в архангельской торговле также должна была производить положительное впечатление на французов. Сыграли свою роль и его практические навыки переводчика латинского и немецкого языков. Можно сказать, что Рингубер не только переводил речи дипломатов вместе с официальными документами, но и способствовал переводу русских представлений о международных отношениях на европейский манер: вместо единого Христианского мира перед лицом османской угрозы, каким его желали видеть при царском дворе [Флоря, с. 145–146], Рингубер использовал его конфессиональное разнообразие для продвижения проектов сближения католических стран с Россией. Дальнейшие исследования использования «серой зоны» в повседневных конфессиональных практиках, образуемой в пространстве между государствами с одной доминирующей конфессией, может расширить представления о роли «контактных групп» в международных отношениях России

раннего Нового времени и о механизмах, позволявших им становиться акторами существующей дипломатической системы.

Литература

- Брикнер А.* Лаврентий Рингубер // ЖМНП. 1884. Ч. ССXXXI. С. 396–421.
- Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Памятники к истории протестантства в России / собрал Д.В. Цветаев. Ч. 1 // ЧОИДР. 1888. Кн. 3. С. 151–245.
- Рингубер Лаврентий // Русский биографический словарь. СПб., 1913. С. 224–227.
- Флоря Б.Н.* Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. Вып. 79(2). 2018. С. 139–146.
- Шамин С.М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича: К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Brückner A.* Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands in XVII Jahrhundert, Leipzig, 1887.
- Dumschat S.* Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Stuttgart, 2006.
- Hanlon G.* Confession and Community in Seventeenth-Century France Catholic and Protestant Coexistence in Aquitaine. Philadelphia, 1993.
- Maier I.* A Unique Copy of Alphabetum Russarum, Printed in Stockholm by Peter van Selow // Scando-Slavica. 2023. Т. 69. № 2. С. 322–340. DOI: 10.1080/00806765.2023.2270944
- Pierling P.* Saxe et Moscou: un médecin diplomate, Laurent Rinhuber. Paris, 1893.
- Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française / ed. par A.N. Rambaud. Т. VIII. Paris, 1890.
- Rinhuber L.* Rélation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berlin, 1883.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01004, <https://rscf.ru/project/25-18-01004/>

О переводческой деятельности епископа Афанасия (Кондоиди)

Епископ Афанасий (в миру – Анастасий Наусиос – Кондоиди, 1677–1737) принадлежит к числу известных церковных иерархов России 1720–1730-х гг. Приехав в Россию вместе с семьей молдавского господаря Дмитрия Кантемира, этот ученый грек, ранее оказывавший серьезные услуги в Константинополе российскому дипломату П. А. Толстому, «трудился... в Московской Академии, учил богословию», служил справщиком на московском Печатном дворе, потом перебрался в Петербург, где стал сначала протоиереем Петропавловского собора, а в 1721 г. был назначен ассессором в Святейший Синод, «хотя и говорить по-русски мало умеюша». В феврале 1722 г. Анастасий принял монашество, получил новое имя – Афанасий, после чего началась его карьера церковного иерарха, завершившаяся в сане епископа Суздальского и Юрьевского¹. Современники характеризовали Афанасия как «мужа многоразумного и знатнаго, учения исполненного и веселонравьного». М. Ш. Фандербек писал о нем так: «Не могу умолчать о красе нашей Греции, знаменитейшем архимандрите Афанасии Кондоиди, муже глубоко ученом, которому мало найдется эллинистов соперников; пока ученость будет иметь хоть какую-нибудь цену, он везде найдет себе славу». И. П. Коль считал Кондоиди «достойным всякого уважения и почета по своей добродетели, уму, познаниям и обходительности»². Образованность и интерес к наукам Афанасия подтверждаются и другими фактами. Показательно, что именно Кондоиди в марте 1723 г. курировал работу по упорядочению библиотеки Святейшего Синода в Москве, с которой решил ознакомиться герцог Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский³. Епископ был одним из самых активных читателей

¹ Подробнее о епископе Афанасии (Кондоиди) см. [Евгений, митрополит (Болховитинов), с. 54–55; Титов, с. 5–24; Ястребов, с. 158–159; Karathanassis, p. 159–171].

² НИОР РГБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2764. Л. 57; [Фандербек; Kohl, p. 26].

³ Для этой работы ученый грек привлек земляка – преподавателя эллино-греческой школы А. Скиада. [См.: Пекарский, с. 599–601].

императорской библиотеки, ставшей основой книжного собрания Академии наук. 28 июня 1724 г. Афанасий получил из библиотеки 16 книг, в другой раз в том же году — 47⁴. Владыка был обладателем большой библиотеки — 930 (по другим сведениям — 1080) томов, включая книги на латыни, греческом, французском и русском языках по богословию, философии, истории, географии, медицине [Голомбиевский, с. 410; Иваск, с. 63]. В России Афанасий продолжал практиковаться в литературе и ораторском искусстве, сохраняя вплоть до последних дней связи с семьей Кантемиров. Как явствует из письма Марии Кантемир к брату Антиоху, вскоре после пожара в Москве «на Троицу» 1737 г., когда в огне погибли многие домашние любимцы княжны — кошки и собаки, епископ «сочинил им надгробную речь, подобную той, какая была произнесена над Ромашкой, собакой нашего отца» [Шимко, с. 34; Заболотная, с. 218–219].

Биографы епископа Афанасия указывали, что владыка «с 1724 г. по имянному указу с Тверским Архиепископом Феофилактом Лопатинским долго трудился над исправлением Славянского перевода Библии» [Евгений, митрополит (Болховитинов), с. 55; Ястребов, с. 158]. Сам Афанасий в письме к кабинет-секретарю А.В. Макарову 8 июня 1726 г. подробно описал все ступени своей карьеры, особо акцентировав внимание на помощи, которую он оказывал России, находясь в Стамбуле, но при этом не отметил своей деятельности в качестве переводчика Библии, упомянув лишь, что «трудился... в Московской Академии, учил богословию»⁵. С чем связано игнорирование Афанасием работы в качестве переводчика? Имел ли вообще этот факт место в биографии ученого грека? Разобраться в этом вопросе помогает переписка руководителя Монастырского приказа боярина И.А. Мусина-Пушкина с директором московского Печатного двора Федором Поликарповым, часть которой уже обращала на себя внимание исследователей⁶.

Прежде изучения этого сюжета стоит отметить, что его история уходит корнями в 1712 г., когда Петр I распорядился начать рабо-

⁴ Летопись Библиотеки Российской Академии Наук. 1714–1900. Т. 1. СПб., 2004. С. 40.

⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 80. Л. 106 об.

⁶ Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского Приказа. 1715–1717 // Русский Архив. 1868. № 7. С. 1041–1057; [Брюханова].

ту над новым славянским переводом Библии, включив в состав творческого коллектива несколько человек: Софрония Лихуда, справщиков Федора Поликарпова и Николая Семенова, архимандрита Спасского монастыря Феофилакта (Лопатинского) и монахов Феолага и Иосифа, «а согласовать и править во главах и стихах и речах противу Греческия Библии грамматическим чином, а буде где в славенском против Греческой Библии явятся стихи пропущены, или главы переменены, или в разуме Писанию Священному Греческому противность явится, и о том доносить преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому, и от него требовать решения»⁷. Позже в состав участников этого творческого коллектива некоторые исследователи включили и «грека Афанасия» [Морошкин, с. 11].

Сверка текстов и работа над исправлением продолжалась семь лет. В июне 1720 г. исправленный текст в восьми томах предоставили митрополиту Стефану (Яворскому), а затем по его поручению перевод вновь проверили. Тщательная работа по сверке всех книг Ветхого Завета (за исключением Псалтыри) завершилась к 1723 г., после чего Святейший Синод одобрил исправления. Указом от 5(16) февраля 1724 г. Петр I распорядился внести исправления в текст⁸.

В разгар подготовки нового издания Библии к работе по инициативе императора решили подключить появившегося в Москве Кондоиди, сразу обратившего на себя внимание царя, которому «послал своего ему (Петру I. — А.М.) труда собрание»⁹. Не ясно, о каком труде идет речь, но работа явно позволила царю прийти к убеждению, что в России появился еще один ученый грек, таланты которого он и решил незамедлительно использовать во благо государства. Историк И. Чистович привел выдержки из письма боярина И.А. Мусина-Пушкина к Ф. Поликарпову от 12 июля 1716 г.: «Вчерашняго дня царское величество изволил ко мне писать о греченине Анастасии, который живет в Москве в доме Саввы Рагузинскаго, чтоб его призвать в службу. Того ради съищи его и говори, хочет ли он в службу всемилостиваго государя нашего и что будет просить в год. И буде хочет и станет чего просить, о том отпиши ко мне немедленно. А быть ему на Печатном дворе у библейнаго

⁷ Описание документов и дел Св. Синода. Т. III. СПб., 1878. № 37. С. 28–29; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 127. Л. 148–149.

⁸ Описание документов и дел Св. Синода. Т. III. № 37. С. 29–30.

⁹ Черты из истории книжного просвещения... С. 1041.

дела и других» [Чистович, 1868, с. 94]. 29 октября 1716 г. Поликарпов сообщал Мусину-Пушкину: «Грек Анастас заболел тяжело и последним оком, и, ежели изцелеет, буду его убеждать о школах, а мзду за труды изволь ему определять письмом, понеже ко мне о сем никогда не писано». 30 октября 1716 г. он вернулся к тому же вопросу: «Анастаса грека о приятии школ или Библии убеждать и писать буду, а мзду ему на письме определить извольте». Мусин-Пушкин 2 декабря 1716 г. отвечал: «Анастасу греку обещай давать в год 10 рублей»¹⁰. Поликарпов 23 декабря 1716 г. вновь информировал боярина по переговорам с Кондоиди: «Грек Анастасий в типографское дело и в школьные науки не вступает, кроме библейного чтения, а за труды четьрьмя (стами) не доволен, как признаваю, и хотел сам ответствовать письмом своим. А старики, сие слышав, огорчились, что им за труды многие мзда малая. Чаю, что впредь будут письмами отзываться» [Чистович, 1868, с. 94–95]. Помимо этих упоминаний, имя Кондоиди в переписке Мусина-Пушкина с Поликарповым по вопросам перевода Библии не упоминается и, таким образом, оставляет вопрос об участии Кондоиди в этих работах открытым. Думается, будущий епископ не согласился на этот труд не только в связи с тем, что его не устроило вознаграждение за работу, а также из-за серьезных проблем со зрением. В упомянутом выше письме Афанасия к Макарову от 8 июня 1726 г. владыка упомянул, что в 1721 г. он был назначен ассессором в Святейший Синод, «хотя и говорить по-русски мало умеюща»¹¹. Владыка плохо владел русским языком, хотя к тому времени прожил в России уже пять лет; в 1716 г. его знание русского языка, надо полагать, было еще более слабым. Мог ли ученый грек участвовать в работе в качестве переводчика? Ответ напрашивается сам собой.

Однако этот проект не оставил Кондоиди в стороне и позднее. Смерть Петра I затормозила публикацию подготовленного перевода Библии. Лишь 13 ноября 1725 г. последовало распоряжение Екатерины I, «чтобы Библию Славено-русскую печатать, однако же прежде надлежит оную рассмотреть в Святейшем Синоде обще с теми, которые ее выправливали». 15 ноября появился еще один приказ: «новоисправную Библию освидетельствовать с Греческими Библиями, и ежели что в переводе явится неисправно, то оное исправить» Феофилакту и ассессору архимандриту Афанасию «в какое

¹⁰ Черты из истории книжного просвещения... С. 1048, 1050.

¹¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 80. Л. 106 об.

время будет возможно, того ради, что Его Преосвященство, при прежнем оной Библии исправлении, с прочими имел присутствие и в том деле известен»¹². Однако и после этого дело решено не было и, как позже выразился один из современников, оставалось «без всякого производства, погребено бысть в глубоком молчании» [Елеонский, с. 10]. Исследователи отмечали, что источники не содержат сведений о работе Феофилакта (Лопатинского) и Афанасия (Кондоиди) над Библией после 1725 г. [Сменцовский, с. 421; Чистович, 1860, с. 484]. Это игнорирование работы архиереями может быть связано как с большим количеством других дел, так и с осторожным поведением Афанасия в период развернувшейся в Синоде в 1725 – начале 1730-х гг. борьбе за власть, в которой Кондоиди выступал на стороне новгородского архиепископа Феофана (Прокоповича), одним из противников которого являлся Феофилакт.

Сохранившиеся документы подтверждают эту версию. В 1738 г. на запрос Синода о произведенной работе Московская типография отвечала, что по итогам работы «всем имевшим труд в деле исправления Библии с 712 до 720 года было произведено награждения: учителю иеромонаху Софронию, Спасскому архимандриту Лопатинскому да справщику Федору Поликарпову по 300 рублей, справщику Николаю Семенову 155; монаху Феологу 153, монаху Иосифу 3, тещу Ивану Григорьеву 5 р.»¹³. Среди них имя Кондоиди отсутствует. Подпись ученого грека, как и его приписки к рабочим материалам, отсутствуют и среди тех, «которые читали и подписывали по приказу правителей приправки во священной книзе»¹⁴. Таким образом, имеющиеся в распоряжении исследователей материалы не позволяют говорить об участии епископа Афанасия в переводе Библии.

Литература

Брюханова Г.В. «Управляй, не мешкав, о печати книг...». (Переписка И.А. Мусина-Пушкина с Ф.П. Поликарповым) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 73. М., 1996. С. 219–233.

Голомбиевский А.А. Три епископские библиотеки XVIII века // Библиографические записки. 1892. № 6. С. 410–412.

¹² Описание документов и дел Св. Синода. Т. III. С. 30.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. М., 1855. С. 165–166.

- Евгений, митрополит (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях Духовного чина. Ч. 1. СПб., 1818.
- Елеонский Ф.* По поводу 150-летия Елизаветинской Библии. О новом переосмотре славянского перевода Библии. СПб., 1902.
- Заболотная Л.* История жизни Марии Кантемир в письмах и документах. Кишинэу, 2018.
- Ивак У.Г.* Частные библиотеки в России // Русский библиофил. 1911. № 3. С. 63.
- Морошкин И.Я.* Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской, 1706–1741 гг. // Русская Старина. 1886. № 1. С. 1–38.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. СПб., 1862.
- Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899.
- Титов А.А.* Епископ Афанасий Кондоиди // Русский Архив. 1908. № 9. С. 5–24.
- Фандербек М.Ш.* О состоянии просвещения в России в 1725 году // Сын Отечества. 1842. № 1. С. 14–15.
- Чистович И.* Исправление текста славянской Библии перед изданием 1751 г. // Православное обозрение. 1860. № 4. С. 479–510.
- Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
- Шимко И.И.* Новые данные к биографии князя Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891.
- Ястребов А.О.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. Россия и греческая община Венеции. М., 2018.
- Karathanassis A.E.* Contribution à la connaissance de la vie et de l'œuvre de deux Grecs de la Diaspora: Athanasios Kondoïdis et Athanasios Skiadas (18e siècle) // Balkan Studies. 1978. V. 19. № 1. P. 159–171.
- Kohl J.P.* Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram, sive Historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum Codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta: Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram, sive Historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum Codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta: Accedunt duo sermones Ephremi Syri, lutherane testes ac vindices. Altonaviae. Korten, 1729.

Труды и дни переводчика Франца Шевиуса: новые детали биографии

Обстоятельства жизни и деятельности переводчика Посольского приказа, затем — Коллегии иностранных дел, Франца Шевиуса (Franz Schaevius, 1682—1753) реконструируются исследователями фрагментарно. Неизвестно, где он родился, как прошли его детство и юные годы, почему он решил отправиться в далекое и чуждое ему Московское царство. Крайне мало удастся узнать о его личной жизни. Как сообщается в прошении, объявленном в Посольском приказе, Шевиус был выходцем из Померании, подданным прусского короля. Приехав в Россию в 1711 г., он поступил на службу переводчиком с иностранных языков, преимущественно с французского и немецкого. По сведениям А. Н. Андреева и Ю. С. Андреевой, Шевиус исповедовал лютеранство и принадлежал к приходу на Васильевском острове в Санкт-Петербурге (будущий приход Святой Екатерины)¹. 8 февраля² 1734 г. он вступил в брак с Христиной Бруст (Брюст), так же лютеранкой. Некоторое время спустя у них родился сын, Христиан Францевич, продолживший дело отца и ставший в 1753 г. камер-юнкером Коллегии иностранных дел³.

В 1712 г. по указу Петра I Шевиуса определили на службу в Ревель, где он должен был обучать иностранным языкам 22-х человек «росийских детей шляхецких». Со временем учеников отправили постигать азы других наук, а их безработный учитель смог посвятить себя совершенствованию в русском языке⁴. В 1710-е гг. Ревель являлся важнейшим опорным пунктом российской монархии в новоприсоединенных прибалтийских территориях. Находясь

¹ *Андреев А. Н., Андреева Ю. С.* База данных «Иностранцы Санкт-Петербурга первой половины XVIII века по метрическим записям лютеранских приходов» Ч. 2: «Взрослые». Т. 3. [Электронный ресурс]. <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/DB%20Lutherans%20Part%202%20Volume%203.pdf>.

² Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

³ «Скаска» елизаветинской России: (Опрос сановников, сотрудников госучреждений, придворных при дворе Елизаветы Петровны, 1754—1756 гг.) // Российский архив. Т. XV. М., 2007. С. 153.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 29. Л. 1, 4 об.

в гуще событий, Шевиус оказался свидетелем масштабных работ по созданию ревельской гавани и крепостных сооружений, наблюдал мероприятия по организации флота и устройству новой системы управления. Ревель стал точкой притяжения для многих государственных деятелей, занимавших ключевые должности в армии и флоте, в том числе губернатора Санкт-Петербурга кн. А.Д. Меншикова, генерал-адмирала и президента Адмиралтейства гр. Ф.М. Апраксина, коменданта Ревеля В.Н. Зотова, генерал-адъютанта Петра I А.М. Девиера, генерала В. фон Дельдена и др. Для осмотра проделанных работ приезжал на прибалтийское побережье и сам Петр I.

Пробыв на русской службе около шести лет, осенью 1718 г. Шевиус подал челобитье с просьбой «определить меня в Государственную Посольскую канцелярию французского и немецкого языков в переводчики и Вашего царского величества милостивейшее назначить мне жалование»⁵. 1 октября канцлер гр. Г.И. Головкин и вице-канцлер б. П.П. Шафиров по указу государя постановили принять Шевиуса в Посольскую канцелярию переводчиком, определить ему «новичной» денежный оклад 100 руб. в год и «кормовые» деньги с октября 1718 г. по 8 руб. в месяц⁶. 17 ноября 1718 г. он принес присягу, обещая «пред господом Богом и Святым Евангелием, что пребывая в службе Его царского величества, государя моего всемилостивейшаго, должен есмь служить Его священному царскому величеству и сыну Его, пресветлейшему царевичу, и всему Его величества высокому дому и российскому государству верно и усердно, радетьельно по должности христианской православной во всех врученных мне делах. С неприятели же Его царского величества, какого не суд народу, никакой пересылки и согласия нет не иметь, но ежели, что уведаю, с которой стороны, от кого противное интересу Его царского величества, то долженствую верно, яко доброму и честному человеку подобает, так Его царскому величеству, как его поверненным министром объявлять и во врученных и поверенных мне делах тщание мое во всякой возможности прилагать»⁷.

После составления и введения в действие Генерального регламента в конце февраля – начале марта 1720 г. все иностранцы, по-

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 29. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 1 об. – 2.

⁷ Там же. Л. 4–4 об.

ступившие на службу, должны были принести присягу по новому образцу. Как отмечал Д. В. Поленов, «призыв иностранцев в Сенат и отбирание от них показаний производились довольно медленно, и только 15 июля 1720 года Сенат сделал постановление, чтобы всех, находящихся на службе в Коллегиях, иноземцев привести к присяге по их закону, при пасторах – тех, которые обязываются вечною службою – по генеральной присяге, т.е. по присяге Генерального Регламента, а поступивших по капитуляциям на определенные лета – обязать присягою на верность службы» [Поленов, стб. 1761]. Несмотря на предписания Сената, у присяги не оказалось служащих Адмиралтейской коллегии и Коллегии иностранных дел, в т.ч. переводчика Шевиуса. Согласно донесению ведомства, некоторые из должностных лиц, бывшие иностранные подданные, уже принесли присягу по Генеральному регламенту вместе с русскими. Среди переводчиков, которые обязались вечной службой русскому государю в Санкт-Петербурге, назывались Я. Синявич, А. Белошицкий (греческого вероисповедания), И. Кальдерман и Шевиус (лютеранского исповедания) [Поленов, стб. 1765].

С конца 1710-х гг. Шевиус начал принимать активное участие в деятельности Посольской канцелярии. Его должностной статус и служебные обязанности были обозначены в «Определении Коллегии иностранных дел» от 13 февраля 1720 г. В 12 пункте документа указывалось, что, помимо начальствующих чинов, «у чужестранных дел» находятся переводчики И. Кальдерман, Б.И. Волков, Ф. Шевиус, П. Волков, В. Шилинг⁸. В дополнение к основному указу 11 апреля 1720 г. Петр I подписал инструкцию, определившую должностные полномочия секретарей экспедиции и прочих чинов Коллегии иностранных дел. В ней подчеркивалось, что Шевиус должен заниматься воспитанием будущих переводчиков с французского и немецкого языков. Контроль за его деятельностью поручался секретарю иностранной экспедиции, а в случае его отсутствия – переводчикам И. Кальдерману и Я.Х. Шуберту⁹. Мы не обладаем системными сведениями об основах организации обучения под руководством Шевиуса, его методических приемах и составе учеников; в источниках среди воспитанников

⁸ Законодательные акты Петра I: редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники / Н.А. Воскресенский. Т. I. М.; Л., 1945. С. 521.

⁹ Там же. С. 526.

переводчика упоминаются Ф. и М. Немтиновы, Ф. Воейков, а также его сын Х. Шевиус¹⁰.

Параллельно с преподавательской деятельностью Шевиус подготавливал переводы дипломатических документов для должностных лиц Коллегии иностранных дел. Я.И. Ларина отмечает, что в 1723 г. Шевиус переводил с французского языка письма шведского чрезвычайного посланника в России Г. Цедеркрейца, адресованные А.И. Остерману. Исследовательница предполагает, что корреспонденция, написанная на французском, имела неформальный характер, тогда как формальные обращения передавались при помощи немецкого (на это косвенно указывает наличие во французских письмах обращения «cher frere» – «дорогой брат») [Ларина, с. 1208]. Возможно, доступ Шевиуса к неформальной корреспонденции Остермана позволяет говорить о его доброй репутации и доверенности среди иных переводчиков ведомства.

И. Майер и С.М. Шамин называют Шевиуса среди специалистов, работавших в 1724 г. над составлением курантов – особого рода обзоров иностранной прессы для нужд Коллегии иностранных дел. Будучи «русским немцем» и блестяще зная оба языка (русский и немецкий), он имел дело преимущественно с немецкоязычными текстами [Майер, Шамин, с. 75–77]. Исследователи пришли к выводу, что Шевиус также знал нидерландский и французский, поскольку его имя фигурирует под переводами из гаагских, гарлемских и лейденской газет. Профессиональные качества переводчика они оценивают как отличные. «Единственную сколько-нибудь серьезную “ошибку”, – сообщают Майер и Шамин, – мы находим в разделе о греческих рукописях, по-немецки названных Codices (множественное число). Переводчик изначально перевел “500 Codices” словосочетанием “500 книг”, однако тут же вычеркнул слово книг и написал “500 кодексов”, после чего добавил отсутствующее в немецком тексте объяснение» [Там же, с. 79]. Более того, Шевиус не только переводил и выписывал новостные сводки, но и «свидетельствовал», т.е. проверял чью-то работу.

С конца 1720-х гг. профессионализм Шевиуса был оценен с большей благосклонностью. Известно, что он принял участие как минимум в трех важных для российской дипломатии миссиях. В 1727 г. переводчик отправился в Митаву, столицу герцогства Курляндия и Семигалия, вместе с генерал-полицеймейстером Де-

¹⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 3. Д. 47, 52.

виером для урегулирования так называемого курляндского кризиса. Его приоритетной задачей был перевод документов с немецкого и французского языков. В 1731 г. Шевиус присутствовал на приеме турецкого посольства Мехмеда Саида-эфенди, приехавшего в Россию с целью узнать о состоянии русской армии, системе управления страной, способах охраны границ и деятельности казаков-запорожцев. Особенно представителя Порты интересовал персидский вопрос и российская позиция в отношении Персии [Орешкова, с. 110–111]. Как отмечает О.Г. Агеева, 5 мая переводчик встречал дипломата Османской империи в доме канцера Головкина вместе с С. Мальцевым, ассессором С. Ивановым, тайным советником В. Степановым [Агеева, с. 349].

К 1741 г. относится последняя известная ученым миссия Шевиуса — он являлся агентом российского правительства в Стокгольме накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг. Согласно сведениям С.М. Соловьева, Шевиус снабжал русское правительство слухами, бытовавшими в шведском обществе: якобы в России планируется переворот в пользу цесаревны Елисаветы при поддержке гр. Морица Саксонского, а фельдмаршал П.П. Ласи с 60-тысячным войском уже идет из Лифляндии к Санкт-Петербургу. Агент, добывавший сведения, подслушивая разговоры молодежи в местных кофейнях, доносил об уверенности шведов в непрочности мира между Россией и Турцией. Они считали, что «как скоро Швеция объявит России войну, то и Турция сделает то же самое, и поляки не утерпят, сядут на коней; Пруссия не поможет России, потому что ее удержит Франция» [Соловьев, кн. 5, стб. 72]. В разгар миссии Шевиус получил новый ранг. 19 мая 1741 г. в «Петербургских ведомостях» объявлялось: «При Кабинете Его Императорского Величества в делах употребляемая *секретари*, а именно: Сергей Семенов, Петр Томановской, Франц Шевиус, Семен Мальцов, Андреян Позняков, за долговременные их службы минувшаго апреля 29 числа, от Его Императорского Величества маеорскими рангами всемилостивейше пожалованы»¹¹.

Последние 12 лет жизни и деятельности Шевиуса реконструировать не удалось. Скончался переводчик в России в 1753 г.

Как отмечено выше, ко второй половине 1720-х гг. относится новый виток карьеры Шевиуса. Если в петровское царствование он по преимуществу занимался воспитанием нового поколения

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1741. № 40. С. 319.

специалистов или подготавливал переводы документов, то с момента восшествия на престол Екатерины I его стали привлекать к осуществлению дипломатических миссий, в том числе тайных, организованных без прямого вмешательства Коллегии иностранных дел. Данный этап деятельности переводчика нуждается в более детальном освещении.

В период раннего Нового времени территория Курляндии и Семигалии стала ареной политического противостояния многих европейских государств, имевших интересы в Прибалтийском регионе. По договору (*pacta subjectionis*) от 8 декабря 1561 г., заключенному между польским королем Сигизмундом II Августом и гроссмейстером ливонских рыцарей Готхардом Кетлером, Курляндское герцогство, находясь под верховным покровительством Польши, наследственно управлялось династией Кетлеров, которым разрешалось чеканить собственную монету, содержать войско, вступать в дипломатические переговоры без объявления войны. К 1720-м гг. политическая ситуация осложнилась в связи с отсутствием прямых наследников правящей династии — правителем номинально числился престарелый Фердинанд Кетлер, проживавший в Данциге (Гданьске) и не пользовавшийся доверием местной элиты. Остро встал вопрос о наследнике престола и последующем сохранении или упразднении «древних» прав и автономий, данных династии.

Для Российской империи, присоединившей в результате Северной войны территории Эстляндии и Лифляндии, Курляндия представляла немалый интерес. Первоначально Петр I попытался решить курляндскую проблему посредством заключения династического брака между царевной Анной Иоанновной и герцогом Фридрихом Вильгельмом. Как известно, сразу же после свадьбы, проходившей в Санкт-Петербурге, герцог скончался, а вдова по настоянию государя была отправлена в Митаву, где вела скучную и бедную жизнь, регулярно обращаясь за финансовой помощью к своим венценосным родственникам и жалуясь на горькую судьбу. В Курляндии она не имела никаких реальных политических прав [Павленко, с. 272–273]. Продолжая расширять сферу влияния империи, российские дипломаты, с одной стороны, стремились установить социальные связи с курляндской элитой, с другой — вели оживленные переговоры с Речью Посполитой и Пруссией, также имевшей здесь интересы. Курляндский вопрос поднимался в ходе чрезвычайного посольства мазовецкого воеводы С. Хоментовского, прибывшего в Санкт-Петербург в 1720 г. [Беспярых, с. 24].

После смерти Петра I курляндская проблема актуализировалась для российской дипломатии. Как отмечал П.К. Щебальский, «Россия была несравненно более обширна, чем действительно сильна; половина ее силы состояла в гении ее государя, и когда этой силы не стало, то и политическое ее положение не могло не перемениться» [Щебальский, с. 13]. С 1726 г. вокруг Курляндии развернулась ожесточенная борьба, в которой российская монархия стремилась сохранить и упрочить влияние в Прибалтике, не дать Речи Посполитой включить Курляндию и Семигалию в состав своей территории и разделить на воеводства, уничтожив их автономию. В качестве претендентов на престол выдвигались кандидатуры герцога Голштинского, принца Гессен-Кассельского, князей Гессен-Гомбургских, незаконно-рожденного сына польского короля Августа II Морица Саксонского, а также светлейшего князя А.Д. Меншикова [Соловьев, кн. 4, стб. 972–992; Щебальский; Kosińska U., s. 469–500; Strohm, s. 93–117].

В июне 1726 г. одолеваемый разногласиями курляндский сеймик избрал герцогом Морица Саксонского. Этот выбор ни Речь Посполитая, вступившая в конфронтацию с частными интересами Августа II, ни Российская империя, ни Пруссия не поддержали. Если две последние державы продолжили решать проблему дипломатическими методами, опираясь на пророссийскую группировку в Митаве и действуя через «полномочных» посланников, то в Польше перешли к более решительным действиям, изменившим политическую обстановку. На Гродненском сейме, длившемся с 17 сентября по 29 октября 1726 г., была принята конституция, согласно которой устанавливалось: 1) отложить присоединение Курляндии и Семигалии к Польше и их разделение на воеводства до кончины Фердинанда; 2) аннулировать избрание Морица, объявить его «за инфаму и бандита» и принудить покинуть территорию Курляндии; 3) отправить в Митаву специальную комиссию с военным сопровождением, которой поручалось изучить проблему на месте и доложить о ней следующему сейму [Kantecki; Kosińska U, с. 361–362, 476–493].

Для продвижения российских интересов и более эффективного решения текущих вопросов царским правительством в начале в Польше, а затем в Курляндии были созданы две системы представительства: постоянная и чрезвычайная. Надо полагать, дипломаты, посланные с чрезвычайными миссиями, обладали большими

полномочиями¹². В Варшаве на постоянной основе находился камергер М.П. Бестужев-Рюмин, которому с лета 1726 г. приходилось действовать согласовано с прибывшим из Санкт-Петербурга с особой инструкцией полномочным министром П.И. Ягужинским¹³. В Митаве с 1710-х гг. интересы Российской империи представлял гофмейстер двора Анны Иоанновны П.М. Бестужев-Рюмин. В июне 1726 г. для продвижения российских кандидатур на герцогский престол, в частности кандидатуры кн. Меншикова, туда из Польши был отправлен кн. В.Л. Долгоруков¹⁴. 4 января – 21 февраля 1727 г. в Курляндию приехал еще один чрезвычайный посланник, генерал-полицеймейстер Девиер.

Согласно доношению, посланному Екатерине I, Девиер прибыл в Митаву 4 января 1727 г. в одиночестве (только со своими четырьмя слугами) и тайно, не встречаясь по дороге ни с кем, кроме доверенных лиц¹⁵. Вместе с ним приехали гвардии капитан-лейтенант (в другом документе – капитан-поручик) Гурьев, камер-юнкер А. Древник, сенатский подканцелярист А. Красовской и переводчик Шевиус¹⁶. Последние двое прибыли в курляндскую столицу 11 января, получив на проезд по 25 руб. каждый¹⁷. В письме от 4 января 1727 г. кабинет-секретарь А.В. Макаров, отправивший переводчика и подьячего из Санкт-Петербурга, извинялся перед Девиером: «Поздравляю вам, моему государю, сим наставшим новым годом и прошу на меня не прогневатца, что умедлил отпуском сих писем, також перевотчиком и подьячим. Сие более умедолилось от того, что указ о вашем чине за приходящими торжествами не скоро получил время подписать, також и мне немалыя домашния хлопоты приключились, а имянно, хотя жена моя на новой год и родила дочку Анну, аднакож и теперь еще в великом страхе находитца близь смерти»¹⁸. Надо полагать, именно деловые качества Шевиуса, хорошо владевшего русским, немецким, французским и, возможно, латинским языками способствовали его назначению в переводчики к Девиеру. Генерал-полицеймейстер, как представляется, знал

¹² Например, можно сравнить корреспонденцию П.М. Бестужева-Рюмина и А.М. Девиера. (АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1, 3).

¹³ РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 587. Л. 3 об. – 5.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1726 г. Д. 9. Л. 2–15.

¹⁵ 1727 г., января 7. Реляция А.М. Девиера из Курляндии // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 964.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 278.

¹⁷ Там же. Л. 322; АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 6–6 об.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 6 об. – 7.

только немецкий, тогда как французский язык мог пригодиться для установления контактов с Морицем Саксонским, а латинский использовался курлянцами при написании прошений польскому королю и документов, рассылаемых по Европе в поисках поддержки.

На время миссии переводчик Шевиус и подьячий Красовской должны были получать содержание из денежных сумм, взятых Девьером у П.М. Бестужева-Рюмина¹⁹. Согласно «Книге записной денежного расхода по отъезде от Санкт-Петербурха в Митаву», Шевиусу выдали на руки 15 талеров «для здешнего житья» и «прогонов» на две лошади — 9 руб. Денежная сумма, полагавшаяся переводчику, была одной из самых низких: капитану-поручику Гурьеву полагалось 30 талеров, камер-юнкеру Древнику — 20, подьячим Красовскому и Воронину — по 10 каждому, служителям Девьера — по 5 талеров²⁰.

30 декабря 1726 г. при отъезде из Санкт-Петербурга генерал-полицеймейстер получил две инструкции (официальную и тайную), в которых определялись цели его деятельности в Курляндии. Первая из них содержала указания относительно покупки товаров для императорского двора. Императрица приказывала: «1) Ехать тебе в Кенисберх и там купить те вещи и товары, которые по приложенной при сем росписи найдутца; 2) А которых там купить не найдетца, то ехать во Гданьск и искать оных купить там или инде, где заспособно разсудишь; 3) В тех же мастах около Кенисберха и Гданцахи искать купить хороших лошадей цуковых, также и для заводу хороших жеребцов и кабылиц»²¹. Среди товаров, указанных в реестре, значились различные ткани и предметы одежды, а именно бархат зеленый и малиновый, золотая парча, зеленая тафта, шелковые и пунцовые чулки, плюмажи, серебряные и медные шпаги, позументы, рукавицы, дамские перчатки и т.д.²² Деньги на покупку — 2 тыс. ефимков и 1 тыс. червонцев векселем или деньгами — предписывалось взять на счет Кабинета у президента рижского магистрата И.И. Исаева²³. Как показывают материалы миссии, Шевиус занимался тем, что переводил с немецкого на русский счета с перечислением товаров и уплаченных за них денег²⁴.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 6–6 об.

²⁰ Там же. Л. 165 об.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же. Л. 1–2 об., 165–176.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 175–176.

Вторая, тайная, инструкция, адресованная Антону Мануиловичу 31 декабря 1726 г., касалась политических вопросов. Генерал-полицеймейстеру следовало продолжить работу с пророссийской и пропольской «партиями», убеждая курляндцев в незыблемости протекции Екатерины I и стремлении российской короны сохранить «древние» права и привилегии герцогства. Особое внимание следовало уделить Морицу Саксонскому: «розведать о Морице, где он ныне обретается и в каком состоянии, и астаратца, ежели аб возможно, дабы вам ево тайным образом видеть и уведать все его намерения, и о том нам донести. Однако ж то свидание гораздо надобно с ним тайно иметь, дабы не дать тем подозрения не только полякам, но и курляндцам»²⁵.

Неизвестно, были ли посвящены в секретные детали инструкции другие участники миссии. 11 января 1727 г. Девиер писал Макарову: «Письмо ваше, моего государя, из Санкт-Петербурха сего текущаго месяца от 4-г[о] числа отпущенное и притом ведомые указы и с указу ж копию, каков дан господину Бестужеву, получил сего числа исправно чрез подьячего, которой прибыл купно с переводчиком. Притом же упоминать изволите, чтоб я не во всем ему, переводчику, верил, за что благодарствую, и осторожность в том иметь буду»²⁶. Данное предостережение кабинет-секретаря примечательно по нескольким причинам. Во-первых, есть основание полагать, что Девиер был знаком с Шевиусом еще до 1727 г. Они оба в 1710-х гг. находились в Ревеле и должны были там пересекаться по долгу службы (будущий генерал-полицеймейстер тогда занимался строительством ревельской гавани и закупкой припасов). Во-вторых, совсем изолировать Шевиуса от государственных тайн было невозможно, поскольку других специалистов, способных сделать качественный перевод документов, поступавших от курляндских обер-ратов и депутатов, в составе помощников Девиера не находилось. Сохранившиеся до наших дней комплексы источников это подтверждают – все выявленные переводы грамот, универсалов, писем и реестров выполнены Шевиусом²⁷.

В Митаве Девиер столкнулся с многочисленными трудностями, так как курляндцы, образовавшие пророссийскую группиров-

²⁵ *Накишова М.Т.* Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб., 2023. С. 274–276.

²⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 322.

²⁷ Там же. Л. 217–229, 246, 256–257; АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 41–46, 53–53 об., 178–179.

ку, в действительности не желали усиления ни России, ни Речи Посполитой и, опираясь на протекцию Екатерины, стремились лишь сохранить свои «древние» права и привилегии. Они боялись предпринимать какие-либо решительные действия, а генерал-полицеймейстер не имел достаточного количества доверенных лиц и развитых социальных связей, чтобы выглядеть достаточно убедительно [Накишова, 2024а]. У него также не было официального «кредитива», подтверждающего полномочия и дающего гарантии. 21 января – 6 февраля 1727 г. Девиер совершил поездку в Санкт-Петербург, где виделся с императрицей, кабинет-секретарем Макаровым и вице-канцлером Остерманом. Передавая Антону Мануиловичу разрешение Екатерины I вернуться на время в Россию, кабинет-секретарь Макаров советовал взять с собой Шевиуса, «дабы он в небытность вашу там чего не розгласил», а в курляндской столице оставить «до указа» капитана-поручика Гурьева²⁸. Надо полагать, генерал-полицеймейстер принял предостережение в расчет.

6 февраля 1727 г. Девиер вместе с Шевиусом вернулся обратно в Митаву²⁹. Двумя днями ранее ему дали новую инструкцию, в которой главной задачей указывалось убедить лояльных курляндских депутатов и обер-ратов не упоминать о кандидатуре Морица Саксонского ни на грядущем сеймике в Митаве (7–10 февраля 1727 г.), ни в тексте инструкции, отправляемой с депутатом в Польшу на Сенат-коллегиум (1 марта 1727 г.)³⁰. Генерал-полицеймейстеру, теперь официально представлявшему интересы Российской империи в курляндском вопросе, запрещалось, во-первых, давать какие-либо письменные обещания, во-вторых, встречаться с Морицем (открыто и даже тайно), который со своей стороны стремился наладить контакты с российским посланником. Известно письмо Морица к Девиеру, отправленное 18 февраля 1727 г. [Щебальский, с. 68] и переведенное Шевиусом с французского, и его ответ, датированный 6 марта, т.е. уже после отъезда генерал-полицеймейстера из Курляндии³¹. Граф предлагал Антону Мануиловичу взятку: «Я чаю, что курлянцов к твердому постоянству ничем иным обнадёживать невозможно, також и король скорее ни в какое дело без опасности не вступит, разве по неотложном постановлении

²⁸ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 16.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 239.

³⁰ *Накишова М. Т.* Светлейший князь... С. 277–279.

³¹ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 178–179.

супружества, и понеже от того супружества курланцы надеяться утверждения их благополучия, и российского двора интерес также востребует, чтоб они содержаны были, того ради дерзаю я, не паюсь от вашего превосходительства себе гневу, вам представить десять тысяч ефимков, ежели можете оное дело не продолжительно к тому привести»³². Оскорбясь, Девиер отверг все притязания Морица³³.

Таким образом, Шевиус оказался одним из акторов социальной сети, сложившейся вокруг тайного (чрезвычайного) посланника Девиера. Он обеспечивал устойчивость контактов генерал-полицимейстера с курляндцами и Морицем Саксонским, поскольку составлял переводы документов с французского и немецкого и при необходимости писал ответы. Фактически, в начале 1727 г. в Курляндии сложилось два пути, посредством которых сведения о политической ситуации доходили до Санкт-Петербурга. Первый, налаженный годами, выглядел следующим образом: курляндцы – П.М. Бестужев-Рюмин – Коллегия иностранных дел – переводчик (в 1727 г. документы, посланные из Митавы, перевел К. Армашенко)³⁴ – Верховный тайный совет – Екатерина. Второй, созданный по мере развертывания миссии Девиера, вел в обход внешнеполитического ведомства и Верховного тайного совета: курляндцы – Девиер – Шевиус – подьячие Красовской и Воронин – Макаров и Остерман – Екатерина. Деятельность Бестужева-Рюмина контролировалась Коллегией иностранных дел, тогда как миссия Девиера находилась под руководством узкого круга доверенных лиц государыни, кабинет-секретаря Макарова и вице-канцлера Остермана [Накишова, 2024b].

Благодаря существованию двух каналов обмена информацией между Митавой и Санкт-Петербургом появляется возможность сравнить качество переводов, сделанных Шевиусом и Армашенко. Стоит отметить, что практически все документы, полученные от курляндцев, дублировались в корреспонденции Бестужева-

³² АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 178.

³³ Там же. Л. 179.

³⁴ О деятельности К. Армашенко известно крайне мало. Удалось выяснить, что в 1725 г. он значился в числе переводчиков Коллегии иностранных дел. См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 74. Л. 6. В 1728–1729 гг. Армашенко переводил на русский латинские копии документов, относящиеся к русско-китайским контактам. См.: Русско-китайские отношения в XVIII веке 1727–1729. Т. 3. М., 2006. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16916/>.

Рюмина и Девиера. Петр Михалович, как представляется, получал копии универсалов, грамот, инструкций и пр. от тех же информантов, что и генерал-полицеймейстер (возможно, они все имели одну копию, которая множилась подьячими), затем отправлял их в приложении к своим реляциям в Коллегию иностранных дел, где тексты переводились Армашенко. На подобный путь указывает наличие помет, например «Перевод с приложения к реляции тайного советника Петра Безстужева к № 10 из Митавы от 21-го февраля, полученной 26-го февраля же 1727 году»³⁵. Шевиус, в противоположность, переводил документы прямо на месте в Курляндии, прежде всего, для практических нужд Девиера, которому необходимо было вести переговоры с местной элитой и понимать ее требования. Впоследствии копии и переводы отправлялись в Кабинет к Макарову.

Показательными примерами работы обоих специалистов являются подготовленные ими переводы инструкции капитана Э.К. фон Медема, депутата газенпотского и гробинского, избранного чрезвычайным сеймиком, проходившем в Митаве с 11 по 21 февраля 1727 г., в качестве депутата на Сенат-коллегиум. Добравшись до Варшавы, Медем должен был уверить Августа II и Речь Посполитую в лояльности и «благоговении» курляндского рыцарства, объявить о непринятии Гродненской конституции, противной «древним» пактам и договорам, убедить отменить следственную комиссию и т.д.³⁶ При этом капитану полагалось работать в союзе с российскими дипломатами (Девиером в Курляндии, Ягужинским и М.П. Бестужевым-Рюминым в Варшаве). Как сообщал генерал-полицеймейстер в реляции Екатерине I, копию инструкции Медема он получил от «дружественных» курляндцев тайно³⁷. Еще одна идентичная копия была передана в Коллегию иностранных дел П.М. Бестужевым-Рюминым с приложением секретного пункта, в котором посланнику указывалось требовать от поляков возвращения земских актов, переданных ранее, и в случае отказа объявить манифестацию³⁸.

Кто сделал копию инструкции и присутствуют ли в ней какие-либо ошибки, выяснить не удалось. Текст записан готи-

³⁵ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 71.

³⁶ Там же. Д. 1. Л. 43–46.

³⁷ 1727 г., февраля 18. Реляция А.М. Девиера из Курляндии // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 3. С. 976.

³⁸ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 67–74 об.

ческим курсивом со вставками на латинском языке. Синтаксический и смысловой каркас соответствуют правилам немецкого языка, а политические и юридические термины вставлены на латыни. Например, на латинском языке прописаны следующие отрывки: «quasi ad executionem des in foro in competenti», «contra naturam pactorum paciscentium», «pacta publica et antiqua mutuo consensu», «tempore subiectiones mit seinen iuribus und privilegis», «conventicuto», «da secundum pacta et form», «conventus publicus», «in aeterna autoritatae» и др. Подобное сочетание немецкого и латинского являлось характерной чертой документов, вышедших из-под пера курляндского рыцарства в начале XVIII в. и адресованных польскому королю, Речи Посполитой или обществу европейских государств³⁹. Таким образом писались публичные документы, которые предполагалось объявить во всеуслышание.

Надо полагать, перевод на русский язык инструкции Медема оказался трудной задачей как для Шевиуса, так и для Армашенко. Оба итоговых документа являются не дословными переводами, а, скорее, авторскими пересказами/адаптациями основного текста (см. Табл. 1). При этом работа Армашенко наиболее близка к оригиналу и по структуре, и по содержанию. Текст, составленный Шевиусом, заметно отличается: во-первых, он разделен на пункты, которые соответствуют содержательным блокам инструкции, но скомпонованы им самостоятельно; во-вторых, он отредактирован для более легкого восприятия и понимания. Есть основания утверждать, что переводы Шевиуса имели практическое назначение и использовались доверенными лицами Екатерины I (Девьером, Макаровым и Остерманом) для обсуждения курляндского вопроса и вынесения вердикта – отсюда их литературность, ясность и структурированность. Переводы Армашенко, сделанные непосредственно в Коллегии иностранных дел, были необходимы для деятельности самого ведомства, отодвинутого на второй план в процессе принятия решений. Бесспорно, на качество текстов могли повлиять и профессиональные навыки специалистов, их собственный стиль письма и уровень владения языками.

³⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 217–229.

Сравнение переводов К. Армашенко и Ф. Шевичуа

Отрывок из инструкции капитана Э. К. фон Медема, 18 февраля 1727 г.⁴⁰	
<p>Ertheilen Ihre königl[ichen] Mayest[ät] von Pohlen unserem allergnädigsten Könige und Ober[sten] Herrn, unsere unterthänigste Devotion und der durch[lauchtigsten] Rep[ublik] unsere erfürch[tigste] durch[lauchtigste] Treue und Ergebenheit zu versichern und ferner vorzustellen, wiegeartet wohlgeborene Ritterschaft und Stände von der letzten Reichstages Constitution verhängten Commission nicht ungegründete Besorglichkeiten hägen könne, an dieselbe quasi ad exicutionem des in foro in competenti geschlossenen, in audita altera aparte et non admissis delegatis et delitis geschehen und wodurch zu sagen, daß Ansehen hätte, es währe ja contra naturam pactorum paciscenticum, daß ein einseitiger Schluß dieselbe hebe und uns derer unterwürfig machen könnte, wie solch pacta publica et antiqua mutno consensu gegeben werden müßen.</p> <p style="text-align: center;">Полный текст см.: <i>АВПРИ. Ф. 63. Он. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 41–42.</i></p>	
Перевод К. Армашенко	Перевод Ф. Шевичуа
<p>Его королевского величества польского, нашего всемилостивейшаго короля и государя главного о нашем подданнейшем благоговении и пресветлейшую Республику о нашей верности и преданности обнадежить и его королевскому величеству подставить, что благородное рыцерство и земство о комиссии по учиненной на последнем сейме конституции не без основательно опасение имеет, понеже оная якобы для экзекуции того, что не в надлежащем суде постановлено, не допуская депутатов и принимая надлежащаго представления, как видитца, определена, что есть противно натуре договора ж и соглашения, чтоб постановление одной стороны оная пресечь и нас тому подвергать могло, ибо такая древняя и народная договоры общим согласием имеют пресечены быть, и сверх того присяга верности по силе договора ничего убавить не может, понеже в содержании онаго никакого отречения прав и привилегей наших в случае наследия нет.</p> <p style="text-align: right;"><i>АВПРИ. Ф. 63. Он. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 71–72.</i></p>	<p>1. Его королевское ве[личество] польское, всемилостивейшаго короля и вышшаго государя нашего уверить подданнейшею нашею девоциею^{41а}, також и светлейшую Речь Посполитую нашу от нас требуемою верностию и преданностию. А потом представить, коим образом благородное рыцерство и земския чины от комиссии, в последней сеймской конституции определенной, не без основания опасаться имеют злых следованей, ибо вид имеется, что оная комиссия назначена и определена ко опровержению^{42в} того, что, не слушая курляндское доношение и не допуская депутатов с надлежащим их представлением, якобы незаконно заключено.</p> <p>2. Объявить, что всему договоров содержанию и обоих сторон договарывающимся противно есть, чтоб оная чрез учиненное токмо с одной страны решение опровержены, и мы тому подвержены быть могли для того, что таковыя публичныя^{43в} договоры с общего обоих сторон согласия опровергнуть надлежало б.</p> <p style="text-align: right;"><i>АВПРИ. Ф. 63. Он. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 43–46.</i></p>

⁴⁰ Автор выражает сердечную благодарность к.и.н., н.с. ЛЭА УрФУ А. Плате за помощь в анализе документа и его расшифровку.

^{41а} Уточнено благовением.

^{42в} Уточнено в подлинном написано для экзекуции.

^{43в-в} Дописано сверху.

По окончании чрезвычайного курляндского сеймика 21 февраля 1727 г. Девиера отозвали из Митава⁴⁴. Вместе с ним вернулись на родину остальные члены миссии, в т.ч. и переводчик Шевиус. Дальнейшее урегулирование курляндского кризиса легло на плечи других лиц и окончательно завершилось только в 1737 г. со смертью Фердинанда Кетлера и избранием на герцогский престол фаворита императрицы Анны Иоанновны Э.И. Бирона. Однако Шевиусу еще несколько раз пришлось работать с документами, связанными с Курляндией. В апреле 1727 г. как специалист Коллегии иностранных дел он перевел прошение Августу II, подписанное ландгофмейстером Г.Х. фон-ден Бринкеном и канцлером И.Г. Кейзерлингом, в котором они от лица всего курляндского рыцарства и земских чинов просили освободить взятого под стражу капитана Медема⁴⁵.

Карьеру на русской службе выходца из Померании Ф. Шевиуса можно признать более чем успешной. За 71 год жизни он стал свидетелем важных политических баталий и коренных преобразований первой половины XVIII в., застал правление шести российских императоров. Начиная свой путь в статусе рядового специалиста, каковых в Московское царство приезжало немало, Шевиус смог приложить усилия к решению ключевых проблем внешней политики его новой Родины. Выполняя различные социальные роли — учителя, переводчика, агента — и успешно справляясь с самыми сложными задачами, он проделал долгий путь, дослужившись до майорского звания, и, что более важно, взрастив новое поколение специалистов-переводчиков для Коллегии иностранных дел.

Литература

- Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской. России. XVIII век. М., 2012.
- Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Ларина Я.И.* Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 4. С. 1196–1214.
- Майер И., Шамин С.М.* Отбор информации для «курантов» и техника перевода в Коллегии иностранных дел в 1720-е годы // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 71–88.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 258–259.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 53–53 об.; Д. 3. Л. 84–85.

- Накишова М. Т.* «Курляндский вопрос» в реляциях генерал-полицеймейстера А. М. Девиера // *Quaestio Rossica*. 2024а. Т. 12, № 3. С. 955–979.
- Накишова М. Т.* Деятельность тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова в контексте курляндского кризиса времен Екатерины I // *Славянский мир: общность и многообразие*. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М., 2024б. С. 106–111.
- Накишова М. Т.* Светлейший князь А. Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб., 2023.
- Орешкова С. Ф.* Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М., 2015.
- Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2017.
- Поленов Д. В.* О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом: (Составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве министерства юстиции) // *Русский архив*. 1869. № 11. Стб. 1729–1766.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб., 1851–1879. Кн. 4. Т. 16–20; Кн. 5. Т. 21–25.
- Щебальский П. К.* Князь Меншиков и граф Мориц саксонский в Курляндии 1726–1727 гг. М., 1860.
- Kantecki K.* Komisja kurlandzka w 1727 roku // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1882. № 10. S. 12–39.
- Kosińska U.* August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa, 2012.
- Strohm K.* Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem. Berlin, 1999.

Толмач «греченин» Кирилл Иванов

Выезд Кирилла Иванова в Россию отражает драматические обстоятельства миграции выходцев из Османской империи в Россию. Его переселение в Россию связано с деятельностью османского посольства Муслы-аги (1634–1635)¹. В составе дипломатической миссии находилась группа «гречан, которые едут на государево имя». По прибытии в русскую столицу османский дипломат 23 сентября 1634 г. был удостоен приема в Золотой палате царем Михаилом Федоровичем [Дворцовые разряды, стб. 400]. Как выяснилось, в составе османского посольства находилась группа «гречан, едут на государево имя». Мигранты, сохранившие на родине православное вероисповедание, благополучно приняли в Посольском приказе русское подданство.

Исполнив поручения султана Мурада IV, Муслы-ага был приглашен на царскую аудиенцию «на отпуске» 19 января 1635 г. [Дворцовые разряды, стб. 410]. После этого османский дипломат отправился на родину, приставом ему назначили Богдана Дубровского [Разрядная книга 1550–1638 г., с. 392]². В пути стало ясно, что в османском посольстве все еще остались «гречане», рассчитывающие переселиться в России: «хотят... служить... государю и остаться у... государя, а с турским послом во Царь-город ехать не хотят»³. Это были четыре «царегородца» (Кирилл Хрисанфов (которого вскоре будет называть Христофоровым [Опарина, 2024]), Петр Юрьев [Опарина, 2023], Дмитрий Иванов и Федор Михайлов). Вскоре к ним добавились Иван Дмитриев [Опарина, Оборнева] и Асан Сербянин. Очевидно, в Османской империи все они вольно или невольно приняли ислам. В таком случае, в России они должны были быть возвращены в православие. Но с точки зрения мусульманского законодательства уход из ислама был одним из самых тяжких преступлений и карался смертью. Можно предположить, что в присутствии османского дипломата русские власти побоялись принимать на службу шестерых исламизированных

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. Д. 7.

² Там же; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 205. Л. 178.

³ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. Д. 7. Л. 325.

«гречан». Наиболее вероятно, в этом им было отказано еще в Москве. Безусловно, их отправили назад в Константинополь в составе миссии Муслы-аги.

Покинув Москву, несостоявшиеся русские подданные попытались исправить ситуацию и обратились с прошением к Богдану Дубровскому. Пристав изложил просьбу «гречан» в отписке, направленной в Москву в Посольский приказ. В полученном ответе звучало запрещение оказывать «гречанам» какое-либо содействие: «Велено им сказать, что б они от турецкого посла не оставали, ехали б с ним во Царь-город, а в государеву службу взять их есмь государь не произволил»⁴. Достигнув Воронежа, последнего русского города, где находился представитель верховной власти – воевода, «гречане» повторили просьбу. На этот раз им не только отказали, но и применили к ним силу. Перед отправлением из Воронежа их связали и поместили под стражу: «А как стал с Воронежа посол подыматца, и пристав нас... перевезав и дал... человеку... по стрельцу». В плененном состоянии «гречан» повезли дальше, но они сумели освободиться и бежали: «И держал нас связанных покаместа до Дону шли дватцать четыре дни... А на Дону были мы связаны дватцать дней. И мы... з Дону ушли к казаком, обрезав на себе веревки». Приют они нашли у донских казаков, обосновавшись в казачьей станице Монастырский яр (остров): «И казаки нас приняли, потому что мы остались на царское имя служить государю верою и правдою до смерти живота своего»⁵.

Муслы-ага и Богдан Дубровский, очевидно, смирившись с потерей шестерых подданных султана, продолжили движение к ближайшему османскому городу – крепости Азов. Путь посольства пролегал через земли, контролируемые донскими казаками. В станице Монастырский остров дипломатов встретили беглые «гречане». Богдан Дубровский еще раз воспроизвел полученное из Посольского приказа указание: «И я говорил, чтоб им от посла не отставать, ехали б с ним во Царь-город и приказал их беречь, чтоб оне безвестно не пропали». Во исполнение царского решения «гречан» насильно передали османскому послу. На этот раз у беглецов оказалась серьезная поддержка. Казаки отбили их у Муслы-аги и Богдана Дубровского. Русский дипломат информировал Посольский приказ: «А мне отказали: на Дону де у нас люди вольные, хто

⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. Д. 5. Ч. 1. Л. 175.

⁵ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1636 г. Д. 20. Л. 1.

ни останетца, и мы их примем»⁶. Вынужденный смириться со сложившейся ситуацией, Богдан Дубровский покинул Монастырский остров. В Азове он передал посольство Муслы-аги паше и забрал удерживаемое до этого в крепости русское посольство Ивана Гавриловича Коробьина и Сергея Матвеева. На обратном пути русские дипломаты остановились в Монастырском острове, где их вновь поджидали «гречане».

В этот момент в числе просителей русского подданства появился новый человек, зафиксированный в русских документах как Кирилл Иванов. За время отсутствия Богдана Дубровского группа из шестерых беглецов пополнилась еще одним исламизированным «греченином», до этого его имя не упоминалось. Сейчас трудно сказать, при каких обстоятельствах и когда Кирилл Иванов попал на Дон. Можно осторожно предположить, что это случилось ранее прибытия посольства. Не исключено, что в казачьей среде он смог освоить русский язык.

Однако и на этот раз прошение «гречан» не имело успеха. Богдан Дубровский даже в отсутствие османского дипломата отказался брать их с собой в Москву. «Гречанам» вновь помогли казаки, предоставив лодку, на которой они отправились в Воронеж за посольскими стругами: «И как донские атаманы и казаки отпустили з Дону на Воронеж государевых послов Ивана Коробьина и дьяка Сергея Матвеева и Богдана Дубровского с ратными людьми, и тех гречан... всего семь человек, донские атаманы и казаки в те же поры отпустили и судно им дали. А отписки им не дали. И они де, едучи рекою Доном на Воронаж, сами гребли под собою и шли позади послов»⁷.

Достигнув Воронежа «гречане», в очередной раз заявили о желании вступить в русскую службу. Они обратились с челобитной к воеводе Максиму Семеновичу Языкову с просьбой о предоставлении им содержания и подвод до Москвы. Воевода направил отписку в Посольский приказ, характеризуя ситуацию следующим образом: «да с... государевы послы выгребли з Дону на Воронеж семь человек гречан... А в роспросе... сказали, были де... они с турским послом... на Москве. И с Москвы отпущены во Царь-город с турским же послом вместе. А как де... турецкого посла Муслу-агу донские атаманы и казаки по... государеву указу отпустили в Азов, а оне де...

⁶ РГАДА.Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. Д. 7. Ч. 2. Л. 333.

⁷ Там же. 1634 г. Д. 5. Ч. 1. Л. 167.

остались на Дону у донских атаманов и казаков, а с турецким послом во Царь-город не пошли. А идут к Москве на... государское имя»⁸. Дьяки Посольского приказа проявили постоянство. Они вновь ответили, что «наперед сего примать их («гречан». — *Т.О.*) не велено», «преже сего писано от нас о том к Богдану Дубровскому по его отписке. А велено им сказать, что б они от турецкого посла не оставали, ехали б с ним во Царь-город, а в... службу взять есмя их не произволили. И они остались на Дону у казаков мимо государева указу»⁹. Но «гречане» проявили удивительную настойчивость, приведшую их к успеху. После долгой переписки между Москвой и Воронежем им все же удалось добиться своей цели. Согласие, было получено, и семеро «гречан» отправились к русской столице.

В Посольском приказе они предоставили сведения о себе. К сожалению, плохая сохранность документов не позволяет прояснить биографию Кирилла Иванова. До настоящего времени дошли лишь отрывки его рассказа: «Кирило Иванов... служил с корму... а он после отца своего». Очевидно лишь, что глава семьи (должность неизвестна) получал жалованье в Османской империи и, соответственно, не был наделен землей. Кроме того, одной из причин миграции стала смерть отца. Для подтверждения показаний в Посольский приказ вызвали т.н. знатцов — иммигрантов, уже осевших в России и с точки зрения властей способных подтвердить или опровергнуть сведения новых выходцев: «выезжих гречан выискавано и допрашивано... знатцов... с выездом». Самым именитым среди них был Петр Иванов Волошенин, подтвердивший все изложенное иммигрантами: «А знатцы сказали по государеву крестному целованью... что они отчие дети»¹⁰. За принятие русского подданства — «выезд», «гречан» одарили. Кирилла Иванова и его спутников вознаградили тканями¹¹ и деньгами в размере 7 руб.¹² Затем исламизированных «гречан» вернули в православие вто-

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1636 г. Д. 20. Л. 7.

⁹ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1634. Д. 5. Ч. 1. Л. 167.

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1636. Д. 20. Л. 3.

¹¹ «Декабря в 30 день... государева жалованья выезжим гречаном Кирилу Христофорову, Петру Юрьеву, Дмитрею Иванову, Ивану Дмитриеву, Федору Михайлову, Кирилу Иванову, турченину Асану Сербенину по 8 аршин камки адамашки двоеличной шолкъ черлен лазорев по 23 алтына по 2 деньги аршин да по 4 аршина сукна аглинсково тмосинево по 23 алтына по 2 деньги аршин. А пожаловал государь их за выезд» (Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 291. Л. 137–137 об.).

¹² Там же. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 101. Л. 531, 537.

рым чином (миропомазанием)¹³, за что также определили награду. Кириллу Иванову выдали ткани и деньги — в половину суммы за выезд¹⁴. Процесс принятия русского подданства завершил фиксирование статуса в России. На основании предоставленных «гречанами» сведений о положении их семей на родине был определен поместо-денежный оклад. Кирилла Иванова не признали родовитым, что определило его скромный оклад — 250 чети и 12 руб., 2 алтына поденного корма. Исходя из статуса, выходцам определили место службы. Незнатных иммигрантов направили в Иноземский приказ, где с 1630 г. существовала «греческая» рота. На тот момент ее возглавлял Федор Черкизов Сулейман-Дамаскин. В окладной книге Иноземского приказа зафиксировали: «в нынешнем во 144-м году выехали на государево имя ис Царя-града греченя и грузинцы и турченин. И государевым жалованьем за выход пожалованы, и поместным и денежными оклады они поверстаны, и поденной корм им указано». Среди прибывших указан и Кирилл Иванов¹⁵.

Во время зачисления Кирилла Иванова и его спутников в военное ведомство для иностранцев русская армия не вела активных боевых действий. Смоленская война закончилась, основным видом деятельности как русских, так и иностранных военных была охрана южных границ от набегов крымчаков и ногаев. Центром обороны была Тула, куда сразу и направили Кирилла Иванова¹⁶. Не позднее 1637 г. в его подразделении произошли изменения: новым ротмистром стал бывший поручик Юрий Трапезундский [Опарина, 2004]. Под его началом Кирилл Иванов продолжил службу. К 1641 г. поместный оклад Кирилла Иванова повысился до 300 чети¹⁷, а поденный корм вырос на 3 деньги, что, вероятно, было наградой за неизвестные сейчас заслуги. В том же году после военного смотра «греченина» вновь отправили в Тулу¹⁸. Кирилл Иванов располагал

¹³ «Декабря в 30 день... память за приписью дьяка Григорья Ларионова государева жалованья иноземцом... гречаном Кирилу Иванову, Федору Михайлову, Ивану Дмитриеву, Григорью Захарову по 4 аршина сукна настрафилю лазоревого по 2 рубли портище... Деньги писаны в денежном росходе. А пожаловал государь их... гречан за подначальство» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 292. Л. 101 об. — 102).

¹⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 101. Л. 531, 537.

¹⁵ Там же. Оп. 6. Кн. 49. Л. 13, 135, 136.

¹⁶ Там же. Л. 136.

¹⁷ Там же. Оп. 9. Стб. 848. Л. 17.

¹⁸ Там же. Стб. 139. Л. 424.

типичным для других «греческих» военных вооружением: «На коне с саблею да с карабином». Его имя фиксируется в окладных книгах Иноземского приказа в составе «греческой» роты¹⁹ и на следующий год, когда практически все ее участники оказались втянуты новым ротмистром в острый конфликт внутри «греческого» сообщества Москвы.

К 1642 г. достигло апогея противостояние двух наиболее знатных родов из Османской империи и ее вассальных государств: князей Алибеевых-Макидонских и князей Альбертусов-Далмацких. На стороне последних активно выступили московские дворяне Петр Иванов Волошенин (который был знатцем при выезде Кирилла Иванова), Остафий Иванов Власов, а также ротмистр Юрий Трапезундский. Все трое поддерживали Дмитрия Альбертуса-Далмацкого, над которым в ходе конфликта нависла угроза тюремного заточения. В этой ситуации Петр Иванов Волошенин, Остафий Иванов Власов и Юрий Трапезундский решили составить поручную запись на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого от имени максимального числа «гречан». Им удалось собрать 53 подписи. Но, как выяснилось, способы достижения поставленной цели были не самыми честными. Как потом сказали большинство «гречан», им предложили оставить свои подписи на чистых листах, обещая заполнить их впоследствии. Это случилось и, видимо, поручная запись была все же подготовлена. Дмитрий Альбертус-Далмацкий остался на свободе. Но далее его сподвижники отклеили листы с подписями, присоединив их к другому документу: извету против Алибеевых-Макидонских. В новом тексте звучали обвинения в подложности их княжеского титула. В ответ Алибеевы-Макидонские составили извет о подложности подтовленных против них бумаг. Началось следствие [Опарина, 2018]. Как и другие замешанные в споре «гречане», Кирилл Иванов во избежание наказания подготовил явочную челобитную. В ней он во всем винил ротмистра, утверждая, что он не хотел никоим образом участвовать в конфликте. Свои действия он объяснял полной неосведомленностью о происхождении Алибеевых-Макидонских. Это было вызвано разницей идентичностей и статусов еще на родине: «А я... говорил ему (Юрию Трапезундскому. — *Т.О.*), что я тех князеи не знаю, чье они дети, потому что они турчаня, а я... греченин»²⁰.

¹⁹ Там же. Стб. 848. Л. 373; Оп. 6. Кн. 50. Л. 56.

²⁰ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 76.

Кроме того, Кирилл Иванов подчеркивал, что совсем недавно приехал в Россию. Это обстоятельство, по его словам, не позволило ему и в России близко познакомиться со всеми выходцами из Османской империи: «а я... новаго рода», «я... человек новаи», к нему применялся термин «нововыезжий иноземец».

Кирилл Иванов настаивал на вынужденном характере своего решения. Он указывал, что дал согласие подписаться от своего имени исключительно под принуждением: «И к тои челобитной велел (Юрий Трапезундский. — *Т.О.*) мне... к тому доводу приложить руку сильно». Кирилл Иванов говорил об обещаниях ротмистра в случае отказа лишить его всех выплат: «И он, рохмистр угроживал мне тем, что, как де ты к тои доводной челобитной руки не приложишь, и яз де тебя отставлю от государева жалованья от корму. А яз... убояся иво Юрьива угроженья и отбыть от... государева жалованья, сам грамоте не умею, велел приложить к тои доводной челобитной руку товарищу своему». Следствие выявило безграмотность Кирилла Иванова, который, как оказалось, не владел ни греческой, ни русской письменностью, в чем он сам чистосердечно признался. Право подписывать бумаги от своего имени он делегировал другим лицам. Так случилось и с изветом против Алибеевых-Макидонских. Кирилл Иванов позволил Осафию Иванову Власову, которому ранее доверял, расписаться за себя. К тому времени его бывший сослуживец стал московским дворянином и оказался одним из главных вдохновителей конфликта. На следующем документе за Кирилла Иванова расписался Дмитрий Палеолог [О Дмитриии Палеологе см.: Опарина, 2016]²¹.

После подачи явочных челобитных назначались очные ставки между их авторами и составителями извета против Алибеевых-Макидонских. К этому времени Юрия Трапезундского не было в Москве, он был отправлен в ссылку в Сибирь [Опарина, 2017]. Но Петр Иванов Волошенин и Остафий Иванов Власов готовы были отстаивать свою позицию. На очной ставке с Кириллом Ивановым они настаивали, что все было согласовано, и «греченин» принял решение самостоятельно: «к тои де изветной челобитной руку де велел он Кирило приложить по воле». Кирилл Иванов не соглашался: «Кирило говорил тож, что в явке писано». Он подтвердил: «И к тому де доводному делу руку приложил поневоле»²².

²¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 76, 88, 109.

²² Там же. Л. 139.

При этом появились новые подробности. Как выяснилось, угрозы ротмистра лишить подчиненных жалования были вполне реальными. Уже на очной ставке Кирилл Иванов рассказал, что ему стали известны направленные против него поступки ротмистра. Получив первоначально отказ Кирилла Иванова, Юрий Трапезундский направил главе Иноземского приказа прошение о снятии со своего подчиненного всех выплат: «А Кирило говорил, что Юрья де Трапизонской бил челом боярину Федору Ивановичю Шереметеву, чтоб иво зделать без корму». К счастью для Кирилла Иванова, действия ротмистра не возымели успеха. Его просьбу отклонили: «И боярин де челобитья иво не послушал»²³. Тем не менее, осознавая исходящую от ротмистра опасность, он вынужден был смириться.

Во время очной ставки прозвучал еще один важный аргумент. Петр Иванов Волошенин и Остафий Иванов Власов уверяли, что Кирилл Иванов знал о содержании извета и самостоятельно изучил предложенный на подпись документ: «чотчи тое челобитную» (т.е. извет)²⁴. Стоит отметить, что в явочной челобитной Кирилла Иванова не прозвучали доводы других «гречан». В ней ничего не говорилось о пустых («порожжих») листах, аргументами были лишь неосведомленность в родословной Алибеевых-Макидонских и жесткое давление ротмистра. Это наводит на мысль о том, что Кирилл Иванов действительно видел уже окончательный текст и понимал, что перед ним извет против Алебеевых-Макидонских, а не поручная запись на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Встает вопрос, мог ли иностранец, не умеющий писать ни по-русски, ни по-гречески, прочесть русский текст. Как утверждали составители извета и как показала дальнейшая деятельность Кирилла Иванова, он был в состоянии это сделать.

Угрозы ротмистра вынудили Кирилла Иванова искать иное место службы. Вероятно, он решил поменять подразделение Иноземского приказа. Чтобы избежать давления Юрия Трапезундского Кирилл Иванов перешел из «греческой» роты в «польскую»: «И он де, Кирило, бояся их челобитья, из роты перевелся служить в роте с поляки»²⁵. Но был и другой вариант – кардинально сменить ведомство. Кирилл Иванов начал планомерно осуществлять

²³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 139, 142.

²⁴ Там же. Л. 139.

²⁵ Там же.

свой замысел. «Греченин» знал о потенциальной возможности перейти на службу в Посольский приказ. В первой половине XVII в. за одним исключением (Ивана Дмитриева Селунского) все греческие переводчики и толмачи Посольского приказа первоначально были военными Иноземского приказа. Кирилл Иванов решил последовать их примеру и максимально отдалиться от ротмистра. Видимо, хорошо освоивший устный русский язык (быть может, еще на Дону, а затем за семь лет службы в Иноземском приказе), и предположительно, научившийся читать, Кирилл Иванов лелеял мечту о поступлении в Посольский приказ на должность устного переводчика.

«Греченин» действовал последовательно и предварительно подготовился, причем необычным образом. Кирилл Иванов сумел в Москве обзавестись реликвиями. Наиболее вероятно, он нашел возможность получить у греческих купцов или приезжающих за пожертвованиями представителей духовенства христианского Востока восемь мощей (в документах не указано каких именно святых). Реликвии Кирилл Иванов преподнес через дипломатическое ведомство в дар царю: «взято у меня... к тебе, государю, восемь святых мощей». Одновременно «греченин» попросил найти возможность сформировать для него в Посольском приказе дополнительное место толмача: «Бил я челом... чтоб... государь пожаловал... велел... в толмачи в прибылые в Посольской приказ для ради твоеи святыни». Очевидно, он рассчитывал на ответную благожелательность руководства Посольского приказа, но этого не случилось. Новое место создавать не захотели, а свободных мест не оказалось. «Греченину» отказали: «И мне... сказано, что порожево места нет»²⁶.

Кириллу Иванову пришлось вернуться в Иноземский приказ, где уже отсутствовал Юрий Трапезундский. Но мечты о должности устного переводчика не оставляли его. Кирилл Иванов ждал подходящего момента и случай вскоре представился. «Греческому» военному стало известно о кончине татарского толмача. Кирилл Иванов сразу подал челобитную в Посольский приказ с просьбой о зачислении на освободившееся место: «И ныне... порожее место есть, что был толмач тотарин Бурмаш, а чеи слово, тово не ведаю, и он в Касимове умер. Милосердыи государь... пожалуй меня... для тое святыни, что взята у меня... восемь святых мощей, вели, госу-

²⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. Д. 1. Л. 36.

дарь, мне быти у твоего государева дела в Посольском приказе на Бурмашово место в толмачех»²⁷.

Власти дали согласие на проведение экзамена, чтобы определить компетентность будущего толмача. Но появился еще один претендент — его сослуживец, так же пострадавший от Юрия Трапезундского, — Михаил Поликострицкий. Оба «греченина» успешно прошли экзамен, проведенный переводчиком Посольского приказа Дементием Чернцовым [Беляков, 2017, с. 340; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 218–219, Оборнева, 2018; Оборнева, 2020, с. 183–190; Опарина, 2020]. Он отметил хорошее владение Кириллом Ивановым устного греческого (очевидно, родного для него) языка: «А греческой переводчик Дементей Чернцов про него Кирила сказал, что он с ним говорил и языка иво слушел. И тот де Кирило по-гречески говорить умеет. Да к тои своей скаске и руку приложил»²⁸. Из двух претендентов выбор пал на неграмотного Кирилла Иванова. Образованному Михаилу Поликострицкому предложили ожидать следующего свободного места. Причину подобного решения можно усмотреть в нескольких мотивах. Кирилл Иванов первым попросился на эту должность. Видимо, свою роль явно сыграли и пожертвования.

Кирилла Иванова приняли в штат Посольского приказа 19 мая 1643 г. [Куненков 2007, с. 462, Оборнева, 2019, с. 53, 69, 70, 115, 124, 135], осталось только уладить формальности. У его предшественника был меньший оклад и, соответственно, более скромное жалование: «Бьет челом государю... греченин Кирило Иванов, чтоб государь пожаловал, велел ему быть у своего государева дела в Посольском приказе в толмачех на выбылое Бурнашково место Янгильдеева... А государева жалованья оклад был поместной 150 чети денег 8 рублей, поденного корму по 5 денег на день»²⁹. Решение было принято в пользу Кирилла Иванова. Его согласились перевести из Иноземского в Посольский приказ с полным сохранением оклада: «Во 151-м году взят в Посольской приаз в греческие толмачи греченин Кирило Иванов. А поместного и денежной оклад ему учинен тот же, что и в Ыноземском приказ ему было: поместной 300 чети, денег 12 рублей, а поденного корму указано ему давать то же, что и в Ыноземском приказе ему было по 2 алтына по 3 деньги на день»³⁰.

²⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. Д. 1. Л. 36.

²⁸ Там же. Л. 38–38 об.

²⁹ Там же. Л. 36, 37, 87.

³⁰ Там же. Л. 39, 39 об., 87.

Добившись долгожданной цели, Кирилл Иванов не смог полностью воспользоваться преимуществами толмаческой службы перед военной. Он совсем недолго пробыл на с таким трудом обретенной должности. Через три месяца после зачисления Кирилл Иванов скончался. Его не стало 20 августа 1643 г. Супруга Наталья попросила о вспомоществовании: «В нынешнем... во 151-м году взят был муж мой из Иноземского приказа в Посольской приказ в толмачи. И служил... в Посольском приказе в нынешнем во 151-м году августа по 20 число. И судом Божиим того мужа моего не стало». Она указала, что оставшуюся без кормильца семью одолевают трудности, назвав громадную сумму задолженностей: «А я, бедная, осталась после мужа своего в долгу. А долгу осталось кабальново 50 рублей. А оплатитца мне бедной ис того долгу мужа своего и помянуть мужа своего нечем». Вдова подчеркнула, что последний раз ее супругу выдавали средства лишь в Иноземском приказе. Все выплаты осуществлялись раз в полгода, и в Посольском приказе Кирилл Иванов не успел их дожидаться: «вели... свое государево жалованье мужа моего заслужоное мне выдать, чтоб с того числа как муж мой взят был из Иноземского приказу в Посольской приказе чем бы мне мужа своего помянуть». В приказе подсчитали: «государева жалованья ему, Кирилу, по розчету с того числа, как он был взят в толмачи, не дано ничего, толко дан поденной корм сентября по 1 число 152 году.. А государева жалованья ему мая с 20 числа да августа по 20 число на 3 месяца доведетца по розчету дать 3 рубли». 30 августа 1643 г. вдове выдали 3 руб., отметив, что их предназначение – на помин души: «государь пожаловал толмача Кирила Иванова вдову Натальицу, велел дати своего государево жалованье мужа ее заслуженное на поминок мужа ее 3 рубли из Большого приходу»³¹. Неизвестно, что стало впоследствии с вдовой, удалось ли ей каким-то образом погасить долг в 50 руб. Можно предположить, что деньги были потрачены на приобретение святынь. На освободившееся место греческого толмача был принят Михаил Поликострицкий [Беляков. 2017, с. 324; Оборнева, 2019. с. 27, 37, 53, 69, 70, 124, 135].

Кирилл Иванов пробыл в России семь лет, так и оставшись в категории «нововыезжих иноземцев». Не сохранилось сведений о его происхождении, известен лишь факт смерти его отца, не имевшего земельных наделов. Не ясно, при каких обстоятельствах «грече-

³¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. Д. 2. Л. 31–33; Ф. 150. 1647. Д. 14. Л. 3.

нин» покинул Османскую империю и каким образом достиг территории донских казаков. Он проделал сложный путь, проявив невероятную настойчивость в вопросе получения русского подданства. В России Кирилл Иванов успел послужить в двух ведомствах: военном и дипломатическом. В последнем он пробыл лишь три месяца, не успев проявить себя на толмаческой должности.

Литература

- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа. 1645–1682. М., 2017.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. Материалы к словарю. М., 2021.
- Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2. СПб., 1851.
- Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, дело-производство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Оборнева З.Е.* Дементий Чернцов – греческий переводчик и толмач Посольского приказа (1631–1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 38–58.
- Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2019.
- Опарина Т.А., Оборнева З.Е.* Иван Дмитриев: трудный путь в Россию // Мон-фокон. Исследования по палеографии, кодикологии, дипломатике. Вып. 8. М., 2022. С. 381–396.
- Опарина Т.А.* Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Материалы. М., 2004. С. 54–73.
- Опарина Т.А.* Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI – первой половине XVII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2016. № 1. С. 131–158.
- Опарина Т.А.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. 2017. № 1. С. 171–197.
- Опарина Т.А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. М., 2018. С. 170–176.
- Опарина Т.А.* Переселение «греков» в Россию: посольство Семена Яковлева и Петра Евдокимова (1628–1630) // Каптеревские чтения-18. М., 2020. С. 144–181.
- Опарина Т.А.* «Греченин» Петр Юрьев Царегородский // Комплексный подход к изучению Древней Руси. М., 2023. С. 58–59.
- Опарина Т.А.* «Греченин» Кирилл Христофоров // Соборное уложение 1649 г.: формирование, практика, эпоха. М., 2024. С. 62–71.
- Разрядная книга 1550–1638 г. Ч. 1–2. М., 1975.

Толмачи в русских посольствах к монгольским и тюркским кочевникам севера Центральной Азии в XVII — начале XVIII в.

В XVII в. российская власть установила контакты с монгольскими и тюркскими кочевыми этносоциумами, обитавшими на севере Центральной Азии, — ойратами (калмыками), хотогойтами, халхасцами (халха-монголами), енисейскими киргизами и алтайскими телеутами. Коммуникация происходила не только с главами военно-политических объединений номадов, но и с представителями буддийского духовенства, занимавшими разные позиции в иерархии служителей культа и нередко находившимися в улусах кочевников. Дипломатические отношения выстраивались преимущественно в формате отправки взаимных посольств российской стороной и кочевниками. Русские миссии, направляемые в центрально-азиатские степи, конечно, отличались от тех, что направлялись к европейским и некоторым азиатским монархам, но в целом соответствовали основным параметрам дипломатических миссий. Возглавлял их государев посол/посланник, исполнявший полномочия зачастую вместе с помощником — «товарищем». В посольство включалась охрана — казаки, вспомогательный персонал — «кашевары», а иногда и выходцы из среднеазиатского региона, промышлявшие торговлей, — бухарцы. Для осуществления переговорного процесса в составе посольств находились толмачи — переводчики устной речи. Они должны были грамотно перевести устную речь, исходящую от участников переговорного процесса, подобрав необходимые и корректные для этого слова, чтобы преодолеть коммуникативные барьеры и достичь успеха посольства.

Служба толмачей давно привлекает внимание российских и зарубежных историков. Есть публикации, посвященные как толмачам, служившим в Посольском приказе [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин]), так и тем, кто выполнял обязанности переводчиков при взаимодействии российской власти с иноэтничным населением на восточных окраинах Российского государства

в XVI–XVII вв. [Пузанов, 2020; Пузанов, 2021a; Пузанов, 2021б; Люцидарская, 2010; Люцидарская, 2011; Акишин; Ходарковский, с. 108–115]. В своих исследованиях А.А. Люцидарская, В.Д. Пузанов, М.О. Акишин, М. Ходарковский обратили внимание на комплектацию штата толмачей, их служебные обязанности и положение в региональном социуме, обеспечение жалованием за исполнение служебных обязанностей, а также участие толмачей во внешней политике России на центральноазиатском направлении. Названные историки рассматривали службы толмачей в основном в контексте присоединения различных иноэтничных территорий к Российскому государству. Я сосредоточусь на дипломатических отношениях с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии и на протяжении XVII в. активно взаимодействовавшими с Россией. В центре внимания будут прежде всего толмачи, входившие в состав русских посольств, направленных к тюрко- и монголоязычным кочевникам.

В Сибири толмачи относились к приборным служилым людям и не входили в штат воеводской администрации. Для осуществления дипломатического диалога сибирские воеводы привлекали к переводческой деятельности как служилых людей, так и представителей аборигенного населения. Иногда коренные жители Сибири даже не зачислялись на государеву службу. В делопроизводительной документации нормативно-распорядительного и отчетного вида фиксируются формулы «в толмачах» и «для толмачества», указывающие на факт привлечения к переводческой деятельности того или иного лица. В.Д. Пузанов отметил, что фраза «в толмачах» указывает на то, что человек, который выполнял функции переводчика, не относился к собственно толмачам и исполнял эти обязанности временно [Пузанов, 2020, с. 46; Пузанов, 2021a, с. 29].

Многую выявлено, что в XVII – начале XVIII в. по распоряжению центральной власти, а также по инициативе сибирских воевод, действовавших на основе анализа конкретной ситуации, к центрально-азиатским кочевникам отправили не менее 228 русских дипломатических миссий. Из них в 62 случаях в составе посольств упоминаются толмачи. Подсчет базируется на анализе делопроизводительной документации, в значительном количестве опубликованной в тематических сборниках «Русско-монгольские отношения» (далее – РМО), «Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв.», в приложениях к трудам Г.Ф. Миллера, и др. Эти источники дополнены документами, выявленными

в Российском государственном архиве древних актов. Произведенные подсчеты могут быть неполными: нередко сведения о посольствах являются фрагментарными, не позволяя конкретизировать не только состав дипломатических миссий, но и их цели, ход переговорного процесса. В дальнейшем подсчеты могут быть скорректированы обнаружением архивных документов, позволяющих уточнить отдельные аспекты российско-кочевнических отношений в XVII – начале XVIII в.

Как правило, в составе дипломатических миссий числился один толмач. Выявлено не менее 59 таких посольств. Некоторые толмачи неоднократно привлекались к переводческой деятельности в российско-кочевнических дипломатических отношениях. Удалось выявить 18 таких случаев. Томский толмач Федор Федоров выполнял функции переводчика в посольствах к монголам-хотогойтам в 1634, 1638, 1663 гг. и тюркоязычным телеутам в 1646 г.¹ Три раза задействовала в посольской деятельности томская администрация толмача А. Кожевникова, направленного в 1694 и 1695 гг. к телеутам, а в 1700 г. к киргизам². Трижды ездил в составе дипломатических миссий селенгинский толмач Т. Афанасьев: в 1666 и 1668 гг. к халхаскому Даши-хунтайджи, а в 1688 г. к Очирдар-кутухте³. Два раза ездили к хотогойтскому алтын-хану И. Архипов (в 1652 и 1657 гг.), а также Н. Выходец (в 1661 и 1662 гг.)⁴. В 1609 и 1621 гг. в составе посольств к ойратам был толмач Дружинка (в 1609 г. он упоминался с прозвищем Есырь, а в материалах о поездке 1621 г. назван Ермолиным)⁵. В.Д. Пузанов предположил, что это было одно лицо [Пузанов, 2020, с. 47–48]. Два раза ездил в составе посольств к джунгарам конный казак И. Данилов (в 1667 и 1680 гг.)⁶.

Иногда служилые люди, исполнявшие обязанности толмачей, спустя некоторое время повторно включались в состав дипломати-

¹ РМО. 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. С. 191; РМО. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974. С. 103, 282–283; РМО. 1654–1685. Сборник документов. М., 1996. С. 93.

² РГАДА. Ф. 199. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1; Д. 32. Л. 1; Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 69.

³ РМО. 1654–1685. С. 144, 193; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. М., 1972. С. 382.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 381; РМО. 1654–1685. С. 26, 71, 89–93.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 32, 111.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 183; Сборник князя Хилкова: документы по истории России XVI–XVII вв. СПб., 1879. С. 303–304.

ческих миссий, но уже без возложения на них данного функционала. В первом посольстве в 1608 г. к алтын-хану Шолою Убаши числился «в толмачах» литвин Г. Михайлов, включенный также в состав посольства и в 1616 г., правда, без упоминаний об обязанностях переводчика⁷. Конный казак И. Щитов, ездивший в 1659–1660 гг. «для толмачества» к алтын-хану, в 1661 г. был повторно отправлен к нему же в составе свиты, но уже без указания на переводческую деятельность, поскольку, согласно статейному списку С. Бабарыкина, «для толмачества» поехал Н. Выходец⁸.

Некоторые толмачи, включенные в состав посольств, на момент их отправки к кочевникам выбыли с государевой службы и находились в отставке. Упомянутые выше И. Данилов в 1680 г. и А. Кожевников в 1695 гг. числились отставными. Однако уже в наказной памяти 1700 г. А. Кожевников назван «татарским толмачом» без указания каких-либо признаков, говорящих о выбытии с государевой службы⁹.

Среди толмачей числились представители аборигенного населения, зачисленные на царскую службу. Они лучше знали топографическую и военно-политическую обстановку, могли сопроводить посольство по более безопасному пути, а также выступать посредниками в коммуникации русских дипломатов с кочевыми вождями. Грамоты из Казанского приказа рекомендовали сибирским воеводам включать представителей местного населения в посольства: «тотар ясачных или служивых, которым бы колмаки верили»¹⁰. В 1633 г. к телеутам вместе с томским десятником В. Седельниковым «для толмачества» ездил чатский татарин Андаул Киташев [Миллер, 2000, с. 471]. В 1649 г. в посольстве, направленном из Кузнецка к телеутскому князю Мачику, функции толмача исполнял подгородный юртовский татарин Какайка [Добжанский, с. 131]. К торгоутскому тайджи Дайчину в 1642 г. вместе с конным казаком О. Вершининым ездил городской толмач бухарец Ермоетка Шагалаков¹¹. В составе томского посольства к ламе Даин-Мергенланзу толмачом с монгольского языка числился некий Алиярк,

⁷ РМО. 1607–1636. С. 31.

⁸ РМО. 1654–1685. С. 54, 71.

⁹ РГАДА. Ф. 199. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4; Сборник князя Хилкова: документы по истории России XVI–XVII вв. СПб., 1879. С. 303; Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 69.

¹⁰ РМО. 1607–1636. С. 22, 23, 26, 27, 32, 33, 37, 39, 41.

¹¹ РМО. 1636–1654. С. 228–229.

имя которого указывает на нерусское происхождение¹². Томский толмач Янсар Бегичев, по происхождению казанский татарин [Волков, 2012, с. 75–79; Миллер, 2000, с. 373], числился в составе дипломатических миссий к енисейским киргизам в 1631 г. и алтайским телеутам в 1634 г. [История, 1993, с. 177; Уманский, 1980, с. 57].

Исследователи уже указывали, что сибирские служилые татары привлекались воеводами к посольской деятельности [Бояршинова, 1950, с. 105; Бахрушин, 1955, с. 166]. Прикомандированные к дипломатическим миссиям бухарцы, служилые или ясачные татары (для сопровождения послов к центрально-азиатским кочевникам), несмотря на отсутствие фиксации в источниках их служебной деятельности в ходе посольства, надо полагать, могли выполнять функции переводчиков во время российско-кочевнических переговоров.

Имелись случаи и «найма» толмачей из числа представителей властной элиты аборигенного населения Южной Сибири. Путь посольств, направленных к хотогойтским алтын-ханам, пролегал через территорию, населенную енисейскими киргизами. Проезжая эти земли, служилые люди контактировали с местными жителями и могли производить наем людей, необходимых для достижения своей миссии. Киргизы активно взаимодействовали с монголоязычными народами. По мнению В.Я. Бутанаева, киргизская знать владела монгольским языком, знания которого она получала от буддийских монахов, приезжавших в «Киргизскую землю», а также обучаясь в Монголии и Джунгарии. Некоторые представители властной элиты енисейских киргизов имели родственные связи с монголоязычными правителями [Бутанаев, с. 37, 41, 55, 85, 87] или же находились в качестве аманатов (заложников) в их владениях [Бутанаев, с. 53; Чимитдоржиева, с. 71]. Именно поэтому привлечение южносибирских кочевников к переводческой деятельности, надо полагать, имело определенное положительное значение для российско-хотогойтских отношений в плане успешного преодоления межъязыковых барьеров. Так, в составе посольства тарского атамана В. Тюменца, отправленного в 1616 г. к хотогойтскому алтын-хану Шолою Убаши, функции толмача (а вместе с тем и провожатого) выполнял киргизский князец Кара, нанятый в Киргизской земле. За исполнение этих обязанностей он полу-

¹² РМО. 1636–1654. С. 50.

чил «жалованье»: «однорядку настрафильну червчату з завяски, да голубово сукна настрафилю ж 3 аршина, да нож рыбей зуб, ножны окованы»¹³. Томский сын боярский К. Карякин в конце 1631 г. во время поездки к алтын-хану Омбо Эрдени взял с собой «для толмачества киргисского князья Ишееза сына Кайкана»¹⁴.

Исследователи уже отмечали факт формирования штата толмачей из числа новокрещенов — выходцев из аборигенного населения, принявших православие, и бывших пленных, зачисленных на русскую службу [Пузанов, 2021б, с. 131; Люцидарская, 2010, с. 403; Люцидарская, 2011, с. 29; Ходарковский, с. 109], что в принципе было характерным явлением не только для данной категории лиц, но и для служилого населения Сибири в целом [Зуев, Люцидарская]. На «иноземное» происхождение таких переводчиков указывают их фамилии и прозвища, а также приставка «новокрещен», которая добавлялась к имени неопита. В течение XVII в. в русские посольства к тюрко- и монголоязычным кочевникам включались (а в некоторых случаях и ставились во главе миссий) толмачи, чьи прозвища и фамилии явно указывают на их нерусские корни: Климка, Ивашка, Дружинка, имевшие прозвище Ясырь (Есырь)¹⁵, Никитка Чура¹⁶, Ивашка Татаринов¹⁷, Иван Колмаков¹⁸, Петр Киргиз¹⁹, Микитка Выходец²⁰, Илейка Данилов новокрещен²¹, Семен новокрещен [Миллер, 2000, с. 373], и многие другие. И если с припиской «новокрещен» все ясно и она не требует разъяснения, то следует оговорить смысловое наполнение прочих фамилий и прозвищ. Ясырем называли рабов-пленников, а обладатель подобного прозвища происходил из данной категории людей. Лексема «чура», имеющая тюркские корни и используемая в казачьей среде, указывала на подчиненное положение младшего старшему [Малов, Никитин, с. 125], в то время как в татарском языке могла означать раба [Мухаметзянова, с. 216]. Кстати говоря, в Никите

¹³ РМО. 1607–1636. С. 59.

¹⁴ РМО. 1607–1636. С. 169.

¹⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 1. Л. 173 об; РМО. 1607–1636. С. 33; РМО. 1636–1654. С. 27.

¹⁶ РМО. 1636–1654. С. 134.

¹⁷ РМО. 1654–1685. С. 333.

¹⁸ Международные отношения в Центральной Азии... С. 215.

¹⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1. М., 1978. С. 588–589.

²⁰ РМО. 1654–1685. С. 71.

²¹ Там же. С. 183.

Чуре в 1638 г. джунгары узнали своего «холопа» и насильно угнали его в степь²². Фамилия Татаринов указывает на тюркское происхождение ее носителя, Колмаков — на калмыцкое (монгольское), а прозвище «Киргиз» говорит о киргизских корнях его обладателя. Слово «выходец» в лексиконе XVII в. имело значение «тот, кто переселился из чужих мест, явился из-за рубежа», «перебежчик» [Словарь, с. 272] и свидетельствовало о том, что обладатель этого прозвища был пришлым человеком из какого-либо региона/земли.

Обычно в посольство назначался один толмач. Мной выявлены три случая, когда в составе дипломатической миссии числились двое толмачей. В посольстве томского атамана Д. Копылова, направленного к енисейским киргизам для переговоров с ламой Даин-Мерген в 1635 г., числились на положении толмачей подгородный татарин Какайка и служилый человек Ивашка Уланов²³. Первый должен был переводить с монгольского. Задачи Уланова не совсем ясны. Не исключено, что он переводил «речи» с татарского языка, который, по всей видимости, знал, о чем может свидетельствовать его фамилия, указывающая на тюрко-монгольские корни в происхождении. Уланов числился в составе упомянутого ранее посольства Карякина к алтын-хану в 1631 г., но не исполнял обязанности переводчика²⁴. В 1679 г. по указу томского воеводы кн. П.Л. Львова был послан сын боярский С. Тупальский, а вместе с ним «для мугальсково толмачества Ивашку Татаринову, а для татарсково толмачества казачью сыну Ивашку Шумилу в Мугальскую землю к Лоджану Алтыну-царю»²⁵. В статейном списке Тупальский указал, что одновременно с его поездкой из Красноярска воевода Д. Загряжский в 1679 г. направил посольство «от себя», куда включили «дву человек толмачей — Ивашку Шадру, Костьку Дрокина»²⁶.

Включение в посольство нескольких толмачей явно должно было облегчить коммуникацию как с контрагентом, так и с лицами, с которыми посольство встречалось на пути следования. Если во время переговорного процесса возникала какая-либо коммуникативная неудача, вызванная неправильным пониманием или не-

²² Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 85; РМО. 1636–1654. С. 146.

²³ РМО. 1607–1636. С. 267.

²⁴ Там же. С. 168.

²⁵ РМО. 1654–1685. С. 333.

²⁶ Там же. С. 334.

возможностью перевести «речи» дипломата на монгольский язык, можно было прибегнуть к «запасному варианту» и общаться при помощи татарского языка. Можно предположить, что даже в тех случаях, когда для перевода с «мугальского» языка в посольство включался один толмач, в числе служилых людей, также прикомандированных к посольству, а возможно и из числа глав миссии, могли находиться лица, знающие тюркский язык.

Главным и, пожалуй, единственным критерием включения служилых людей в состав посольских миссий для того, чтобы «толмачить» во время переговоров, было знание языка контрагента, к которому направлялась делегация, — «мугальского», «колмацко-го», татарского. Сибирские воеводы максимально использовали возможности лиц, знающих иностранный язык, способных обеспечить вербальную коммуникацию. Н.И. Никитин, анализируя службу сибирского казачества, отметил, что на казаков, знавших татарский язык, «вне всякой очереди возлагалась “посольская служба”» [Никитин, с. 250]. Татарский язык длительное время использовался в дипломатических отношениях Российского государства с восточными народами [Хисамова, с. 14]. Ярким примером использования татарского языка в качестве языка-посредника во время коммуникации с центрально-азиатскими кочевниками служат события 1632 г., когда при подготовке переговоров с послами от хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени воевода кн. И.Ф. Татев распорядился «с алтыновыми посланники толмачить киргискому князю Кончебаю через толмача татарским языком с толмачом з Дружинкою Ермолиным, потому что толмач Дружинка алтыновых посланников языка не знает и никаких людей в Томском городе на алтынов язык толмачей не сыскано»²⁷. В.Д. Пузанов отметил, что «во второй половине XVII в. татарский язык был известен многим казакам южных центров Сибири. Например, в Кузнецком остроге служилые люди при контактах с тюркским населением “толмачили” самостоятельно, не прибегая даже к помощи официального городского толмача» [Пузанов, 2020, с. 49].

Регулярность поездок служилых людей в центрально-азиатские степи для переговоров с тюрко- и монголызычными народами свидетельствует, что в Сибири не наблюдалось нехватки специалистов, обеспечивающих устный перевод с иностранного языка. Безусловно, имелись случаи, когда назначенный «для толмачества»

²⁷ РМО. 1607–1636. С. 179.

человек не мог исполнить свои обязанности по причине плохо развитых коммуникативных навыков. Так, во время поездки тобольского сына боярского М. Юдина к джунгарскому Галдану бошоктухану в 1692 г. «казак Иван Колмаков, который вместо толмача был, царского величества титула выговорить не умел»²⁸. Тем не менее даже подобный случай не остановил переговоры, хотя джунгары и спрашивали: «для чего де с ним, Матфеем, добраго толмача нет?»²⁹.

Возможность задействовать представителей из разных «контактных групп» (подробнее о понятии «контактные группы» см.: [Шамин, Янссон]), как служилого, так и аборигенного населения, обеспечивала российской дипломатии успех в общении с жителями центрально-азиатских степей.

Литература

- Акишин М.О.* О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири XVII в. // Присоединение Сибири к России: Новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень, 2014. С. 41–49.
- Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII веке // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 176–224.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Историко-филологические науки. Т. 112. Томск, 1950. С. 23–210.
- Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007.
- Волков В.Г.* Деревня Казанка и казанские татары в Томске в XVII веке // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч. 1. Омск, 2012. С. 75–79.
- Добжанский В.Н.* Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Вып. 7. Новокузнецк, 2017. С. 114–137.
- Зуев А.С., Люцидарская А.А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 52–69.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
- Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.

²⁸ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 215.

²⁹ Там же. С. 216.

- Люцидарская А.А.* Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 401–404.
- Малов А.В., Никитин Н.И.* Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века): исследования, справочные материалы, источники. М., 2023.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд. Т. 1. М., 1999.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд. Т. 2. М., 2000.
- Мухаметзянова Л.Х.* Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 212–228.
- Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. Начало казачества Сибири. М., 2018.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2(80). С. 46–59.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Тобольске // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021а. № 4(86). С. 25–37.
- Пузанов В.Д.* Служба и социальное положение провинциальных толмачей на востоке России в XVI–XVII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021б. С. 127–138.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976.
- Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980.
- Хисамова Ф.М.* Лексико-стилистические особенности татароязычных дипломатических актов XVII–XVIII вв. // Тюркология. 2007. № 1, 2. С. 13–19.
- Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019.
- Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Уде, 2006.
- Шамин С.М., Янссон О.* «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 223–229.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

Русско-польские переговоры в Дуровичах глазами переводчика Посольского приказа Василия Боуша

Попытки мирного урегулирования русско-польской войны начались уже на ее раннем этапе. Русские и польско-литовские представители несколько раз собирались на мирных конгрессах, с большим или меньшим успехом пытаясь выработать условия мирного договора: в Вильне в 1656 и 1658 г., в Борисове и Минске в 1660 г., в 1662 г. (съезд не состоялся), в 1664 г. в Дуровичах и, наконец, в 1666–1667 гг. в Андрусове. Наибольшее внимание историков привлекал последний, Андрусовский съезд, увенчавшийся успехом и заложивший основы мирного сосуществования России и Речи Посполитой до эпохи разделов Польши. Однако и предшествовавший ему Дуровичский съезд, несмотря на то, что внешне закончился бесплодно, на деле стал важным шагом на пути к «мирному постановлению»: в отличие от предшествовавших переговоров, оказывавшихся лишь интерлюдиями в военных действиях, в Дуровичах впервые удалось сблизить позиции сторон настолько, чтобы это создало почву для андрусовских переговоров. Недавно О. В. Русаковский обнаружил, опубликовал и перевел новый и весьма подробный источник о России времени войны 1654–1667 гг. — дневник переводчика Василия (Кристофа) Боуша [Дневник, с. 1–427]. Он попал в русский плен в 1654 г., но вскоре оказался на службе в Посольском приказе, где его определили на все посольские съезды с представителями Речи Посполитой. При этом для себя он вел дневник на немецком языке, куда записывал примечательные события, свидетелем которых становился. В дневнике содержатся ценные подробности о двух виленских съездах 1656 и 1658 гг., а также о ряде других дипломатических мероприятий. Особенно подробны и интересны записи о переговорах 1664 г. в Дуровичах, после завершения которых повествование по неясным причинам обрывается (Немецкий оригинал записей о Дуровичском съезде: [Дневник, с. 391–416]; русский перевод О. В. Русаковского: [Дневник, с. 197–222]. Перевод цитируется с некоторыми поправками; в дальнейшем изложении ссылки

на данное издание даются в тексте с обозначением только номеров страниц). Имеется возможность сопоставить данные Боуша с показаниями как русских, так и польских источников. Такая же возможность есть и для Виленской комиссии 1656 г., однако Дуровичи выигрывают перед ней тем, что в 1664 г. переводчик был уже не новичком в своей должности, освоился с дипломатической практикой Московского государства и адаптировался к жизни в нем. Это делает анализ его сообщений о Дуровичах, которым свойственна почти протокольная подробность, источниковедчески наиболее показательным. Дневник Боуша ценен тем, что дает еще одну точку зрения на происходившее на переговорах, причем точку зрения, не связанную условностями официального положения и требованиями официальной позиции. Читая его дневник, мы видим, как смотрел со стороны на споры дипломатов современник, какие основные пункты он выделял в дискуссии, как оценивал аргументы сторон, какие элементы дипломатической риторики отсеивал, а каким удавалось воздействовать на его сознание. Сопоставляя показания дневника с официальными протоколами, мы лучше поймем и установки договаривающихся сторон, и сам процесс документальной фиксации переговоров.

Краткое описание Дуровичской комиссии дал С.М. Соловьев в 11-м томе своей «Истории России с древнейших времен»; пересказав основные условия сторон и изложив сопутствовавшие съездам военные действия, историк сделал акцент на бесплодности усилий дипломатов [Соловьев, с. 158–164]. Подробно изложил ход переговоров с привлечением русской и польской дипломатической документации З. Вуйцик [Wójcik, s. 156–190]. Б.Н. Флоря досконально изучил борьбу точек зрения на отношения с Польшей в русском правительстве и формирование и изменение русской позиции на переговорах [Флоря, с. 42–83]. Русские архивные источники о съезде многочисленны и разнообразны, включая указы и указные грамоты великим послам, их отписки о ходе протекания посольства и аналитические записки с предложениями курса действий, однако основное содержание переговоров представлено в объемном подневном отчете — статейном списке, который и станет главным объектом для сравнения с дневником Боуша¹. О содержании польских источников, которые включают переписку комиссаров с королем и сенаторами и протоколы переговоров, можно

¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101.

составить представление по книге З. Вуйцика. Отдельно следует назвать дневник одного из литовских комиссаров — Яна-Антония Храповицкого, несмотря на краткость, содержащего ряд важных для сопоставления с другими источниками данных [Chrapowicki, s. 489–524].

Одной из наиболее примечательных черт дневника Боуша является нарисованная в нем линия аргументации, выдвинутой польской стороной, которую мы и примем за отправную точку в нашем сопоставлении. Картина у него получается следующая. Ужасную, несправедливую и недостойную войну против Речи Посполитой царь начал без всякой уважительной причины, нарушив этим Поляновский договор о вечном мире. Другое нарушение договора царем состояло в том, что он принял под свою власть мятежных подданных Речи Посполитой — казаков. Польская же сторона совершенно невиновна в нарушениях договора и в делящейся войне (6 июня). Даже титулы царя в верующей грамоте не соответствуют Поляновскому договору (10 июня). Русская сторона должна вернуть все захваченные земли, вернувшись к поляновским границам, выплатить возмещение и сатисфакцию за пролитие невинной крови и ущерб земле, людям, городам и движимому имуществу (23 июня) (с. 198–199, 203–204, 391–394, 397–398).

Все эти моменты нашли отражение и в статейном списке русских послов, причем в более пространным и подробном изложении, чем в дневнике Боуша. Однако уже в этой части обращают на себя внимание некоторые несоответствия в показаниях источников, проистекающие из-за большей краткости дневника. Согласно статейному списку, требование «нагороды» (компенсации) за нападение на Речь Посполитую и произведенные разорения прозвучало из уст комиссаров уже 6 июня, хотя и не было тогда конкретизировано². Другое существенное расхождение состоит в том, что важный, как мы увидим, для дальнейших переговоров вопрос о правах на московский престол и царский титул, от которых Владислав IV отказался по Поляновскому договору, поднимался, как сообщает статейный список, 10 июня, о чем Боуш умалчивает³.

Далее (30 июня) в изображении Боуша комиссары применили следующую юридическую уловку: они дали русским послам на выбор, либо «признать действительными и соблюдать Поляновские

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 122 об.

³ Там же. Л. 162.

договоры», либо «отказаться от них и признать их совершенно ничтожными», без чего нельзя приступать к заключению нового договора. Если будет выбрано возвращение к Поляновскому договору, в нем можно будет «исправить (*corrigere*) некоторые пункты, которые, по их (русских послов. — *П.П.*) разумению, были нарушены»; в противном случае русская сторона должна освободить Речь Посполитую от клятвы и обязательств договора (с. 205, 398). Под исправлением условий имеются в виду, конечно, лишь небольшие, несущественные изменения: даже минимальные территориальные требования России в Дуровичах, включавшие Динабург, Смоленскую и Северскую земли, Левобережную Украину и Киев, никоим образом нельзя было бы представить как усвершенствование Поляновского мира. После многих отговорок русских, не желавших дать прямого ответа, 2 июля поляки потребовали у них ясного решения. «На это русские комиссары отвечали, что Поляновский договор был хорош, однако, не во всех пунктах», и обе стороны взяли было за некие «книжки», чтобы исправлять прежние «пакты», но тут русские переменили мнение и заявили, что следует заключить новый договор, не Поляновский, а Дуровичский. Довольные поляки ответили, что таким образом Поляновский договор аннулирован и они свободны от связывавших их клятв, и дипломаты перешли к обсуждению условий мира. Выслушав территориальные претензии царских послов, комиссары отвергли их, а со своей стороны заявили, что после совершившейся отмены Поляновского договора могли бы заявить притязания на все Русское государство и многие города и земли, от которых отказались в 1634 г. (с. 205–207, 399–400). В переводе Русаковского в этом фрагменте (с. 206) пропал оттенок условности, переданный сослагательным наклонением, в чем есть и наша вина как рецензента, упустившего этот момент. У читателя перевода может сложиться впечатление, что поляки действительно заявили указанные притязания, однако текст дневника не оставляет сомнений, что комиссары говорили лишь о такой возможности. Поэтому и не должно удивлять отсутствие возражений русской стороны на столь вопиющие заявления.

При сопоставлении этих данных со статейным списком мы убеждаемся, что уловка польских комиссаров с подтверждением или отменой Поляновского договора не была сюрпризом для русских послов, т.к. мы видели, что ее предвестники появились на переговорах еще 10 июня. Более того, послы сами вставили в статейный список объяснение, почему им невозможно было дать

полякам требуемое ими письмо об отмене Поляновского договора: именно потому, что это дало бы почву для «владиславовских» претензий польско-литовской стороны⁴. Само же появление этих претензий в речах комиссаров 2 июля не выглядит в статейном списке действительным требованием (и в этом совпадает с представлением этих претензий в дневнике Боуша). Оно больше похоже на горькую иронию комиссаров на несправедливость, с их точки зрения, московских запросов. Услышав максимальные территориальные претензии царя, «польские комиссары почали быть сердиты и в лицах переменялись», а когда русские послы объявили небольшую «поступку», комиссары «говорили, присмеиваясь», что послы поступают тем, что и так уже под властью короля (западной частью ВКЛ); когда же послы объявили следующую «поступку», то комиссары заявили: если послы объявляют такие «большие запросы», то и они, комиссары, могут просить «за свое разоренье по самую Москву и по Волгу»⁵. Слова русских послов в передаче Боуша, что Поляновский договор был хорош, но не во всех пунктах, не находят подтверждения в статейном списке, да и странно было бы услышать такое заявление от дипломатов, имевших поручение добиваться территориальных уступок, далеко превосходящих потерянное в Смутное время. О мире 1634 г. русские послы не раз заговаривали на съездах, но контекстом всегда были обвинения польской стороны в его нарушениях, приведших к войне (что отмечает и Боуш). Верное соблюдение договора представлено как положительная ценность, однако его условия, а именно, уступка Смоленска и других земель, послами не одобрялась и была названа вынужденной⁶.

Возвращаемся к дневнику Боуша. 5 июля поляки дали ответ на территориальные притязания царя. То, что на предыдущем заседании было высказано как возможность, на сей раз было представлено как действительные требования. Комиссары потребовали отдачи земель, от притязаний на которые Речь Посполитая отказалась по Поляновскому договору, реституции всего завоеванного царем в нынешнюю войну, а также десять миллионов рейхсталеров репараций. Кроме того, для короля Яна-Казимира они заявили претензию на царский титул, от которого отказался его брат, и права на

⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 364 об. – 365 об.

⁵ Там же. Л. 372 об. – 376.

⁶ Там же. Л. 109–110 об., 310 об.

все Русское государство. Боуш комментирует: «Это далеко идущее требование понравилось нашим столь же мало, как польским наше, так что начался горячий спор» (с. 207–208, 400–401). В результате стороны пошли на некоторые уступки, которые, однако не продвинули дело мирного постановления, что вынудило дипломатов отложить дальнейшие переговоры до получения дополнительных инструкций. Если сравнивать изложение Боуша со статейным списком, видно, что основные тезисы сторон и изменение их позиций отражены переводчиком верно, но в очень сжатом, конспективном виде. Им опущены ссылки польской стороны на предложения русских дипломатов на предшествующих переговорах и ставшие впоследствии лейтмотивом угрозы татарским и шведским союзом, долженствовавшие побудить русскую сторону к дополнительным уступкам⁷.

После возобновления переговоров польские комиссары, по Боушу, продолжили вести аргументацию в том же юридическом ключе, что и до перерыва. 8 августа претензии комиссаров состояли в том, что русские войска нарушали договор о дипломатической неприкосновенности посольства, а также в том, что один из русских послов, кн. Ю.А. Долгоруков, вопреки тому, что в этом качестве присягнул стремиться к миру между двумя потентатами и их государствами (Россией и Речью Посполитой), принял должность генерала и ведет себя как враг, проливающий невинную кровь (с. 210–211, 404–405). В записи за этот день у Боуша пропала целая тема татарского союза и требования польских комиссаров включить крымского хана в мирное соглашение⁸. В остальном изложение дневника соответствует статейному списку, хотя, как обычно, сильно сокращено.

На следующем заседании 13 августа Боуш отмечает любопытную подробность: на предложение поляков (заклЮчить перемирие на 8 месяцев, вернув Речи Посполитой все захваченные земли и оставив до конца перемирия под властью царя лишь Смоленск и Северские города) «русские ни словом не ответили... но вели себя так, словно они об этом забыли или вовсе ничего не поняли» (с. 212–213, 406). Статейный список резко этому сообщению противоречит. Согласно его тексту, именно послы предложили заключить перемирие, если невозможно достигнуть мира, но польские

⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 390 об. – 391, 403.

⁸ Там же. Л. 466–467.

комиссары ответили на это отказом. Более того, на этом съезде поляки еще ни под каким видом, даже под маркой временного залога, не соглашались на территориальные уступки⁹. Идея о кратком перемирии с оставлением до его истечения за царем Смоленска и Северной земли в статейном списке появляется только на заседании 17 августа¹⁰. Вуйцик в этом вопросе следует за статейным списком, а это значит, что польские источники здесь не противоречат русским [Wójcik, s. 183–184, 186]. В дневнике Храповицкого также упоминается о кратком перемирии, Смоленске и Северной земле под 27 (т.е. 17 по старому стилю) августа [Chrapowicki, s. 516]. У самого Боуша под 17 августа это условие повторено (с. 214, 408); при этом запись под этим числом не обнаруживает значимых расхождений со статейным списком. Это означает, что в силу ошибки либо припоминания, либо использования черновых заметок, переводчик поместил соответствующий фрагмент сообщения 13 августа не на надлежащее ему место.

Запись о заседании 20 августа слабо соответствует показаниям статейного списка. Переводчик посвятил основную часть статьи операциям армии Долгорукова в Литве, вкладывая рассказ об этом в уста комиссаров. Затем он перешел к вопросу о безопасности польского посольства и завершил статью сообщением о том, что комиссары передали послам «пункты» с мирными условиями (с. 215, 408–409). Только последняя тема совпадает с представленной в статейном списке картиной, остальная же часть протокола в нем посвящена другим вопросам: переписке комиссаров с королем об условиях мира, политическим событиям в Литве и др.¹¹. Особенно ярко следующее расхождение: Боуш говорит, что послы хотели отвечать на «пункты» 23 числа, но из-за других разговоров это не совершилось (с. 215, 409); в посольской книге говорится об ответе на «статьи» уже 20 августа.

Съезд 23 августа вновь изложен в обоих источниках без непримиримых противоречий. Основным его содержанием было обсуждение условий, на которых Смоленск и Северская земля могли остаться за царским величеством: за какую компенсацию от царя Речи Посполитой и только до сейма или навечно. Детали споров отличаются и, как обычно, польская позиция в дневнике пред-

⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 487–490.

¹⁰ Там же. Л. 505 об. – 506.

¹¹ Там же. Л. 512–520.

ставлена гораздо подробнее российской, однако смысловой каркас обоих сообщений совпадает (с. 215–216, 409–410)¹². Следует отметить, что ни дневник, ни статейный список не зарегистрировали пространной речи А.Л. Ордина-Нашокина, пытавшегося убедить комиссаров в выгодах союза с Россией [Wójcik, s. 187].

Под 30 августа Боуш пересказал, и достаточно точно, письмо послов комиссарам, однако опустил упрек, что польская сторона отвергла миротворческие усилия других христианских государей, хотя другие упреки, в том числе констатация, что благодаря союзу с Крымом поляки «совершенно отделились от всех христиан» изложены верно (с. 217–218, 411)¹³.

1 сентября польские комиссары прислали русским послам ответ на это письмо, написанный, по характеристике переводчика, «весьма насмешливо и изящно» (с. 411). Согласно статейному списку, этот ответ был получен послами 31 августа. «Насмешливость и изящность» письма состояла в повторении не раз оглашенных на переговорах обвинений русской стороны в нарушении Поляновского мира и отказе от мирных предложений поляков из-за гордости; «вы христиания пуще бусурман стались», о вас «во всех народах идет такая слава, что ни одного договора не додерживаете, ломаете ради похотей своих». «Обращаете ли народ, у которого не потеряли есте веры?!» — вопрошали послов комиссары¹⁴. Весь обширный мемориал риторически выдержан в духе приведенных фраз. Как мы видим, подобная риторика произвела благоприятное впечатление на Боуша, что лишний раз подтверждает правоту Русаковского относительно симпатий переводчика к Польско-Литовскому государству [Русаковский, с. 28].

Редкий случай, когда изложение Боуша оказывается в чем-то подробнее, чем в посольской книге, наступил 2 сентября, когда большая часть заседания была посвящена отповеди комиссаров на письмо послов 30 августа, полное «многих и безчестных и поносных слов». В статейном списке речь комиссаров передана кратко, с упором на вынужденность татарского союза¹⁵. Боуш же излагает ее весьма пространно, воспроизводя и отсылки к Евангелию, и приводимые дипломатами исторические примеры, и обличения несправедливых действий русской стороны. В нарисованной

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 528–539.

¹³ Там же. Л. 548 об. — 557 об.

¹⁴ Там же. Л. 558–571.

¹⁵ Там же. Л. 572 об. — 575.

переводчиком картине русские представители совсем стушевались перед этим напором, однако в статейном списке приведены их возражения на аргументы комиссаров (с. 218–220, 412–413). Думается, отмеченное Боушем уклонение послов от «богословского спора» можно объяснить не растерянностью опытных дипломатов, среди которых были такие знатоки церковной книжности, как кн. Н.И. Одоевский и А.Л. Ордин-Нащокин, а их желанием оставить разговор в сугубо прагматическом русле.

Съезд 5 сентября изложен в обоих источниках без серьезных разночтений, если не считать упомянутого переводчиком минимального срока перемирия, при котором возможны территориальные уступки со стороны царя: 5 лет. В статейном списке сказано: «10 лет и меньше». Вполне вероятно, что в ходе разговора из уст кого-то из послов мог проскочить и названный Боушем интервал (с. 220, 414)¹⁶.

Статьи под 9 сентября, напротив, сильно расходятся в дневнике и в статейном списке. Если русское предложение компенсировать Речи Посполитой территориальные уступки тремя миллионами золотых передано верно, то с почетными подарками лично комиссарам появляются сложности. Согласно статейному списку, им было предложено соболей на 3 тыс. руб.¹⁷ Боуш же пересчитал эту сумму на 1 500 рейхсталеров (с. 221, 414). Однако самое сильное расхождение начинается в ответе поляков. В дневнике «комиссары поблагодарили весьма презрительно и соизволили объявить, что, если Его Царское Величество вернет польской короне и Великому Княжеству Литовскому все завоеванные города и утвердит достохвальный вечный мир без ущерба и убытка для республики, то тогда и им придутся впору соболя, предложенные Его Царским Величеством, на добрую память о высоком государе, склонившемся к христианскому и справедливому миру, хотя их личные траты и убытки, понесенные в этой войне, совершенно не окупаются этими соболями» (с. 221, 415). В статейном списке в ответе комиссаров слышна еще большая насмешка: «А что-де они, великие послы, обещают им, комиссаром, великого государя жалованья на 3000 тысячи¹⁸ рублей соболей, и они-де государства своего не продают и соболи им не надобны. А буде-де они, великие послы, учинят с ними, ко-

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 594 об. – 599.

¹⁷ Там же. Л. 613 об.

¹⁸ Так в тексте. Очевидно, речь идет просто о 3000.

мисары, вечной мир по Поляновскому договору, их им все отдадут, и они-де, комиссары, хотя люди разоренные, им, великим и полномочным послом, дадут от себя в почесть: воевода Вербовский и референдарь 2 000, Юрьи Глебович 3 000, а Храповитцкой, и Лидуховской, и Кожуховской по 1 000 золотых червонных»¹⁹. Естественно объяснить указанное несоответствие ошибкой Боуша, поскольку послы ничего не выигрывали от своей версии. Описание последнего съезда 10 сентября у Боуша предельно кратко и не дает пищи для сопоставления.

Если принять за верное приведенные выше истолкования различий как ошибок Боуша, они складываются в любопытную систему. Как мы видели, более точные и менее точные подневные записи чередуются в его дневнике с некоторой нестрогой периодичностью. Это впечатление требует дальнейшей проверки, но если оно верно, то можно связать его с гипотетическими особенностями создания дневника на основе записей-конспектов и личных воспоминаний автора. Вероятно, он делал пометки не ежедневно, а с какой-то периодичностью, вследствие чего более близкие к моменту записывания события отражались точнее, а более отдаленные — с большим количеством искажений, стяжений и скороговорок. Расхождения дневника и статейного списка демонстрируют и одну их общую черту, которая достаточно очевидна, но которую при этом легко упустить из вида. Она состоит в том, что ни тот, ни другой источник не являются стенограммами переговоров — это пересказы, составившиеся спустя какое-то время и компоновавшие события в различном порядке в соответствии со своими задачами.

Параллельно с этим нужно принять во внимание одну характерную черту переговоров в Дуровичах, на которых не менее важную роль, чем устные беседы уполномоченных, играл письменный обмен мемориалами между ними. Боуш, несомненно, был гораздо больше вовлечен в работу с польскими письмами, которые переводил, чем с письмами послов, которые направлялись противной стороне без перевода. Однако одним этим обстоятельством нельзя объяснить более четкое и объемное представление в дневнике польской позиции, чем аналогичных высказываний русских дипломатов, т.к. автор обнаруживает хорошее знание и целого ряда

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 615 об. — 616. В рукописи ошибочно «Можуховской».

русских мемориалов. По моим подсчетам, если на долю русских послов (пересказ речей и изложение писем с выражением переговорной позиции) приходится около 2 200 слов, то на аналогичные высказывания польской стороны – около 3 900 слов, причем если в первые дни еще соблюдается примерное равенство, то с течением времени эта диспропорция нарастает. Едва ли причиной такого перекоса могло быть что-либо иное, кроме личных симпатий автора к польско-литовской стороне и солидарности с развиваемой ею аргументацией. В последнем случае трудно отделить согласие с фактами, которыми оперировали комиссары в своем упоре на зле, причиненном Речи Посполитой царскими войсками (а в своем авторском тексте Боуш нередко возвращается к жестокостям русских армий), от симпатии к самому методу аргументации, основанному на формально-юридическом подходе и ощущении незыблемости международно-правовых норм. При таком подходе стремление русских послов исходить из военно-политических реалий и строить отношения на основе актуального баланса сил должно было вызывать у наблюдателя некоторое неприятие.

И все же последнее наблюдение не следует абсолютизировать. У читателя дневника Боуша может сложиться впечатление, что польская сторона, обосновывая свою неуступчивую позицию, настолько часто ссылалась на Поляновский мир и другие заключенные соглашения, что эти требования следовать международной законности начинали звучать едва ли не издевательски. Это впечатление, однако, было бы ошибочным.

С самого начала переговоров обе стороны не упускали случая ставить на вид своим визави любые неблагоприятные моменты. Только за последнюю декаду мая, согласно статейному списку²⁰, комиссары успели несколько раз упрекнуть послов в «проволоке» и опоздании на съезд (л. 22, 29 об., 31 об., 44 об.), нарушении безопасности дипломатов со стороны русских войск (л. 30, 32, 33–33 об.), нанесении бесчестья комиссарам и Речи Посполитой (л. 32), убийстве могилевского купца под Красным (л. 30–30 об.). Русские послы отбивались, отрицая нематериальный ущерб («проволоку», вина за которую падала, по их словам, на польско-литовскую делегацию, и бесчестье – л. 37–38) и перекладывая ответственность за материальный (убийство купца) на противоположную сторону (л. 41 об. – 42). Отметим различие в подходе к частным правона-

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 22–73 об.

рушениям в зоне переговоров: если комиссары представляли такие случаи (убийство купца) как нарушение договора о безопасности съездов, то послы информировали своих визави об аналогичных происшествиях в рамках обычной пограничной расправы (63–63 об.), не видя в них нарушения международных договоров.

Во многом такой способ ведения дел был предопределен традиционной техникой ведения переговоров в рассматриваемом культурном ареале, предполагавшей неуступчивость, обусловленную вполне прагматическими резонами торга об условиях искомого соглашения. Это не означает, что дипломаты с холодной головой изображали недовольство и возмущение. Во время съездов страсти кипели вполне искренне. Переход на крик не был чем-то необычным [Chrąrowicki, s. 500]²¹; Боуш это тоже подмечает (с. 199, 393). Сторонам удавалось вывести противника из себя. Например, в одном месте статейного списка отмечено, как комиссары, услышав особенно неприятные слова, «почали быть сердиты и в лицах пременились»²². Боуш ценен тем, что подмечает такие реакции, если их пропускают официальные бумаги. Недовольство противоположной стороной иногда прорывалось наружу. Русские послы сетовали на «безмерную гордость» [Флоря, с. 62], «безмерство и неприступанье к доброму делу» поляков²³. Храповицкий, один из комиссаров, однажды, не выдержав, охарактеризовал в дневнике русских дипломатов как варвараров, а их речи назвал баснями [Chrąrowicki, s. 522].

Конечно, свою роль в этих конфликтах играли и виды правительств и полномочия посольств. Весь июнь комиссары провели, не имея официальных инструкций, а потому вынуждены были под разными предлогами затягивать переговоры. Получив же наказ 2 июля, комиссары Речи Посполитой обнаружили, что король и его советники, с обычным для них оптимизмом рассчитывая на успешный ход военных действий, инструктировали их затягивать переговоры и не идти на уступки, пока ситуация не изменится в пользу Речи Посполитой. Единственная допустимая уступка, предусмотренная наказом короля от 30 июня (н. ст.), заключалась в том, чтобы позволить русской стороне сохранить Смоленск и Северскую землю в течение нескольких месяцев, пока будет действо-

²¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 404.

²² Там же. Л. 372 об.

²³ Там же. 1663 г. № 13. Л. 204.

вать перемирие на время сейма [Wójsik, s. 167–169; Флоря, с. 67]. Как мы видели, эту уступку комиссары огласили лишь 17 августа, практически под самый конец переговоров.

Русские комиссары, при всей своей риторике придирок, на деле рассчитывали на быстрое заключение мира (эту особенность мимоходом подметил и Вуйцик, констатировавший, что резкий и агрессивный тон одного из писем послов к комиссарам не мешал русским представителям провозглашать миролюбие своих намерений [Wójsik, s. 170]), поэтому почти все возможные уступки огласили уже на 9 съезде 5 июля, надеясь на то, что в ходе торга будут объявлены и уступки противоположной стороны²⁴. Этого, однако, по обрисованным выше причинам не произошло [Флоря, с. 66]. Ничего из приведенных обстоятельств, конечно, не было известно Боушу, не допущенному к тайной дипломатической кухне, и он воспринимал риторические упражнения сторон буквально.

Испытанных же дипломатов трудно было удивить вербальной агрессией. Общее отношение сторон определялось не этим, а стоявшими перед ними целями. Если обе стороны стремились к миру, в итоге, несмотря на любые придирки, они поворачивали разговор в примирительное русло. Боуш не прочувствовал этого, потому что кипящие эмоции на переговорах не были игрой. Дипломатами руководили два конфликтующих императива: с одной стороны, необходимость отстаивать выгодные для своей страны условия, что приводило к столкновениям; с другой — устремление к конечному мирному урегулированию, диктовавшее умеренность и склонность к компромиссу.

В свете сказанного очевидно, что дневник Боуша — источник пристрастный, временами односторонний. Однако объем статьи позволил проанализировать лишь наиболее характерные расхождения дневника и статейного списка. Содержание свидетельских показаний переводчика о русско-польских переговорах 1664 г. гораздо шире, и исследователю, который взялся бы писать историю Дуровичского съезда, нельзя будет обойтись без их привлечения.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 101. Л. 398–405.

Литература

- Дневник переводчика Посольского приказа Кристофа Боуша (1654–1664): Перевод, комментарии, немецкий оригинал / сост. и науч. ред. Олег Русаковский. М., 2024.
- Русаковский О.В.* Дневник переводчика Посольского приказа: автор, контекст, жанр // Дневник переводчика Посольского приказа Кристофа Боуша (1654–1664): Перевод, комментарии, немецкий оригинал / сост. и науч. ред. Олег Русаковский. М., 2024. С. 11–51.
- Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. М., 1991.
- Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
- Chrapowicki J.A.* Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa, 1978.
- Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 r. i jego geneza. Warszawa, 1959.

Этнические группы и языки-посредники в Сибири конца XVI—XVII вв.

Русские летописи отмечали, что население Сибири отличалось большим этническим разнообразием. По выражению Есиповской летописи, уже в Западной Сибири в бассейне р. Оби жили «мнози языцы»¹. Как сообщает Строгановская летопись, в Сибири жили «разные же многие языцы: татары, остяки, калмыки, самоед, Пегая орда, и ины многие незнаемые языцы — кийждо собою властвоваху»². По данным Хронографической повести, написанной в середине XVII в., «В том же Сибирском царстве живут люди розноязычни: первые — татаровя, таже — вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты, мундуки, шияляги, гаритили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, саянцы, чаландасцы, камасирцы и иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве»³. Всего автор Хронографической повести отметил в Сибири 17 народов: «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17. А от разделения язык си языцы, како нарицалися, сего не вем, да и сами не ведают же, по своим языком писмен не имут»⁴. Правда, далее автор сообщал, что татары Сибири и калмыки имели письменность.

Из Тобольска, который к 1600 г. стал центром особого Тобольского разряда и главным городом русской Сибири, направляли посольства в южные и восточные государства ойратов, монголов, маньчжур, казахов, Бухару, Хиву, и далекий Китай. В конце XVI в. во время строительства новых русских крепостей по р. Волге южнее Казани остро встал вопрос о толмачах в новых гарнизонах. В 1587 г. строитель города и воевода Самары князь Григорий Засекин после переговоров с знатью ногаев писал царю Федору Ивановичу: «а толмачей, государь, и переводчик татарской и вожов у меня, у холопа государева, нету. Кому вожжей дати черес... для

¹ ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 45.

² Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 126.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 50.

твоих государевых дел, и ты, государь, мне холопу своему о том, как укажешь» [Дубман, с. 149].

Однако русские в Сибири довольно быстро решили проблемы, связанные с таким разнообразием языков. Выходцы из народов, ранее вошедших в состав Русского государства, часто были толмачами при контактах с близкими им по языку народами Сибири. В конце XVI–XVII вв. в гарнизонах южных городов Сибири, в уездах которых преобладало тюркское население, толмачами часто служили татары, пришедшие с русскими служилыми людьми с запада, в частности, из Казанского края. 8 ноября 1608 г. из Томска – города на юге русских владений по р. Оби, воеводы Василий Волынский и Михаил Новосильцев отправили «в новую землю в Маты» с отрядом казаков «в толмачах казацкого татарина Багулка». В тот же день в другую «новую землю» к «маторским людям» из Томска воеводы послали казаков «да в толмачах казацкого татарина Алебикаго»⁵. В июле 1624 г. воеводы Томска отправили в Киргизскую землю казаков Василия Анисимова и Дмитрия Поликарпова «да в толмачах» Янсарка татарина⁶. В 1625 г. воеводы Томска послали к тайше белых калмыков Абаку в качестве посланника «толмача казанского татарина Янсарка», которому удалось договориться о восстановлении отношений⁷. В 1638 г. Янсарко Бегичев в качестве толмача ездил в посольстве Еремея Степанова к Абаку князюцу белых калмыков, а в 1642 г. был опять послан из Томска к енисейским киргизам [Бояршинова, с. 105]. В 1672 г. в Кузнецком остроге служил городовым татарским толмачом Иван Савинов, за которого «руку приложил» его брат – сын боярский Евтихий Савинов⁸. Кузнецкий сын боярский Евтихий Савинов, по данным его «скаска», был сыном выехавшего в Москву крымского татарина, который 30 лет служил городовым толмачом в Кузнецком остроге, а потом стал головой служилых татар уезда [Каменецкий, с. 284]. К 1688 г. в Кузнецком остроге служил кроме татарского толмача Ивана Савинова, и «калмыцкого языка толмач» Якушка Турузун, которые ездил по заданию воеводы в 1687 г. в Киргизскую землю «для проведывания вестей»⁹.

⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 2005. С. 413, 414.

⁶ Материалы по истории Хакассии XVII–XVIII вв. Абакан, 1995. С. 39.

⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 1941. С. 320.

⁸ Первое столетие освоение Сибири русскими. Новые документы. Томск, 1999. С. 23.

⁹ Материалы по истории Хакассии XVII–XVIII в. Абакан, 1995. С. 39.

В городах Сибири воеводы привлекали для перевода сотни представителей местных этнических групп, прежде всего служилых татар, находившихся на русской службе. В Тобольске для устного перевода кроме настоящих толмачей для разных дел воеводы направляли и служилых людей для временной работы «в толмачах». В этом качестве особенно часто посылали служилых татар. В списке Тобольска 1633 г. после информации о дальних походах и «посылках» служилых людей в остроги, на заставы, на Тару, Тюмень, в города Восточной Сибири, в Москву и т.п. сообщается: «которые служилые люди» и юртовские служилые татары оставались в Тобольске, и «те посылаемы в розные мелкие посылки», в том числе «на государевы рыбные ловли... в приставах и в толмачах»¹⁰. Служилые татары Сибири защищали земли уездов и участвовали в военных походах из городов края. З.А. Тычинских отмечала, что служилые татары часто выполняли дипломатические поручения воевод [Тычинских, с. 30–38]. В 1633 г. в городах Тобольского разряда всего «служило 2717 человек всяких служилых людей и татар». При этом в южных городах Тобольского разряда — Тобольске, Тюмени и Таре — к 1633 г. имелось 379 человек служилых татар, а также 252 человека их родственников и захребетных татар, которые были не в службе¹¹.

В Томском городе, который с 1629 г. стал центром Томского разряда, особое положение занимали около 200 чел. князца Тояна «томских юртовских служилых и всяких татар», которые были освобождены от ясака по указу Бориса Годунова. Из этой группы татар на государеву службу и отъезжие караулы набирались 60 чел., другие служили подводную и судовую службы. В Томском уезде, в двух днях конного пути от Томска, жили чатские мурзы и татары, из которых 70 чел. служили «государеву службу» [Бояршинова, с. 106]. В первые десятилетия служилые татары Томского уезда служили без государева жалования. В 1633 г. первые 32 чел. чатских мурз и татар получили в оклады государево жалование. В Томском уезде, «томские и чатские служилые татары использовались в качестве толмачей-переводчиков при общении царских служилых людей с сибирскими народами, в посольствах, направляемых из Томского города в соседние государства» [Бояршинова, с. 105].

¹⁰ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 28.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 58.

Томский татарин Бехтунка Бегичев был в 1626 г. верстан в конные казаки Томска, исполняя обязанности толмача.

В городах Тобольского разряда — особого военно-административного округа, в котором до 1629 г. находились все русские владения в Сибири, а позднее, когда был выделен особый Томский разряд, большая часть уездов Западной Сибири, толмачи относились к особой группе обротчиков/оброчников, выполнявших различные службы по городу. Кроме толмачей, в обротчиках служили также пушкарки, воротники, затинщики, казенные кузнецы и т.п. Обротчики, ружники — представители духовенства, получавшие особое довольствие — ругу, а также служилые люди составляли в городах Сибири основные группы «жалованных людей», тех, кому государство должно было платить жалование. Н.Н. Оглоблин отмечал, что этих «оброчников» надо отличать от жилецких «оброчных» людей — крестьян, посадских людей, которые платили в казну «оброки». Представители этой особой группы «жалованных людей» Сибири «оброчились» казне — получали особые «дачи» и т.о. «служили по найму и договору, а не за установленные оклады жалования как служилые люди» [Оглоблин, с. 113]. Надо отметить, что на практике различие между этими обротчиками и другими группами служилых людей в Сибири не было значительным [Никитин, Леонтьева, Солодкин].

К 1633 г. в городах Тобольского разряда служили 56 человек обротчиков, из которых имелось всего семь татарских, остяцких, вогульских толмачей¹². Позднее количество толмачей в городах Тобольского разряда увеличилось. В 1669 г. воевода Петр Годунов доносил государю, что в Тобольске и городах Тобольского разряда служат 17 толмачей, которые получают оклад в 114 руб., а пушкарей и затинщиков только в Тобольске 15 человек, а в городах — 36 с окладом в 250 руб. Толмачи, пушкарки и затинщики получали 447 четей хлебного жалования¹³. Воевода П.И. Годунов отмечал, что ранее калмыцкого языка толмачей в Сибири было мало, а переводчиков калмыцкой грамоты вообще не было. По его данным, в служилые люди и обротчики ранее воеводы Сибири верстали и посадских людей и крестьян на большие оклады. Годунов решил «перебрать» служилых людей и обротчиков — толмачей и пушкарей, верстаных «в большие оклады» из рядовых казаков, посадских людей

¹² РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 58,

¹³ Там же. Кн. 535. Л. 248–249.

и крестьян, оставив на службе только тех, кто согласен служить с малым денежным окладом и без хлебного жалования «с пашни». В результате из окладов толмачей городов Тобольского разряда воевода взял 42 руб., 50 четей ржи и 50 четей овса.

Характерно, что в 1660-е гг. воеводы края стремились организовать обучение восточным языкам. Воевода Тобольского разряда в 1667–1669 гг. стольник Петр Годунов организовал обучение небольшой группы «охотников» русской грамоте и восточным языкам — татарскому и калмыцкому, крайне нужным в Сибири. Воевода велел учиться татарской и калмыцкой грамоте даже у послов из калмыцких улусов, находившихся в Тобольске. В результате «ученье приняли» восемь человек, получавших во время обучения по 2 деньги на день человеку. Ученики дали воеводе «поручки», что будут учиться «с великим прилежанием»; в противном случае кормовые деньги и пеню надо было взять на поручителях¹⁴.

По данным И.П. Ермолаева, в Казанском крае должность толмача «была очень заметной в структуре административного аппарата и влиятельной среди приказных людей и населения». Историк полагал, что толмач XVII в. был не только переводчиком, но и юристом, толкователем законов и даже вел «пропагандистскую работу среди населения» [Ермолаев, 1982, с. 140]. А.В. Малов и О.С. Смирнова отмечали на основании отписки из Тобольска в Туринский острог, что в Сибири «в жалобах ясадного населения толмачи занимают то же место, что в европейской России в жалобах русских тяглых людей занимали приказные люди (дьяки и подьячие)» [Малов, Смирнова, с. 216]. В городах востока Русского государства официальные толмачи служили в приказных избах, входили в ближайшее окружение воевод и играли важную роль в управлении уездов, являясь посредниками в отношениях между воеводами и местным населением. Головы татарские и толмачи производили суд «в малых делах» над служилыми татарами [Путеводитель, с. 60]. Большие права официальных толмачей по отношению к местным группам населения приводили к взяткам и т.п. явлениям. Первый архиепископ Сибири Киприан писал царю Михаилу Федоровичу, что «сибирские воеводы выбирают толмачей по себе, для своего пристрастия, и всякое насильство и продажи делаются от толмачей вместе с ними; татары, вогулы и остяки бьют

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 249–250.

челом воеводам и приводят новых толмачей, но воеводы последних не принимают и старых не отставляют» [Буцинский, 1999, с. 245].

В 1630 г. в Тобольске официальным татарским толмачом служил только один человек, поэтому «в толмачах» администрации приходилось направлять и других служилых людей, особенно часто служилых татар города¹⁵. В конце XVII в., когда в Тобольске служили официально уже 10 толмачей, даже в далекие посольства воеводы часто направляли «в толмачах» служилых татар города. В 1692 г. из Тобольска с посланником в Казачью орду с сыном боярским Андреем Неприпасовым послали «для толмачества» служилого татарина Елючка Шеманаева. В 1694–1696 гг. в посольстве казаков Федора Скибина и Матвея Трошина из Тобольска в Казачью орду к хану Тауке ездил «для толмачества» тобольский служилый татарин Уразайка Чачканов¹⁶.

В толмачах часто служили представители местных сибирских народов, переходивших на службу в гарнизоны городов, приняв крещение — «новокрещены». В 1600 г. башкиры одной из волостей Уфимского уезда просили от воеводы Уфы Михаила Нагого дать им для поездки в Тюмень толмача или «новокрещена добра, с кем им ехать в Тюменский город бити челом о сыску, а без толмача де ехать не смеем, што им из Тюмени грозят всегда войной»¹⁷. В 1615 г. в Томске служил толмачом «Лучка новокрещен», посланный с томскими казаками «в Киргискую землю» для приведения к шерти киргизских князцов¹⁸. В 1617 г. из Тарского уезда в Москву с атаманом Василием Тюменцем «с товарищи» ездил толмач Тары Лунка новокрещен, а в 1618 и 1620 гг. — толмач Алексей Масалитин [Малов, Смирнова, с. 227]. В 1622 г. в отписке тобольского воеводы Матвея Годунова упоминается толмач Кузнецкого уезда «Васька новокрещен», отправленный «для вестей» в Абинскую волость¹⁹. В 1684 г. томский воевода кн. Андрей Кольцов-Масальский сообщил в Сибирский приказ, что ранее послал для переговоров с князцом киргиз Ереняком сына боярского Ивана Вербитского «да толмача Ивашка Васильева сына татарина»²⁰. Томский род служилых

¹⁵ Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 4. М., 1849. С. 48.

¹⁶ ДАИ. Т. 10. С. 375–385.

¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 158.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 435.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 282.

²⁰ Там же. С. 182.

людей Канаевых происходил от новокрещена из татарской знати (по одним данным – сына Кучума царевича Каная, а по другим – родственника князя телеутов Коки). В конце XVII в. представитель рода Василий Канаев, долгое время торговавший с телеутами, был назначен толмачом Томска [Люцидарская, с. 28].

В 1661 г. приказчик Катайского острога Илья Бакшеев сообщал верхотурскому воеводе стольнику Ивану Камынину, что в остроге нужен свой толмач, «а толмача в Катайском остроге нет, толмачить некому, а по-татарски говорить умеет катайской беломесной казак Тришко Панкратьев новокрещен». Приказчик отмечал, что новокрещен Т. Панкратьев «без указу великих государей и без вашей верхотурской памяти не толмачит, потому что он служит рядовую службу с катайскими казаки; и вы о том как укажете»²¹. Поступление в толмачи принявших крещение представителей народов Сибири было распространенной практикой на протяжении всего XVII в. В 1698 г. в Селенгинском остроге служили толмачи Петрушка Киргиз и Гурка Уразов, фамилии которых говорят об их тюркском происхождении [Ионин, с. 219].

Ясачные люди Сибири стремились добиться назначения толмачом своего человека. Так в 1648 г. в Томске во время выступления против воеводы кн. О.И. Щербатого они особо требовали сменить в городе толмача. В сентябре 1648 г. по челобитной «остяцких князцов», ездивших в Москву в делегации сына боярского Ф. Пушина, толмачом Томска назначили члена делегации новокрещена пешего казака Дмитрия Тихонова. Воевода кн. Щербатов называл толмача сторонником бунтовщиков и говорил, что он «ис кабацкой избы ярышка». Н.Н. Покровский полагал, что новый толмач имел значительный авторитет среди ясачных людей [Покровский с. 143, 190].

От деятельности толмача зависели и ясачные люди, и служилые люди. 18 декабря 1681 г. оленные тунгусы Охотского острога, сообщили, что в 1680 г. ходили в Якутский острог для передачи челобитной, по которой они могли платить ясак в мае. Толмач Якутского острога Иван Савин разрешил им перенести платеж ясака на май месяц. 8 мая 1682 г. тунгусы принесли ясак и обратились к приказному человеку казачьему пятидесятнику с вопросом, знал ли воевода И.В. Приклонский о словах Ивана Савина, или это было решение толмача, объяснив, что не знают русский язык. На этот раз речи тунгусов перевел другой толмач – Петр Нарымский [Ионин, с. 112–113].

²¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 546.

8 мая 1682 г. оленные тунгусы обратились с челобитной к царю Федору Алексеевичу с просьбой оставить в Охотском остроге толмача Петра Никитина сына Нарымского, который с февраля 1682 г. сидел в остроге «на приказе» и затем по заданию воеводы получил приказ с казной из острога идти в центр уезда – Якутский острог. В челобитной, поданной воеводе Якутского уезда Приклонскому, ясачные люди писали, что приказные люди острога, не зная языка и родства тунгусов, не могут без толмача менять аманатов и чинить «расправы в обидах и налогах». К Охотскому острогу были приписаны 30 тунгусских родов, от которых в остроге сидели 70 аманатов. Должность толмача иногда становилась началом для карьеры служилого человека. В 1684 г. казак толмач Петр Нарымский упомянут в качестве приказчика Охотского острога [Ионин, с. 112–113].

Толмачи Тобольска комплектовались главным образом из новокрещенов – представителей сибирских народов. По данным окладной книги Тобольска 1630 г., толмач Андрей Кулушаров с окладом в 13 руб. отмечен под началом татарского головы Федора Елагина. По данным списка 1633 г. в городе служили уже три толмача²². Позднее в 1638 г. в списке отмечалось, что двое толмачей были татарских, а один – с остяцкого языка.

В XVII в. в Тобольске возникла династия толмачей Чекеевых. Толмач Федор Чекеев был принявшим крещение татаринном. В 1625 г. в «книге записной калмыцким посланцом» Тобольской приказной избы отмечен новокрещен Оверка Чекеев [Полонский, с. 94]. В 1630 г. Оверка Чекеев служил в Тобольске в казаках новокрещеного списка. Позднее представители рода Чекеевых служили в новокрещеном списке Тобольска [Дурынин, с. 52]. В 1642 г. в Тобольске в толмачах служили Федор Чекеев с окладом в 13 руб., Дмитрий Конаков с окладом в 9 руб. с четью, Савва Савельев 6 руб. В 1660 г. в Тобольске служили пять толмачей, из которых трое переводили с татарского, один с остяцкого, появился и калмыцкий толмач. В 1661 г. служили татарские толмачи Григорий Яковлев, Тимофей Чекеев, Лука Кизылов, остяцкий толмач Савва Савельев. В списке 1664 г. отмечены татарские толмачи Гришка Яковлев, Омелка Чекеев, Ивашко, Петрушка, Ивашка ж, Васька Тимофеевы дети Чекеевы, остяцкой толмач, Савка Савельев, калмыцкой толмач Богдашка Неустроев²³.

²² Тобольск. Материалы для истории города... С. 27.

²³ РГАДА. Ф. 214. Ст. 1312. Л. 176.

Другой династией толмачей Тобольска стала семья Енбаевых, из казаков новокрещенов. Казаки новокрещеного списка были выходцами из разных этносов Сибири, в Тобольске — главным образом, из сибирских татар. Однако уже дети и внуки новокрещенов говорили на русском языке и могли знать татарский язык недостаточно для работы толмача. Служилый человек Василий Енбаев много лет служил в Тобольске в новокрещеном списке. В 1660 г. его сын Кирилл Енбаев был по разбору воеводы Тобольска боярина кн. И.А. Хилкова взят в рейтары из неверстанных казачьих детей. После 1667 г., когда полк рейтар был распущен воеводой П.И. Годуновым, Кирюшка Енбаев бил челом, чтобы его «велели поверстать... в толмачи» на место Никиты Караганова [Дурынин, с. 53]. Кирилл Енбаев писал в челобитной, что его отец Василий служил в Тобольске в новокрещеном списке более 40 лет на многих службах, отправлялся в посланниках в калмыцкую землю и был ранен во многих боях. По данным челобитной Кирилла Енбаева, его родственники служили в 1668 г. в рейтарах, в литовском списке, новокрещенах и толмачах. Ранее в 1661 г. Василий Енбаев служил в новокрещенах, а Андрей Енбаев в казаках литовского списка.

При этом, по мнению служилых людей, бывший рейтар слабо знал татарский язык — «челобитчик Кирюшка Енбаев татарскому языку недоволен и худ. И с толмачество ево не будет и верить некому» [Дурынин, с. 53]. Однако в 1668 г. решением П.И. Годунова Кирилла Енбаева зачислили в толмачи из рейтар на «выбылой оклад толмаческой Тимошки Чекеева». В 1674 г. по решению тобольского воеводы боярина П.М. Салтыкова оклад взяли у Кирилла и отдали сыну Тимофея Чекеева Ивашке. В 1676 г. воевода боярин П.В. Большой-Шереметев по челобитью тобольских служилых татар и бухарцев выделил Кириллу Енбаеву из взятого оклада из выбылых слободских беломестных вагайских казаков 10 руб. денег, 5 четей ржи, 5 четей овса. К 1678 г. оклад толмача составлял 8 руб., 5 четей ржи, 7 четей овса, 3 пуда соли. В 1678 г. по решению воеводы Салтыкова было велено «тот у него оклад взять и положить в прежнее число беломестных казаков выбылые оклады»²⁴.

Ивашко Чекеев был верстан из толмаческих детей «в оклад отца его Тимошки Чекеева, что отдан был Кириллу Енбаеву» в 1674 г. по приговору боярина Салтыкова и получил 8 руб., 5 четей ржи, 4 чети овса, 3 пуда соли. В 1676 г. по приговору боярина Шереметева к его

²⁴ РГАДА. Ф. 199. Д. 488. Ч. 1. Л. 110–112.

прежнему окладу из выбылого оклада отца (денег 4 руб., да брата его Васьки Чекеева 2 чети ржи, 1 четь овса, 1 пуд соли) ему учинили оклад 12 руб., 7 четей ржи, 5 четей овса, 4 пуда соли. В 1678 г. по решению Шереметева придача оклада была взята у Ивана Чекеева и положена в выбылые толмаческие оклады²⁵. Иван Чекеев остался с окладом, положенным в 1674 г.

В 1668 г. в толмачи из казачьих детей города Березова верстали в службу Федьку Ваюсова в выбылой пеших казаков оклад с окладом денег 4 руб. с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 с четью пуда соли. В 1675 г. воевода Шереметев прибавил ему в оклад из выбылого оклада стрельца Федьки Помаскина 4 руб. с четью денег, 2 чети без четверика ржи и овса то ж, пуд соли. Новый оклад составил 8 руб. с полтиной, 7 четей с осьминою и четвериком ржи, 6 четей овса, 2 пуда соли. В 1678 г. по указу великого государя и приговору боярина Шереметева «велено ему Федьке быть в прежнем окладе, в котором он верстан в 1668 году»²⁶.

К 1678 г. в Тобольске служили 10 человек толмачей: четыре татарских, три остяцких, один калмыцкий и два человека «калмыцкой грамоте переводчики». Однако к 1693 г. в городе остались только шесть толмачей: четыре татарских, один калмыцкий и один «калмыцкой грамоте переводчик»²⁷.

К 1696 г. в Тобольске вновь служили 10 толмачей: татарские Емельян Чекеев с окладом 10 руб. и Иван Чекеев с окладом 11 руб., Кирилл Енбаев и Иван Матвеев — по 8 руб., калмыцкий толмач Богдан Неустроев с окладом 5 руб., остяцкие толмачи Демьян Савин с окладом 6 руб., Сергей Тарасов с окладом 5 руб. с четью, вогульский толмач Еремей Васильев в 4 руб. с четью. Кроме восьми штатных переводчиков, отмечены двое толмачей, получавших оклады по царскому указу «в приказ до убылых толмаческих окладов». Оклад переводчика с грамот калмыцкого и монгольского языков Спиридона Безрядова составлял 12 руб. в год. Лев Енбаев, татарский толмач, получал оклад 7 руб.²⁸ Позднее, в 1696 г., калмыцкий толмач Богдан Неустроев с участниками поездки был привлечен для составления «чертежа» путешествия Федора Скибина и Матвея Трошина из Тобольска в Казачью орду.

²⁵ РГАДА. Ф. 199. Д. 488. Ч. 1. Л. 110–112.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. 214. Кн. 27. Л. 36–38; Кн. 110. Л. 4; Кн. 209. Л. 3; Кн. 408. Л. 4; Кн. 641. Л. 5; Кн. 1044. Л. 10.

²⁸ Тобольск. Материалы для истории города... С. 59.

По данным списка 1707 г., в Тобольске служили восемь толмачей: четыре татарских, два остяцких, один калмыцкий и один «калмыцкой грамоте переводчик»²⁹. В 1711 г. в списке обротчиков Тобольска отмечены толмачи татарские и калмыцкой и остяцкой Иван Чекеев с окладом 11 руб., Емельян Чекеев с окладом 10 руб., калмыцкой толмач Богдан Неустроев с окладом 5 руб., остяцкий Дементий Савин с окладом 6 руб., Ефим Васильев с окладом 5 руб. с четью. Остяцкий толмач Дементий Савин — это, видимо, сын остяцкого толмача Саввы Савельева³⁰. В 1710 г. по переписи князя Василия Мещерского татарский толмач Иван Тихонов прозванием Чекеев жил в Тобольске возле монастыря в «дворе купленном»³¹.

Сибирский приказ даже в конце XVII в. при необходимости зачислял в толмачи выходцев из холопов. 18 сентября 1697 г. в Тобольске получили государев указ, по которому «новокрещена» калмыка Ивана Васильева, ранее жившего в холопстве у тобольского казачьего сына Александра Сутулова, назначили толмачом в Тобольскую приказную палату³².

Наиболее крупным по территории в Сибири был Якутский уезд, большую часть земель которого по р. Лене занимали племена тунгусов, язык которых относился к маньчжурским, и якутов — тюркского народа, мигрировавшего с юга Сибири. Из Якутского острога русские казаки и промышленники продвигались на земли Дальнего Востока, где имелось значительное языковое разнообразие. В 1646 г., по данным воеводы В.Н. Пушкина, в Якутском остроге, гарнизон которого составляли пять детей боярских и 395 служилых людей, служили два толмача — якутский и тунгусский³³. В Якутском уезде штатный толмач для «иноземцев» служил в канцелярии воеводы в приказной избе, где всего к 1681 г. было девять человек. Толмач приказной избы имел высокий оклад в 15 руб., 12 четей ржи, 8 четей овса. К концу XVII в. в избе служили два толмача. Оклад толмача в уезде был как у детей боярских — 15–20 руб., казаки получали в год около 5 руб. [Бахрушин, Токарев, с. 225, 330] Всего в то время в Якутском уезде служили 28 толмачей, которые знали якутский и тунгусский языки. В тол-

²⁹ Тобольск. Материалы для истории города... С. 69.

³⁰ РГАДА. Ф. 199. Д. 485. Ч. 1. Л. 700–706.

³¹ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 156 об.

³² Там же. Ст. 1312. Л. 176.

³³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. Сборник документов. М., 1951. С. 213–214.

мачах служили казаки, промышленники и крещенные местные жители [Акишин, с. 45].

Из Якутского острога толмачей направляли с казаками в отдаленные на сотни, а часто и тысячи верст зимовья. В 1647 г. тунгусский толмач Якутского острога был отправлен на службу в ясачное зимовье на р. Маю. Однако племена Дальнего Востока говорили уже совсем на других языках, и казакам приходилось искать толмачей среди местных жителей. В 1638 г. казачий десятник Енисейского острога Елисей Юрьев Буза писал, что он привел с р. Яны в Якутский острог отряд из служилых и промышленных людей, «якуцкова мужика» юкагирского толмача и аманатов юкагир³⁴.

В Восточной Сибири язык тунгусов, которые в XVII в. занимали огромные территории от Енисейского края до Тихого океана, позволял русским служилым людям частично понимать при первых контактах народы Дальнего Востока. Как отмечал Г.Ф. Миллер, «тунгусы являются исконными жителями всей местности от реки Енисей к востоку до Охотского моря» [Миллер, с. 54]. Благодаря географическому положению, роды тунгусов давно контактировали с разными народами Дальнего Востока – от юкагиров на Колыме до дауров по р. Амуру. Большинство народов Сибири постоянно кочевали на большие расстояния, но даже среди «лесных народов» Сибири «нет ни одного народа, который в своих охотничьих странствиях забирался бы так далеко, как тунгусы в Якутском уезде» [Миллер, с. 236]. Многие роды тунгусов от верховьев р. Вилюй кочевали на тысячи верст на восток до истоков Зеи, притока Амура.

Служилые люди в XVII в. говорили на тунгусском языке для общения с даурами, юкагирами и другими народами. Миллер отмечал, что в Сибири «тунгусский язык считается очень легким» [Миллер, с. 62]. В 1655–1656 гг. в войске служилых людей на Амуре численностью около 600 человек, которые пришли из Якутского и Енисейского уездов, толмачом был тунгус Семен Петров [Багрин, с. 96]. По данным Б.О. Долгих, разговоры русских служилых людей с даурами Албазинского уезда долго проходили на тунгусском языке и через тунгусских толмачей. В результате в русских документах ряд даурских волостей получили тунгусские названия [Долгих, с. 586]. Подобная практика встречалась и на юге Сибири. Встретившись с бурятами, служилые люди быстро поняли, что их

³⁴ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. С. 98, 248.

язык похож на уже известный язык калмыков, и из города Тары в Братский острог послали толмача с калмыцкого [Долгих, с. 214].

Кроме тунгусского, важную роль в контактах русских и народов Восточной Сибири играл якутский язык. Миллер отмечал тюркское происхождение якутского языка, «хотя в якутском языке большинство слов являются татарскими, однако многие слова схожи также с монгольскими и бурятскими» [Миллер, с. 62]. По преданию якутов, «в древности они жили вместе с бурятами и монголами и были изгнаны последними со своего прежнего местожительства посредством войны. После этого они со своим скотом в верховья реки Лены сели на плоты и обосновались в области Олекмы и Якутска, откуда затем расселились в другие местности» [Миллер, с. 54]. По данным Е.А. Багина, во время походов отрядов служилых людей в Восточной Сибири «большое значение имело наличие в отряде толмача (переводчика), часто из числа якутов, которые понимали русский язык и умели говорить с другими народами севера: юкагирами, тунгусами и др. Отмечены случаи, когда толмачами становились пленники чукчи» [Багин, с. 67]. К началу XVIII в. уездах Сибири служили 56 толмачей, которых при Петре I записали в государственные крестьяне [Акишин]. Позже толмачам и другим группам военного населения вернули статус служилых людей.

В Сибири русские встретились с десятками народов и племен, которые принадлежали к нескольким языковым семьям. Русские власти и служилые люди в Сибири при контактах с местными народами опирались на наиболее распространенные языки края – на юге это были татарский и калмыцкий языки, на севере Западной Сибири – остяцкий язык, а в Восточной Сибири – тунгусский и якутский, на которых говорили от Енисея до Амура и Тихого океана. В дипломатических контактах России с Китаем во второй половине XVII в. языком-посредником стала латынь.

В 1675 г. тобольский воевода боярин Петр Салтыков отправил в составе посольства известного дипломата и переводчика Посольского приказа Н.Г. Спафария в Китай толмача с татарского и с калмыцкого языков Спиридона Безрядова³⁵. В Китае чиновники говорили по-китайски, а затем китайский переводчик переводил речи на монгольский язык, с которого должен был переводить

³⁵ *Арсеньев Ю.В.* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай // Вестник археологии истории. Вып. 17. СПб., 1906. С. 6.

русский переводчик. Эта задача оказалась сложной для Спиридона Безрядова, который не мог перевести речь чиновников: «талмач наш говорить худо умеет». В итоге Спафарий – грек и переводчик Посольского приказа с латыни и греческого – обратился к помощи иезуитов, переводивших с китайского языка на латынь [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамина, с. 182].

В 1692 г. тобольский воевода боярин Степан Салтыков отправил толмача «мунгальского языку» Спиридона Безрядова в составе русского посольства Избранта Идеса и Адама Бранда в Китай. Впрочем в «Посольском приказе» Пекина, как его называли в статейном списке русские люди, «ближние люди» хана говорили русскому посланнику Идесу, «чтоб впредь присланы были с послы и с посланники московскими толмачи добрые латинского языку и мунгальского, для того что на мунгальском языке переводить многих слов невозможно, а язык мунгальской просторечивой. А латинского языку в Китайском государстве знающие люди есть»³⁶.

По данным С.М. Шамина и О. Янссон, в Посольском приказе России, «абсолютное большинство специалистов по западным языкам были иноземцами или потомками переехавших в Россию иностранцев» [Шамина, Янссон, с. 225]. При этом авторы отмечали, что «восточные переводчики обычно были подданными московских государей, т.е. воспроизведение их культуры и профессиональных компетенций было устойчиво налажено на территории России» [Шамина, Янссон, с. 226].

И.П. Ермолаев, опираясь на материалы по истории Поволжья, полагал, что толмачи были в разрядной книге за 1614 г. отмечены с детьми боярскими и подьячими и потому были «скорее всего, по происхождению русскими людьми, хорошо владеющими языками народов Среднего Поволжья» [Ермолаев, 1982, с. 47]. Однако ученый отметил, что «среди толмачей встречаются лица с типично нерусскими именами», например толмач Исупка [Ермолаев, 1982, с. 184]. М. Ходарковский полагал, что большинство толмачей – специалистов в восточных языках – в первые столетия Русского государства происходили из русских людей, ранее бывших пленниками у кочевников, и только позднее им на смену пришли принявшие крещение «новообращенные христиане» из кочевых народов [Ходарковский].

³⁶ Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 323, 341.

На востоке России, особенно в Сибири, уже с начала XVII в. именно новокрещены из местного населения были важным и, видимо, основным источником формирования толмачей. Здесь имелись и бывшие пленные, также включавшиеся в толмачи. Кроме официальных толмачей в гарнизонах городов востока России были и служилые люди, которые в грамотах отмечались как состоящие «в толмачах», т.е. их привлекали для устного перевода. Это могли быть представители местного населения, зачисленные в службу, или русские служилые люди, хорошо знавшие местные языки.

В городах Сибири русские люди служили и жили рядом с большим количеством татар и других местных народов края, «немцами», поляками, литвой и прочими этническими группами. В 1627 г. в Тобольске служили 36 детей боярских, 116 человек роты литвы, черкас, немец и литовского списка, 13 новокрещенов и новокрещенного списка казаков и 260 юртовских служилых татар, всего 442 служилых людей конной службы³⁷. Характерно, что среди служилых людей конной службы Тобольска в то время большинство составляли татары. К 1633 г. в конной службе Тобольска имелось 514 человек, из них 41 человек детей боярских, 128 литовской роты, 62 конных казака, 25 новокрещенов, 258 служилых татар.

Литература

- Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
- Багрин Е.А.* Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб., 2024.
- Бахрушин С.В., Токарев С.А.* Якутия в XVII в. Очерки. Якутск, 1953.
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.
- Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Историко-филологические науки. Т. 112. Томск, 1950. С. 23–210.
- Буцинский П.Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Тюмень, 1999.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Дубман Э.Л.* О князе который строил города... Жизнь и деятельность князя Григория Засекина. Самара, 2018.
- Дурьнин С.Е.* Казаки новокрещеного списка // Современное казачество в патриотическом, духовном воспитании подрастающего поколения. Тюмень, 2021. С. 44–59.
- Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. Управление Казанским краем. Казань, 1982.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Ст. 25. Л. 14.

- Ионин А.А.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895.
- Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII–XVIII вв. Омск, 2005.
- Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. М., 2012.
- Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири XVII в. Период начала колонизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.
- Малов А.В., Смирнова О.С.* Переводчики и толмачи Посольского приказа в 1613–1621 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 209–229.
- Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов. М., 2009.
- Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.
- Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. 1592–1768 гг. Ч. 3. М., 1900.
- Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
- Полонский Д.Г.* Самоуничжительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI–XVII вв. // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 81–112.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 46–59.
- Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории. М.; Л., 1958.
- Солодкин Я.Г.* Вослед Савве Есипову. Очерки сибирского летописания середины – второй половины XVII в. Нижневартовск, 2011.
- Тычинских З.А.* Мурзы Кульмаметевы. Кн. 1. Тюмень, 2024.
- Ходарковский М.* Степные рубежи России. М., 2019.
- Шамин С.М., Янссон О.* «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2021. С. 223–229.

Неизвестный перевод Епифания Славинецкого и его лексические особенности

Переводческая деятельность Епифания Славинецкого давно находится в поле зрения отечественных ученых; очерчен круг книг и отдельных сочинений, над переложением которых трудился этот видный представитель чудовской переводческой школы. Однако среди исполненных Епифанием работ не значится составленное на греческом языке послание Газского митрополита Паисия Лигарида, адресованное опальному патриарху Никону в 1662 г. Отдельные лексические особенности переложения, позволившие атрибутировать этот церковнославянский перевод Епифанию, и станут предметом нашего внимания.

Послание Лигарида сохранилось в автографе, находящемся в делах Приказа тайных дел¹. Церковнославянский перевод единовременен автографу — по единственной рукописи² текст сжато пересказан С.М. Соловьевым [Соловьев, стб. 226–227]; пространно и с цитированием отдельных фрагментов — Н.А. Гиббенетом, а затем им же издан [Историческое исследование, с. 113–118; 228–242].

Имени переводчика церковнославянского переложения ни в рукописи, ни в документах «дела» Никона нет; столбцы скреплены дьяком Артемием Степановым. При ближайшем изучении текста перевода оказалось, что он отличается строгим буквализмом и точным следованием оригиналу на всех языковых уровнях — от поморфемного калькирования до перенесения в построение предложений элементов греческого управления. Те же лингвистические признаки и стилистические особенности финальных переложений отмечают исследователи, изучающие другие переводы Епифания и его соратников — чудовских книжников [Исаченко, 2002, с. 85; Исаченко, 2009]. Поскольку церковнославянскому переводу по-

¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. 1658–1666 гг. Д. 140, ч. 3. Л. 167–170 об. В дальнейшем цитаты из автографа приводятся в тексте с указанием в круглых скобках листов архивного дела.

² Там же. Л. 153–166. В дальнейшем цитаты из церковнославянского перевода приводятся в тексте с указанием в круглых скобках листов архивного дела.

слания Лигарида патриарху Никону посвящена специальная статья, в которой мы установили авторство Епифания Славинецкого, отметим здесь лишь наиболее интересные лексические особенности этого переложения.

I. Словоупотребление. «от Владычняго распятія **Крестованія** и питаюся и орошаюся» (Л. 155). Лексема **крестование** родственна инфинитивам «крестовати» и «укрестовати» — это, как установила Т.В. Пентковская, кальки с польского языка, которые соотносятся со всем словообразовательным гнездом греческого слова *σταυρός*, благодаря чему уравниваются деривационные возможности славянского **крѣст-** и греческого *σταυρ-* [Пентковская, 2016, с. 203–204]. По наблюдению Т.А. Исаченко, из всех чудовских книжников лексемой «крестованіе» отличался переводческий стиль справщика Евфимия, который заменял ею слово «распятие» [Исаченко, 2002, с. 76].

Особенно интересным показалось нам слово **люденственно** во фразе «Угобзень возродися **плевель, люденственно возтекъ** и удивихся за любимство истинны» (Л. 155) — «ἀμφίλαφες ἀναφύη τὸ ζιζάνιον **χερσόθεν ἀναδραμόν** καὶ τέθηλα, νῆ τὴν φίλην ἀλήθειαν» (Л. 167 об.). В переводе XIX в. епископа митрополита Газы этот фрагмент читается так: «Съ тѣхъ поръ, какъ твое блаженство принялъ титуло великаго государя, **выросли изъ земли и плевелы** (примѣръ Іоанна Постника и Григорія Двоеслова), принявшаго титуло вселенскаго»³. Может показаться, что этимология явно изобретенного переводчиком слова «люденственно» не совпадает с содержанием перевода XIX в. и греческим оригиналом — «*χερσόθεν*», имеющим значение «из земли».

Поиски в русских словниках аналогов лексеме «люденственно» привели нас к слову «луда», которое уже в первых академических словарях помечалось как «старинное» и трактовалось как «камень, высунувшийся из воды» [Словарь Академии, 1792, стб. 1323; Словарь Академии, 1814, стб. 615]. В самом деле, носителям древнерусского языка слово известно с XVI в., когда употреблялось в значениях каменистой отмели и неплодородной каменистой почвы или каменистого острова [Словарь русского языка, вып. 8, с. 292–293]. Словари XIX в. фиксируют значения, связанные с каменистой прибрежной мелью, с подводными или надводными плоскими камнями, поносными островками и иловатой почвой [Даль, с. 871;

³ СПБИН РАН. Ф. 261. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

Срезневский, т. 2, стб. 49; т. 3, стб. 155 (2-я нумерация)]. И уже тогда составители словарей относили слово «луда» к русским диалектам [Аникин, с. 359–360] и народным говорам, ограничивая зону его употребления преимущественно Русским Севером [Васнецов, с. 125; Словарь говоров, с. 152–155; Словарь русских народных говоров, с. 177–178]. Согласно Фасмеру, происхождение лексемы «луда» русское [Фасмер, т. 2, с. 528]. И оба его значения, характеризующие неплодородную почву как каменистую или глинистую, возможно, используются переводчиком в переносном значении для объяснения поступка Никона, который, подобно жизнестойкому сорняку, преодолевающему на своем пути препятствия в виде камней и глины, добивался главенства над «царством».

Звучание слова «люденственно» и возможное соотнесение со значением «народ» делает соблазнительной версию происхождения наречия через несколько словообразовательных шагов как от лексемы **людіе**, так и от освоенного полонизма, вошедшего в московский вариант церковнославянского языка **людь**. Лексема **людь** родственна польскому **lud** [Пентковская, 2016, с. 200; Пентковская, 2023, с. 100]. Слово регулярно употреблялось в переводах Евфимия Чудовского [Пентковская, 2019, с. 266–267]. Характеризуя многие его сочинения, оно вошло в речевой обиход Епифания и включено в Лексикон словено-латинский [Німчук, с. 465]. Следует заметить, что в польском языке одно из значений слова **lud** – «простой народ, чернь» [Полный словарь, с. 244]. Возможно, при сравнении Никона с плевелом в перелагаемых на русский язык рассуждениях Лигарида о незаконном и самостоятельном присвоении патриархом титула «великий государь» это лексическое новообразование опять же в переносном смысле должно было подчеркнуть низкое социальное происхождение московского первосвященника, за что он неоднократно был упрекаем современниками, в том числе и митрополитом Газы.

В то же время в приведенной фразе (в ее церковнославянском переводе) наречие, на первый взгляд, подчеркивает качество действия, и можно сделать еще одно предположение: авторское новообразование «люденственно» имеет латинские корни со значением обольщения и обмана, для которого есть лексические параллели **ludus**, **ludius/ludia**, также включенные в Лексикон словено-латинский в значениях соответственно игранья, кошунника и плясальницы [Німчук, с. 258]. В этом же справочнике к русским производным от «играть» находим: **ludo**, **lusito**, **alludo** (Играю); **ludi**, **-orum**

(Игралище); ludos edo (Игралище творю) [Німчук, с. 453]. А русское слово «лудъ» объяснено латинскими аналогами: «Amens. Demens. Desipiens» – Сумасшествие. Слабоумие. Обман [Німчук, с. 464]. Такая трактовка слова «люденственно», вновь использованного как метафора, тоже звучит достаточно убедительно, ведь некоторые современники патриарха Никона считали его человеком коварным и «фальшивым» – именно так неоднократно называет Никона Лигарид, а образ Никона – змия-искусителя и обольстителя царя – ключевой в старообрядческой традиции. Надо сказать, что в такой оценке опального патриарха Лигарид смыкался с бывшими единомышленниками Никона и соратниками по «кружку» ревнителей благочестия [Севастьянова, Рылик, Бондач].

При поиске адекватного объяснения выбора в церковнославянском переводе наречия «люденственно» для передачи греческого «*χερσῶθεν*» – «из земли», обратившись к «Полному церковнославянскому словарю» протоиерея Григория Дьяченко [Дьяченко, с. 294], мы не смогли не обратить внимание на лексему *ладенѣю*, имеющую значение «порастаю мелким кустарником или другою травою», и переведенную автором словаря на греческий как «*χερσῶμαι*». Это подвело нас к мысли, что переводчик XVII в., стараясь передать греческое наречие места одним словом, мог образовать наречие именно от этого глагола. Однако мы не смогли найти закономерного объяснения перехода юса малого в ю, как и обоснованности перевода греческого «*χερσῶμαι*», чтобы остановиться на этой версии.

А потому мы склоняемся к другой версии, согласно которой корень «люд» есть результат транспонирования польского слова *ład* со значением «земля, суша» (из немецкого *land* – «земля, страна, край») в церковнославянское «люд-». Эта версия представляется наиболее закономерной, поскольку начальный Л в польском языке мягкий, тогда как звук [a] перешел в [u], как известно, в процессе эволюции праславянских носовых гласных. Далее, через несколько словообразовательных ступеней, было «изобретено» наречие «люденственно» с целью калькированного покорневого перевода греческого «*χερσῶθεν*» и сохранения его морфологических особенностей.

Каждая из рассмотренных нами версий происхождения слова «люденственно», как видим, предполагает наличие в церковнославянском переводе польско-русских лексико-семантических соответствий. Также интересно остановиться на сложных словах,

иллюстрирующих некоторое отступление от общей стратегии перевода XVII в., заключающейся в калькированной покорневой или поморфемной передаче греческого оригинала. Переводчик последовательно передает сложные греческие слова сложными церковнославянизмами, иногда даже в ущерб семантике слова, как, например, в словосочетании «плод **верходубных**» (Л. 163), которому в греческом оригинале соответствует фраза «καρτὸν ἄκροδρύων» — «плод **орехового дерева**».

Есть примеры, когда переводчик оставляет без внимания различия в порядке корней в сложных словах. В результате одним и тем же словом «пастыреначальникъ» было переведено как слово **ποιμηνάρχα** (Л. 163), так и близкое к нему по значению слово **ἀρχιποίμην** (Л. 158), которое отличается от первого перестановкой корней. Отметим, что в греческом языке более часто употребляется лексема **ἀρχιποίμην**; различные словоформы с таким порядком корней встречаются уже в Новом Завете, присутствуют в сочинениях Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и других выдающихся отцов Церкви периода Вселенских соборов. Слово же **ποιμηνάρχα** присутствует, как правило, в средне- и поздневизантийских текстах, в которых, впрочем, можно найти и **ἀρχιποίμην**.

Славянский корень, использованный для перевода ряда сложных слов, содержащих одинаковый греческий корень, может применяться переводчиком и для передачи другого корня. Корень «само-», соответствующий греческому «αὐτο-», мы видим в таких словах, как «самоистинна» (Л. 156, греч. **αὐτοαλήθεια**), «самоочно» (Л. 161, греч. **αὐτοψεί**); в то же время он использован — без достаточных оснований — в качестве эквивалента греческого корня «μονο-» при переводе слов **μονάρχης** и **μοναρχήσαντος** как «самоначалникъ» (Л. 155) и «самоначалствовавшего» (Л. 162) соответственно. В действительности же эквивалентом для «μονο-» является корень «едино-».

Ошибочным, с нашей точки зрения, является перевод фразой «любоеллин и поборимлянинъ» (Л. 165) греческого оригинала «**φιλέλλην καὶ φιλωρωμαῖος**». Здесь следует отметить, что эти эпитеты относятся к патриарху Никону, которого никак нельзя назвать «другом римлян», или «защитником», что соответствует церковнославянскому корню «побор-» для передачи греческого корня «φιλ-». Очевидно, что Паисий Лигарид имеет в виду не римлян, а ромеев, как любили называть сами себя православные греки, а «φιλέλλην καὶ

φίλωμαίος» (**филэллин и друг ромеев**) — это синонимическая пара, изблюбленный литературный прием газского митрополита.

Наконец, следует упомянуть об отдельных случаях употребления переводчиком XVII в. редких церковнославянских слов, которые по каким-то причинам были выбраны для передачи вполне обычных (по крайней мере, на первый взгляд) слов греческого подлинника. Здесь можно назвать слова **делва** (Л. 154) и **пругло** (Л. 165). «Делва» (бочка, кадка, см. [Словарь русского языка, вып. 4, с. 205]) означает в данном случае «сосуд» и использовано при переводе выражения «ящик (*букв.* сосуд, пифос) Пандоры» (τῆς Πανδώρας τὸν πίθον): «Пандоры делву отверзе». Это слово родственно латинскому *dolium* [Фасмер, т. 1, с. 496]. Интересно, что зафиксированы случаи его использования для передачи греческого πίθος в рукописных памятниках XIV, XIII и даже XI в. (см. [Срезневский, т. 1, стб. 767; Словарь древнерусского языка, с. 131–132]). «Пругло» (в форме вин. п. мн. ч. «пругла»), означающее «силок», «ловушка», передает греческое слово ὑσπληγῦας. В данном случае, однако, является сравнительно редким и само это греческое слово, а конкретная его форма (асс. pl.), употребленная Лигаридом, встречается у античных авторов лишь один раз, причем в поэме Ликофрона «Александра» (строка 21), текст которой всегда считался исключительно темным.

II. Пометы на полях. Самой примечательной чертой первого русского перевода послания Лигарида можно назвать пометы на поле. Исследователи рукописных и печатных переводов Епифания Славинецкого отмечали в них наличие многочисленных глосс и комментариев — от отдельных слов до целых сказов, обладающих своим функционалом: они характеризуют переводчика, демонстрируя его размышления над выбором формы и лексическими предпочтениями, но порой из-за своего количества и объема «утяжеляют» и без того сложный для прочтения текст перевода [Бовсуновская, с. 28]. В русском переложении послания Лигарида 27 самых разных помет на поле; из них 12 однословных, которые заслуживают внимания, поскольку отражают и лексико-грамматические поиски переводчика, и особенности его языка.

1) *Пометы, связанные с трудностями перевода.* Приведем один пример, где в переложении переводчика, добавившего слово на поле (оно в круглых скобках), текст звучит довольно странно: ἀναφύη τὸ ζιζάνιον χερσὸθεν ἀναδραμόν καὶ τέθηπα, **ἢ** τὴν **φίλην** ἀλήθειαν (Л. 167 об.) — возродися плевель люденственно возтекъ и удивихся (**господаря**) за любимство истинны (Л. 155). Здесь, помимо того,

что переводчиком не понято излюбленное выражение Паисия Лигарида «клянусь подругой правдой», добавлено слово «господарь», которого нет в оригинале. Этот казус возможно объяснить неправильным прочтением частицы $\nu\eta$ в значении «клянусь», принятой за лигатуру, обозначающую слово $\kappa\upsilon\rho\iota\omicron\varsigma$ – господин. Само по себе слово «господарь» в отрывке, где речь идет о претензиях патриарха Никона на титул «великий государь», довольно интересно. В переводе послания Лигарида ни разу не использована лексема «государь» и даже в этом устойчивом сочетании. Известно, что западно-русское по происхождению слово «господарь» появляется в ранних грамотах митрополита Киевского и всея Руси Ионы (1448–1461) [Золтан, 1988, р. 83]. Будучи титулом литовского великого князя, слово введено в титул московских великих князей по образцу литовских и, по наблюдению А. Золтана, представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в формирующийся язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси [Золтан, 1983, р. 94–95]. Не ранее XVI в. слово стало альтернативным вариантом «государь» в царском титуле⁴. Возникнув в рукописи на поле в качестве пометы, пусть и ошибочной, слово свидетельствует о западнорусских лексических предположениях справщика.

2) *Уточняющие пометы*. Интересный пример лексической замены – неологизма переводчика на исконно русское слово: «не прилагает себе Богочеловѣку Иисусу **псеводителю (ловцу)**, но точію пастырю» (Л. 158) – «οὐ παραβάλλει ἑαυτὸν ὁ Θεάνθρωπος Ἰησοῦς **κυνῆϋ**, ἀλλὰ μόνον ποιμένι» (Л. 168). Объясняя разницу между охотником и пастырем, Лигарид находит два противоположных образа и характеризует их антонимично: Христос – пастырь добрый, «душу свою полагает за овцы», а «Неврофъ же исполинъ и тираннь, и первый псеводитель звучится» – «Νεβρῶθ δὲ ὁ γίγας καὶ τύραννος καὶ πρῶτος κυνήγος διακωδωνίζεται» (Л. 168), получающий удовольствие от крови, «мртвечины» и терзания животных. В обоих случаях – и для Богочеловека, и для Неврода – переводчик использует свой неологизм «псеводитель». Уточнение «ловцом» – слово из живого лексикона [Поликарпов, л. 162 об.; Словарь русского языка,

⁴ Предложенную А. Золтаном и др. исследователями этимологию слова «государь» как производного от «господарь» Б.А. Успенский считает ошибочной и доказывает происхождение лексемы «государь» от «сударь» – не книжной (разговорной) формы, связанной с корнем и семантикой слов «суд», «судити» [Успенский].

вып. 8, с. 265] — не нарушает необходимой оппозиции между охотником и пастырем, несмотря на, возможно, более мягкие оттенки значения лексемы «ловец» по сравнению с «псеводителем». К тому же исправление устраняет повтор.

3) *Помета содержит русский эквивалент заимствованного слова.* «Имать величайшее изъявление предчинный **арфронъ (члень)**, дващи привъзпріемлемый: о пастырь, о добрый» (Л. 158) — «ἔχει μεγίστην ἔμφασιν τὸ προτακτικὸν ἄρθρον δις ἐπαναλαμβανόμενον, ὁ ποιμήν ὁ καλός» (Л. 168). Опубликованный Б.Л. Фонкичем трактат грекофилов о путях развития русского просвещения посвящен греческому языку, обладающему в отличие от латинского, против изучения которого выступает автор, одним важным свойством — наличием арфрона, или «различия», или «члена» — именно так в разных списках дано наименование тому, что сегодня мы называем артиклем. Эта «часть грамматики», — читаем в произведении, — «языку славенску велми нужно, понеже существителная имена о Бозе глаголемая тем арфром познаются, и от сущих по благодати глаголемых имен отделяются. Сугубо бо глаголется в божественном писании, Бог нарицание, естеством и благодатию. Ὁ Θεός убо со арфром естеством и существом есть Бог: без арфра же Θεός благодатию и положением глаголется Бог и праведник человек» [Фонкич, с. 247]. Далее на нескольких библейских цитатах и выписках из толкований их святыми отцами объяснено, как наличие арфрона помогает отделить «произносное» слово, «на воздух лиующеся», от слова с сакральным значением.

Яркий пример подобного разделения семантических значений слова с артиклем и без приводит и Лигарид, используя цитату из Евангелия от Иоанна: «Ἐγὼ εἰμι ὁ ποιμήν ὁ καλός τὴν ψυχὴν αὐτοῦ τίθησιν ὑπὲρ τῶν προβάτων, ἔχει μεγίστην ἔμφασιν τὸ προτακτικὸν ἄρθρον δις ἐπαναλαμβανόμενον, ὁ ποιμήν ὁ καλός, ὁ κατ' ἐξοχὴν ἀμέλει ποιμήν καὶ ἀρχιποίμην, οὐ παραβάλλει ἑαυτὸν ὁ Θεάνθρωπος Ἰησοῦς κυνηγῶ, ἀλλὰ μόνον ποιμένι, σημαίνων διὰ τῆς συμβολικῆς θεολογίας τὸ πρῶτον καὶ ἡμερον τοῦ ποιμένος» (Л. 168) — «Азь есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. Имать величайшее изъявление придчинный арфронъ, дващи привъзпріемлемый, о пастырь, о добрый. По преимуществу убо пастырь и пастыреначальник. Не прилагаетъ себе Богочеловѣку Иисусу пс<ево>дително, но точію пастырю, знаменуя символическим богословіемъ кроткое и тихое пастыря» (Л. 158). Считаю, что в данном случае следует признать наличие вариативности и соположения лексических вариантов.

«и въ діалогехъ (разглаголахъ) прелѣпствовавшимъ божественнымъ Григоріемъ» (Л. 155) — «καὶ τὸν ἐν διαλόγοις ἐμπρέψαντα θεῖον Γρηγόριον» (Л. 167 об.). Речь идет о Диалогах Григория Великого. В исторических словарях русского языка слово «разглагол(-ы)» нам не встретилось. В Лексиконе Славинецкого нашлись лишь *dialogus*, собеседованіе, діялогъ и *dialogismus* [Німчук, с. 163]. У Поликарпова-Орлова — разглаголство, διάλογος, *dialogus*, *diuerbium*, діалогъ [Поликарпов, л. 73]. А также разглаголати, разглагольникъ, разглагольство, разглагольствовати [Словарь русского языка, вып. 21, с. 167]. Т. е. лексика, близкая к слову «разглаголы», была хорошо известна и использовалась в речи. В конце XVIII в. Григорий Сковорода, как известно, озаглавил свои трактаты словом «разглагол»: один из них — «Диалог, или разглагол о древнем мире»⁵; второй — «Наркисс. Разглагол о том: Узнай себе»⁶.

Приведенные примеры делают более заметными черты церковнославянского перевода греческого послания Паисия Лигарида к патриарху Никону, выполненного Епифанием Славинецким: пословность и калькирование, склонность к грецизации и архаизации церковнославянского языка, в то же время отмечается юго-западно-русское и латинское влияние на лексику перевода, следование словообразованию оригинала, подбор не всегда удачного по строению и звучанию русского слова — часто изобретенного переводчиком для адекватной передачи содержания источника, стремление к смысловой соразмерности и тождественности греческому оригиналу.

Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид были знакомы. Их взгляды на технику переложения, лексико-грамматические и словообразовательные возможности языка перевода, на наш взгляд, во многом схожи.

Паисий Лигарид, рассуждая о переводческих принципах, на которых базировалась его переводческая доктрина, допускал внедрение в перевод новых слов, подбор лексических вариантов и уточнений для передачи корректного и соответствующего оригиналу смысла. Проблема «разума и словъ согласованія» в исходном и исходящем текстах особенно ярко выражена митрополитом в его похвале трем языкам — греческому, латинскому и славянскому, включенной в написанное Лигаридом «Опровержение» на Никиту

⁵ НИОР РГБ. Ф. 173.1. № 519. 14 л.

⁶ Там же. Ф. 173.11. № 22. 55 л.

Пустосвята [Подтергера, s. 55–60]. Греческий для Лигарида — «золотой» язык (именно так отзывался он о нем в книге о суде над Никоном), поэтому при переводе с него нельзя ограничиваться только буквальным переложением, что могут передать только слова.

Уместно напомнить и о возмущении Лигарида славянскими переводами его греческих и латинских текстов: подозревая, что переводчики неправильно толкуют содержание его слов, он сожалел о том, что не владеет русским языком, чтобы самому донести до слушателей смысл сказанного. В пример «россам» митрополит Газы ставил западноевропейский переводческий опыт, где транслируются не только «речения», но и «разум», причем языком, понятным каждому. Лигарид не отказывался от принципа дословного перевода: он постоянно подчеркивал, что переложение источника должно точно соответствовать оригиналу и четко ограничивал рамки убавлений и добавлений [Подтергера, s. 60].

Церковнославянский перевод послания Лигарида в полной мере отвечает переводческой доктрине одновременно и Епифания Славинецкого, подбирающего слова и варианты и уравновешивающего их в семантике, и газского митрополита, следующего за пословным переложением и допускающего передачу смысла сказанного иными словами. Пословность и буквализм перевода как сохранение первообраза — в данном случае греческого текста, созданного Лигаридом, — сочетались в переводе Славинецкого с существенной стилистической трансформацией, выраженной в использовании редких или искусственно составленных сложных слов для передачи общеупотребительных греческих лексем.

Литература

- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Бовсуновская А. И.* Перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина Епифания Славинецкого в контексте истории русского литературного языка XVII века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36). Ч. 1. С. 27–32.
- Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М., 1865.
- Дьяченко Г., свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2004.
- Золтан А. К.* Предыстории русск. «государь» // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. № 29. P. 71–110.

- Золтан А.* Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1988. № 34/1–4. P. 81–124.
- Исаченко Т.А.* Новый Завет «перевода и стяжания» иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) посл. трети XVII в. // *Вопросы языкознания*. 2002. № 4. С. 73–92.
- Исаченко Т.А.* Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009.
- Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. Ч. 1. СПб., 1882.
- Німчук В.В.* Лексикон латинський Е. Славинецького. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького–Сатановського. Київ, 1973.
- Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // *Русский язык в научном освещении*. 2016. № 1(31). С. 182–226.
- Пентковская Т.В.* Рецепция книжной sprawy XIV в. в поздних церковнославянских переводах: московские книжки второй половины XVII в. между церковнославянской и польской традициями // *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-2*. М., 2019. С. 260–290.
- Пентковская Т.В.* Перевод Библии Пискаatora 1643 г и новый проект церковнославянского перевода Библии XVII в. книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского // *Русский язык в научном освещении*. 2023. № 1. С. 96–110.
- Подтергега И.* Типы аргументации в споре о книжных реформах патриарха Никона: «силлогизм Аристотеля» и похвала языку // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. N. F. 2014. Bd. 2. S. 31–70.
- Поликартов Ф.П.* Лексикон тремязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище... М., 1704.
- Полный словарь польского и русского языка, составленный П.П. Дубровским, членом-корреспондентом... Академии наук. Варшава, 1891.
- Севастьянова С.К., Рылик П.А., Бондач А.Г.* Портрет Патриарха Никона в *Книге о Соборе* Газского митрополита Паисия Лигарида // *Герменевтика древнерусской литературы*. 2024. № 23. С. 29–72.
- Словарь Академии Российской. Ч. III. СПб., 1792.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. III. СПб., 1814.
- Словарь говоров Русского Севера. Т. 7. Екатеринбург, 2018.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. III. М., 1990.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977; Вып. 8. М., 1981; Вып. 21. М., 1995.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. и 29 т. Изд. 2-е. Кн. 3: Т. XI–XV. СПб., 1880.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893; Т. 2. СПб., 1902; Т. 3. СПб., 1912.
- Успенский Б.А.* *Государь*: история и этимология слова // *Вопросы языкознания*. 2023. № 1. С. 7–18.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. Т. 1–2. М., 1986.
- Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

Споры о самодержавии в октябре 1592 г. в Тязвине: трудности перевода

20 октября 1592 г. в местечке Тязвино на ивангородской стороне реки Наровы были прочитаны слова, заставившие московских посольских дьяков всерьез задуматься над тем, как при формулировке предполагаемого мирного соглашения со Шведским королевством добиться включения в договор нового титула московских государей, а именно — «самодержца». Вопрос о надлежащем титуловании московского царя оставался острой темой для споров в течение всех переговоров осени — зимы 1592—1593 гг., где русская сторона выражала официальные претензии к своим оппонентам по поводу умаления титула царя Федора Ивановича или непрописанных в качестве царских тех земель, которые планировалось «освободить» по заключении мирного договора¹.

20 ноября 1592 г. российские послы М.Г. Салтыков, Д.И. Черемисинов и дьяк П. Дмитриев отвечали на грамоту шведских комиссаров, в которой те «великого государя нашего его царского величества всеа Русии самодержцем и титлы сполна по его государеву царьскому достоянью сполна не написали». В этом же документе оспаривался и «корельский» титул Юхана III [Селин, Приложение 1. № 18]. Это краткое изложение текста шведских послов; в полном виде оно звучало иначе (даю обратный перевод с немецкого): «в вашем письме вы невежливо и неподобающе и не полностью написали титул государя и самодержца всех Русских (selbsterhalter aller Reuszen) по его царскому величеству так, как ему все великие государи пишут. И мы о том писали вам в нашем письме и также даже при встрече дословно или устно с вами говорили, чтобы не случилось от того многого кровопролития. И мы удивляемся, что вы нашего государя титул неподобающе его царского величества написали, также его достоинства; как будто бы вы не знали дел великого государя и его великого значения и бережения, что получены из высочайшей десницы Божией на его царское величе-

¹ Все разбираемые в статье тексты опубликованы в моей книге: [Селин].

ство всевышним духом с честью и славой достоиславно к его достоинству и величеству, его великому царствованию наисчастливейшего сохранения, грозно врагами непревзойденного, и делают ему непокорного покорным, что суть в своих царствах и пред ликом их великого господина к достоинству не полезны и царства своего не блюдут» [Селин, с. 468–470].

Ответный текст шведских послов от 1 декабря 1592 г., переведенный в московском посольском стане, содержал инвективы с отсылками на текст Священной истории: «Так и в Священном Писании сказано, что Бог ставит и низлагает королей и дает царства тем и которым хочет, как вы должны узнать из истории о великом короле Навуходоносоре, израильских королях Сауле, Ахаве и многих других из библейских историй. А если вы сами так неграмотны, то пусть вам это прочитают вслух ваши попы. И даже ни один языческий или нехристианский государь не был настолько безбожным, чтобы позволять себе называть или писать себя самодержцем своих царств. Не говоря уже о таких великих римских императорах и монархах, как Юлий Цезарь, Август Октавиан, великий монарх и король персов Ксеркс, который повел миллион человек в бой против греков, Александр Великий, который всего за двенадцать лет привел весь мир в свое повиновение, и т.д.» [Селин, с. 481–487]².

В рамках обсуждений проблемы титулования московского государя неоднократно раскрываются сразу несколько риторических инструментов, к которым прибегали действовавшие в Тязвино комиссары. Регулярно наблюдаемое средство выразительности, в большей степени встречающееся в транслируемых речах полномочных представителей шведского короля и их свиты, но также и в высказываниях их контрагентов, — это напускное недоумение, с которым говорящие реагируют на прозвучавшие до этого тезисы или претензии к ним, прежде чем развернуть собственные контраргументы. Одна из переведенных грамот шведских послов, посвященная выше обозначенной проблеме полноты царского (а в те моменты переговоров, когда стороны касаются принадлежности спорных земель — еще и королевского) титула, гласит следующее: «И нам то в подивленье слышать и может то праведно писати, что вы не ученые и не ведущие люди, и Божьей воли и слов и деянья

² Полностью текст в переводе на древнерусский язык 1592 г. и на современный русский язык приводится в приложении к настоящей статье. В книге [Селин] такое сопоставление не приводится.

не ведаете, и в святом письме и в духовных и в мирских хрониках не читали и не сведали есте, и мы вам хотим тем показати, что вы вашего великого князя земного человека божественную титулу даете и обладателем всеа Руси. И тому статись нелзе, что земному человеку что здержати, оприч ди(в)ного всемогущего Бога» [Селин, с. 375–379]. После чего те разворачивают последний аргумент, привлекая библейский и античные сюжеты в его подтверждение и завершают эту смысловую часть сентенцией: «И вы то сами можете увидеть, что вы не ученые и неразумны есте, что тем минушим и некрестьянским титулом Бога гневаете и его Господень гнев и казнь на себя и на свое владенье наводите»), что также стоит отметить как популярный для раннего Нового времени подход, правда, в целом слабо представленный в рассматриваемых документах. В этой же грамоте можно встретить не менее частый топос – артикулирование того, что авторы письма или говорящие строго привержены правде, и именно ее, в первую очередь, они отстаивают: «А мы пишем, что праведно есть и не глядим на вас [ни] в чем, да и хотим тово одноконно, чтоб есте такие неразумные и негожие писанья отставили, а мы больше того не хотим от вас ведати [и слы]шати... А вы сами есте неправедны и непрямы и так есте ото многих сот лет живете, а грозите нам огнем и мечем, и мы тово ни в чем не блюдемся» [Селин, с. 375–379]. Конструирование для своей фигуры подобного этоса являлось довольно распространенным в европейском политическом языке раннего Нового времени, особенно для областей, глубоко впитавших античную традицию.

В протоколе финальной части переговоров дьяка Постника Дмитриева и Герхарда Денхоффа 21 января 1593 г. (сохранилась только версия на немецком языке) содержится упоминание о том, что в тот день речь вновь зашла о титулах московского государя и шведского короля. Дьяк Постник Дмитриев усомнился в правомерности ношения шведским государем королевского титула относительно того, как он соотносится с титулами Александра Великого и других языческих королей, и властителей. Герхард Денхофф в ответ утверждал, что Швеция – уже тысячу лет как королевство, тогда как Москва является только великим княжеством (*grosfürstenthumb*) [Селин, с. 512–517].

В заключительный протокол переговоров (известный только по письмам-отчетам шведских комиссаров) Дмитриев вновь обратился к шведскому представителю Денхоффу с требованием включить в предварительное соглашение о перемирии титул царя-самодерж-

ца («Ihr habet nicht geschrieben unsrem groszmechtigsten kayser seinen titul als ein selbsterhalter aller Reuszen. – [Er] fragt die ursache worumb solchs nicht geschege») (Вы не написали нашему вельможнейшему царю его титул как “самодержец всея Руси”. [Он] спрашивает причину, почему этого не произошло). На это Денхофф парировал: «Мы ни в коем случае не дадим ему этот титул. И ни один христианский правитель не будет этого делать, потому что этот титул принадлежит только Богу Всемогущему». Вновь дьяк («канцлер») Постник Дмитриев апеллировал к прошлому: «Мы воздаем хвалу нашему вельможнейшему царю. И повторяет письмо, которое наши им писали об Александре Великом (Alexandri Magni) и прочих языческих правителях, которые носили тот же титул». В этот момент Денхофф использует как раз религиозный аргумент: «Для нас это большой смертный грех, давать такой титул смертному человеку. Ты плохо читал хроники и историю, потому вы изобразили историю совершенно неправильно». Дмитриев, однако не согласился: «Wir haben die historien auch wol gelesen» (Мы тоже хорошо читали историю). Уже в конце этого дня переговоров Дмитриев вновь вернулся к вопросу о титуле самодержца: «И титул самодержца подобает нашему государю, чтобы вы признали, что наш великий князь есть христианский правитель, чтобы не лилась невинная христианская кровь», однако вновь встретил отпор Денхоффа. Примечательно, что указание шведских комиссаров на невозможность самодержавия выглядит первоначально как своеобразный протестантский ригоризм; в то же время, по наблюдениям К.Ю. Ерусалимского, такое понимание власти государя вполне встречается в синхронных тязвинским переговорам источниках, скажем, британской дипломатии [Ерусалимский, 2025, с. 29].

На этом переговоры 1592–1593 гг. в целом завершились, чтобы возобновиться более чем через год, осенью 1594 г. Однако их материалы, оказавшись в руках посольских служащих, привели к серьезной подготовительной работе над наказом следующей посольской комиссии, отправленной из Москвы (кн. И.С. Туренин, Е.М. Пушкин, дьяки П. Дмитриев и Г. Клобуков). Работа велась летом 1594 г., и вопрос о том, как новым послам отвечать на предполагаемый упрек в присвоении самодержавного титула, был тщательно проработан в Посольском приказе, занимая значимую часть наказа. При подготовке наказа 1594 г. [Селин, Приложение 3] были использованы как раз важнейшие исторические тексты XVI в. о сердоликовой крабце, о Мономаховом венце, а также аргумен-

ты из Степенной книги о правомерности использования государями самодержавного титула с прямыми отсылками к Степенной книге, а также, вероятно, «Слову о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» [Слово].

В случае, если бы шведские послы отказались включать в текст договора о перемирии или мирного договора титулование царя самодержцем и прибегли к историческому аргументу — «учнут говорить, что преж сего прародители государевы самодержцом не описывалися», то российским послам следовало указывать прежде всего на признание самодержавного титула другими государями Европы и Азии — «великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец ко всем великим государем описуецца в своих грамотах самодержцом» [Селин, с. 541]. Далее в наказе следует «исторический контраргумент», отсылающий сперва к Мономаховой легенде: «Великий государь первой благочестивый царь Костянтин был во Царегороде и в Риме, при котором обретен чесный крест животворящего древа в Ёрусалиме, тому больши тысячи двусот лет, и тот описывался самодержцом, и по нем многие великие государи костянтинопольские цари самодержцом себя описывали» [Селин, с. 541–542]. Далее в тексте наказа пересказывается легенда о сердоликовой крабице [Селин, с. 542], подробно исследованная А. В. Сиреновым [Сиренов]. После этого проводится, по всей вероятности, пересказывая Степенную книгу, «исторический аргумент», о том, что предки царя Федора Ивановича также носили титул самодержцев. Среди этих «самодержцев» упоминаются «храбрый великий государь царь и великий князь Олександр Невский всеа Руси самодержец, иже своею храбростью многие Неметцкие земли победил и всю Рускую землю ото всех противных в покое сохранише», «великий государь царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Руси самодержец Донской, иже над безбожными агаряны над Ординским царем Мамаем великую победу показав», «мстительный правдам прадед государя нашего царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси самодержец», «великий государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси самодержец», а также «отец государя нашего царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси самодержец, победитель многих мусульманских государств» [Селин, с. 542–543].

Надо сказать, что, работая над «историческим аргументом» во время возможного поворота предполагавшихся посольских спорах, в текст наказа включили и более близкий исторический аргумент —

о «Юрьевской дани» (в случае возможного высказывания шведами сентенции о том, что «за государем в Лифляндии городов нет» [Селин, с. 544]. Был проработан в наказе и возможный вопрос о титуловании Б.Ф. Годунова слугой. Согласно тексту наказа, послы должны были указывать на то, что таковой титул — «честнее» всех бояр, сравнивая Годунова с прежними «слугами» — кн. С.И. Ряполовским и кн. И.М. Воротынским [Селин, с. 550].

Однако на вторых тязвинских переговорах речь о самодержавном титуле почти не заходила (во всяком случае в тех материалах, которые известны к настоящему времени). Шведскую посольскую комиссию более интересовали территориальные, но главное — экономические статьи предполагаемого Вечного мира, который и был заключен в Тязвине 18 мая 1595 г.

Приложение

Письмо шведских уполномоченных К. Флеминга, К.Г. Стенбока, Й. Бойе, А. Столарма и Г. Денхоффа российским послам. 1592 г., декабря 1

Оригинальный немецкий текст	Современный перевод	«Полевой» перевод на русский язык, сделанный в российском посольском стане в Тязвине в 1592 г.
<p>Ahn die Reusische groszegasanten, mit vorgehendem titul. Den ersten decembris ao etc. 92 von der Narva abgangen. Euren brief, den 28. novemb. geschrieben, haben wir entpfangen. Das ihr schreibet, wir haben ewrem grosfürsten nicht geschrieben einen selbsterhalter aller Reuszen, darumb sein wir ungelärt, das ist uns wunder zu hörende. Und wir mugen wol mit warheit schreiben, das ihr ungelerte und unwiszne leute seit, ja das ihr auch</p>	<p>К русским великим послам, с предшествующим титулом. Отправлено из Нарвы первого декабря 92-го. Мы получили ваше письмо, написанное 28 ноября. Что вы пишете, что мы не писали вашего великого князя самодержцем всея Руси, то мы в неясности, это для нас удивительно слышать. И мы могли бы истинно написать, что вы люди неученые и невежественные, что вы даже не знаете воли,</p>	<p>Перевод с немецкого листа, что прислан из Ъванягорода декабря в 10 день. Того пресветлейшего и велможнейшего и высокороженного князя и государя государя Ягана Третьяго, свейского, готцкого и венденского короля и великого князя Финские земли, корельского и иных многих и над пригородки в Ливонской земле арцук[а] нашего милостивейшего короля и государя великие послы, мы, Юрьи Бой, дедич в Емнесе и в Кулегарте, наместник</p>

nicht wisset Gottes willen, worth und wesen und in der heiligen schrift und auch weltlichen cronicen gantz nichts belesen und erfahren. Das bewiesen wir hiemit, das ihr ewrem grosfürsten und erdlichen sterblichen menschen, einen götlichen titul gebet, alsz nemblichen einen selbsterhalter aller Reuszen. Nun mag und kahn kein sterblicher mensche etwas selbst erhalten; alleine der allmechtige Gott, ein schepfer himels, der erden und aller creaturen, der ist ein selbsterhalter der königreiche, furstenthumb, aller menschen und creaturen und was im himel, im wasser und auf erden ist und lebet. So sagt auch die heilige schrift, das Gott die könige ab- und aufsetzet und gibt die königreiche denen und welchen ehr will, alsz ihr die historia von dem groszen könige Nebucadnezar, den Israelitischen königen Saul, Ahab und andren vielmher aus der biblischen historyen zu erlernde habt. Und seit ihr selbst so ungelärt, so lasset es ewren pfaffen euch vorlesen. So ist auch kein heidnischer oder unchristlicher potentat also gottlos gewesen, das ehr sich einen selbsterhalter seiner königreiche habe tituliren oder schreiben dürfen. Unahngesehen diese grosze Römische kaysern und monarchen als Julius Caesar, Augustus Octavianus, der grosze monarch und Persierkönig Xerses der zehenmhal

слова и сущности Божией, и что вы совсем ничего не читали и не узнали ни в Священном Писании, ни в светских летописях. Мы убеждаемся в этом, потому что вы вашему великому князю и земному смертному человеку даете божественный титул, а именно самодержца всей Руси. Ведь ни один смертный человек не смеет и не может держать что-либо сам; только всемогущий Бог, творец неба, земли и всех тварей, он самодержец всех королевств, княжеств, всех людей и тварей и всего, что есть и живет на небе, в воде и на земле. Так и в Священном Писании сказано, что Бог ставит и низлагает королей и дает царства тем и которым хочет, как вы должны узнать из истории о великом короле Навуходоносоре, израильских королях Сауле, Ахаве и многих других из библейских историй. А если вы сами так неграмотны, то пусть вам это прочитают вслух ваши попы. И даже ни один языческий или нехристианский государь не был настолько безбожным, чтобы позволять себе называть или писать себя самодержцем своих царств. Не говоря уже о таких великих римских императорах и монархах, как Юлий Цезарь, Август Октавиан, великий монарх и король персов Ксеркс, который повел

колыванской и наказатель Финские земли Северные страны, Арвей Ирикю, дедич в Линдове и в Грабаке, наместник ругодивской, Герт Донов, дедич кес(с) кой и в Коце, наместник апсельской и лиговерской, чиним вам, того пресветлейшего и велеможнейшего царя и великого князя Федора Ивановича владимерского, московского, новгородского, царя казанского и астороханского, государя псковского и великого князя смоленского, тверского, югорского, пермского, вятцкого, болгарского и иных великим послом Михайлу Глебовичю Салтыкову Морозову, окольничему и наместнику суздальскому, Деменше Ивановичю Черемисинову, думному дворянину и наместнику можайскому и Поснику Дмитреву, канцлеру, ведомо чиним, что мы ваш лист 28-го ноября, которой до нас дошел, о чом вы пишете, что мы вашему великому князю не пишем самодержцом всеа Руси, и мы будто не учены. И нам то в подивление слышеть и может то праведно писати, что вы не ученые и не ведущие люди и Божьей воли и слов и деянья не ведаете и в святом письме и в духовных и в мирских крониках не читали и не сведали есте, и мы вам хотим тем показать, что вы вашего великого князя земного человека божественную титул даете и обладателем всеа Руси. И тому статись не lze, что земному человеку что здержати, оприч

hunderttausend mhan uber die Greichen ins felدت gefuret, Alexander Magnus der doch in 12 jharen die gantze weldt unter seinen gehorsamb brachte, etc. Diese und andere mher gewaltige kayser und potentaten haben die gantze weldt, so lang es Gott der allmechtige ihnen vergönnen wollen, geherschet, haben dennoch sich nicht alsz sterbliche menschen götliche titule zueignen dürfen, nemblichen das sie solten selbsterhalte-re ihrer königreiche und underthanen sein. Diese weisze fursten haben wol furstanden und gewüst, das Gott sie selbst, ihre regement und underthanen durch seine götliche allmacht, gnedigen, heiligen, götlichen willen und weisen räth erhalten muste. Hirusz könnet ihr selbst sehen, wie unge-lärth und unvorstendigk ihr seit und wie hoch mit diesem unmenschlichen und unchristlichen titul ihr den allmechtigen Gott erzurnet und seine götliche rache und strafe auf euch und euer regement hiemit geladen habt. Und wan ihr diese sache christelichen erwegten, wurde uns nicht wunder sein, das ihr aus forcht fur gottes zorn und strafe zur erden nidersturtzet. Wir können auch nicht glauben, das ewr grosfurst, der fromb gerümbt wirdt und mher des gottesdienstes alsz andrer groszen weldtlichen sachen sich befeisset, einen solchen unchristlichen titul beget. So wirdts auch kein

миллион человек в бой против греков, Александр Великий, который всего за двенадцать лет привел весь мир в свое повиновение, и т.д. Эти и многие другие могучие императоры и государи правили всем миром до тех пор, пока Бог всемогущий им позволял, но и они не смели присваивать себе как смертным людям божественные титулы, а именно, будто они самодержцы своих королевств и подданных. Эти мудрые князья прекрасно понимали и знали, что Бог должен был сохранить их, их правительство и подданных своим божественным всемогуществом, милостивой, святой, божественной волей и мудрым советом. Отсюда вы сами можете видеть, как вы невежественны и неразумны, и как сильно вы разгневали Бога этим бесчеловечным и нехристианским титулом и навлекли на себя и свое правительство Его Божественное возмездие и наказание. И если вы посмотрели на это дело по-христиански, то мы не удивляемся, что вы пали на землю в страхе перед гневом и наказанием Божиим. Мы не можем поверить и в то, что ваш великий князь, благочестие которого похвально и который прилежен в служении Богу более, чем в великих мирских делах, желает такого нехристианского титула. И также никакой христианский государь

ди(в)ного всемогушщего Бога, творца небу и вся твари, он есть один сам здержитель королевством и княж(е)ством и всем людем и всей твари, что есть на небе и в водах и на земле живет. И по писанию святому пишетьца, что Бог все[х] королей высит, дает королевства, кому хочет. В повести пишетьца о великом короле, первом во Израиле о Сауле и иные повести из Библие многие к вашему учению имеете. И будет вы сами не учены, и вы велите своим попом перед собою честь. И не был никоторой поган, и крестьянской вельможа, что он себя здержателем своего королевства титулом писати имел, как были великие римские цесари и монархи, и Юлиус Перши, Август Охтавиянус, и великая персидская монарха и король Артаксеркс, которые до десятисот тысяч войска в поле собрав, Олександр Великий в одиннатцать лет всю вселенную под свою руку подвел – такие многие цесари и велеможи владели всем светом, доколе всемогущий Бог велел, и они, минующие люд[и], Божьей титлы себе не присписывали, чтоб им быть самодержцом их королевств и подданных. Такие мудрые князи могли поведать и разуметь, что Бог над их властью и подданными по своей Божьей силе и воле сотворит. И вы то сами можете увидеть, что вы не ученые и неразумны есте, что тем минушим и некрестьянским титулом Бога гневаете и его

christenpotentat oder christliche nation euch zuschreiben, und wir thüms in ewigkeit auch nicht. Ihr schreibet abn uns nicht alsz ahn eines groszen konigs groszgegesanten, besondren alsz when ihr ewre pawren vor euch hettet. Dan ihr schreibet ahn uns: schreibet ein erhalter aller Reuszen; Arff Erichszon, schreib dir nicht stadthalter zur Narwen. Ihr sollet aber wissen, das ihr ewren pawren, und nicht uns, also schreiben sollet. Wir schreiben was recht ist und achten ewres willens gar nichtes, besondern wollen entlichen, ihr sollet mit solchen unvorstendigen und unhöflichen schreiben einhalten. Dan wir wollen kurzumb solches nicht mher von euch hören und wissen. Ihr schreibet von dem Novgardischen stadthalter. Ihr sollet aber wissen, das solcher leute unserer groszmechtigster könig in ihren maytt. königreiche viele hat, die dem Novgordischen stadhalter gleich sein. Ihr soltet euch schamen davon zu schreiben. Achtens auch nicht werdt, euch darauf mher zu andwortende. Ihr schreibet, unser groszmechtigster könig ist unwarhaftig und ungerecht. Das schreibet ihr mit unwarheit und alsz unwarhaftige leute, und ist abermaln eur grober unvorstandt zu ersehende, das ihr so grob und unhöflich von einem solchen groszmechtigen und gewaltigen christlichen und rechtliebenden könig schreibt. Alle welt

или христианский народ не будет вам так писать, и мы не будем делать этого вовек. Вы пишете нам не как великим послам великого короля, но как если бы перед вами были ваши крестьяне. Ибо вы пишете нам: пишете держатель вся Руси; Арвид Эриксон, не пиши себя наместником Нарвы. Вы, однако, должны знать, что вы так должны писать своим крестьянам, а не нам. Мы пишем то, что положено, и нисколько не чтим вашу волю, но хотим, чтобы вы прекратили писать такие неразумные и невежливые письма. Ибо, говоря коротко, мы больше не хотим такого от вас слушать и знать. Вы пишете о новгородском наместнике. Вы же должны знать, что таких людей у нашего вельможнейшего короля в их величества королевстве много, которые равны новгородскому наместнику. О том писать вам должно быть стыдно. И не стоит труда, вам более на то отвечать. Вы пишете, что наш вельможнейший король не праведен и не справедлив. Вы пишете это с неправдой и как неправдивые люди, и это еще раз свидетельствует о вашей грубой неразумности, что вы так грубо и невежливо пишете о настолько вельможном и могучем христианском и праведном короле. Весь мир будет смеяться над вашей неразумностью и невежливостью

Господень гнев и казнь на себя и на свое владенье наводите. И будет такие дела письменные себе выразуеете, и нам бы то не было в удивление, что вы от страхованья Божия гнева и от казни к земли припали. И не можем поверить, чтоб ваш великий князь, которой кротостью своею высланен, и больши он к Богу подвиг имеет, нежли к иным к мирским делом подвижен, и такого некрестьянского титла себе не жадает. И не станут к вам некоторые крестьянские велеможи и народы тем писати, и мы то(го) ввеки не учиним. А не пишете вы к нам как великого короля II к великим послом, только как бы своих холопей перед собою имеете, а пишете к нам, чтоб мы писали самодержцом всеа Руси, а Арвей бы Ириков не писался наместником ругодивским, и вам бы было ведомо, чтоб есте к своему холопу так писали, а не к нам. А мы пишем, что праведно есть и не глядим на вас [ни] в чем, да и хотим тово однокон(еч)но, чтоб есте такие неразумные и негоджие писанья отставили, а мы больше того не хотим от вас ведати [и слы]шати. А пишете о новгородцком наместнике, и вам было ведомо, что таких людей наш вельможнейший король его величество в королевстве много имеет, которые новгородцком наместнику равны, и вы б о том посоромились писатися, и не держим мы вас годными, на том вам ответ учиним. А пишете наш велеможный

wirdt ewres unvorstandes und unhöflichkeit lachen und sich gar viel über eure grobheit und unvorstand zu vorwundren haben. Und ihr seidt selbst unwarhaftigk und ungerecht. Das seit ihr viel hundert jahren gewesen, wie das alle hendle und eure vordrege ausweisen. Ihr dreuwet uns mit fewr und schwerdt. Davor forchten wir uns nictes, und sehet selbst zu, das umb eure gotlose hendele und tiranney willen Gott nicht fewr und schwerdt zu vorderb und untergang eures regements, landen und leuten über euch erwecken und furen wirdt. Corelen und Narven ist users groszmechtigsten königs erbe. Derwegen lassen wir den titul nicht nahe. Ihr schreibt, wir schreiben alsz Schwedische kaufleute. So sollet ihr wissen, wir sein ehrliche vom adel und keine kaufleute. Aber viele kaufleute hat unser groszmechtigster könig zu underthanen, die viel besser die sachen vorstehen und höflicher, weiszer und vorstendiger handeln und schreiben solten alsz ihr thut. Konte derwegen es wol sein, das ihr vielmher mit kaufhendlen, als wir, umbgehen. Vorstundet ihr auch, wasz ewren landen und leuten ahn einem christlichen frieden und stillestande gelegen were, ihr wurdet mit solchen ungeburlichen und unvorstendigen schreiben nicht umb euch werfen. Ihr schreibet, ihr habt nicht wider den abscheidt und kreutzkussung gehandelt.

и удивляться вашей грубости и неразумности. Да и сами вы неправдивы и несправедливы. Вы были такими многие сотни лет, как это показывают все дела и ваши договоры. Вы угрожаете нам огнем и мечом. Мы нисколько этого не боимся, и сами проследите, как бы ваших безбожных дел и тирании ради Бог не воздвиг и не повел на вас огонь и меч к гибели и падению вашего правительства, земля и народа. Корела и Нарва — это наследственные земли нашего вельможнейшего короля. Поэтому мы этот титул не оставим. Вы пишете, будто мы пишем как шведские купцы. Да будет вам известно, что мы честные дворяне, а не купцы. Но у нашего вельможнейшего короля в подданных много купцов, которые много лучше разумеют дела и могли бы мудрее и разумнее действовать и писать, чем вы это делаете. Поэтому вполне может оказаться, что вы обращаетесь с купцами гораздо чаще, чем мы. Если бы вы понимали, что для вашей страны и народа значат христианский мир и перемирие, вы не стали бы разбрасываться такими неподобающими и неразумными письмами. Вы пишете, что не действовали против грамоты и крестного целования. Но доказано обратное. Если вы хотите действовать во имя христианского мира и перемирия, то

король есть неправый и не прямой, и вы то пишете несправедливо, как несправедные люди. И ныне есть ваше великое неразумье, что вы так неподдельно и непригоже о таком велеможном и великом крестьянском и королевстве любящего короля пишете, всяк свет вашему неумению и непригож(е)ству смеетца. И в удивленные ваш неразум во [...]. А вы сами есте неправедные и непрямы и так есте ото многих сот лет живете, а грозите нам огнем и мечом, и мы тово ни в чем не блюдемся. И вы сами тово смотрите над собою, чтоб для ваших лихих окоянных дел и кровопивства Бог огнем и мечом и разореньем и к исходству ваши земли и людей над вами будет. Корела и Ругодив есть нашего велеможного короля вотчина, и для того мы того титла не отставим. А пишете, что мы пишем ка[к] бы свейские торговые люди, и вам то было ведомо, что есмь честные люди от шляхецкого рода, а не торговые люди. А велеможной король наш много имеет торговых людей подданных, которые лучче те дела разумеют и мудры и разумны, делают и пишут, как вы делаете. И мочно тому быть, что вы торговлею больши, нежели мы, а разумели бы есте, чтоб вашим землем и людем, крестьянскому миру и к пере[мирию] пригож было, и вы б с таким неразумным писаньем нас не на(во)дили. А пишете, что есте против крестного целования и зап[исей] не

Das ist aber anders zu beweisende. Wollet ihr umb christlichen frieden und stillestandt handeln, worumb bringt ihr wider unsren abscheidt, das wir mit 200 mhan wolten zusammenkommen, ewre kriegsvolck mit? Derwegen seit ihr unwarhaftigk und glaubbrüchig. Wir zwö aber sein nicht aus andren ursachen ausz der Narven getzogen, besondern umb ewrer unwarheit willen und das ihr eur kriegsvolck abschaffen sollet, wie der abscheidt gewesen, oder das wir auch mit unsrem kriegsvolck gleich fertigm mit euch handelten, auf das ihr euch nicht rümbten, ihr hattet unsers groszmechtigsten königs groszegesanten mit eurem kriegsvolck zum frieden gezwungen. Derwegen wollet ihr, alsz eines groszen hern grözegesanten, mit uns, wie eines solchen groszmechtigsten königs groszegesanten, umb einen christlichen stillstandt und gute sache handeln, so thut alsz solchen groszegesanten, umb einen christlichen stillstandt und gute sache handeln, so thut alsz solchen groszegesanten, weisen und vorstendigen leuten geburet. Schreibet nicht unvornunfftige briefe, dorein ihr vorechtliche und unvorstendige wörte setzet. Das dienet zu keinen guten hendlen. Uns geburet vormuge des abscheidts, vorschreibung und kreutzkussung, das wir zusammenkommen und umb gute sachen und einen stillstandt handeln sollen. Derwegen thü wir euch nochmals hie mit zu wissen, dass wir zu vorhutung christlich

зачем вы приводите с собой против нашего решения, чтобы мы встретились с 200 человек, ваши войска? Поэтому вы неправдивы и вероломны. Но мы двое ушли из Нарвы ни по какой другой причине, но только из-за вашей неправдивости, и чтобы вы отвели свои войска, как было в грамоте, или чтобы мы также переговаривались с вами с нашим войском наготове, дабы вы не хвалились, будто вашим войском принудили великих послов нашего вельможнейшего короля к миру. Поэтому вы бы как великие послы великого государя с нами как с великими послами вельможнейшего короля переговаривались бы о христианском перемирии и добром деле так, как подобает таким великим послам, мудрым и разумным людям. Не пишите неблагоприятных писем, в которые вы вкладываете пренебрежительные и неразумные слова. Это не служит доброму делу. Нам подобает в силу грамоты, соглашения и крестного целования сойтись и вести переговоры о добрых делах и перемирии. Поэтому мы еще раз настоящим даем вам знать, что мы для предотвращения христианского кровопролития склонны переговариваться с вами о добрых делах и христианском перемирии. Арвид Эрикссон, наместник Нарвы, поручит нашим дворянам договорить

чинили, и то не так показуется, будет о крестьянском перемирье хотите делати, и вы почему учините сверх договору, что нам съехатца з двумя сты человеки, а н[е] П воинским таково ж. И вы есте неправедны и правды не здержанны. А мы не из боязни от Ругодива поехали, только для вашего неправедного дела, что было вам своих воинс[ких] людей по приговору отставить, или нам было с нашей [воин]скою силою готовым быть с вами делати, чего бы есте се[...] не похвалили, что есте вельможного короля великих послов к миру приневолити. И вы б ныне как есть великого государя великие послы с нами велеможного короля с великими послами о крестьянском перемирье и о добрых делех делати, и вы учините как таким великим послом мудрым и разумным человеком подобает чинити, не пишите не поделных листов, в которых неразумные слова ставите, то не пристойно к доброму делу. А подобает нам по записем писанье и крестным целованьем утверженье, чтоб нам съехатись и о добрых делех о перемирье делати. И ещо сверх того ведомо чиним, что мы для пролитья крови крестьянские преклонны есмь с вами о добрых делех и о крестьянском перемирье чинити, Арвей Ириков, наместник ругодивской, для укрепленья кресного целованья, и как нам, великим послом, съехатись вместе, нашим дворяном с вашими дворяны крестным целованьем укрепити велел, и в то

<p>plutvorgiessens geneigt sein mit euch umb gute sachen und christlichen s tillstandt zu handlende. Arff Erichszon, stadt-halter zur Narven, wirdt wegen der kreutzkussung und vorsicherung, wie wir groszgegesanten zusammen kommen sollen, durch unsere hofjunckre mit euren hofjunckren handeln lassen. Damit auch in mitler zeit kein guter handel vordorben werde, so haben wir unsrem kriegsvolck gepoten, das sie in ewres grosfursten und hern landen nicht einfallen oder einigen schaden euren landen, grentzen und leuten thuen sollen, bis so lang wir zusammengewesen und die groszgegesanten von beiden teilen von einander, ein jeder in sein gewarsamb, sicher getzogen sey. Das wollet ihr bey eurem kriegsvolck auch also ordenen und befelen und darzu ursache geben, das wir aufs erste zusammen kommen mugen. Hirauf last uns eure schriftliche andwordt zukommen. Geben bey unsrem kriegsvolck, [Wesenberg] den ersten decemb. ao etc. 92.</p>	<p>ся с вашими дворянам о крестном целовании и о том, как нам, великим послам, встретиться. Чтобы также за это время не испортились добрые переговоры, мы приказали нашему войску не вторгаться в земли вашего великого князя и господина и не причинять никакого вреда вашим землям, границам и людям, пока мы не сойдемся и великие послы с обеих сторон безопасно не разъедутся друг от друга, каждый в свою сохранность. И вы бы так же вашему войску приказали и повелели, и указали причину, что мы сперва съедемся. Дайте нам на это ваш письменный ответ. Дано в нашем войске, [Везенберг], первого декабря, [15]92.</p>	<p>время ни(ко)торая порука не учинилась. А мы нашим воинским людем наказали, чтоб они в вашего государя землю не въезжали и некоторые шкоты не чинили вашим землем и людем до тех мест, покаместа меж собою съезжаемся, и розъехаться бы с обе стороны добровольно по своим местом без зацепки. И вы б по тому ж своим воинским людем наказали, чтоб нам съехаться скорее, и вы нам о том учините свой писменной ответ. Писан у наших воинских людех 1 декабря месяца 1592-го.</p>
---	--	---

Примечания

Документ на немецком языке впервые опубликован в [Cordt, p. 122–126]; современная публикация немецкого текста и перевода с археографическим описанием: [Селин, с. 462–464, 481–487]; «полевой» перевод 1592 г. хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории³; опубликован: [Селин, с. 375–379]. Текст на немецком языке — не текст подлинного письма шведских посоль-

³ СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 260–264.

ских комиссаров, но близкий к тексту его пересказ, направленный из Нарвы в Риксрод. Поэтому из него удалены полные титулы членов обеих посольских комиссий. В переводе, сделанном в русском посольском стане, эти титулы указаны; дата присылки документа в начале перевода ошибочно указана как 10 декабря 1592 г., тогда как в конце документа в «полевом» переводе поставлена верная дата — 1 декабря.

Литература

Ерусалимский К. Ю. Император Святой Руси. М., 2025.

Селин А. А. Тявзино 1592–1595 гг. Политические игры на востоке Балтики. СПб., 2024.

Сиренов А. В. Сердоликовая крабица московских князей XIV–XVI вв. как царская инсигния // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 57–66.

Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Библиотека литературы древней Руси. Т. 6. СПб., 2005. С. 224–226.

Cordt B. Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina // *Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*, Bd. 16, Heft 2, Dorpat, 1892.

Восточные языки и устная коммуникация в пространстве южного пограничья (практики Войска Донского последней четверти XVII — начала XVIII вв.)

Статья продолжает авторские публикации по истории устной и письменной коммуникации в Северо-Восточном Приазовье (включая Донскую землю) и на соседних с ним пограничных территориях XVII–XVIII вв. [Сень, 2020, с. 84–120; Сень, 2023 а, с. 322–341; Сень, 2024, с. 117–124]. Проблематика статьи вписана в пространство следующих актуальных и, вместе с тем, малоизученных, исследовательских вопросов:

1. Выявление степени распространения и владения в среде донского казачества восточными языками (прежде всего, калмыцким, татарским и османо-турецким), дифференцируя использование казаками устной и письменной речи; здесь же замечу, что письменными языками той же группы на Дону долгое время мало кто владел. Необходимо при этом избегать преувеличенных оценок наблюдаемого явления, на что в свое время обратил внимание В. Н. Королев, в то же время признававший, что «общение казаков XVI–XVIII вв. с татарами и турками на их языках, действительно, было обычным делом» [Королев, 1999, с. 100].
2. Анализ влияния, оказываемого на этнографический и т.п. культурный кругозор донского казачества географией их морских и сухопутных походов, в т.ч. предполагавших открытую коммуникацию с представителями разных культур и народов за пределами Донской земли; сюда же, вероятно, можно отнести практики пребывания/выживания казаков в плену, в числе прочего приводившие к развитию т.н. *экстремального культурного билингвизма* [Пашенко, Урушадзе, 2012, с. 103], включая овладение «чужими» языками. Полагаю, что это происходило во время пребывания казаков и других российских подданных в плену у кубанских ногайцев, в Крыму и т.п. Должно быть, характерной

для части полоняников (не только казаков) становилась ситуация, когда они начинали понимать ногайскую речь. Так, по сообщению вышедшего в 1696 г. из-за Кубани в Азов волошенина П. Горгиля, «он же де, Петрушка, *слышел от хозяина сваиво и от иных нагайцов* (выделено мной. — Д.С.), что собрание в Крыму туркам и будут под Азов на весну все крымцы и турки, и нагайцы и кубанцы»¹. Результат подобной же практики отразился в расспросных речах 1696 г. другого бывшего полоняника — черкашенина А. Матвеева, также общавшегося с кубанскими ногайцами², понимавшего чужую речь явно лучше, нежели могло потребоваться от ясыря *в быту* с помощью некоторого количества слов. Не менее основательно понимал татарскую речь и волошенин В. Николаев, вышедший в Азов из-за Кубани в октябре 1700 г., уже *много лет* томившийся в плену³. В похожей ситуации оказывались многие из числа донских казаков, регулярно попадавших в плен к азовским туркам-османам или к кубанским ногайцам. Среди них — казак станицы Верхне-Рыковской С. Прокофьев, попавший в плен под Азовом в первой половине 1696 г., а затем оказавшийся на Кубани у ногайцев⁴. Из плена он бежал весной 1699 г., будучи расспрошен в Азове 17 апреля 1699 г.; расспросные речи С. Прокофьева передают содержание *услышанного* им на самые разные (не «бытовые»!) темы как от своего хозяина, так и от ногайцев, разговаривавших *между собой*⁵.

3. Исследование культурного взаимодействия донского казачества с окружающим тюркским и др. населением в условиях «вынужденного соседства», прежде всего — с населением пограничных территорий Крымского ханства и Османской империи; речь идет о языковом сопровождении самых различных пограничных контактов, включая внеконфронтационные (торговля, окупные операции, «замирения», обмен грамотами и т.п. документами); особую, но вряд ли — исключительную, роль играли в процессах межкультурной коммуникации войсковые толмачи и мировщики,

¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

² Там же. Л. 13–14.

³ Там же. Д. 237. Л. 10–11.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4.

относившиеся на Дону к «лучшим людям». Что касается «толмаческого» аспекта в процессах общения донских казаков со своими «восточными соседями», то он отражен в статье — при объяснении истоков толмаческого опыта (потом влиявшего на признание Войском Донским их языковых компетенций как заслуг и на избрание их, как, например, М.Ф. Сулина, войсковыми толмачами) конкретных донских казаков.

4. Выявление/сравнение форм и методов регулярного сбора донскими казаками разведывательной и т.п. информации, необходимой как самому Войску Донскому, так и российским центральным/региональным властям, получаемой в т.ч. при помощи расспросов «языков», перебежчиков/переметчиков⁶, полоняников восточного происхождения (а также разведывательной деятельности казаков и других лиц, скажем, на территории ногайской Кубани, Калмыцкого ханства, османского Азова). Существовало множество каналов подобной коммуникации, в т.ч. связанных с действиями и с поведением нарушителей войскового права и, конечно, беглецов из османского Азова. Согласно показаниям вернувшегося с Дона полуголовы московских стрельцов В. Волжинского в Посольском приказе от 18 ноября 1675 г., «в то время от казаков к азовцам перекинулись с ведомостью два человека. Да и *в ыные де времена* (Выделено мной. — Д.С.) какое великого государя дело зайдет, или присланы бывают о каких промыслех великого государя грамоты, *и от казаков бывают в Азов переметчики* (Выделено мной. — Д.С.). И ж[и]в[я] в Азове года по два и по три, приезжают назад в Азов (явная описка, должно быть: «на Дон». — Д.С.), а казни тем людем казаки... толко по своему казачью приговору чинят тех людей лысым[и], естли

⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 5, 8, 44. Одним из перебежчиков оказался «перекинувшийся» из Азова на Дон 7 марта 1688 г. «турчанин» («челяднин»), *расспрошенный* казаками в кругу и сообщивший Войску Донскому множество вестей. Подкупленных же «доброжелателей» из Азова донцы «принимали как добрых своих приятелей и обыкновенно называли: наши прикормленные люди» [Сухоруков, 1824, с. 213]. Еще один традиционный способ получения казаками нужной информации — допросы пленных татар и турок-османов в Черкасске на Кругу; вот пример допроса в 1698 г. «языка татарина» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–2).

с кем учнет бранитца, и ево волно бить, а суда не давать»⁷. 4 августа 1701 г. из Черкаска в Азов приехали войсковой толмач И. Ярунченко и «базовый татарин» А. Кривой. Из расспросных речей толмача следовало, что татарин, вернувшийся с Кубани 3 августа, «сказывал в войску ведомости, которые, будучи на Кубани, слышал»⁸. Войсковой атаман Л. Максимов прислал его при толмаче⁹ в Азов, где татарина допросили в тамошней приказной избе. Оказалось, что он ездил на Кубань в т.ч. «для проведыв[анья] по войсковому приказу тайным обычаем всяких ведомостей», пробыв в улусе Урака-мурзы около трех месяцев и сумев снискать доверие тамошних ногайских татар, принявших его за ногайца. А. Кривой предоставил ряд важных сведений, в т.ч. о намерениях крымского хана Девлет-Гирея II и ногайских мурз¹⁰. В 1685/86 г. на Дон к казакам сбежал из Азова сын чавуша — Али б. Юсуф, крестившийся и ставший казаком. Турок-перебежчик стал Иваном Петровым сыном Турченином¹¹, получившим за «переезд» и за крещение «денег пять рублей, да сукно аглинское». Любопытно, что крестным отцом «нового» казака оказался донской казак П. Мурзенко (Мурзенок) [Аваков, 2020, с. 161], прозвище которого указывает на его неславянское (или по отцу — метисное) происхождение. Позже И. Петров (Турченин) был отправлен в Москву в составе казачьей станицы, где снова рассказал свою историю в Посольском приказе 15 декабря 1686 г. Логично полагать, что не выходцы из пограничных владений Крымского ханства и Османской империи, а донские казаки, в первую очередь, демонстрировали в подобных случаях знание татарского и османско-турецкого языков. Другое дело, что, скажем, и кубанские ногайцы с течением времени получали больше оснований для овладения русским языком — не исключено, что под влиянием завоевания Россией в 1696 г. Азова и, тем самым, масштабного укрепления ее позиций в регионе. Так, вышедший в мае 1711 г. из

⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2221. Л. 10. Благодарю П.А. Авакова за выписку из документа.

⁸ Там же. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1.

⁹ Можно полагать, что базовый татарин А. Кривой не говорил по-русски.

¹⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 2–3.

¹¹ Там же. 1686 г. Д. 19. Л. 88, 89.

кубанского плена донской казак С. Савельев, сообщал на допросе в Азовской приказной палате среди прочего о том, что ему довелось общаться на Кубани с астраханским торговым татаринном, а также с кубанскими «многими» татарами, «которые говорят по-русски». Примечательно, что Савельев ранее был отправлен на Кубань в составе крупной казачьей партии именно «для взятия языков»¹².

5. Изучение полиэтничного и поликонфессионального состава донского казачества, в т.ч. связанного с устойчивым проживанием в его среде и на войсковой территории ногайского (донских татар из станицы Татарской, именуемых самими казаками «наши татаровя») и калмыцкого населения¹³, а также с устойчивыми практиками заключения на Дону межэтнических браков (в результате которых на Дону регулярно появлялись и проявляли себя т.н. *тумы*, которых можно уверенно отнести к «культурным медиаторам» в пространстве языковых и иных коммуникаций в регионе и за его пределами). Примечательно, что часть казачьей верхушки действительно была связана с тюркским миром родственными связями. Так, *кубанской ногайкой* была по происхождению жена (одна из жен?) войскового атамана Ф. Минаева, родной брат которой приезжал в Черкасск с татарами и турками, скажем, в 1699 г. («да с ними ж был татарин, Утейкою зовут, черкасского атамана Фрола Минаева жены ево Фролова брат родной, а живет он Утейко на Кубани ж»¹⁴). Он же фигурировал в источнике 1700 г. как «Этей Абдалай Аджин сын, войскового атамана Фрола Минаева шурин, жены ево нынешней брат родной»¹⁵ – улусный человек Есенея-мурзы. Не исключено, что именно в связи с ногайским происхождением жены атамана Ф. Минаева один из его сыновей – Василий – фигурировал в россий-

¹² РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 352, 352 об.

¹³ Датский пастор П. фон Хавен, будучи современником и очевидцем описываемых событий, недаром писал в 1736 г., что Черкасск, все улицы и дома которого устроены «на турецкий манер», ведет оживленную торговлю «и заселен всевозможными азиатскими нациями» (*Хавен П., фон. Путешествие в Россию / пер. с датского, вступ., биогр. П. Хавена, примеч., комм. и именной указ. д.и.н. В.Е. Возгрина. СПб., 2007. С. 94*).

¹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 137. Л. 135.

¹⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 25.

ских источниках начала XVIII в. как *тума*¹⁶ (т.е. метис, полукровка) участвуя вместе с *такими же казаками* в отгоне летом 1708 г. у булавинцев войскового табуна¹⁷. У В.Д. Сухорукова находим сведения о том, что прислуга в доме атамана Ф. Минаева состояла из татар и турок, с которыми он якобы обходился «как товарищ, братски» и которые приходились ему в «праздное время» *обыкновенными собеседниками* [Сухоруков, 1824, с. 243–244]. Согласно его же данным, атаман принимал у себя в доме «Азовского агу, Турецких пашей, Горских князей, знатных татарских мурз. Все эти Азиятцы, находившиеся с ним в дружеских связях, часто нарочно приезжали в Черкасск для свидания с Фролом Минаевичем» [Сухоруков, 1824, с. 248]. Возьмем другой пример — Л.М. Савелов полагал, что известные на Дону казаки Машлыкины (принадлежавшие, по его мнению, к древнейшим родам донского казачества [Савелов, 1896, с. 5]) являлись по происхождению турками, либо, возможно, татарами [Савелов, 1905, с. 13]. К слову, один из Машлыкиных — Иван — явно неслучайно оказался включен в группу черкасских *мировщиков*, ездивших в 1699 г. на Кубань «в орду для миру» и для решения с ногайцами других вопросов¹⁸. Тумой являлся один из лидеров кубанских казаков — С. Пахомов, который «прежде сего (до 1694 г. — Д.С.) жывал в городке на устье Хопра»¹⁹; возможно, того же происхождения были и другие казачьи лидеры — Л. Маноцкий и П. Мурзенко (Мурзенок) — поведение и активность которых могут получить, таким образом, новое перспективное объяснение (речь о билингвизме как о социальном капитале/ресурсе и пр.). Вероятно, данное суждение можно распространить на мотивации и направления деятельности многих донских казаков, владевших тем или иным восточным языком; это, безусловно, облегчало совершение ими торговых и иных сделок с азовцами [Дружинин, 1889, с. 18]²⁰ и с кубанцами,

¹⁶ Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 131.

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М.: Л., 1950. С. 14, 15; Новое о восстании К. Булавина... С. 129–130.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 117. Л. 167 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 177.

²⁰ Один из наиболее поздних случаев (по отношению к событиям в регионе до 1696 г.) традиционной для местного пограничья торговли относится ко второй половине 1693 г. 19 сентября 1693 г. в Посольском приказе явились

обзаведение по обе стороны «границы миров» нужными связями, наконец, выполнение по воле разного начальства (в т.ч. российской азовской администрации) «щекотливых» миссий разведывательного характера.

Предстоит уточнить суждение В.Н. Королева, что «среди донцов *всегда было много людей* (Выделено мной. – Д.С.), знавших иностранные языки. Этому способствовал ряд факторов, среди которых... тесное и постоянное общение с внешним, в особенности тюркским миром и присутствие в Войске различных иноязычных элементов и целых иноэтничных групп. Нередко языки осваивались казаками, подолгу находившимися в плену. Разумеется, в полную силу сказывалось и иноземное... часто тюркское происхождение казачьих жен, которые затем становились казачьими матерями и бабушками» [Королев, 1999, с. 100]. Недаром В.Д. Сухоруков, сам донской казак и замечательный бытописатель донского казачества, выразительно отметил в работе 1824 г., что «наши прабабушки» любили между собой говорить в беседах «по Татарски, что в то время было в большой моде» [Сухоруков, 1824, с. 264]. При этом Королев уточнял, что речь шла о т.н. «домашнем языке», остатки которого кое-где сохранялись вплоть до XX в.» [Королев, 1999, с. 100]. Отмечая, что знание языков являлось «важным... элементом культуры донского казачества», Н.А. Мининков указывал на владение казаками, помимо языков тюркского мира, польским, калмыцким, греческим, персидским языками [Мининков, 1998, с. 462].

Регулярные контакты Войска Донского с его восточными контрагентами (Калмыцким ханством, региональными властями/администрациями Крымского ханства и Османской империи, а также с рядовым населением этих государств) приводили

станичный атаман А. Фролов, есаул И. Самаренинов с девятью рядовыми казаками и подали войсковую отписку. В частности, они сообщали, что выехали с Дона три недели назад [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 11]; а до выезда им стало известно о нападении татар на черкас с обозом на р. Берды, многих из которых «побили, и переранили, и взяли в полон», а затем отвезли в Азов. Но что самое интересное – этих полоняников в Азове видели «многие их казаки в Азове, которые ездят с торгом, потому что они с азовцы в миру, и приехав из Азова те торгоши, на Дону войсковому атаману Фролу Миняеву и всему войску сказывали» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 11–12]. Впрочем, еще в Великий пост 1696 г. группа донских казаков отправилась «для торгового промыслу» к Каланчам, т.е. к Каланчинским башням (захваченным Россией в ходе первого Азовского похода), и «быв дни с четыре, поехали в Черкаской» [ГАВО. Ф. И-5. Оп.1. Д. 15. Л. 3].

к развитию у казаков необходимых компетенций, прежде всего, в части владения *тремя* языками – татарским, османо-турецким и калмыцким. Вероятно, даже с верхушкой Кабарды российские посланцы, среди которых был и черкасский донской казак Аксен Фролов, общались весной 1711 г.²¹ не на кабардинском, а на каком-то из тюркских языков. Замечу, что на казачьем Дону регулярно возникало множество актуальных поводов и задач для овладения «чужими» языками, чем тех, которые решались с помощью *только* войсковых толмачей. Не приходится сомневаться в том, что казаков, знавших хотя-бы один из вышеназванных языков, на Дону было гораздо больше. Так, в 1685/86 г. царским жалованьем был награжден в Москве станичный атаман П. Никифоров (Никифоров): «сверх указной дачи пара соболей в 10 рублей для того, что он *турской язык достаточно знает* (Выделено мной. – Д.С.) и часто войском посылают ево для всяких дел в Азов»²². Действительно, в ходе расспросных речей в Москве казачьей станицы (возглавляемой, замечу, тем же П. Никифоровым и есаулом О. Михайловым) от 30 ноября 1684 г. выяснилось, что в ответ на враждебные действия азовцев Войско Донское отправило Никифорова с казаками в Азов к новому на тот момент санджакбею Муртазе-паше «о том выговаривать, что он так чинит и татар выпускает и чинит смертное убивство и грабеж за миром», требуя возвращения на Дон плененных азовцами казаков²³. Санджакбей отвечал, что он никого не отправлял нападать на казаков и «отдавать им нечего», выдвинув версию, что донских казаков пленили кубанские татары, которые «не Азовские и не его присуду»²⁴. Однако Никифоров утверждал, что донцов пленили именно азовские татары, о чем ему *сообщали* «многие азовцы».

Интересны расспросные речи донского казака станицы Дурновской Черкасского городка З. Иванова, знавшего *турецкий и татарский языки* и допрошенного в Азовской приказной палате перед воеводой С.Б. Ловчиковым 13 марта 1701 г. Замечу, что с ноября 1700 г. он торговал на Кубани с двумя казаками греческого происхождения. В речах Иванова фигурировал авторитетный на Кубани

²¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 244–246 об.

²² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 320.

²³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 11. СПб., 1869. С. 254; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 89 об. – 90.

²⁴ Дополнения к актам историческим... Т. 11. С. 254.

Сартлан-мурза — «дядька» неназванного по имени сына крымского хана, «кой был на Кубану салтан», который в начале года (1701?) пошел во главе Кубанской орды вместе с Крымской ордой под началом хана против Белгородской орды²⁵. В 1688 г. Войско Донское отправило к калмыцкому Аюке-тайше с войсковым письмом своих казаков — Илью Григорьева, Петра Мурзенко и Леонтия Познеева, наказав им, помимо передачи письма, *говорить* с тайшой на злободневные для обеих сторон темы²⁶. Выбор указанных кандидатур не стал случайным и на этот раз; один из посланцев — И. Григорьев (к слову, будущий войсковой атаман И.Г. Зерщиков) не раз становился в 1680-е гг. походным есаулом, а также вместе с Я. Филипповым, *мировицком* в пограничной коммуникации Войска Донского с Азовом²⁷. Что касается П. Мурзенко (Мурзенка), то он и раньше, как, например, в 1683 г. или в 1684 г., был отправлен в калмыцкие улусы для передачи государева жалованья²⁸. Не исключено поэтому, что он владел как минимум одним из упомянутых выше восточных языков.

После завоевания Россией Азова летом 1696 г. новая воеводская администрация столкнулась с реальной управленческой проблемой — нехваткой людей для обслуживания устной и письменной коммуникации с пограничными властями Крымского ханства и Османской империи. В некоторых случаях она решалась с помощью толмачей Войска Донского, владевших, скажем, татарским языком. Повторюсь, что 4 августа 1701 г. войсковой толмач И. Ярунченок (по происхождению, не исключая, ногаец) сопровождал в Азов донского «базового» татарина А. Кривого, ранее вернувшегося с Кубани по итогам разведывательной миссии²⁹. Еще в 1696 г. группа кубанцев отправилась в Черкасск для размены «трех человек казаков, да дву человек, стрелца да салдата»³⁰, к кото-

²⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 543. Л. 3. Благодарю П.А. Авакова за информацию о документе.

²⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 8–9.

²⁷ Там же. 1695 г. Д. 12. Л. 324 об. — 325 об.

²⁸ Там же. 1684 г. Д. 4. Л. 1–7.

²⁹ Там же. 1701 г. Д. 5. Л. 1. В другом документе «Иван Авдеев сын Ярунченок» (не был ли отец Ивана Ярунченка, Авдей, «настоящим» *ярунчи*, т.е. гадателем, до своего перехода в православие?) фигурировал как атаман легкой казачьей станицы, прибывшей в Москву 10 мая 1703 г. [Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Вып. 6. Волгоград, 2015. С. 43–44].

³⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 15.

рым присоединился было крымский татарин К. Исупов, планировавший разменять свою сестру (содержавшуюся в Москве) на русского полоняника³¹. Группе довелось встретиться под Черкасском и пообщаться с неназванным по имени толмачом, полагаю — с войсковым. Исупов попросил свести его с донским атаманом; однако, как вскоре выяснилось, тот успел отбыть в Азов³². 19 августа 1701 г. из Азова в Черкасск последовал воеводский запрос о присылке «добрых и знатных людей» для расспроса приехавших в крепость татар. Оказалось, что 12 августа 1701 г. с Кубани приехали ногайцы «Бекмаммет с товарищи шесть человек», привезя с собой четыре «листа», переведенные в Азове переводчиком Р. Байцыным. Адресантами писем оказались султан Шагин-Гирей, Сартлан-мурза, Мухаммед Шабек-мурза и еще несколько ногайских мурз. На встречу с кубанскими ногайцами прибыли 25 августа 1701 г. из Войска Донского казаки Абросим Савельев (войсковой есаул, как минимум, с конца 1680-х гг.) и Василий Большой Познеев/Позднеев (тоже «знатный» и богатый казак) «с товарищи». В сопровождении азовского дьяка К. Рудеева они отправились на гостинный двор общаться с ногайцем Бекмамметом, устные речи которого были записаны. По итогам встречи азовский воевода С.Б. Ловчиков отправил на Кубань к султану Бахты-Гирею свой «лист», в котором разбирались многие вопросы — как конфликтного для обеих сторон характера, так и активизации между ними торговых дел³³. Еще осенью 1696 г. группа донских казаков, включая Филиппа Болдыря, Матвея Можара (не исключено, что неславянского/кавказского происхождения) и некоего Макара, отправилась по решению азовских и войсковых властей на Кубань к тамошним ногайцам с письмами на переговоры об их возможном переходе в российское подданство [Сень, 2019, с. 109–119; Аваков, 2020, с. 241–246]. В ходе переговоров казаки и представители ногайских элит, а также Кубек-ага (известный на Кубани и за ее пределами), активно общались друг с другом — прежде, всего, на татарском языке. Одним из таких медиаторов выступил как раз донской казак М. Можар. Он слышал, как пленный дворянин В. Воейков зачитывал ногайцам привезенные с Дона и из Азова письма, а «затем его речь (т.е. В. Воейкова. — *Д.С.*) переводил ногайский толмач — «то он, Матвей, слышал

³¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 12.

³² Там же. Л. 15.

³³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 67–76.

сам, потому что и он татарской язык знает» [Аваков, 2020, с. 244]. Замечательно его упоминание в той ситуации о ногайском толмаче — что подтверждает аналогичное *предварительное* суждение, высказанное мною в 2020 г. [Сень, 2020, с. 107]. Как минимум, одна из конфликтных ситуаций разбиралась после того, «как приезжали с Кубани в Черкасской от них (т.е. ногайцев. — Д.С.) послы»³⁴.

Вообще заметно, что среди «лучших» донских казаков, регулярно отправляемых на Кубань на разные переговоры, были знающие тамошнюю обстановку донцы, в т.ч. — *одни и те же люди*. Выдвину гипотезу, что значительная их часть (имея в виду тех, кого не раз отправляли общаться с ногайцами) владела, как минимум, татарским языком. 16 сентября 1701 г. из Азова в Черкасск писали о необходимости отправить на Кубань «для всяких договоров и розделок знатных, добрых людей» и с ними бы послать казака С. Кочета «без мотчания, чтоб подьячего Ивана Дровнина и двух человек конной службы с Кубани высвободить»³⁵. Подчеркну, что их освобождение весьма занимало азовские власти. Не исключено, что именно об этой отправке своих людей на Кубань писало Войско Донское после 13 ноября 1701 г. — когда по настоянию из Азова оно послало «от себя на Кубань знающих и в тамошних местех бывалых людей — Филипа Иванова сына с товарищи, *которые наперед сего на Кубань же посыланы бывали в розделке между нами учинившихся ссорах* (О его знаковой поездке на Кубань с другими донцами в 1696 г. см. выше. — Д.С.)»³⁶ — в т.ч. для того, чтобы ногайцы отпустили Дровнина и двух других пленников.

Некоторые услуги азовским властям и Войску Донскому, а также самим кубанцам, оказывали местные (речь о территории ногайской Кубани) «торговые армяне». Своеобразным примером могут считаться действия армянина М. Семенова³⁷, общавшегося с азовскими толмачами *по-татарски* (с Кубани в Черкасск, к слову, он тоже ездил³⁸, тамошние казаки его знали), владевшего, помимо родного армянского и татарского, как минимум, еще одним язы-

³⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 7.

³⁵ Там же. 1701 г. Д. 5. Л. 81.

³⁶ Там же. Л. 146. Необходимо отметить, в целях идентификации, что этот казак фигурировал в источниках и как «Филипп Иванов», и как «Филипп Болдырь» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 6]. Не менее важно, что Болдыря неоднократно привлекали как умелого переговорщика в делах с кубанскими ногайцами.

³⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 10–11.

³⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 15; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 13.

ком — греческим. 24 марта 1701 г. к Азову приехала группа людей с Кубани в составе одного армянина, говорившего по-русски, трех турок-османов и трех татар, которые привезли на окуп русского полоняника А.Г. Познякова, незадолго до того захваченного в бою на Миусе с крымскими татарами³⁹. Такие посредники как Семенов, активно использовались разными властями в ходе налаживания российской администрацией Азова связей с кубанцами, в передаче писем с Кубани от Гиреев и мурз, в решении проблем, связанных с захватом казаками и ногайцами полона, с отгоном лошадей, с их возвращением и пр⁴⁰.. Таким купцам-«медиаторам» принадлежала особая роль в преодолении языковых и иных культурных барьеров в пространстве «нового» южного пограничья, в осуществлении ее жителями пограничной дипломатии, в т.ч. расширявшей границы взаимного «узнавания».

В ряде случаев источники отмечают торговый интерес турок-османов и ногайцев к поездкам на Дон, информация о которых активно собиралась в Азове. Например, 1 марта 1700 г. там узнали о том, что в Черкасск приезжали «турки и татаровя многие люди»⁴¹. В 1700 г. Войско Донское направило на Кубань султану Шагин-Гирею грамоту, сообщая о приезде от него мировщиков для «юртового дела» с письмом от султана⁴². В грамоте описаны процедуры обычноправового разрешения острых конфликтов и спорных ситуаций (барантование, окупные операции), включая переговорный процесс с участием мировщиков, клятвы и пр. действия⁴³. Вероятно, в первой половине 1699 г. с Кубани приезжали ногайцы «Кубека аула... (Кубека-мурзы или Кубека-аги? — Д.С.) по договору... для розмены со многими полоняники». Причем «войсковой атаман и казаки тех приезжих нагайцов по договору.. сняли на себя, надеясь на твой, великого государя, указ». Похожая ситуация повторилась осенью, когда 23 октября того же года Кубек-ага прислал с Кубани в Черкасск «*по прежним их обыкностям...* (Выделено мной. — Д.С.) людей своих... для прежних их полоняничных розменов и окупов, которые меж ними за руками

³⁹ *Вернадский Г.В.* К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 57. Симферополь, 1920. С. 290.

⁴⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 181. Л. 6–9; Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об., 138.

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 70–70 об.

⁴² *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 287.

⁴³ Там же. С. 277–278.

отпускиваны полоняники, чтобы им о том между собою и рос-права учинит»⁴⁴. 4 апреля 1700 г. Войско Донское информировало азовского воеводу С.И. Салтыкова, что 1 апреля «по присылке с Кубани от нагайскова Кубека-аги приехали к ним в Черкасской ево Кубековых аулов для розмены татары, и от Кубека привезли к ним письмо о розмене и о иных меж ими всяких делах»; причем, судя по изложению, письмо было переведено в Черкасске, а сам Кубек-ага просил Войско об ответном письме. Не менее любопытно, что один из присланных ногайцев тогда же тайно общался с казаками⁴⁵. В ноябре 1700 г. на Кубань из Войска Донского ездили казаки С. Кочет и Д. Калинин «для розмены невольников, которые взяты за миром у них кубанцов, и у них казаков на взморье»⁴⁶. В 1701 г. татары и турки-османы несколько раз привозили с Кубани в Азов русских полоняников на «окуп» или на размен⁴⁷. В общем, традиционное устное общение донских казаков с кубанскими ногайцами происходило во время их поездок друг к другу по самым разным поводам (заключение мирных соглашений, торговля, разбор конфликтных ситуаций и пр.) — в т.ч. для обмена письмами (отписками). Например, в 1701 г. с Кубани на Дон приезжали с Кубани ногайцы «с листами», и донские казаки *говорили* с ними о причиненных им обидах, о взаимных ссорах. 22 октября 1701 г. атаман и все Войско писали в Азов о том, чтобы к ним отпустили оттуда в Черкасск приехавших для торгового промыслу с Кубани «Кубековых татар», «потому что де у тех татар есть к ним в Черкасское от кубанских владельцов письмо»⁴⁸; при этом донцы собирались написать и отправить на Кубань ответное письмо. Безусловно, подобная коммуникация предусматривала регулярное и взаимное использование ее участниками на бытовом уровне нескольких языков, что вполне соответствовало симбиозному характеру местной пограничной жизни.

Остановлюсь на анализе коммуникационных практик отдельных донских казаков, знание которыми восточных языков представляло немалый социальный капитал и ресурс для укрепления позиций в Войске Донском, а также в глазах региональных российских властей. Один из них — М.Ф. Сулин, донской казак станицы

⁴⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 30 об., 31.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 29, 30.

⁴⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 253. Л. 1.

⁴⁷ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 290, 293.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 66, 136.

Средней г. Черкаска⁴⁹, неслучайно ставший в начале XVIII в. *очередным* войсковым толмачом [Сень, 2023 а, с. 328–329]. Он происходил из известной на Дону семьи, его отец – Филипп Тимофеевич Сула – пользовался признанием в среде донского казачества как походный и станичный атаман и, вероятно, как старшина⁵⁰ [Гуськов, Кочегаров, Шамин, 2022, с. 272; Сухоруков 2001, с. 371]. В начале XVIII в. М.Ф. Сулин, владевший османо-турецким и татарским языками⁵¹, неоднократно выполнял поручения азовских властей по сбору разведывательной информации во владениях Османской империи, а также занимался там окупными и т.п. торговыми операциями. В мае 1701 г. он ездил из Черкаска «по войсковому письму в турецкие города в Кефу и в Керчь, а собою возил ис Черкаска от казака от Ивана Фролова невольников турок двух человек на окуп». Вернувшись оттуда 16 августа того же года, он был опрошен в Троицком, предоставив ценные данные (дошедшие до Посольского и Разрядного приказов) о тревожных настроениях среди турок-османов в этих крепостях, о враждебном отношении крымского хана Девлет-Гирея II к ногайцам и пр.⁵² 8 июня 1702 г. его отпустили из Азова «для торгового промыслу» в Стамбул вместе с товарищами – З. Денисовым и Т. Петровым на «турецком наемном судне». В июне 1703 г. он вернулся из Адрианополя от российского посла в Османской империи П.А. Толстого. В его грамоте, в частности, говорилось о необходимости расспросить Сулина «для того, что он человек доброй и при нем же (т.е. при Толстом. – Д.С.) был многое время, и чтоб к нему быть добру»⁵³. В своем письме от 11 октября 1702 г. Толстой недаром писал своему брату И.А. Толстому о Сулине, который приехал к нему в «Адрианополь, требуя от меня себе в проезде своем вспоможения; которого добре знает Федор Матвеевич... (Безусловно, речь идет о Ф.М. Головине; выходит, «простой казак» был знаком и с этим российским сановником? – Д.С.): с ним пожаловал *прислал мне грамотку* (Остается загадкой, кто и при каких обстоятельствах передал Сулину «грамотку» явно секретного содержания? – Д.С.). И тот казак живет у меня на дво-

⁴⁹ Одно время в той же станице проживал и казак П. Емельянов (Турчанин/Рамазан) (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 117. Л. 167), необходимые элементы биографии которого тоже изложены в статье. Не исключено, что Сулин и Емельянов были знакомы с конца XVII в.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 1–14; 1689 г. Д. 6. Л. 11.

⁵¹ Там же. 1703 г. Д. 2. Л. 3–3 об.

⁵² Там же. 1701 г. Д. 5. Л. 60–63.

⁵³ Там же. 1703 г. Д. 2. Л. 2.

ре, зане воли не дадут мне ево отпустить, не токмо ему указ дать о проезде, и не велели ево с двора моего и в Рен город отпускать, покамест я с везирем увижусь»⁵⁴.

Выясняется, что решив свои торговые дела, Сулин на какое-то время остался в Стамбуле, выполняя поручение посла П.А. Толстого (заодно передавшего ему грамоту для брата) — «разведать подлинно» об османских судах и воинских, «работных» людях и пр.; после этого, «наведав подлинно», ему надлежало возвращаться в Азов «тайным обычаем с кем мочно, для того, что он Михайло, турецкой и татарской язык знает». В расспросных речах Сулина от 12 июня 1703 г. содержались актуальные сведения (как собранные им самим, так и переданные Толстым) о военных и иных приготовлениях и намерениях турок-османов, в т.ч. в акватории Керченского пролива, об интригах бывшего великого везира Далтабана Мустафы-паши, о его сношениях с крымским ханом по дискредитации Константинопольского мира, о султанском розыске в отношении великого везира и последующей его казни, о султанском повелении — в связи с тем же розыском — сменить крымского хана Девлет-Гирея II вместе с калгой и пр. В итоге Сулин сумел отплыть из Стамбула в Кафу на наемном судне «кефинского турченина». Пробыл в Кафе восемь дней, он направился оттуда в Керчь и Тамань, откуда, купив лошадь, продолжил путь через Кубань в Азов, продолжая собирать информацию среди местного населения и наблюдая за обстановкой («как де он ехал мимо кубанских юртов и аулами, де идут воинские многие люди для сыску старого хана крымского в Кабарду»). Он же сообщил, что, будучи в Стамбуле, прослышал об отправке некоего капычи-баши «шпиком» в Азов для «осмотру и проведывания людей и кораблей»; а затем узнал, что этот капычи-баша хотя и побывал в Азове, но ничего не выведал и был отправлен оттуда «с нечестию»⁵⁵.

Наконец, 15 сентября 1704 г. Сулин был тайно отправлен из Азова «будто для торговаго промыслу с товаром его», а на самом деле «велено ему на новую крепость, что на Чушку Буру (Название мыса. — Д.С.) и в Крым и в иныя места ехать и проведывать тайные ведомости, и у того городского строения всяких крепостей осмотреть». Цели и задачи поездки имели для российских властей существенное значение — в начале XVIII в. турки-османы нарастили

⁵⁴ Русский архив. 1864. Вып. 5–6. Стб. 478.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 2–6.

усилия по укреплению своих позиций на Керченском полуострове (Аваков, 2022, с. 454–461). 9 марта 1705 г. Сулин вернулся из поездки и был спрошен в Азове. Казак сообщил подробные данные о строительстве новой крепости на мысе Чочка-Бурну – Ени-Кале, включая ее размеры и другие фортификационные особенности, элементы огневой защиты; о проблемах снабжения крепости водой; о намеренном сужении турками-османами фарватера при помощи ящиков, заполненных камнями и пр. Помимо Ени-Кале, Сулин побывал в других османских крепостях – Керчи, Тамани, Ачуеве, активно собирая разведывательные данные; добрался он и до Крыма (например, до Ак-Мечети), узнав, помимо прочего, о послах калмыцкого Аюки-хана к крымскому хану Селим-Гирею I и к турецкому султану Ахмеду III. Интересные сведения он оставил о приезде кубанских ногайцев к ачуевскому мухачызу Хасану-паше (влияние которого среди других османских «пограничных начальников» возросло в начале XVIII в.) и к новому крымскому хану Гази-Гирею – запретившим им, в частности, ходить в новые походы, в т.ч. под Азов и на донские казачьи городки. Реакция и хана, и мухачыза оказалась жесткой – ногайцы даже запросили посредничества Хасана-паши в их примирении с жителями Азова и с донскими казаками⁵⁶. Эти данные исключительно важны для системного ответа на вопрос о (не)заинтересованности крымских ханов в сдерживании набеговой активности ногайцев после 1700 г.; о реакциях самих номадов на новую пограничную ситуацию и, вместе с тем, об эффективности старых форм пограничной коммуникации (договоры, замирения, размен аманатами и пр.). Таким образом, языковые и иные способности расторопного казака нашли признание не только со стороны Войска Донского, но и в лице российских властных структур разного уровня, не раз поручавших ему секретные задания.

Среди донских казаков, владевших восточными языками, не только Сулин сочетал торговую деятельность с разведывательной. Еще одна примечательная личность такого рода – П. Емельянов (Турчанин/Рамазан, или, как сказано в документе 1702 г., «казак городка Черкасского Павловской станицы Петр Емельянов сын Турченинов»), *будущий атаман Войска Донского* [Сень, 2023 б, с. 192–205]⁵⁷. Замечу, что Емельянов был неславянского происхож-

⁵⁶ История русского флота. Период азовский. Приложения / сост. С.И. Елагин. Ч. II. СПб., 1864. Приложение VII. С. 367–370.

⁵⁷ Пользуясь случаем, признаю ошибку в своей предыдущей публикации, связанную с приписыванием имени «Рамазан» не П. Емельянову, а его отцу

дения и являлся, вероятно, выходцем из Османской империи; он владел несколькими восточными языками (в т.ч. османо-турецким и татарским), обладая в описываемое время немалыми материальными и иными ресурсами для совершения окупных/разменных операций с невольниками⁵⁸. Летом 1702 г. он проследовал из Черкаска через Азов в Кафу и Керчь «для справ поклепного на нем иску от армян, которые армяне приезжали и били челом на него в Черкасском в войске» [Усенко, 2000, с. 76]. По возвращении он предоставил ценную информацию, сообщенную в Троицком 23 августа 1702 г. [Усенко, 2000, с. 76–77]; недаром Ф.М. Апраксин писал об этом случае царю 24 августа 1702 г., в частности, о сношениях запорожцев с крымским ханом⁵⁹; о том, что «во всем Крыме, сказывают, великой страх имеют и миру нашему не верят»; о некоем «казикерменце» из Москвы, обращенном в христианство и сообщавшем разные вести в Крым, наконец, о том, что подлинные расспросные речи П. Турчанина он отправляет царю⁶⁰. Расспросные речи П. Емельянова (Турчанина), активно общавшегося с турками-османами, отразили опасения и ожидания турок-османов и крымцев насчет перемещения и возможного нападения российских войск на Крым, передачу разговоров самого казака об этом и другом с кафинским Муртазой-пашей, о причинах запрета со стороны турок-османов торговать российским подданным, отправившимся было кораблем из Троицкого в Керчь, о моровом поветрии в Крыму и пр. Не забывал Емельянов и о своей выгоде: «Да он же, Петр, привез с своею порукою на окуп астраханского

вот в какой лексической связке – «сын Рамазан(-ов)» [Сень 2023 б, с. 199]. Безусловно, наш герой был «сыном Емельяновым» по отцу (либо по родному, либо по крестному). Вместе с тем, его личная двуименность (отраженная в одновременном именовании казака Петром и Рамазаном) все же остается гипотезой.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686. Д. 20; 1701 г. Д. 5. Л. 44–56, 140–148.

⁵⁹ Не исключено, что речь действительно шла о летнем случае 1702 г.: «Запорожцы же прошедшего лета, когда хлеб жали, присылали к хану (Девлет-Гирею П. – Д.С.) запорожских казаков с тридцать человек, жалуясь на сторону царского величества, что наперед сего давано им сукна, а ныне не дают и хотят их ис жилища их ис Сечи выбить и чтоб он, хан, пошел с ними на сторону царского величества и принял бы их в свою оборону. И хан им сказал, буде де они хотят бусурманитца, и они б бусурманились, и переходили на житье к нему хану, в которое место хотят. А буде бусурманитца не хотят, и они б жили по-прежнему под гетманскою обороною в русской стороне, или бились с рускими людьми сами как хотят. И с тем тех запорожцов отпустил» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 12. Л. 2 об. – 3).

⁶⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 320.

конного стрелца Якова Борисова сына Бронникова да дву казачьих баб, а тех де баб ему.. отдал кефинской Муртаза паша, а сказал: те де бабы взяты в полон за миром в донском Илавлинском городке, а взяли де тех баб в полон кубанские татары» [Усенко, 2000, с. 77].

Характеризуя предприимчивость и связи донского казака Емельянова, в т.ч. разбогатевшего на окупных операциях с невольниками, Б. Боук недаром отмечал: «Проницательность П. Емельянова, организовавшего перемещения людей через границу, позволила ему расширить масштаб предприятия после завоевания Азова. Его знание *русского и татарского языков* (Безусловно, Емельянов – Грек/Турчанин/Рамазан – владел и осmano-турецким языком. – Д.С.) способствовало сращиванию у него экономической деятельности и дипломатии» [Воеск, 2009, р. 189]. Новый источник из РГАДА позволяет уточнить мой более ранний вывод о том, что окупными операциями Емельянов занимался с начала 1690-х гг. [Сень 2023 б, с. 200]; теперь можно утверждать, что одну из первых таких сделок он совершил еще в 1685/86 г. Как показал бывший полоняник, сын боярский Мартын Якимов сын Соседов, «в прошлом (1685/86 г. – Д.С.) до розмирья с азовцы приехал в Азов з Дону донской казак Петр Емельянов сын Турчанин и с той неволи по челобитью его, Мартынову, выкупил. А окупу дал за него 200 тарелей и вывез ево на Дон в Черкаской и на Дону жил»⁶¹. К тому же периоду, точнее, к 30 ноября 1684 г., относится его «первое» появление в столице в составе казачьей станицы⁶². Конечно, все это нельзя признать случайными фактами в биографии донского казака Петра Турчанина.

Кроме того, можно говорить о том, что он родился не в начале 1670-х гг., как мне довелось писать раньше, а, как минимум, в предыдущем десятилетии. Таким образом, уже в 1680-е гг. им закладывались основы торговой и иной деятельности, для чего необходимо были финансовые средства, социальные связи, определенные свойства характера и языковые умения. Его хорошо знали в регионе «торговые армяне», ногайцы, в т.ч. работорговцы. В 1700 г. именно его, наряду с атаманом И. Григорьевым (скорее всего, речь шла об И.Г. Зерщикове, войсковом атамане) и И. Фроловым (одним из сыновей войскового атамана Ф. Минаева) ногайцы приглашали на Кубань (точнее, на р. Челбас) для надежного решения острого

⁶¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 20. Л. 5.

⁶² Там же. 1695 г. Д. 12. Л. 85.

вопроса, связанного с взаимным отгоном лошадей, предполагавшего от казаков совершения конкретных символических действий. После того как это якобы случилось, в Черкасск приехал от султана Каплан-Гирея татарин Барайтар, и «в войску говорил вышеписанные ж слова и в кругу де войском ему Барайтару говорили и душу давали атаман Илья Григорьев (Зершиков. — Д.С.), и Фрола Минаева сын Иван, и Петр Турченин. И он де души у них не взял, а звал их на реку Шелбаш, и чтоб им в клятве учинить против вышеписанных же слов»⁶³. В 1701 г. кубанские ногайцы, рассматривавшие вопрос о возвращении на Дон донского казака С. Кочета и азовского подьячего И. Дровнина, просили посланцев Войска Донского прислать к ним «для розделки донских казаков Максима Фролова, Петра Турчанина, Ивана Фролова»⁶⁴, после чего обещали отпустить людей и отдать «все, что у них есть взятого». Здесь же замечу, что сыновья атамана Ф. Минаева представлялись ногайцам надежными людьми. Не являлось ли это отражением *их метисного происхождения* по женской линии, как, должно быть, в случае с их братом Василием (см. об этом выше)? Когда же азовский воевода повелел прислать из Войска Донского для разговора с посланцами крымского хана черкасских казаков, «знатных людей», то 26 января 1701 г. оттуда прислали Максима Фролова, Савву Кочета и Ефрема Петрова⁶⁵.

Переходя к выводам, обращу внимание на тот факт, что регулярные контакты Войска Донского с его восточными соседями приводили к развитию у казаков необходимых языковых компетенций, прежде всего, в части устного владения татарским, османско-турецким и калмыцким языками. Овладение ими «подпитывалось» полиэтничным составом донского казачества (связанного с тюркским миром в т.ч. родственными связями), его развитыми (транс)граничными интересами и контактами. Безусловно, эта же сфера находилась под влиянием других факторов, зависящих от пограничных (в т.ч. торговых) интересов Войска Донского, от постоянного сбора им информации о противнике (в т.ч. на его территории), от доставления подобных сведений российским властям разного уровня. Однако далеко не все казаки сумели «капитализировать» владение восточными языками. В ходе коммуникации

⁶³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 19, 20.

⁶⁴ Там же. 1701 г. Д. 5. Л. 174.

⁶⁵ Там же. 1700 г. Д. 5. Л. 26.

Войска Донского с азовскими турками-османами и с кубанскими ногайцами приоритет неслучайно отдавался «лучшим», «бывалым», «добрым» казакам. Именно у них, обладавших «дипломатическими» и языковыми способностями (и, замечу, чаще других выезжавших *за пределы* Донской земли) появлялось больше шансов и возможностей проявить себя в переговорном процессе. Неслучайно один из таких казаков, *Илья Григорьев (Зерщиков)*, стал войсковым атаманом (причем первый раз — уже в конце XVII в.; до этого был мировщиком, походным есаулом, станичным атаманом⁶⁶); *Петр Емельянов (Турчанин/Рамазан)* — войсковым атаманом; *Яким Филиппов (Филиппьев)*, бывший в разные годы мировщиком, станичным есаулом и станичным атаманом⁶⁷ — войсковым атаманом в начале XVIII в.; *Михаил Филиппович Сулин* — разведчиком и войсковым толмачом; *Петр Мурзенко (Мурзенок)* станичным атаманом⁶⁸, переговорщиком от Войска Донского, например, с калмыками, затем — одним из атаманов казаков-старообрядцев на Северном Кавказе (к слову, бежал с Дона на Кавказ через Калмыцкое ханство⁶⁹, но почему?). Недавно удалось установить, что *Савелий Павлов сын Кочет*, о котором на Кубани хорошо знали, являлся еще одним мировщиком от Войска Донского в его отношениях с кубанскими ногайцами⁷⁰; в 1705 г. он был станичным атаманом казаков, приехавших в Москву⁷¹ [Сухоруков, 2001, с. 389, 393]; *Максим Фролов*, один из сыновей войскового атамана Ф. Минаева, еще один видный переговорщик Войска Донского в делах с кубанскими ногайцами, неоднократно становился станичным атаманом [Сухоруков, с. 387–391, 394]. В начале XVIII в. (или, быть может, в 1700 г.) он был отправлен «с товарищи» в Бахчисарай к крымскому хану Девлет-Гирею II на переговоры об освобождении донских казаков, захваченных кубанцами, и даже разговаривал с ним⁷².

⁶⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 9; 1695 г. Д. 12. Л. 324 об., 325 об.

⁶⁷ Там же. 1682 г. Д. 24; 1688 г. Д. 2; 1695 г. Д. 13; 1698 г. Д. 5.

⁶⁸ Там же. 1688 г. Д. 13.

⁶⁹ Появление этого донского казака, жителя Иловлинского городка, на р. Куме относится к ранней весне 1690 г. — с Дона П. Мурзенко уходил «о дву конь», оставив жену, и сначала отправился в улусы калмыцкого Аюки-хана [Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. С. 277]. В 1689 г. Москва доверила ему отвезти на Северо-Восточный Кавказ царскую грамоту «изменникам» — кумским казакам-старообрядцам, но в итоге просчиталась.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 12.

⁷¹ Там же. 1705 г. Д. 13, 17.

⁷² Там же. 1700 г. Д. 5. Л. 22.

Языковые компетенции заметным образом сопровождали индивидуальные жизненные траектории тех казаков, кто по разным причинам (материальный достаток, социальная активность, старшинское происхождение, военные заслуги, занятия (работ)торговлей, поездки за пределы Донской земли и пр.) *выделялся* в казачьей среде и был известен в Войске Донском. Овладение «чужими» языками – прежде всего, татарским (его значение в жизни местных народов, вероятно, выросло после падения османского Азова в 1696 г. и фактической ликвидации Азовского санджака), представляло таким казакам-«медиаторам» (мировщикам и т.п. переговорщикам) дополнительные и даже новые возможности для личного проявления, для признания, для обретения связей и новых социальных статусов. Подобные практики были выгодны и Войску Донскому, отражая традиционную для полиэтничного региона культуру пограничного диалога, развиваемую как старыми, так и новыми (после 1696 г.) ее участниками.

Литература

- Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб., 2022.
- Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.
- Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
- Королев В.Н.* Донские казаки в XVII–XVIII вв.: походы, кругозор и просвещение // Проблемы источниковедения и отечественной истории (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов на/Д., 1999. С. 92–113.
- Миников Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов на/Д., 1998.
- Пащенко И., Урушадзе А.* Кавказская война XIX в.: цивилизационный конфликт и его функциональные особенности // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. 2012. Т. 6. Вып. 4. С. 98–106.
- Савелов Л.М.* Материалы для генеалогии донских дворянских родов. I. Машлыкины. М., 1896.
- Савелов Л.М.* Происхождение и состав дворянства на Дону в XVIII веке // Летописи историко-родословного общества. 1905. Вып. 3. С. 9–17.
- Сень Д.В.* Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // Magna adsurgit: historia studiorum. Элиста, 2019. № 2. С. 109–119.
- Сень Д.В.* «А что в тех письмах писано... того нам неведомо...»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII – начало XVIII в.) // *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское

- пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избранные труды. Ростов на/Д., 2020. С. 84–120.
- Сень Д. В.* Толмачи Войска Донского в XVIII веке: Персональный состав, происхождение, функции // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: мат-лы Международной научной конференции (Москва, 12–15 сентября 2023 г.). М., 2023. С. 322–341 (а).
- Сень Д. В.* Биография атамана Войска Донского Петра Емельянова: историко-ведческие аспекты реконструкции // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы II Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–20 мая 2023 г.) / Южный федеральный университет; отв. ред.: Д. В. Сень, М. Е. Шалак. Ростов на/Д.: Таганрог, 2023. С. 192–205 (б).
- Сень Д. В.* Толмачи и переводчики Войска Донского XVIII в.: новые материалы для просопографического описания // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: Мат-лы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края (г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.) / отв. ред. академик Г. Г. Матишов. Ростов на/Д., 2024. С. 117–124.
- Сухоруков В. Д.* Общежитие Донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год, изданная А. Корниловичем. СПб., 1824. Отд. II. С. 169–342.
- Сухоруков В. Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов на/Д., 2001.
- Усенко О. Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Вып. 2. Тверь, 2000. С. 63–77.
- Voesk B. J.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Архив И.В. Паузе: переводы и проблема авторства («Послания» Горация и А. Кантемир)

*Sic te Phoebus amat Pausi, sic Phoebus alumnum
Evehit, ut sophiae lucidaserta ferat.
Pulcher amor Phoebi, tibi, qui pulcherrima dona
Exhibet, et pulchrum nomen in orbe parat¹.*

«**М**ы должны оценить парадокс, не лишенный иронии. Ливий Андроник, грек по крови и раб у римлян, пишет о греческом герое Одиссее по-латыни. Он открывает длинный ряд «инородцев», трудившихся над превращением латыни в литературный язык (родной язык Энния – оскский, у Плавта – вероятно, умбрийский; Теренций – африканец, Стаций Цецилий – кельт). Но Фабий Пиктор, отпрыск рода Фабиев, т.е. римлянин из римлян, пишет о древней римской истории по-гречески. Грек и римлянин меняются местами» [Аверинцев, с. 617–618]. Так и И.В. Паузе, немец по крови, стал одним из тех, кто трудился над «превращением» русского языка и метрики в литературный язык.

Скупые факты о жизни саксонца Иоганна Вернера Паузе (Павзе, Пауса и даже Паузова) (1670–1735), в основном, повторяются у большинства исследователей². С детского возраста Паузе проявлял удивительные способности к музыке и к языкам [Перетц, с. 144]. Став студентом, с 1692 г. Паузе путешествовал из города в город, как в то время было принято. Он выучился в ряде немецких университетов и в Галле получил степень магистра филосо-

¹ Стихотворное пожелание окончившему курс Иоганну Паузе, сочиненное Феодором Дассовым [Перетц, с. 147]. Перевод: «Так любит тебя Феб, Паузе, так Феб питомца возносит, чтобы тот нес сверкающую гирлянду мудрости. Тебе, который показывает прекраснейшие дарования, прекрасная Феба любовь и имя прекрасное приобретает на земле».

² Подробно судьба И. Паузе – личная и научная – описана в исследованиях Пекарского [Пекарский, с. XVIII], Перетца [Перетц, с. 142–254]; см. также [Моисеева, с. 413–415], [Алексеева, с. 164–165], [Костина, с. 75–79].

фии³. В 1702 г. он оказался в России⁴. Считается, что это пиетисты (а именно – А.Г. Франке [Перетц 1902, с. 151]) направили его в качестве миссионера [Алексеева, с. 164]. Паузе зарабатывал на жизнь в основном как преподаватель [Перетц, с. 149], приехав в Москву, он продолжил заниматься частным преподаванием, кроме того, преподавал в школе Новой лютеранской общины [Костина, с. 77], а в 1704 г. получил место преподавателя в гимназии пастора Глюка.

Маистер Паузе – как его называли в русских деловых документах (по-нем. Нг. М. Pause – «господин магистр Паузе») и после его кончины, хотя в своей последней должности он был переводчиком при Академии наук⁵ – в тридцатилетнем возрасте увлекся русским

³ Перетц предполагает, что поводом для получения степени послужило назидательно-сатирическое сочинение “*Improbos seculi sui mores novo procedente seculo ex poetis satyricis in eorum censuram, qui mores istos sequuntur Samoena magis quam amoena*” (1699) (Пер.: Камена более чем приятна в поприщии тех, кто следует таким нравам: нечестивым нравам своего века, которые были собраны из поэтов-сатириков в новый приближающийся век). В этом сочинении Паузе обнаружил «хорошее знакомство с классической литературой и умение владеть латинским стихом» [Перетц, с. 148].

⁴ Краткая информация с характеристикой личности Паузе дана Г.Ф. Миллером в его истории Императорской академии наук, в начале он сообщает: “*ein thüringer von geburt, der im j. 1702 auf Patkul’s patent als magister philosophiae nach Russland gekommen war, und dem probst Glück in anlegung seiner schule zu Moskau geholfen hatte*” (пер.: тюрингенец по происхождению, который приехал в Россию в 1702 г. по патенту И.Р. Паткуля как *magister philosophiae* и помог проректору Глюку основать его школу в Москве) [МИИАН, с. 101].

⁵ Миллер сообщает об этом факте: *Ich weiss nicht, dass er was für die academie übersetzt hätte. Ich gebrauchte ihn, deutsche auszüge aus alten russischen annalen zu machen. Und da verführte er mich, den ersten russischen geschichtschreiber Nestor mit dem abte Theodosius des Petscherskischen klostern zu Kiew zu verwechseln. Das ist nun eben kein beweis von seiner gründlichen kenntniss der russischen sprache. Er war sonst ein mann von besonderer lebensart, stolz, eigensinnig, argwöhnisch, zänkisch, wie einer, der im schulstaube alt geworden. Niemand konnte mit ihm umgehen; deswegen getraute sich auch hr. Schumacher nicht, ihn zur arbeit anzuhalten. In einer schrift, die er im october des 1732 jahrs bei der academie übergab, unterschrieb er sich: J. Gu. Pausanus manu propria, der academie der wissenschaften mitglied, weil er diesen titul zu verdienem glaubte* (пер.: Я не знаю, переводил ли он что-нибудь для Академии. Я использовал его для того, чтобы делать немецкие выписки из древнерусских летописей. А потом он ввел меня в заблуждение, спутав первого русского историка Нестора с игуменом Феодосием из Печерского монастыря в Киеве. Это не является доказательством его глубокого знания русского языка. В остальном это был человек с особым укладом жизни, гордый, своенравный, упрямый, вспыльчивый, как человек, состарившийся в школьной пыли. Никто не

языком и эти свои занятия не оставлял до конца дней. В России в то время он мог претендовать только на должность переводчика или преподавателя: даже до введения академического регламента (1747) для получения профессорской должности необходимо было представить какую-нибудь научную работу (именно так профессорское звание получил М.В. Ломоносов). Однако в ранний период существования Академии наук в области русского языка специалистов не было⁶, она была изначально ориентирована более на развитие естественно-научного и технического направлений⁷. Возможно, по этой причине попытки Паузе опубликовать составленную им грамматику для преподавания «славенороссийского» языка немецким ученикам (*Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonderl. der teutschen Nation aufgesetzt*) были безуспешными⁸.

Вопрос о том, как Паузе изучал русский язык, безусловно, представляет интерес для исследователей. Так, по мнению Перетца, пособиями служили церковные книги, из которых Паузе заучивал слова, а также грамматики М. Смотрицкого (1648) и Г.В. Лудольфа (1696) [Перетц, с. 151]⁹. Из переводных словарей в начале XVIII в. Паузе могли быть доступны «Лексикон славено-латинский» Е. Славинецкого и А. Сатановского и трехязычные «номенклаторы» И. Копиевского, см. подробнее: [Таунсенд, с. 66–72]. Кроме того, существовавший уже в XVI в. интерес иностранцев к русскому языку [об этом, например, Берков (б), с. 65] позволяет предположить,

мог с ним совладать; вот почему г. Шумахер не решился заставить его работать. В письме, которое Паузе передал в академию в октябре 1732 года, он подписался: “J. Gu. Pausanus manu propria (букв. с лат. «своей рукой»), член Академии наук”, так как считал, что заслужил это звание [МиИАН, с. 101].

⁶ Прибывшие из-за границы филологи (напр., И. П. Коль, М. Шванвиц) явно проигрывали Паузе в опыте, а В. Е. Адодуров был еще молод. Третьяковский в 1733 г. получил должность секретаря Императорской академии наук, а преподавать стал позднее.

⁷ «Ученый богослов, лингвист-ориенталист, отчасти стихотворец – он являлся своего рода роскошью, пожалуй, излишней в огромной мастерской, где были нужны рабочие руки, верный глаз, знание математики – главным образом прикладной, и различных ремесел» [Перетц, с. 252].

⁸ Заметим, что понятие «славенороссийский язык» не было новаторством Паузе: именно так А. Кантемир называет язык своих переводов (напр., «Синописис историческая» (1725) «Симфония на Псалтырь» (1727)), а позднее А. Д. Байбаковым (Аполлосом) была издана «Грамматика руководствующая к познанию Славенороссийского языка» (1794).

⁹ В описанном Байером архиве Паузе под номером 109 значится *Colloquia Seyboldi Ruthenice versa. Incompleta. 1707.*

что Паузе мог приехать в Россию уже с определенным знанием русского языка. Также нельзя игнорировать и тот факт, что преподавание в семьях и в московских гимназиях могло способствовать изучению и практике современного русского языка. Еще одним из источников освоения русского языка могли быть обрусевшие немцы. Так, Перетц обращает внимание на то, что «Паус, особенно в первых стихотворных опытах, даже повторяет обороты речи, обычные у Глюка» [Перетц, с. 151]. Так как Паузе 22 года прожил в Москве, можно уверенно предполагать, что его русский язык испытал влияние московского наречия, которое, вероятно, в основном и отражено в его записях.

Почти сразу после приезда Паузе принялся за переводы на русский и с русского, изучал стихосложение. В исследовании Перетца подробно изучена переводческая работа Паузе над стихотворными сочинениями, опыт в переводе которых Паузе приобретал вместе с Э. Глюком [Перетц, с. 89–141].

Между тем активная преподавательская деятельность Паузе, безусловно, влияла на выбор литературы для переводов. Во-первых, это были те латинские сочинения, которые читались во время занятий. Возможно, текст записывался прямо во время занятий (сохранился перевод нескольких глав сочинения Корнелия Непота, судя по чернилам и почерку, записанных в разное время). Во-вторых, нужна была педагогическая литература. В личном архиве Паузе имеются переводы сочинения Яна Амоса Коменского и книги Эразма Роттердамского *De civitate morum* («Книжица золотая о гожении нравов»). Также Паузе перевел на русский язык часть трактата Фенелона *De l'éducation des filles* («Книга о воспитании дочерей» [НИОР БАН 26.3.20]) – по наблюдению М.К. Брагоне, оригиналом послужил немецкий перевод А.Г. Франке [Брагоне, с. 298–306].

Существует предположение, что через пастора Глюка И.В. Паузе был приближен к Петру I и по повелению царя он переводил с русского языка на немецкий «Уложение» 1649 г. (1717), а также «Историю Царьграда» – сохранились черновик и беловик [НИОР БАН 26.3.36]¹⁰. На русский язык он перевел «О правде войны и мира» – отрывок из сочинения Гуго Гроция, и, согласно «Корпусу русских переводов», некое сочинение «Статская комната» [URL: <https://krp.mws-osteuropa.org/ru/translations/o-pravde-voiny-i-mira>].

¹⁰ [Исторический очерк, 268].

Паузе занимался также переводами трудов естественно-научного характера¹¹: например, ему принадлежит перевод сочинения по фортификации [НИОР БАН Q № 192/7]; «Оптика» Шеппера [НИОР БАН 26.3.29 и Q № 192], перевод известия об изобретении перпетуум мобиле [НИОР БАН Q № 192/ 10]¹².

Считается, что «Юности честное зеркало» (1717) — единственная вышедшая из печати книга, в создании которой Паузе принимал участие [Быкова, Гуревич, с. 378]. Однако в исследовательской литературе сообщается также о других выполненных Паузе переводах, например: История о разорении последнем Святого града Иерусалима от римского цесаря Тита сына Веспасианова. М., 1713; *Гюйгенс Х.* Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях. М., 1717¹³; *Блюментрост Л.* Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце. 1719. Кроме того, Перетц считает возможным приписать Паузе перевод «Книги Квинта Курция о делах содеянных Александра великаго царя македонскаго» (1709)¹⁴.

Накопленные и собранные Паузе материалы теперь хранятся в разных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Первую общую опись всех бумаг и книг после его кончины сделал Г.З. Байер (в присутствии протоколиста (писца Тидеманна): тогда все наследие было поделено на 177 частей [Протоколы, с. 170–173; 177–178; 188–190]¹⁵. К настоящему времени архивные документы — его бу-

¹¹ Паузе признан некоторыми исследователями единственным переводчиком, который занимался переводами в первые десятилетия XVIII в. [Исторический очерк, с. 234 слл.].

¹² [Там же, с. 234–235].

¹³ О переводе Паузе сообщается в описи, подготовленной Г.З. Байером [Протоколы, с. 171], между тем существуют другие версии авторства этого перевода.

¹⁴ [Перетц, с. 228]. Нам было доступно переиздание 1724 г.

¹⁵ В одном месте Байер сделал отметку: *scheinen sehr gut zu seyn* (к номеру 28 “Series Ducum et Principum Russorum. Teutsche Genealogische Collectanea”). Под номером 77 оказались «всевозможные переводы» (“*Allerhand Versiones und Translata*”); номер 125 включал в себя печатные труды Паузе. К сожалению, более подробной описи нет. Позднее также Пекарский опубликовал названия некоторых работ Паузе, написанных им на немецком или на русском языке [Пекарский, с. XIX]. Перетц приводит список трудов Паузе, разделив их по типам: стихи; пословицы и повести; богословие; языкознание; математика, естественные науки, инженерное искусство; философия, педагогика и мораль; география, история, политика и юриспруденция; бумаги, относящиеся к биографии, — всего 109 документов [Перетц, с. 87–103, вторая пагинация]. Опись отдельных документов, хранящихся в разных ар-

маги — сохранились частично: весь собранный Паузе материал, перенесенный в 1736 г. по приказу Шумахера из дома Паузе в Академию наук, сразу стали активно использовать для своих исследований члены Академии наук. Тогда считалось, что за работу переводчику (в должности которого Паузе был принят в Академию наук) уже заплачено. Сохраняющиеся по сей день бумаги архива Паузе не имеют должного описания и остаются, как выразился о них в начале XX в. Перетц, в первобытном состоянии.

Исследователи и историки русского языка и литературы справедливо называют Паузе первым составителем русско-славянской грамматики, первым известным собирателем русских пословиц и поговорок и даже первым составителем русской истории и т. д.¹⁶ Наиболее популярная тема исследования деятельности Паузе — это его грамматика, над которой он трудился с 1705 по 1720 г., см. обзорную статью: [Живов, Кайперт, с. 3–30]. Кроме того, живой интерес представляют его тетради с коллекцией пословиц, опубликованные с комментарием в 1961 г. [Пословицы; Николаев, с. 67–68]. Кажется, что прибывшему из-за границы, ему было лучше видно разнообразие и особенности новых для него языка и культуры, которые он считал нужным скрупулезно сохранять в своих записях, дополняя соответствиями на родном языке, на известных ему европейских языках и на латыни. Таким образом, Паузе собрал внушительный объем записей, среди которых немалую часть представляют не доведенные до конца лексиконы и неполные переводы — уникальные образцы текстов, в которых собраны речевые особенности на разных языках¹⁷.

Приведу пример одной такой работы Паузе: *Farrago Latinitatis barbaricae, germanicae exposita* [НИОР БАН 26.3.55] — «Смесь варварской латыни с объяснениями на немецком»¹⁸. Записи

хивах, сделана в электронном журнале «Два века. Журнал российской истории XVIII–XIX столетий» [URL: <https://www.dvaveka.pp.ru/Nomer2/pause.htm#АРХИВ>].

¹⁶ Перетц также называет Паузе вместе с Глюком «пионерами метротонического стиха в русском языке» [Перетц, с. 70].

¹⁷ Как отметила С. Менгель, переводческая деятельность реформаторов-пиетистов, к деятельности которых каким-то образом примыкал Паузе, «создавала тексты на русском языке, точнее, на том варианте русского языка, развитие которого оборвалось со смертью Петра I» [Менгель, с. 63].

¹⁸ На форзаце стоит № 114, который соответствует нумерации Байера [Протоколы, с. 188]. Документ состоит из 11 сшитых тетрадей (каждая из 14 лл.), которые от времени — особенно первая — попортились.

расположены в алфавитном порядке, на каждом развороте слева иностранные соответствия (нем., франц., испанск., лат.), справа – русские, например:

- Accent – ударение¹⁹ (1 об. – 2);
- Courtesie – любовь²⁰ (л. 31 об. – 32);
- Couttisan – дворянин, любитель (л. 31 об. – 32);
- falsarius – лживец (л. 49 об. – 50);
- infamiren – безчестить (57 об. – 58);
- informiren .. information – научить, наука (57 об. – 58).

Тенденция дать иностранному слову русское соответствие в большинстве случаев приводит к описаниям, например:

- Avanturier – Муж которой отведаёт и смел и счастья своего ищет (л. 11 об. – 12);
- Batallion – сход людей (л. 12 об. – 13);
- Bibliotheque – держание многих книг (л. 12 об. – 13);
- Capital – ростовые или главные денги (л. 15 об. – 16);
- interesse.. – рост которой отданных денег прибыл от вещи под этим делом лежит прибыль ево (л. 59 об. – 60);
- .. interesse – прибыль, полза (л. 59 об. – 60).

Русские эквиваленты заканчиваются на букве m (последнее имеющееся соответствие: моқиғен – ругати). Далее продолжается список на французско-немецко-латинско-итальянском (напр., multum, mundiren, munition, mutiren, omnis mutatio periculosa, mutuum. N. narratio, nation, naturell, navigatio, necessitas, necessario (л. 71 об.)). В редких случаях все же попадаются русские соответствия, как правило, подписанные другими чернилами: ordinair – обыкновенно (76 об. – 77); particulier – особливо, собственно; passage – статья; patent – жалованная грамота (79 об. – 80); portion – жребие, раздел (82 об. – 83); praerogativ – преимущество (84 об. – 85); privat – особно (85 об. – 86); publice, publique – всенародно. В народ объявлять. Ведомо всем; publication – всенародное объявление (89 об. – 90); quittance, quittung – росписка; ratio, raison – разсуждение (91 об. – 92); recommendation – прошение об одном к другому (93 об. – 94); remarquabel – памяствуемое (97 об. – 99); report – репорт (98 об. –

¹⁹ Русские слова записаны в современной орфографии, сохранены лишь орфографические особенности Паузе.

²⁰ Отмечаемая исследователями особенность использования на письме символа «д» вместо «в» может быть связана с ассоциацией с греческой «δ».

99); *resolutio* – решение (99 об. – 100); *respect* – почтение (101 об. – 102). В некоторых случаях заметно, что слово вписано позже: *aggressor* – нападатель, наступатель (4 об. – 5); или что русский перевод позже добавлен рядом с иностранным словом: *policei* – порядки гражданские. чины (81 об.); *rang* – чины и степени гражданские, порядок (92); *usurpateur* – похититель (116 об.).

Можно заметить, что многие из приведенных иностранных слов, получивших у Паузе эквиваленты, широко употребляются в современном русском языке.

Отметим также фиксацию латинских выражений в этом сборнике:

mutiren vorändern, mutatio vorändern: omnis mutatio periculosa (71 об.);

necessitas: Necessitas non habet legem (71 об.);

nihil ad rem; nolens volens (72 об.);

occupiren: res pro directa habita est primi occupantis (74 об.);

praescriptio temporis (84 об.).

Помимо латинских выражений, в сборнике “*Farrago*” зафиксированы также и другие, которые, вероятно, использовались в то время в речи, например: *insolidum einer für alle und alle für einen* – Один за всех, все за одного (59 об. – 60); *moneta ein Müntze. moneta di banco, banque Gold.* – денги, ладошные денги (70 об. – 71).

Рассмотрев все эти примеры, предполагаем, что перед нами попытка создать полиязычный словарь, в котором зафиксированы употребительные слова и выражения, использовавшиеся в речи в XVIII в. По мнению исследователей, большая часть историко-филологического наследия Паузе осталась неопубликованной²¹. Как заметил Э. Винтер, Паузе не повезло в том, что все, кто использовал его труды, не были склонны воздать должное своему предшественнику, чтобы не делить с ним своей славы [Винтер, с. 321]²². Действительно в истории научной и переводческой деятельности

²¹ Цит.: «частично потому, что они устарели, частично ж потому, что после смерти Петра Великого прошел интерес к сочинениям со слишком явно выраженной прогрессивной идеей, вроде “*Cosmotheoros*” Пюйгенса, а также – и это Паус настойчиво подчеркивает в своей автобиографии – потому, что лица, пользовавшиеся его трудами, не хотели обнаружить, на каких источниках основывались их исследования» [Винтер, с. 316–317].

²² В этой связи любопытно, что и в современной исследовательской литературе его имя звучит эпизодически и не упоминается в названии исследо-

имя Паузе остается в тени следующих ярких ученых, переводчиков и филологов, но вывод о том, что многие пользовались его трудами и никто их не издал [Винтер, с. 316], видимо, не совсем верен.

Так, следы перевода первой книги «Посланий» Горация, опубликованного в 1744 г. и переизданного в 1788 г. без имени переводчика [Гораций, с. 1–81], обнаруживаются среди рукописей в архиве Паузе. Перетц описывает этот документ в разделе «Бумаги, относящиеся к биографии магистра Пауса и к школе его и пастора Глюка», заметив, что «Кроме того в собрании Пауса (Hereditas Pausii) находятся следующие рукописи и остатки его богатой библиотеки»:

«108. Переводы эпистол Горация: 1-й, 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 2-й. Перевод тот же, что напечатан в 1744 г., под заглавием: “Кв. Горация Флакка десять писем первой книги. Переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоего охотника до стихотворства”. Рукою Пауса, на 8 лл. в 4-ку» [Перетц, с. 103].

До наших дней эта рукопись сохранилась в архиве Паузе почти в том же виде, в каком ее кратко описывает Перетц²³. Таким образом, согласно данным архива Паузе, текст перевода «Эпистол» Горация был создан до 1735 г.

Между тем уже в XIX в. этот перевод «Посланий» Горация официально был признан трудом Антиоха Кантемира [Кантемир, с. 384–559]. Действительно после 1742 г. Кантемир отправил из Парижа рукопись, включающую в себя «Послания» и комментарии к ним [РНБ Q XIV. 1]²⁴, и сомневаться в том, что это его перевод, никому не приходило в голову.

Паузе и Кантемира объединяет относительная приближенность к Петру I и любовь к поэтам-сатирикам, в остальном ни один биографический справочник не упоминает о каком-либо знакомстве этих двух людей, кроме того, между ними была разница в 39 лет.

Итак, загадочным является наличие точно таких же стихов, какие прислал А. Кантемир из Парижа, в рукописи среди бумаг И.В. Паузе, особенно если учитывать, что Кантемир уехал из

вания при том, что работа может быть посвящена именно его труду, напр., [Брагоне, с. 295–306].

²³ Угол листа, на котором начинается третья «эпистола», оборван вместе с первой буквой; также лист с текстом четвертой «эпистолы» оборван наполовину, так что часть текста утрачена; седьмая «эпистола» имеется до стиха 29 [НИОР БАН 26.3.1. 47].

²⁴ Б.Н. Берков сообщает даже, что «переводы эти делались Кантемиром исподволь, но в основном в 1742 г., в Париже» [Берков, с. 1040].

России в 1732 г., а вещи Паузе попали в Академию наук в 1735 г. Возможным объяснением такого обстоятельства может быть то, что кто-то либо забрал рукопись из архива Паузе, либо наоборот, подложил ее туда, однако об этом нигде не сообщается. Нам представляется, что вероятнее могло случиться первое. В Протоколах Академии наук зафиксирована запись, помогающая понять произошедшее:

22. Apr. (1735) Hr. Prof. Bayer hat in Gegenwart des Notarii horis antem. den nachstehenden Ueberrest der Pausischen Sachen in der Cammer gegen der Canzeley über, unter Beyhülfe des Translateurs Pjinski, durchgesehen; secretarius Meder ist dabey ab und zu gegangen [Протоколы, с. 188]. (Пер.: «22 апреля (1735 г.). До полудня господин проф. Байер в присутствии писца следующие оставшиеся вещи Паузе в каморе напротив канцелярии с помощью переводчика Ильинского рассмотрел; время от времени заходил секретарь Медер»).

Благодаря этой записи, предполагаем, что И. Ильинский, учитель и близкий друг Кантемира, присутствовавший при описи архива Паузе, мог скопировать текст «Посланий» и отправить их Кантемиру, который отредактировал перевод и дополнил его комментарием. Возможно, сопоставление разночтений в сохранившихся текстах рукописи и издания помогут пролить свет на автора перевода отдельных «Посланий» или их частей. Как уже было отмечено, рукопись в архиве Паузе содержит первые семь «посланий», кроме пятой, седьмая — не целиком. В связи с этим мы предположили, что Паузе мог перевести не все «послания» (в его архиве немало незаконченных переводов), и решили сопоставить некоторые строки, чтобы в этом убедиться. Для сравнения выбраны строки из четвертого «письма» и из пятого (стих сочинен тринадцатисложником с цезурой после седьмого слога):

Преодолеть числом книг? Иль в лесу гуляешь
Спасительном молчалив, ища что прилично
Доброму и мудрому мужу? Одаренно
Тело умом ты имел. Красу тебе боги,
Богатства дали тебе, и искусство теми
Наслаждаться. Более что может питомцу
Сладкому бабка желать, как чтоб он разсуден
Мог изображать в речах мысль свою приятно

[Паузе, л. 5 об. — 6].

Кто наследнику копя, скупится и мучит
Себя, меж ним и глупшем разницы немного.
Пить я начну и цветы разсыпать, доволен
Хоть бессмысленным прослыть. Что не чудит пьянство?
Открывает тайны все, венчает надежды,
Безоружного к бою нудит, ободряя,
Отъемлет скорбным сердцам попечений бремя,
В науках всяких легко делает искусным
[Кантемир, с. 423–424].

Заметно, что в переводе, представленном в рукописи Паузе, многие слова оказываются в неудобной ударной позиции (числом, спасительном, ища, умом, красу, богатства, дали, бабка), и эта особенность в целом очень отличает имеющиеся в архиве Паузе стихи от стихов, сочиненных Кантемиром. Таким образом, на основании приведенных выше фактов и примеров, предполагаем, что Паузе подобрал стихотворный размер и начал перевод «Посланий» Горация, а Кантемир завершил начатое Паузе, используя тот же стихотворный ритм.

Следовательно, обращение к сохранившемуся рукописному наследию Паузе является актуальным и необходимым для понимания истории русского языка и русской мысли начала XVIII в. Лексико-графическая работа (опыт переводного словаря) Паузе демонстрирует принципиальную способность русского языка продуцировать собственную, а не использовать заимствованную лексику. Установление научных достижений Паузе по-прежнему остается задачей будущего.

Литература

- Аверинцев С.С.* Римский этап античной литературы // *Аверинцев С.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 2024. С. 602–623.
- Алексеева Н.Ю.* Паузе (Паус) // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. Статьи. СПб., 2008. С. 164–165.
- Берков П.Н.* Ранние русские переводчики Горация // Известия Академии наук СССР. 1935. С. 1039–1056.
- Берков П.Н.* (б) Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. (К проблеме тонического стиха). XVIII век. Вып. 1. М.; Л., 1935. С. 61–81.
- Брагоне М.К.* Фенелон в России: к истории трактата *De l'éducation des filles*. // Век Просвещения. Вып. 4: Античное наследие в европейской культуре XVIII века. М., 2012. С. 295–306.

- Винтер Э.И.В.* Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732). XVIII век. 1959. С. 313–322.
- Квинта Горация Флакка* Десять писем первой книги переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении Русских стихов. СПб., 1744.
- Живов В., Кайперт Г.* О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. Вып. 6. С. 3–30.
- Иоганн-Вернер Паузе // Два века (Журнал российской истории XVIII–XIX столетий). 2. 2019. (URL: <https://www.dvaveka.pp.ru/Nomer2/pause.htm>)
- Иоганн Вернер Паузе // Корпус русских переводов. URL: <https://kfp.mws-oesteuropa.org/ru/translations/o-pravde-voiny-i-mira>
- Исторический очерк рукописного отделения библиотеки Академии наук. Вып. II. М.; Л., 1958.
- Кантемир А.Д.* Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1867.
- Костина Т.В.* “Diarium” И.В. Пауса за 1705–1706 гг.: новый источник по истории педагогики в России // Дети и детство в истории культуры: Современные междисциплинарные исследования: Материалы Всерос. науч. онлайн-конф. памяти Виталия Григорьевича Безрогова. Тула, 2021. С. 74–81.
- Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. VI. СПб., 1890.
- Мендель С.* Неизвестный вариант русского литературного языка доломоновского периода // Forma formans [Текст]: studi in onore di Boris Uspenskij / Univ. degli studi di Napoli “L’Orientale”, Dip. di studi dell’Europa orientale; a cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. 2. Napoli: D’Auria, 2010. P. 43–68.
- Моисеева Г.Н.* Паузе (Паус) Иоганн Вернер // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 413–415.
- Николаев С.И.* Феофан Прокопович – паремиолог // Разыскания о русских поэтах первой половины XVIII века. М.; СПб., 2023. С. 62–69.
- Описание изданий гражданской печати 1708–1725. М.; Л., 1955.
- Паузе И.В.* Писма к Меценату (Гораций). НИОР БАН 26.3.1. 47, л. 1–8 об.
- Паузе И.В.* (6) Farrago Latinitatis barbaricae, germanicae exposita. НИОР БАН 26.3.55, л. 1–116 об.
- Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870.
- Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. СПб., 1902.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961.
- Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I. СПб., 1897.
- Таунзэнд К.И.* О переводе и переводчиках в России XVIII века. М., 2020.

Фрагмент Книги Бытия в лицевом Синодике из собрания А.А. Титова (К вопросу о переводах Библии Пискатора в России XVII в.)

После окончания Смутного времени в России отчетливо проявился и в дальнейшем неуклонно рос интерес к книгам иноземного происхождения, печатным и рукописным. Изучение способов их доставки, практик распространения, копирования и перевода, основных видов и жанров имеет давнюю и прочную традицию в историографии [См., например: Луппов, с. 16–24]. В последнее время отечественные и зарубежные исследователи уделяют немало внимания и проблеме сфер использования попадавших в Московское государство из-за рубежа разноразличных текстов: информирование, просвещение, развлечение [Шамин; Waugh, Maier], религиозная полемика [Опарина] и др. Одной из важнейших областей культуры, на которую воздействовали самым прямым образом иноземные печатные книги с гравированными иллюстрациями, было изобразительное искусство. К примеру, несколько недавних организованных ГТГ и ЦМИАР выставок, а также сопровождавшие их специальные издания убедительно продемонстрировали широту и степень влияния на русскую иконопись и монументальную живопись XVII–XVIII вв. привозимых из Западной Европы гравированных Библий, в первую очередь, Библии Пискатора (как гравюр, так и текстов-подписей к ним). Экспозиции этих выставок стали своего рода иллюстрациями наблюдений и выводов, сделанных многими отечественными исследователями за более чем столетие исследования этой проблемы [Бусева-Давыдова; Гамлицкий, 2010], что европейские цельногравированные книги интенсивно использовались русскими художниками раннего Нового времени. Несколько парадоксально в сложившейся интеллектуальной ситуации выглядит то обстоятельство, что все еще недостаточно внимания уделяется, казалось бы, очевидному взаимодействию гравированных книг европейской печати и русской лицевой книжности XVII в. (за исключением отдельных уникальных случаев). Вероятно, причина

этого парадокса кроется в слабой изученности общего массива иллюминированных рукописей. Далеко не все из них представляют собой книжные памятники выдающихся художественных качеств, а потому и оказываются на периферии интереса исследователей. Но изучение приемов их создания может сопровождаться важными наблюдениями, касающимися работы книжников и художников-миниатюристов с иноземным материалом, требующим особых подходов к его обработке.

Одним из самых распространенных видов лицевой книги середины – второй половины XVII в. был Синодик. В литературных предисловиях-сборниках его иллюминированных экземпляров составители охотно использовали фрагменты переводных сочинений, подвергнутые специальному редактированию. Эту проблему на основе широкого круга источников я уже освещала в одной из недавних публикаций [Сукина, 2023а], а в данной статье рассмотрю частный пример обращения составителей и иллюстраторов синодичного сборника к текстам и гравюрам популярной в России XVII в. Библии Пискатора.

Объектом исследования выступает один из наиболее интересных в художественном отношении экземпляров лицевого Синодика, предположительно, последней трети XVII в. Это рукопись из собрания известного палеографа, коллекционера и музейного деятеля А.А. Титова (1844–1911), ныне хранящаяся в РНБ¹. Синодик написан полууставом, имеет картонный в коже переплет, иллюминирован 48-ю миниатюрами. На листах рукописи и книжном блоке видны следы неоднократных реставрационных вмешательств. При этом первоначальная последовательность листов сохранена, о чем свидетельствует первая (буквенная) пагинация. Однажды я уже обращалась к общему анализу этой рукописи, в первую очередь, иконографии ее иллюстративного цикла, но вопросы происхождения текстов и образцов миниатюр мною тогда не ставились [Сукина, 1995]. В настоящей статье они будут рассмотрены впервые.

Синодик в своем нынешнем виде представляет собой иллюминированный сборник. Судя все по той же первой пагинации, у него изначально не было догматического вступления о пользе церковной коммеморации, имевшегося в редакциях, предназначенных для применения в литургической практике [Дергачева, с. 21–78]. Помянник с перечнем имен и родов для чтения на цер-

¹ ОР РНБ. Ф. 775. Тит. 2595. I + 48 л. 1°.

ковных службах в нем также отсутствует. Вероятно, этот синодичный сборник изначально предназначался исключительно для душевспасительного чтения или же был приобретен для такой цели в изготовившем его скриптории либо ином месте. Т. е., этот Синодик принадлежит к функционировавшим под таким названием и получившим распространение в последних десятилетиях XVII в. рукописным сборникам, близким по назначению и содержанию к количественно небольшой группе нравственно-учительных книг «Лекарство душевное» [Кошелева; Дергачева, с. 79–92].

По своей форме рукопись напоминает аннотированный альбом нравоучительных изображений. Миниатюры расположены только на лицевых сторонах листов. Сопровождающие их тексты размещены по-разному: на первых листах рукописи – это, скорее, подписи к изображениям (сверху и/или снизу, а иногда и сбоку картинки), на последних восьми разворотах более пространное описание сюжетов занимают оборотную сторону предыдущего листа. Две миниатюры (Л. 39 и 43) представляют собой только изображения без сопутствующих текстов. Состав Синодика характерен для подобных сборников того времени и одновременно обладает некоторым своеобразием. В него входят стандартные для синодичных предисловий сюжеты об исходе души праведного и грешного, о том, что происходит с телом и душой на третий, девятый и сороковой дни после смерти, притчи о неправедном богаче и бедном Лазаре, о человеке, имеющем трех друзей из Повести о Варлааме и Иоасафе и др., фрагменты житий Андрея Юродивого, Макария Египетского, Игуменьи Афанасии. Оригинальной чертой сборника выступает завершение его большим количеством сюжетов о блудниках и блудницах, среди которых есть и довольно редкие для синодичных предисловий. Вероятно, они свидетельствуют о некотором личном интересе к такой тематике заказчика или создателей рукописи.

Различия в манере редактирования и компоновки текстов и в стилистических нюансах миниатюр позволяют сделать вывод, что над рукописью трудилось несколько писцов и миниатюристов. Определение их количества и особенностей авторских почерков выходит за рамки данного исследования. Важно констатировать общее высокое качество работы с текстами и изображениями, что дает возможность предположить связь создателей книги с каким-то скрипторием и художественной артелью, возможно, неоднократно работавшими вместе над общими заказами. Все ми-

ниатюры, несмотря на авторские различия, стилистически близки к произведениям ярославской региональной школы XVII в. В частности, прослеживаются аналогии с рукописями из собрания ГИМ, которые Ю.А. Грибову удалось убедительно связать с Ярославлем [Грибов, с. 263–299], и лицевым Синодиком переславского Троицкого Данилова монастыря, также атрибутируемым мною как создание ярославских книжников [Сукина, 2023б]. Мою гипотезу отчасти подтверждает и запись А.А. Титова на переплетном листе исследуемой рукописи, где указано, что ее купили в 1885 г. в Ростове, в XVII–XIX вв. культурно тесно связанном с Ярославлем². В то время Ярославль был одним из крупнейших художественных центров Московского государства [Брюсова, с. 109–137; Масленицын, с. 29–40]. Его мастеров неоднократно вызывали в столицу для выполнения крупных заказов на написание икон и фресок. В сам город присылали и привозили книги и гравюры как московской, так и иноземной печати. Не удивительно, что в распоряжении ярославских книжников и иконописцев были разнообразные и популярные образцы текстов и изображений. Поэтому на миниатюрах рассматриваемого Синодика из собрания Титова появляются заимствованные элементы архитектурного стаффажа, костюмов, мебели, посуды. К сожалению, источники этих заимствований установить трудно, а иногда и совсем невозможно. Исключение в этом отношении представляют пять первых миниатюр Синодика.

Синодик из собрания Титова открывают фрагменты Книги Бытия, широко известные в русской книжности не только непосредственно по Септуагинте или Геннадиевской Библии, но и благодаря их неоднократному воспроизведению в разных редакциях Палеи и в составе различных сборников. Во второй половине XVII в. их стали включать и в синодичные предисловия, так как тематически они хорошо согласовывались с основными антиномическими идеями Синодика: «временный земной век – жизнь вечная», «грех – спасение». Речь идет о первых главах Книги Бытия, где рассказывается о происхождении мира и человека и грехопадении Адама. В рассматриваемой рукописи иллюстрируются только основные сюжетные мотивы повествования. Каждое изображение сопровождается текстами-подписями, в сокращенном виде цитирующими библейский рассказ.

² ОР РНБ. Ф. 775. Тит. 2595. Л. [1].

На первом листе представлена композиция, суммарно иллюстрирующая несколько событий первого дня Творения³. Темное небо пересекает длинный и узкий как наконечник копья треугольник «гласа Божьего» с надписью «буди свѣтъ». От него исходит светлое облако, пронизанное красными штрихами-лучами. «Острие» треугольника вонзается в поднимающуюся из пустынных морских вод гору. Над верхней рамкой изображения подпись: «Искони сотвори Б(о)гъ н(е)бо и землю. Земля же бѣ невидима и неукрашена имать верху бездны». С правой стороны рамки текст: «И рече Б(о)гъ: буди свѣтъ. И бысть свѣтъ. И видѣ Б(о)гъ свѣтъ яко добро, нарече Б(о)гъ свѣтъ, а тму нарече ночь». При сокращении библейского рассказа о сотворении неба и земной тверди и отделении света от тьмы (Быт. 1: 1–5 в синодальном переводе)⁴ здесь пропуск целых предложений не наносит ущерба содержанию. Но, случайная ошибка — потеря слова «день» в заключительной части последней фразы («нарече Б(о)гъ свѣтъ [день], а тму нарече ночь»), уже приводит к частичной утрате смысла написанного.

Второму дню Творения в Синодике также посвящена особая миниатюра⁵. Это уже более насыщенный деталями «пейзаж» нарождающегося мира. Кроме небес с «Божьим гласом», чье изображение иконографически близко первой иллюстрации, но отличается изобразительными элементами и стилистикой, здесь присутствует уже «украшенная» земля в виде нескольких островов, поросших кустарниками, травами и цветами. Работавший над миниатюрой художник использовал светлые и жизнерадостные оттенки красок, которые контрастируют с мрачным колоритом предыдущей иллюстрации. В композицию изображения включена библейская цитата: «И рече Б(о)гъ сушу землю, а составы водныя нарече моря» (Быт. 1:10). Над верхним краем рамки текст: «Рече Б(о)гъ: да соберется вода яже под небесемъ в сонмы своя, и да явится суша. И бысть тако» (Быт. 1: 9). Под нижним краем рамки текст: «И рече Б(о)гъ: да прораститъ земля быліе травное, сѣмя сѣющее по роду на земли. И бысть тако» (Быт. 1: 11). Во всех этих текстах тоже сокращены подробности, но пропусков слов не наблюдается, поэтому смысл везде прозрачен для читателя.

³ ОР РНБ. Ф. 775. Тит. 2595. Л. 1.

⁴ Далее в круглых скобках даны ссылки на синодальный перевод, позволяющие соотнести фрагменты цитат с главами традиционной для церковнославянской традиции разбивки текста Библии.

⁵ Там же. Л. 2.

Третья иллюстрация — самая интересная в изобразительном плане композиция цикла⁶. Она насыщена многочисленными микросюжетами и экзотическими для русского средневекового искусства образами. Здесь иллюстрируются вместе третий, четвертый и пятый дни Творения. Под аркой небесного свода изображены описанные в библейском тексте солнце и луна со звездами. Из разверзшихся между светилами небес нисходит «глас Божий», провозглашающий: «Да будутъ свѣтила» (Быт. 1: 14). Островки земной тверди полны травоядными и хищными животными и разнообразными птицами, среди которых выделяются своими узнаваемыми формами индюк и павлин. Большие и малые птицы также парят в воздухе и плавают на поверхности вод. В морской глубине видны обычные и диковинные рыбы и «гады». Над верхней частью рамки текст: «Рече Б(о)гъ: да будутъ свѣтила на тверди н(е)б(ес)нѣй ос(ве)щати землю и разлучати между днемъ и ношю» (Быт. 1: 14—18). Под нижней частью рамки текст: «Рече Б(о)гъ: да изведуть воды гад д(у)шъ живыхъ и птицы неб(ес)ныя летающыя по двердю н(е)б(ес)ною» (Быт. 1: 24—26).

Композиция миниатюры на четвертом листе Синодика объединяет три сюжета из двух следующих глав Книги Бытия о создании и грехопадении людей⁷. В верхней части изображено сотворение первого человека Адама и «вдуновение» в его тело дыхания жизни (Быт. 2: 7). На среднем плане изображены райские куши, дерево с красными плодами, ствол которого обвивает змей с женскими головой и торсом, и сцена с искушением Евы, берушей из рук змея яблоко и передающей его Адаму. В нижней части листа представлено изгнание Адама и Евы из рая — огненный шестикрылый серафим угрожает им обнаженным мечом (в синодальном переводе Библии этот персонаж назван Херувимом (Быт. 3: 24)). Художник следует за библейским текстом, в соответствии с которым, во втором сюжете первые люди изображены обнаженными, так как до грехопадения не стеснялись своей наготы, а в третьем — в одеждах, напоминающих короткие рубахи. У надписей внутри миниатюры есть одна заметная особенность — они сделаны двумя разными почерками. В сюжете сотворения Адама имя главного персонажа «Адамъ» написано четким аккуратным полууставом. В других сюжетах слова «Адамъ», «Ева», «сераф(и)н» (так!) начертаны почерком,

⁶ ОР РНБ. Ф. 775. Тит. 2595. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 4.

близким к скорописному, несколько небрежно и с использованием другой орфографии. Возможно, эти уточняющие подписи к фигурам были сделаны при редактировании рукописи, после сборки ее под переплет. Над верхней частью рамки текст: «И созда Б(о)гъ ч(е)л(о)в(е)ка персть взем ѿт земля и вдуну в лице его дыханіе жизни» (Быт. 2: 7). Под нижней частью рамки подпись, суммирующая суть библейского рассказа о грехопадении Адама (Быт. 3): «И заповѣданному древу коснуса Адамъ. И того ради повелѣ Г(оспо)дь Адама изгнати из рая».

На пятой миниатюре изображена заключительная часть рассказа о грехах семейства Адама — история Каина и Авеля (Быт. 4: 3–8)⁸. На заднем плане показана сцена с двумя жертвенниками. От жертвы Авеля, понравившейся Богу, огонь и дым возносятся прямо, к небесам, от жертвы Каина исходят вбок. На первом плане представлена кульминация трагедии братьев. В этой сцене совмещены, как было характерно для средневекового искусства, два временных плана: дьявол, стоящий за спиной Каина, вкладывает в его левую руку камень, а Авель уже лежит на земле, и из его пробитой этим камнем головы течет кровь. Имена братьев указаны в подписях к каждому из их изображений, чтобы у смотрящего на миниатюру не было сомнений, кто есть кто. Короткий текст-подпись к миниатюре здесь размещен только над верхней частью рамки: «И бѣ Каин (так!) пастырь овцамъ. Каинъ же бѣ деляя землю. И рече Каинъ ко Авелю брату своему: поиде ве на поле. И внегда быти има на поли, воста Каинъ на Авеля, брата своего, и уби его» (Быт. 4: 2; 4: 8). Как мы видим, в начале текста допущена досадная ошибка. Вместо Авеля овечьим пастырем назван Каин. Эта оплошность, по-видимому, была замечена при редактировании рукописи во время ее сборки. Данное место в тексте отметили, подчеркнув волнистой линией, и написали другими, более бледными чернилами «Авель» прямо по слову «Каин». Видно, что перед этим ошибку пытались исправить, стерев буквы, но неудачно, и поэтому поступили по-другому. Но исправление оказалось не четким, не сразу можно понять суть правки. Кто-то из позднейших владельцев или читателей рукописи (судя по почерку, в XIX в.) уточнил ее, надписав над ошибочным и неудачно исправленным словом верное имя «Авель».

Все миниатюры заключены в одинаковые прямые четырехугольные рамки желтого цвета. Но различия в стиле изображений

⁸ ОР РНБ. Ф. 775. Тит. 2595. Л. 5.

свидетельствуют, что они созданы разными художниками — у каждого из них был свой автор. Особенности почерков и орфографии текстов тоже говорят о том, что над ними работал не один человек. Возможно, названные нами выше ошибки и пропуски слов — следствие того, что подписи к миниатюрам делали писцы не высоко профессионального уровня или даже сами художники.

Уже давно установлено, что «вдохновение» составителей и иллюминаторов позднесредневековых рукописных книг опиралось не столько на их творческую фантазию, сколько на известные и доступные образцы текстов и изображений. Поэтому, несомненно, что несмотря на заметное своеобразие библейского цикла в Синодике из собрания Титова у него имелись какие-то книжные и визуальные «протографы». Ветхозаветные сюжеты встречались в русской лицевой книжности и ранее. О.А. Белоброва отметила, что они несколько раз появлялись в роскошных рукописных книгах [Белоброва, 2014, с. 21]: например, в Хронике Георгия Амартола XIII–XIV вв.⁹ и в псковской толковой Палее 1477 г.¹⁰ Наконец, ими заполнен один из томов Лицевого летописного свода XVI в.¹¹ Отдельную традицию иллюстрирования Ветхого Завета на Руси представляли иллюминированные рисунками и миниатюрами Псалтири, в которых изображения, как своего рода визуальные маргиналии, помещались не в тексте, а на полях [Розов, 1970]. Но нельзя не согласиться с Белобровой, что все это были исключительные случаи, связанные с особыми заказами светской или церковной власти [Белоброва, 2014, с. 21]. Поэтому вряд ли они имели влияние на массовую лицевую книжность. Распространение в ней ветхозаветных сюжетов и образов началось не ранее второй половины XVII в. с появлением в России заметного количества западноевропейских цельногравированных Библий.

На связь с этими иноземными изданиями рассматриваемого Синодика указывает сама его форма. Как уже упоминалось выше, миниатюры в нем помещаются на одной стороне листа и не иллюстрируют развернутые фрагменты текста, а снабжаются краткими подписями-цитатами. Немецкие и голландские Библии этого времени также представляли собой альбомы-увражи, то есть переплетенные подборки гравюр разных мастеров с небольшими

⁹ НИОР РГБ. Ф. 173. № 100.

¹⁰ ГИМ. Син. 210.

¹¹ ГИМ. Муз. 358.

текстами-толкованиями. Среди самых распространенных в России второй половины XVII в. цельногравированных Библий (М. Мериана, П. ван дер Борхта, К.Я. Висхера) миниатюры Синодика обнаруживают наибольшую иконографическую близость с гравюрами уважей последнего из перечисленных издателей. Они выходили под латинским заглавием «Theatrum biblicum». В отечественной историографии за ними закрепилось название Библии Пискатора (от латинского варианта фамилии Висхер: Visscher/Piscator). В середине – второй половине XVII в. вышло пять в той или иной степени отличающихся друг от друга изданий (1639, 1643, 1646 (Grooten Figuer-Bibel), 1650, 1674), из которых и в Западной Европе, и в России больше всего экземпляров сохранилось от тиражей 1650 и 1674 г. [Памлицкий, 2020, с. 27]. В настоящее время в отечественных собраниях учтено 50 экземпляров Библии, изданной в мастерской семьи Висхеров-Пискаторов, разной степени полноты сохранности¹².

Какое издание Библии Пискатора было в распоряжении художников, работавших над циклом миниатюр к Книге Бытия в Синодике из собрания Титова, неизвестно. В фондах ярославских музеев в настоящее время хранятся два экземпляра «Theatrum biblicum» 1643¹³ и 1650/1674 г.¹⁴ Однако не вполне ясный провенанс обеих книг не позволяет утверждать, что хотя бы одна из них точно бытовала в Ярославле во второй половине XVII в., а не попала в этот город позднее¹⁵. Поэтому мои наблюдения и выводы сделаны на основе «Theatrum biblicum» 1643 г. из собрания ГТГ, лакуны в котором восполнены специалистами, подготовившими его современное научное издание, за счет привлечения других экземпляров, сохранивших соответствующие гравюры¹⁶. Такой подход представляется правомерным, так как миниатюры Синодика не воспроизводят в точности гравюры ни одного из изданий Библии Пискатора, а представляют собой творческую интерпретацию их композиционных схем и иконографических элементов. Подчеркну также, что иллюстрации первых глав Книги Бытия в разных редак-

¹² См.: *Theatrum biblicum*. Библия Пискатора 1643 года из собрания Государственной Третьяковской галереи. М., 2020. С. 488–498.

¹³ ЯХМ. Научная библиотека. Инв. 3624.

¹⁴ ЯМЗ. ЯМЗ-59249 (Охр. 766).

¹⁵ См.: *Theatrum biblicum*. Библия Пискатора 1643 года... С. 490 (№ 10), 495 (№ 34).

¹⁶ *Theatrum biblicum*. Библия Пискатора 1643 года...

циях «Theatrum biblicum» существенно не менялись, сохраняя свою иконографию и стиль из тиража в тираж.

Следует сразу же отметить, что независимо от конкретного тиража Библии Пискатора ее листы и, соответственно, гравюры имеют так называемый «альбомный формат», то есть вытянуты по горизонтали. Листы нашего лицевого Синодика и писанные на них миниатюры в соответствие с воспроизводившейся в России XVII в. еще средневековой книгописной традицией выдерживают «книжный», вертикальный формат. Эта особенность провоцировала художников сокращать (как бы обрезать) детали горизонтальных панорам композиций и при этом более интенсивно использовать площадь листа в вертикальных направлениях, в том числе, размещая один под другим несколько смежных сюжетов.

Выполненная исследователями реконструкция Библии Пискатора тиража 1643 г. показывает, что интересующие нас сюжеты Книги Бытия занимали в ней по несколько листов каждый: серия «Сотворение мира» — 6, серия «История Адама и Евы» — 6, серия «История Каина и Авеля» — 3¹⁷. Но в Синодике из собрания Титова, как отмечено выше, наоборот, сюжетные мотивы объединялись, составляя общий рассказ. Поэтому композиции миниатюр собраны из нескольких изображений и дополнены разными деталями, известными художникам по другим визуальным источникам. Иконографическую основу первой миниатюры составляет гравюра «Второй день творения» (Л. 3) с характерным изображением исходящего с небес «гласа Божьего»¹⁸. Поскольку миниатюра совмещает рассказ о нескольких событиях сотворения мира, на ней мы видим еще и скалистую гору, подобную тем, что изображены на иллюстрации «Третий день творения» (Л. 4) Библии Пискатора¹⁹. Вторая миниатюра также сочетает изображения, заимствованные у этих двух гравюр: «гласа Божьего» и появившейся на земле растительности. При этом цветы на ней — почти прямое цитирование аналогичных визуальных элементов с иллюстрации третьего дня творения в Библии Пискатора. Художник третьей миниатюры собрал для своей композиции сюжетные элементы гравюр, иллюстрирующих в Библии Пискатора четвертый (Л. 5), пятый (Л. 6) и шестой (Л. 7) дни творения²⁰. Олень с ветвисты-

¹⁷ Theatrum biblicum. Библия Пискатора 1643 года... С. 478.

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ Там же. С. 63–65.

ми рогами и индюк с распущенным веером хвостом попали на нее с первой иллюстрации «Истории Адама и Евы» (Л. 8)²¹. Но таких редких животных, как слон, жираф и единорог, обращающих на себя внимание на гравюрах Библии Пискатора, русский миниатюрист изображать не стал. На четвертой миниатюре, рассказывающей о сотворении Адама и его грехопадении, также совмещены сюжетные мотивы двух смежных серий гравюр Библии Пискатора. Сцена «вдуновения» в первого человека жизни заимствована с гравюры «Шестой день творения» (Л. 7)²². Таким образом, этот эпизод завершения Богом создания мира соединен с другой, следующей историей из Книги Бытия. Иконография фигур и жестов Адама и Евы, срывающих запретный плод с райского дерева, восходит к гравюре «Грехопадение» Библии Пискатора (Л. 10)²³. Но феминоподобного змея миниатюрист изобразил, ориентируясь на уже сложившуюся в русской иконописи того времени традицию, основой которой были более ранние произведения европейского искусства, в том числе гравюры инкунабул [Антонов]. В сцене изгнания из Рая позы и жесты Адама и Евы отсылают нас к одноименной гравюре Библии Пискатора (Л. 12)²⁴. Однако спасающиеся от божьего гнева первые люди показаны здесь не обнаженными, а одетыми (как на русских иконах). Кустик цветущего растения и ангельский меч с волнообразным лезвием — также визуальные реплики все той же гравированной композиции. При этом человекоподобного барочного ангела миниатюрист заменил традиционным и соответствующим славянским переводам Книги Бытия огненным серафимом. На последней, пятой миниатюре совмещены два эпизода, которые в Библии Пискатора представлены на двух гравюрах (Л. 14, 15)²⁵. В верхней части листа сцена жертвоприношения Каина и Авеля иконографически близка к одноименному гравированному изображению. Но главный момент этого библейского рассказа, убийство Каином своего брата, существенно переиначен. Абель изображен уже мертвым. Челюсть животного — орудие убийства с голландской гравюры на русской миниатюре превратилась в камень, в соответствии с апо-

²¹ *Theatrum biblicum*. Библия Пискатора 1643 года... С. 67.

²² Там же. С. 64.

²³ Там же. С. 68.

²⁴ Там же. С. 70.

²⁵ Там же. С. 73.

крифической и иконописной традицией²⁶. Оттуда же появился и дьявол, подталкивающий Каина к совершению греха (на гравюрах Библии Пискатора его нет).

Итак, в процессе работы над миниатюрами Синодика из собрания Титова художники-миниатюристы черпали сюжеты и образы из двух источников: гравюр Библии Пискатора и существовавшей в то время русской средневековой традиции изображения сюжетов Книги Бытия. Они заимствовали удачные, с их точки зрения, композиции, образы, фигуры, жесты, второстепенные (элементы пейзажа, растения) детали, транслируя посредством использования в качестве образцов работ опытных голландских рисовальщиков и гравюров XVII в. художественные находки выдающихся мастеров европейского Ренессанса и барокко: Рафаэля, А. Дюрера, Микеланджело, Я. Брейгеля Младшего и др. Миниатюристы охотно и довольно свободно использовали многие иноземные изобразительные приемы. Это позволяло им разнообразить визуальное повествование, насытить его новыми и интересными изобразительными нюансами, которые, вероятно, нравились заказчикам и читателям лицевой книги. Но ограничения, существовавшие в русском искусстве того времени, находившемся под контролем церковной иерархии, диктовали необходимость «редактирования» некоторых сюжетных элементов и образов, особенно там, где существовала давняя и прочная традиция их изображения, и, особенно, если она имела основание в широко известных книжных текстах (канонических и/или апокрифических).

Похожим образом, видимо, происходила работа и с текстами. На гравюрах Библии Пискатора есть надписи на древнееврейском (обозначение Бога внутри персонифицирующих Его присутствие «сияний» в сценах сотворения мира и истории Адама и Евы) и латыни (содержание посланий гласа Божьего и пояснения действий Творца). На миниатюрах Синодика первые не воспроизводятся и не переводятся, вторые (в эпизодах с «гласом Божьим») заменяются подходящими по сюжету цитатами из славянских переводов Книги Бытия, установить которые весьма затруднительно, в том числе из-за допущенных писцами/художниками пропусков и ошибок.

Как отмечено, миниатюры Синодика сопровождаются не развернутыми фрагментами ветхозаветных текстов, а краткими

²⁶ См., например, нижний регистр иконы «Сотворение человека» XVII в.: Переславль-Залесский музей-заповедник. ПЗМ-368. ЖТ-388.

подписями-цитатами из них. Этот же принцип использовали и при издании Библии Пискатора. В свое время О.А. Белоброва отметила, что подписи к гравюрам «Theatrum biblicum», в отличие от самих изображений, похоже, никогда не исследовали [Белоброва, 1989, с. 72]. Мне такие работы в отечественной и зарубежной историографии также обнаружить не удалось. Я солидарна с общими наблюдениями Белобровой, согласно которым эти подписи, скорее всего, не относятся к какому-либо конкретному изданию Библии, распространенному в Западной Европе, а представляют собой наименование сюжета или его краткий вольный пересказ [Белоброва, 1989, с. 72]. При этом в разных изданиях Библии Пискатора они не совпадают (напомню, что часть гравюр также различается). Все эти вопросы еще требуют специального исследования. Белоброва первой заострила внимание и на том факте, что подписи к гравюрам обретавшихся в России изданий «Theatrum biblicum», как и других западноевропейских цельногравированных Библий, часто снабжались славянскими переводами, стихотворными и прозаическими [Белоброва, 1989]. Исследователи (в том числе, В.Г. Варенцов, М.И. Соколов, Г.П. Георгиевский, И.М. Тарабрин, А.И. Успенский, Г.А. Богуславский, М.Д. Каган и др.), начиная с середины XIX в. и до наших дней, занимались и занимаются публикацией и изучением в основном виршей, связанных с именем Мардария Хонькова, Симеона Полоцкого, а также с анонимными поэтами XVII в. О прозаических переводах в исследовательской литературе говорится вскользь и эпизодически. На некоторое обобщение имеющихся данных претендует только статья Белобровой [Белоброва, 1989]. Приведу некоторые из ее наиболее важных для настоящей работы выводов.

1) Переводы можно обнаружить не только на листах изданий иноземных библий, находившихся в русских собраниях. Из них составляли специальные сборники (Белобровой были известны пять различных экземпляров), которые, по-видимому, использовались при аннотировании гравюр с иностранными подписями, фресковых росписей, икон, для которых иллюстрации иностранных цельногравированных изданий служили иконографическими образцами.

2) Неизвестно, кто, кроме Мардария Хонькова и Симеона Полоцкого, и где (только ли в Москве) составлял тексты славянских пояснений к гравюрам. Добавлю, что также нет информации, как часто привлекались к этой работе люди, занимавшиеся переводческой деятельностью.

3) Некоторые экземпляры иноземных библий свидетельствуют о том, что для пояснения их иллюстраций могли использовать два или три варианта редакций славянских подписей.

4) Лицевые библии иноземной печати и списки подписей к их гравюрам нередко находились в собственности иконописцев: как царских мастеров (Иван Безмин, Богдан Салтанов), так и у провинциальных (суздальцев Иконниковых, вятичей Рязанцевых и др.).

В целом можно согласиться с мнением Белобровой, что кириллические пояснительные тексты, созданные в целях толкования содержания иностранных гравюр были довольно широко распространены в России XVII в. [Белоброва, 1989, с. 79]. Но вопрос о принципах их составления до сих пор остается открытым, поскольку для этого необходимо выявить как можно большее количество таких текстов, дошедших до нашего времени, и сопоставить их с латинскими подписями к гравюрам иноземных библий, для аннотирования которых они предназначались. Это большая и сложная работа, которая, возможно, будет осуществлена в будущем. В настоящей статье можно поделиться только частными наблюдениями, касающимися данной проблемы.

Характерным примером одного из подходов к токованию иностранных гравюр, на мой взгляд, может служить та же «*Theatrum biblicum*» 1643 г., к которой я обращалась при анализе миниатюр Синодика из собрания Титова²⁷. В интересах исследования останусь все в тех же тематических рамках Книги Бытия, внутри которых строила свои рассуждения ранее. При сопоставлении печатной латинской подписи под изображением на гравюре и рукописной славянской над изображением видим, что вторая в данном случае фактически является подстрочным переводом первой. Полностью сохраняется композиция текста, состоящего из двух фраз с указанием счета дня Творения между ними. К примеру: «III DIES» — «Г д(е)нь» (Л. 4)²⁸. Славянский текст, как и латинский, не цитирует какую-либо рукописную или печатную Библию, а просто кратко описывает смысл изображенного, служа почти дословным переводом с другого языка: «*Arida sit tellum vernanti gramine laeta* / [Суша да будет землей, рождающей зелень] / Суша да буде(т) земля, весенствующим(м) злакомъ» (Л. 4). Под латинским текстом, справа

²⁷ *Theatrum biblicum*. Библия Пискагора 1643 года...

²⁸ Там же. С. 63.

есть ссылка на место в Библии, где описывается этот сюжет: «Gene. С. 1. V. 9» (какое издание латинской Библии имеется в виду, не установлено). Под славянским текстом аналогичная ссылка: «Бы(т), г(л), А: с(х), Θ» (возможно, переводчик ссылается на московскую печатную Библию 1663 г.)²⁹. Единственное, но принципиальное отличие текстов, сопровождающих гравюры, в обозначении счета дней Творения, который в отношении некоторых сюжетов Книги Бытия в латинской и православной традициях не совпадает (к примеру, «III DIES / Д д(е)нь» (Л. 5))³⁰. Высокое качество переводческой работы позволяет выдвинуть осторожное предположение, что составитель славянских вариантов подписей к гравюрам мог быть связан с кругом книжников, готовившим в середине XVII в. издание московской Библии³¹, получившей затем широкое распространение [См.: Рижский, с. 99–112]. Замечу, что первым владельцем экземпляра Библии Пискатора из собрания ГТГ был архиепископ Вологодский и Белозерский Симон († 1685), принадлежавший к числу «ученых» противников патриарха Никона и имевший обширные связи в среде просвещенного столичного и провинциального духовенства [Чинякова; Башнин].

В Синодике из собрания Титова писцы или художники, делавшие краткие подписи, сопровождающие миниатюры, действовали иначе. Очевидно, что они использовали готовые библейские цитаты на церковно-славянском, при этом без ссылок на какой-либо славянский перевод Библии. Судя по форме и содержанию цитат, их первоисточником, скорее всего, также могло быть московское издание 1663 г. Однако, отсутствие ссылок указывает на возможность использования не оригинального печатного текста, а одного или нескольких (на что могут косвенно указывать различия в орфографии) из рукописных сборников подписей к гравюрам европейских библий, аналогичного тем, что были объектом исследования Белобровой [Белоброва, 1989]. Там они могли быть скомпонованы тематически в пандан к гравированным иллюстрациям Библии Пискатора, при этом, вероятно, еще на стадии перевода были отобраны только нужные, соответствующие изображениям тексты, а «лишние» купированы. Задачей создателей подписей к миниатюрам Синодика было только выбрать из этого материала

²⁹ Theatrum biblicum. Библия Пискатора 1643 года... С. 61–63.

³⁰ Там же. С. 63.

³¹ Библия. М., 1663.

подходящие варианты и соединить их так же, как авторы миниатюр соединяли сюжетные элементы и образы гравюр, составляя композиции собственных произведений. Так же, как художники сокращали и отбрасывали некоторые элементы иконографических образцов, чтобы уместить визуальный пересказ библейских сюжетов на ограниченной плоскости миниатюры, писцы, видимо, редактировали готовые цитаты, чтобы без потери смысла уложить их текст в размер краевых рамок изображений. Это была непростая работа, требовавшая от книжников определенных профессиональных навыков.

Анализ цикла миниатюр, иллюстрирующих Книгу Бытия в Синодике из собрания Титова, вновь выводит нас на проблему перевода Библии Пискатора в России XVII в., которая в свое время занимала О.А. Белоброву. Он также показывает, что практика визуальных и вербальных цитат иноземных целногравированных библий в русской культуре этого времени выходила за пределы уже довольно неплохо изученного материала стенных росписей и икон. Исследование лицевых сборников способно пополнить корпус текстов, которые могут быть отнесены к числу переводов подписей к гравюрам западноевропейских альбомов-увражей, а также расширить наши представления о приемах работы с ними русских книжников и иконописцев.

Литература

- Антонов Д.И.* Змей-искуситель с женским лицом: генезис и вариации образа в русской иконографии // Славянский альманах. Вып. 1–2. М., 2016. С. 194–210.
- Башнин Н.В.* Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 16–41.
- Белоброва О.А.* О древнерусских подписях к некоторым целногравированным изданиям XVII века // Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1989. С. 70–81.
- Белоброва О.А.* Иллюстрированные Библии XVI–XVII веков в русских средневековых библиотеках // Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. 62. СПб., 2014. С. 21–28.
- Брюсова В.Г.* Русская живопись 17 века. М., 1984.
- Бусева-Давыдова И.Л.* Библия Пискатора в русских иконах и фресках XVII–XVIII веков // Theatrum biblicum. Библия Пискатора 1643 года из собрания Государственной Третьяковской галереи. М., 2020. С. 28–39.
- Гамлицкий А.В.* «Theatrum biblicum» Николая Пискатора. К вопросу о происхождении западных образцов русского искусства XVII века // Academia. 2010. № V. С. III–IX.

- Гамлицкий А.В.* *Theatrum biblicum* Николая Пискатора на сцене европейской художественной жизни XVII века // *Theatrum biblicum. Библия Пискатора 1643 года из собрания Государственной Третьяковской галереи.* М., 2020. С. 12–27.
- Грибов Ю.А.* Русские лицевые рукописи XIV–XIX веков. Очерки истории. М., 2024.
- Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011.
- Кошелева О.Е.* «Лекарство душевное» в русской книжности XVII в. // *Герменевтика древнерусской литературы.* Сб. 2: XVI – начало XVIII в. М., 1989. С. 90–108.
- Луптов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
- Масленицын С.И.* Ярославская иконопись. М., 1983.
- Опарина Т.А.* Русский человек XVII века: выбор веры. М., 2023.
- Рижский М.И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.
- Розов Н.Н.* О генеалогии русских лицевых Псалтирей XIV–XVI веков // *Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв.* М., 1970. С. 226–257.
- Сукина Л.Б.* О ростовском лицевом синодике последней трети XVII в. из коллекции А.А. Титова // *История и культура Ростовской земли.* 1994. Ростов, 1995. С. 21–26.
- Сукина Л.Б.* Иноземные притчи в предисловиях лицевых Синодиков: особенности вербального и визуального перевода // *Переводы и переводчики в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф.* Вып. 3. М., 2023. С. 349–366.
- Сукина Л.Б.* Синодик Троицкого Данилова монастыря 1672/1673 года – памятник ярославской книжности // *Книжная культура Ярославского края – 2022: сборник статей и материалов.* Ярославль, 2023. С. 132–141.
- Чинякова Г.П.* Неизвестный экземпляр гравированной Библии Пискатора // *Русское искусство.* 2008. № 4. С. 40–45.
- Шамин С.М.* Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020.
- Waugh D.C., Maier I.* *Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context.* Seattle, Uppsala, 2023.

Энгельбрект Нильссон — «русский толмач», российский пленник, стокгольмский бюргер

Энгельбрект (также Энгельберт) Нильссон (*Engelbrekt Nilsson*), или, как его обычно называют русские источники, Абрам (Аврам) Миколаев (Никулаев), — небезызвестная фигура в истории отношений России и Швеции XVI столетия. Этот «русский толмач» (шв. *rysstolk*), т.е. дипломатический переводчик с русского языка (о терминологии см.: [Толстиков, Рыбаков, 2022, с. 802, 808]), чаще всего упоминается в связи с двумя скандалами: во-первых, задержанием его российскими властями в июне 1570 г. вместе с еще одним коллегой, Лассе (Ларсом) Бертильссоном (Власом Пантелеевым), «чтоб им поучити руских людей неметцкому языку» [Сб. РИО, т. 129, с. 185], а во-вторых, с изъятием у него на границе, в Орешке, уже при возвращении домой в 1574 г., царских родословцев (см., например: [Савва, 1914, с. 156–159]; [Юстен, 2000, с. 133, 173, 175, 197]; [Юзефович, 2007, с. 14]; [Maier, 2008, p. 195–196]). Между тем след, оставленный в источниках Энгельбректом Нильссоном, не исчерпывается участием в указанных скандалах. Он считался одним из наиболее квалифицированных «русских толмачей» в шведской королевской канцелярии, владел недвижимостью в Стокгольме и был весьма тесно связан с некоторыми другими своими коллегами, такими как Хенрик Маттссон (ум. 1565; см. о нем: [Толстиков, 2023]) и Пер Юнссон (ум. 1581; см.: [Толстиков, 2025]). Поддающиеся восстановлению детали биографии Энгельбректа Нильссона, в особенности его социальные связи, представляют большой интерес в контексте истории корпуса «русских толмачей» в Швеции во второй половине XVI в. (о формировании этой социопрофессиональной группы см.: [Толстиков, Рыбаков, 2022]). В данном случае я намерен обобщить и уточнить имеющиеся биографические сведения об Энгельбректе Нильссоне (самую информативную справку о нем, хотя и не лишенную отдельных неточностей, см.: [Svalenius, 1991, s. 177–178]).

Мы, увы, ничего не знаем о его происхождении. По данным Ивана Свалениуса, Энгельбрект Нильссон с 1564 г. служил

в королевской канцелярии и, хотя периодически именовался «канцеляристом» (*kansliskrivare*), с самого начала занимался переводами с русского языка [Svalenius, 1991, s. 177]. В первые месяцы 1566 г. он упоминается в письмах Эрику XIV от Выборгского замкового фогта — кстати, тоже известного «русского толмача» — Бертиля Йоренссона (Пантелея Юрьева; ум. 1580; см. о нем: [Толстикова, Рыбаков, 2022, с. 812–814]). Судя по этим упоминаниям (письма были получены королем 5 февраля и 11 марта), Энгельбрект Нильссон тогда находился в России вместе с «тремя другими молодыми людьми» (*Engilbrich Nielsson och the andre 3 vnge karer*), притом за казенный счет: фогт собирался переправить им из Выборга с Хансом Ларссоном Бьёрнрамом средства пропитания [Historiska handlingar, d. 8, nr 2, s. 27, 42]. Мнение И. Свалениуса, будто наш герой пребывал тогда в Ревеле (Таллине) [Svalenius, 1991, s. 177], — ошибочно: Ханс Ларссон Бьёрнрам (ум. 1571; он между прочим тоже владел русским языком: [Ahnlund, 1924]; [Syjöö, 2001]) был назначен послом в Россию и как раз собирался пересекать границу на Карельском перешейке [Hjärne, 1897, s. 87].

Весьма вероятно, что поездка четырех молодых людей в Россию (возможно, в Новгород) была связана с изучением языка. Тогда это было обычной практикой (см.: [Толстикова, Рыбаков, 2022]). К тому же в послании Юхану III от 5 (6) сентября 1573 г. Иван Грозный замечал об Энгельбректе Нильссоне и Лассе Бертильссоне: «А Ваши толмачи преж сего у нас в нашем господарстве нашей русской грамоте учивалис же»¹ (см. также: [Сб. РИО, т. 129, с. 252]). Правда, поскольку наш герой уже с 1564 г. занимался переводом в королевской канцелярии, он точно владел языком на достаточно высоком уровне и, может быть, совершил подобную поездку в качестве простого ученика раньше. Но в таком случае в начале 1566 г. он вполне мог исполнять обязанности старшего, поскольку он единственный из четырех назван по имени и Выборгский фогт пишет непосредственно ему. Сохранилось (в копии и не до конца) письмо за подписью Энгельбректа Нильссона «русскому толмачу» Хенрику Маттссону из Новгорода². Из письма следует, что последний отвечал за организацию обучения группы шведов, куда входил и наш герой, русскому языку и русской грамоте у новгородских дьяков («писарей» — *Schriffuare*) на основании царской грамоты («*satte tu*

¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 59; RA. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 170v.

² RA. 1441. Vol. 3. Mapp 8.

oss nedh J Stfore] Nogården Effth[e]r som Keijsarens breff för melar till att lera Ruscha tungo målett och schrijfftienn»). Будущие толмачи, однако, оказались после отъезда Хенрика Матссона без средств к существованию, да и дьяки не желали ничему их учить без оплаты, так что теперь Энгельбрект Нильссон слезно просил его о помощи.

Обнаруживший этот документ И. Свалениус исходил из того, что поставленная на нем дата, 18 октября 1571 г., верна [Svalenius, 1991, s. 177]. Но Хенрик Матссон, вне всяких сомнений, скончался летом или осенью 1565 г. [Толстикова, 2023, с. 280], а Энгельбрект Нильссон в 1571 г. уже в положении пленника «учил русских учеников немецкому языку». Зато общий контекст письма хорошо соответствует обрисованной выше ситуации. Учитывая, что Хенрик Матссон был в России последний раз весной 1565 г. (в Москве – в первых числах апреля) [Толстикова, 2023, с. 279], как раз тогда он мог оставить группу будущих толмачей в Новгороде. Мы знаем, что 7 марта 1565 г. «канцеляристу Энгельбректу Нильссону» (*Engilbredt Nielsonn Cantzlij forwantth*) было выдано в Выборге 400 пеннингов и 250 денег (*däninger*)³. Не в связи ли с интересующей нас здесь поездкой? Если так, то правдоподобно, что примерно через год, в начале 1566 г., выборгскому фогту пришлось пересылать поиздержавшимся шведским молодым людям в Новгород средства к существованию. Таким образом, указанное письмо Энгельберта Нильссона могло быть написано приблизительно осенью 1565 г. Впрочем, нам известна поездка Хенрика Матссона в Россию в 1563 г. (в конце июля – сентябре) [Толстикова, 2023, с. 278], поэтому нельзя совсем исключить, что письмо появилось двумя годами раньше. Мне, однако, более вероятным кажется первый вариант.

Дополнительный аргумент в пользу такой датировки – упоминание (обнаруженное финляндским архивистом Матти Валтой: [Walta, 2023, s. 17]) о том, что как раз в 1565 г. тогдашнему фогту Эврепя (шв. *Eurepä*, фин. *Äyräpä*) и будущему выборгскому бургомистру Бертилю Йонссону (Рууту) было выдано 70 далеров, чтобы он мог «выкупить» (*wtlösa*) своего сына Лассе, который тогда находился в России и изучал русский язык⁴. Контекста не хватает, но мы можем предположить, что проблемы этого Лассе были порождены описанной ситуацией с группой будущих «русских толмачей» в Новгороде. И скорее всего, речь здесь идет об известном нам

³ KA. Voudintilit. 5278. Fol. 22.

⁴ Ibid. Fol. 27.

Лассе Бертильссоне, которому предстояло сперва вместе с Энгельбректом Нильссоном стать преподавателем шведского поневоле, а потом умереть в России где-то после 1570 г.

Но прежде чем они оба были назначены в злополучную миссию Павла Юстена, они в конце 1566 г. отправились в Россию с посольством под началом Нильса Юлленшерны (тем самым, которое заключило печально известный договор о признании шведского короля Эрика XIV «братом» царю в обмен на выдачу ему супруги герцога Юхана Катерины Ягеллонки). Причем третьим толмачом миссии 1566–1567 гг. был Пер Юнссон, о связях которого с Энгельбректом Нильссоном речь впереди. 15 февраля 1567 г. все трое: Энгельбрект Нильссон, Лассе Бертильссон и Пер Юнссон – под руководством упоминавшегося выше Бертиля Йоренссона (тогда он был одним из послов) до полуночи работали над чистовиком письма представителям российской стороны (см.: [Sverges traktater, d. IV, s. 550]).

В верительной грамоте шведского посольства 1569 г., причем в обоих ее вариантах – от апреля 1569 г., когда первым послом еще назначался Педер Багге⁵, и от июля того же года, когда уже появилось имя епископа Павла Юстена⁶ (ср.: [Сб. РИО, т. 129, с. 179]) – «Ангелбрехт Нилзон писарь» упомянут в одном ряду с послами. По-видимому, это указывает на его сравнительно высокий статус.

3 июня 1570 г. в Москве случилось упомянутое в самом начале задержание Энгельбректа Нильссона и Лассе Бертильссона – их вместе с двумя слугами увели со двора, где размещались послы, пообещав, что ничего плохого толмачам не сделают (в издании [Юстен, 2000, с. 133] в русском переводе имеются существенные неточности, ср. текст оригинала и английский перевод: [Narratio Pauli Juusten, 1867, s. 403]; [Paul Juusten's Mission, 1986, p. 69]). Накануне соответствующий приказ, в котором (если верить версии Посольской книги) прямо говорилось об «образовательных целях» этой насильственной акции, царь отдал Малюте Скуратову [Сб. РИО, т. 129, с. 185]. Лассе Бертильссона, как уже отмечалось, ждала смерть на чужбине, но нашему герою удалось вернуться в 1574 г.

Об этих четырех годах, проведенных им в России, практически ничего не известно. Впрочем, царь в одном из посланий Юхану III

⁵ RA. Riksregistraturet. 1568–1569. Fol. 88v.

⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 2. Л. 127.

(от 9 августа 1574 г.) назвал число учеников Энгельбректа Нильссона: «Твой толмач русской Обрам Миколаев, будучи в нашем жаловане, безо всякие нужи робят наших дву учил»⁷ (см. также: [Сб. РИО, т. 129, с. 263]). Решение об отпуске толмача на родину было принято 20 марта 1574 г. [Там же, с. 258–259]. Но уже на границе с ним случился второй упомянутый выше скандал – который, однако же, к его счастью, не поставил окончательный крест на его возвращении. В только что процитированном послании от 9 августа шведскому королю царь писал: «А толмача Твоего, Аврама Миколаева, отпустили были есмь к Тебѣ с сею своею грамотою преж сего вскоре, в марте месяце. И грамота наша к Тебѣ не дошла, и Оврама толмача задержали есмь, потому как приѣхал Аврам с нашею грамотою в Орѣшек, которую грамоту послали есмь к Тебѣ и у Оврама, Твоего толмача, выняли книги о наших о великих дѣлах и многие наши родословцы и иные наши многие дѣла повыимали у него. А Аврам, живучи в нашем государстве, тѣ наши великие дѣла крал лазучством, и потому Твой толмач Аврам дошел был смертные казни, и мы как есть господари крестьянские толмача Твоего Аврама смертью казнити не велѣли есмь, то есмь учинили Тебя для, Аврама толмача к Тебѣ отпустили есмь и грамоту свою с ним к Тебѣ послали есмь»⁸ (см. также: [Там же, с. 263]).

В тот момент намечались новые российско-шведские переговоры на границе, к тому же Энгельбректа Нильссона предстояло обменять на застрявших в Швеции российских гонцов Владимира Пивова и Василия Чихачева, так что, хотя сначала толмача и вернули из Орешка назад, в итоге его все же отпустили домой: 11 августа 1574 г. он выехал из Старицы с упомянутой грамотой от 9 августа в сопровождении Дмитрия Данилова сына Болотникова, которому было велено «беречи того накрѣпко, чтоб у него Аврам с дороги не ушел ни по которым обычаем и дурна б над собою не учинил» [Там же, с. 259, 264, 267]. 15 декабря того же года Энгельбректа Нильссона, наконец, обменяли на пограничной реке Сестре на Владимира Пивова (Василий Чихачев, подобно Лассе Бертильссону, умер на чужбине) [Там же, с. 268].

По возвращении из России Энгельбрект Нильссон сразу, в январе 1575 г., получил компенсацию (в виде хлеба и наличных де-

⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 84 об.; RA. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 175v.

⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 85 об. – 86 об.; RA. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 176–176v.

нег) за перенесенные в неволе трудности и с тех пор до своей смерти продолжал служить в королевской канцелярии. Пока был жив старый его знакомый Пер Юнссон, они вдвоем считались самыми квалифицированными «русскими толмачами», получая, судя по всему, одинаковое жалование. В 1581 г. последний умер, и Энгельбрект Нильссон остался единственным специалистом такого уровня [Svalenius, 1991, s. 177–179].

В России он, насколько мы можем судить, больше не бывал и вел довольно обеспеченное существование в шведской столице. Оно стало возможным благодаря его служебным и (вероятно) дружеским связям, а также благодаря удачной женитьбе. Судя по упоминаниям в протоколах городского суда (в которых он фигурирует с 1577 г.), Энгельбрект Нильссон был женат на Карин Арвидсдоттер (Арендсдоттер) — племяннице (дочери сестры) стокгольмского замкового фогта Эрика Бьёрнссона (Катта). Вторая же сестра этого последнего, Барбру Бьёрнсдоттер, являлась вдовой известного нам «русского толмача» Хенрика Маттсона и женой другого коллеги нашего героя, Пера Юнссона (см.: [Stockholms stads tänkeböcker från äldre tid, d. 5, s. 302; d. 6, s. 43–45, 109, 325–326, 517–518]; [Stockholms stads tänkeböcker från 1592, d. V, s. 272–274; d. VI, s. 220, 242, 399]; [Svalenius, 1991, s. 178, 179]; [Толстиков, 2023, с. 281]; [Толстиков, 2025]).

В 1578 г. трое свойственников, Эрик Бьёрнссон, Пер Юнссон и Энгельбрект Нильссон, урегулировали между собой права собственности на несколько каменных домов в самом центре шведской столицы. В результате наш герой с семьей переехал в каменный дом на площади Стурторьет (см.: [Stockholms stads tänkeböcker från äldre tid, d. 6, s. 43–45]; [Толстиков, 2025]).

Умер Энгельбрект Нильссон не позднее 1585 г. — в этом году в одном из финансовых документов он назван покойным [Svalenius, 1991, s. 177]. Его вдова Карин впоследствии опять вышла замуж, снова овдовела и умерла в 1609 г. В 1604 г. как ее зять упоминается золотых дел мастер из финляндского Або (Турку) Ханс Хасенвинкель. Вероятно, он был мужем (неизвестной по имени) дочери Карин от брака с Энгельбректом Нильссоном, хотя и нельзя совсем исключить, что ребенок был от второго супруга Карин. Зато точно их общим с Энгельбректом Нильссоном сыном был Арент. Он служил секретарем и скончался не позднее 1625 г. Его вдова Малин Йоренсдоттер (которая судилась с упомянутым Хансом Хасенвинкелем за долю во владении тем самым каменным домом на Стур-

торъет) заявляла, что Арент состоял на государственной службе и много ездил по делам короны: «*blifuit brukat uti höge öffuerheetenes tienst, och blifuit mångestädes medh cronones höge wärff och ärender förskickatt*» Она упоминала его поездку в Курляндию. (См. протоколы стокгольмского городского суда: [Stockholms stads tänkeböcker från 1592, d. V, s. 272–274; d. XII, s. 84–85; d. XIV, s. 334–335, 343, 363, 365, 509, 515 (приведенная цитата), 537].) Однако, насколько я могу судить, «русским толмачом» он не именуется. Его, например, нет в составленном Кари Таркиайненом и состоящем из 83 имен списке «русских толмачей» в Швеции в 1595–1661 гг. [Tarkiainen, 1969, s. 69–95]. Так что, похоже, Арент Энгельбректссон (в отличие, например, от сына Пера Юнссона — Юна Перссона, получившего в 1592 г. дворянство и ставшего прародителем известного рода Сабель [Толстиков, 2025]), дело отца не продолжил.

Литература

- Савва В. И.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. // Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 151–162.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910.
- Толстиков А. В.* Пер Юнссон — шведский *rydgetolck* второй половины XVI в. // Страницы Выборгской истории. Книга девятая. Выборг, 2025 (в печати).
- Толстиков А. В.* Хенрик Маттссон (Индрик Матвеев) — «русский толмач», шпион, дипломат XVI в. // Слово, культура, история: теория и практика гуманитарного знания / ред. колл.: Т. А. Тоштендаль-Салычева, М. О. Дубовицкая. М., 2023. С. 274–287.
- Толстиков А. В., Рыбаков В. В.* Первые переводчики с русского языка в Швеции раннего Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 3. С. 800–816.
- Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.
- Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572 гг. / пер. с фин. Л. Э. Николаева; сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2000.
- Ahnlund N.* Hans Larsson (Björnram) // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1924. Bd. 4. S. 656–661.
- Historiska handlingar. Stockholm, 1878. D. 8. Nr 2. Kongl. Kansliets diarium öfver ingångna skrivelser 1566 (januari – juni, november och december) jemte noter och tillägg / Utg. genom C. Silfverstolpe.
- Hjärne H.* Svensk-ryska förhandlingar 1564–72: Erik XIV: s ryska förbundsplaner. Uppsala, 1897.
- Maier I.* Foreign-Language Specialists in Muscovite Russia (16th and Early 17th Century) // С любовью в слово: Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by Jouko Lindstedt *et al.* Helsinki, 2008. P. 191–206.

- Narratio Pauli Juusten, episcopi Aboensis, de Legatione sua Russica // [*Porthan H.G.*] Henrici Gabriëlis Porthan opera selecta = H.G. Porthans skrifter i urval. Helsingfors, 1867. Tredje delen. P. 383–419.
- Paul Juusten's Mission to Muscovy / Transl. and ed. by H.F. Graham // *Russian History*. 1986. Vol. 13. No. 1. P. 41–92.
- Stockholms stads böcker från äldre tid. Andra serien. Tänkeböcker: Ny följd. Stockholm, 1943. D. 5. 1576–1578 / Utg. genom J.A. Almquist; 1945. D. 6. 1578–1583 / Utg. genom J.A. Almquist.
- Stockholms stads böcker från år 1592. Stockholm, 1959. D. V. 1603–1604 / Red. av F. Sleman och G. Setterkrans; 1963. D. VI. 1605–1608; 1976. D. XII. 1620–1621 / Red. av S. Olsson och N. Särnqvist; 1979. D. XIV. 1624–1625 / Red. av S. Olsson och N. Särnqvist.
- Svalenius I.* Rikskansliet i Sverige 1560–1592. Stockholm, 1991.
- Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O.S. Rydberg. Stockholm, 1888. D. 4. 1521–1571.
- Syrjö V.-M.* Björnram, Hans Larsinpoika (noin 1520–1571) // Kansallisbiografia.fi [Электронный ресурс] (31.03.2025).
- Tarkiainen K.* Venäjätulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661 // Historiallinen arkisto. 1969. Vol. 64. S. 5–136.
- Walta M.* Virkamiesmatrikkeli 1523–1634. 13.12.2023 // Academia.edu [Электронный ресурс] (дата обращения: 31.03.2025).

**ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ**

**Переводчики и толмачи,
упомянутые в документах архива
Аптекарского приказа (1645—1676 гг.):
материалы к биографиям¹**

Александров Василий — переводчик и толмач Аптекарского приказа. Согласно расходной книге 1643/44 г. дано годового жалования 40 руб.², а также выплачено 21 сентября, 31 октября, 30 ноября, 31 декабря 1643 г. и 31 января 1644 г. по 4 руб. 5 ал. 3 д.³ 30 ноября за 1 руб. 16 ал. 4 д. у него была куплена «меденая гиря, а в ней десяти фунт, дано за фунт по пяти алтын»⁴. Упомянут первым в списке переводчиков летом 1644 и в 1645/46 гг. На два месяца: июль и август 1644 г. «вместо денежного корму дать по цене соболей» из Сибирского приказа 8 руб. 11 ал.⁵ В выписке из расходной книги за 1644/45 г. о выплате жалования за три месяца (июнь, июль, август) 1645 г. по непонятым причинам не упоминается⁶. В 1645/46 г. жалование 40 руб., месячный денежный корм — 4 руб. 5 ал. 3 д. (в год 49 руб. 32 ал. 4 д.)⁷. С апреля 1646 г. взят «по указу» в Посольский приказ для сопровождения русского посольства в Данию⁸, очевидно под руководством кн. П.В. Волконского и дьяка Ф. Степанова, которое не состоялось [Бантыш-Каменский, 1894, с. 226]. Согласно выписке из расходной книги Аптекарского приказа, сделанной 8 февраля 1647 г., ему не было выплачено месячное жалование в Аптекарском приказе за январь-март, а также за апрель-июнь в Посольском приказе⁹. 25 июня 1646 г. скоропостижно умер («чудом Божиим... не стало скорою смертью») и сразу же его вдова Варвара Елисеевна с сыном и двумя дочерьми подала челобитье, что

¹ Продолжение. Часть биографий дополнены и уточнены. Предыдущий материал см.: Худин, 2019.

² РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 6. Л. 42.

³ Там же. Л. 45 об., 48 об. — 49, 52 об.

⁴ Там же. Л. 54 об.

⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 140; Опубл.: Матерьялы, с. 62.

⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 4; Опубл.: Матерьялы, с. 578–579.

⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 818. Л. 4; Опубл.: Матерьялы, с. 130.

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1646 г. Д. 4. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 143. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

ей «и гроба купить, и похоронить нечем, и лежит не похоронен». Уже на следующий день – 26 июня – на челобитье стояла помета думного дьяка Г. Львова о выдаче «на погребение» 6 руб. из приказа Большого прихода¹⁰.

Боуш Василий (Кристофор, Христофор) – переводчик Посольского приказа. В 1658/59 г. присутствовал вместе с доктором А. Энгельгардтом и лекарем С. Зоммером при кровопускании царице Марии Ильиничне, за что получил 10 аршин «камки кармазину»¹¹ [Подробнее о Боуше см. Дневник].

Вент Иван – толмач Аптекарского приказа. В 1654/55 г. получал корм 1,5 руб. в месяц¹². Согласно прихода-расходной книге 1656/57 г. регулярно (кроме августа) выплачивалось кормовое жалованье, которое вместо него забирали сторож Т. Ананьин (ноябрь, январь) и разные лекарские ученики: Ф. Васильев (декабрь, февраль, март), А. Федотов (апрель, июнь, июль), И. Михайлов (май)¹³.

Вент Филипп (Филька) – толмач Аптекарского приказа. В 1654/55 г. получал корм 4 руб. на месяц¹⁴. Согласно прихода-расходной книге 1656/57 г. регулярно выплачивалось кормовое жалованье от 4 до 4,5 руб., которое вместо него забирали сторож Т. Ананьин (ноябрь, январь) и разные лекарские ученики: Ф. Васильев (декабрь), Л. Агеев (февраль), Я. Дементьев (март), А. Федотов (апрель, май, июнь, июль)¹⁵. Согласно выписке из расходной книги за 1662/63 г., месячный корм – 4 руб. и годового денежного жалованья не учинено¹⁶.

Вицент Никита (Микита, Микитка) – толмач Аптекарского приказа. В своей челобитной сообщает, что служил в Аптекарском приказе с 1652/53 г., а в 1654/55 г., в русско-польскую войну – под Смоленском, Вильно и Ригой¹⁷, получая корм 2 ал. на день¹⁸. Согласно прихода-расходной книге 1656/57 г., регулярно

¹⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1646 г. Д. 4. Л. 1, 2.

¹¹ Там же. Ф. 143. Оп. 2. Д. 669. Л. 1.

¹² Там же. Д. 1486; Оpubл.: Матерьялы, с. 643.

¹³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 227; Оpubл.: Матерьялы с. 182–183, 187, 190, 192, 194, 197, 199.

¹⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1486; Оpubл.: Матерьялы, с. 643.

¹⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 227; Оpubл.: Матерьялы, с. 182–183, 187, 189, 192, 194, 196, 198.

¹⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 659; Оpubл.: Матерьялы, с. 246.

¹⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 659; Оpubл.: Матерьялы, с. 245.

¹⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1486; Оpubл.: Матерьялы, с. 643.

выплачивалось кормовое жалование, которое вместо него забирала лекарские ученики: Л. Агеев (февраль), Ф. Васильев (март), А. Федотов (апрель, июль), А. Григорьев (май), И. Раев (июнь)¹⁹. По случаю рождения 30 мая 1661 г. царевича Феодора Алексеевича получил 7 ноября, наряду с другими толмачами, по 3 руб.²⁰ В списке записан вторым после *Ивана Тиу*. 22 ноября 1662 г. в ответ на поданную вместе с толмачем Шредером челобитную о прибавке к месячному корму «для нынешней хлебной и всякой дороговли», И.Д. Милославский приказал давать по 12 алтын 3 деньги на рубль «против аптекарей и лекарей»²¹. Согласно выписке из расходной книги на 1662/63 г., месячный корм ему по 2 руб. 16 ал. 4 д. на месяц (в год 30 руб.), а годовое жалование не учинено. Не позднее 13 апреля 1663 г. подает челобитную, в которой сообщает что получает 2,5 руб. месячного корма и «з женишкою в нынешнюю хлебную дороговлю прокормитца нечим: хлеб и всякой харч и дрова — все дорого». К этому моменту из посольства вернулся *Иван Тиу* и «пожалован в толмачи вновь», заняв снова первое место среди толмачей: тот получает 20 руб. годового жалования (согласно расходной книге — 25 руб.²²), и Вицент «перед ним оскорблен». Кроме также он сообщает об отце, который служил «в горододельцах» и погиб «под Смоленском на приступе», и просит выдать ему такое же годовое жалование, как у Тиу «за службу и за смерть отца моего и за мою службишку». Его просьба не была удовлетворена, лишь месячный корм был повышен на 1 руб. — до 3,5 руб.²³ Не позднее 2 июля 1669 г. Вицент и еще 29 неназванных чепучинных мастеров, русских лекарей и алхимистского и чепучинного дела учеников, подали коллективную челобитную, в которой они просили выдать им годовое жалование. Согласно выписке из расходной книги за 1668/69 г., сделанной не позднее 26 июля 1669 г., ему положено годовое денежное жалования в 10 руб.²⁴ Согласно выписке из расходной книги 1669/70 г., получал 10 руб. годового денежного жалования²⁵; столько же в 1671/72 г.²⁶ Жалование выплачива-

¹⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 227; Оpubл.: Матерьялы, с. 187, 189, 192, 194, 196, 199.

²⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 483. Оpubл.: Матерьялы, с. 751.

²¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 627. Оpubл.: Матерьялы, с. 229.

²² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 659; Оpubл.: Матерьялы, с. 245.

²³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 659; Оpubл.: Матерьялы, с. 245–246.

²⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 860; Оpubл.: Матерьялы, с. 359–360.

²⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 889. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 1006. Л. 8.

лось раз в полгода. За сентябрь 1672 – февраль 1673 г. он получил денежное жалование – 5 руб. и ежемесячный корм – 3 руб. 16 ал. 4 д.²⁷; и столько же – за вторую половину года (март–сентябрь 1673)²⁸. Половина суммы выплачивалась соболями, половина – деньгами²⁹. В марте 1674 г. он числился единственным толмачом, а второй толмач – Ерофей стал переводчиком и занял место выше Вицента, хотя и получал суммарно годового денежное жалование и ежемесячных кормовых денег на 2 руб. меньше его – 50 руб. в год³⁰.

Голосов Лукьян – в указанное время – дьяк Патриаршего разрядного приказа (1653–1659; 1661–1662 гг.); Царицыной мастерской палаты (1659–1661 гг.) [Приказы, с. 263]. С 1659/60 по 1662/63 г. присутствовал «для толмачества» при кровопускании царю Алексею Михайловичу и за это получил «ковшей серебряных весом в пол-2 гривенки и в гривенку во 18 золотников, камки кифтерю по 10 аршин, по 40 соблей по 18 рублей»³¹.

Григорьев Ирик – толмач Аптекарского приказа. Согласно выписке из расходной книги 1669/70 г., получал 7 руб. годового денежного жалования³².

Давыдов Алексей – переводчик. В 1655/56 г. в деревне Шахово доктор Л. Личифинус «излечил» его «от пострельные болезни»³³.

Елисеев Матвей – переводчик и толмач Аптекарского приказа [см. Худин, с. 229–230]. Согласно выписке из расходной книги за 1644/45 г. за июнь–август 1645 г. ему дан корм: 9 руб. – по 3 руб. за месяц³⁴. В 1645/46 г. он упомянут вторым в списке переводчиков. Жалование 30 р., месячный денежный корм – 3 руб. (в год 36 р.)³⁵. В 1645/46 г. доставил из Москвы в Архангельск к торговому иноземцу Д. Микулаеву для закупки в Голландии «роспись... для лекарств про... Государев обиход»³⁶. С 1648 г. служил в Посольском приказе³⁷.

²⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 975. Л. 7.

²⁸ Там же. Д. 1039. Л. 7.

²⁹ Там же. Д. 1003. Л. 7, 18.

³⁰ Там же. Д. 1072. Л. 8.

³¹ Там же. Д. 669. Л. 1–2)

³² Там же. Д. 889. Л. 4.

³³ Там же. Д. 200. Л. 1; Опубл.: Матерьялы, с. 166.

³⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 4; Опубл.: Матерьялы, с. 578–579.

³⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 818. Л. 4; Опубл.: Матерьялы, с. 130.

³⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 62. Л. 1; Опубл.: Матерьялы, с. 602.

³⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 1–2.

Ерофеев Василий — толмач, а затем — переводчик — Аптекарского приказа. В апреле 1672 г. значится вторым в списке толмачей после *Вицента*³⁸, но с таким же годовым денежным окладом — 10 руб.³⁹ За сентябрь 1672 — февраль 1673 г. получил годовое денежное жалование — 5 руб. и ежемесячный корм — 2 руб.⁴⁰; и столько же — за вторую половину года (март—сентябрь 1673 г.)⁴¹. Половина суммы выплачивалась соболями, половина — деньгами⁴². В марте 1674 г. он числится уже переводчиком и занял место выше *Вицента*, хотя и получал суммарно годовое денежное жалование и ежемесячных кормовых денег на 2 руб. меньше его — 50 руб. в год⁴³.

Иванов Пимен (Юрий) — толмач Посольского приказа, «жидовин» из Италии, служивший там в 1660/61—1665 г. толмачом «цесарского» (немецкого), латинского, голландского и еврейского языков» [Беляков, 2017, с. 144, 304]. В ноябре 1663 г. принес в Аптекарский приказ память из Посольского приказа с требованием выделить толмача *Ивана Тиу* для встречи английского посла⁴⁴.

Мартьянов Федосей (см. **Шредер** Федос)

Нейтхарт (Нейтартов) Лаврентий Андреев сын — толмач. С 30 мая 1671 г. пять месяцев служил «в толмачах» при докторе Л. Блюментросте на «Новом Аптекарском дворе» (на улице Воздвиженке). Ему было положено годовое жалование — 5 руб., корм по 2 руб. в месяц, но он его не получил, но лишь 10 руб. из приказа Большого приходу «за аптекарские образцы» после своей челобитной поданной осенью 1671 г.⁴⁵

Плетников Алексей — толмач Аптекарского и Посольского приказов. С 1 октября 1670 г. служил при лекаре Ф. Дяклере в полку И.В. Бутурлина при подавлении восстания С. Разина. «Для той посылки» получил 25 руб. из приказа Большого прихода. По возвращении в Москву в марте 1671 г. был переведен из Аптекарского приказа в Посольский⁴⁶.

Синарацкий (Синорадский, Синорадцкий, Синородский, Синарадский, Синарадацкий) Христофор — переводчик Аптекарского

³⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 979; Оpubл.: Матерьялы, с. 816.

³⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1006. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Д. 975. Л. 7.

⁴¹ Там же. Д. 1039. Л. 7.

⁴² Там же. Д. 1003. Л. 8, 18.

⁴³ Там же. Д. 1072. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Д. 726. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 1004. Л. 1—2.

⁴⁶ Там же. Д. 929. Л. 1.

приказа в 1670 г. Не позднее 8 июля 1670 г. служащие Аптекарского приказа подали коллективную челобитную с просьбой выдать им годовое денежное жалование. Была сделана выписка из расходной книги 1669/70 г., согласно которой Синорацкий получал 20 руб.⁴⁷ 20 июня 1670 г. ему было поручено перевести книгу «Pharmacopoeia Medicochymica...» («велено ему тое кн(и)гу перевести на словенской язык. Christifor Sinoracki knihu wsał u ruku pryłożuż⁴⁸. А для переводу той книги дано ему пять дестей бумаги. Июля в 6-й де(нь)»⁴⁹. [Подробнее о Синорадском см. Домрачев, 2021; Худин, 2023, с. 430–431].

Тю (Тю, Тиус) Иван Романов сын – сын аптекаря Романа Тиу, служившего в Аптекарском приказе больше 30 лет и покинувшего Россию в 1647 г.⁵⁰ и его аптекарский ученик [Dumschat, p. 96, 586, 685]. Начал служить толмачом в Аптекарском приказе с 1661 г. («ныне поспел в... службу») и получал только месячный корм 3 руб. 16 ал. 4 д. (42 руб. в год)⁵¹. По случаю рождения 30 мая 1661 г. царевича Феодора Алексеевича, получил 7 ноября, по 3 руб. наряду с другими толмачами (стоит в списке первым)⁵². Резкий взлет карьеры начинается с 5 декабря 1661 г.: он подает челобитье, с просьбой только повысить ему месячный корм, а по приказу И.Д. Милославского получает прибавку – годовой денежный оклад 25 руб.⁵³ В 1662 г. он «для толмачества» (а «для переводу полковник Ондрей Форот») сопровождал посольство кн. П.С. Прозоровского в Англию 1662–1663 гг.⁵⁴ Судя по всему, в это время он не получал жалованье в Аптекарском приказе. Он вернулся не позднее апреля 1663 и был «пожалован в толмачи вновь» и получал годовое денежное жалование 25 руб.⁵⁵ 19 ноября 1663 г. Посольский приказ затребовал его в Вологду для встречи и сопровождения английского посла⁵⁶, в чем было отказано, поскольку толмач служил при док-

⁴⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 889. Л. 1, 3.

⁴⁸ Эта фраза написана другим почерком. За атрибуцию и перевод этой фразы выражаю благодарность Петру Игоревичу Прудовскому и Николаю Евгеньевичу Домрачеву.

⁴⁹ Там же. Д. 903. Л. 1; Опул.: Матерьялы, с. 772.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 491; Опул.: Матерьялы, с. 752–753.

⁵² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 483; Опул.: Матерьялы, с. 751.

⁵³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 483; Опул.: Матерьялы, с. 753.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 726. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 659; Опул.: Матерьялы, с. 245.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 726. Л. 1.

торе Сэмюэле Коллинзе в Москве [Dumchat, p. 586; подробнее см. Худин, 2023]. Как минимум с 1668 г. и позднее он числится аптекарским учеником с годовым денежным жалованьем также в 25 руб.⁵⁷

Ширецкий Степан — переводчик. Указан в списке из 14 имен, который кн. Н.И. Одоевский получил от Газского митрополита Паисия Лигарида. Люди, упомянутые в списке якобы сообщили митрополиту о том, что лекарь Даниил фон Гаден «жидовствует и малых детей жидовству учит»⁵⁸. В допросе Ширецкий не признал, как и другие люди из списка, что говорил такое Паисию, хотя «бывал... многижды и начовал и того всево он не видал и ни от ково не слышал»⁵⁹.

Шредер (Шредр, Шридер, Шледор) Федос(ко) (Федосей) Мартьянов — толмач и лекарьский ученик Аптекарского приказа. Служил толмачем при лекаре Аптекарского приказа Индрике Кюстере (Андрее Кестере) и, очевидно, одновременно был его учеником. Не позднее 16 июня 1654 г. служил под Смоленском в полку кн. Я.К. Черкасского⁶⁰, где с аптекарской казной для лечения раненых находился этот лекарь⁶¹. Не позднее 2 ноября 1654 г. лекарь, находившийся в нетопленной избе с лекарствами, заболел и боярин И.Д. Милославский велел выслать его к себе в Вязьму, где располагался царский стан, «как он от болезни обможетца»⁶². Толмач, вероятно, сопровождал его в этой поездке. 17 ноября 1654 г. царь «пожаловал Аптекарского приказу лекарей четырех человек да толмача» и повелел выдать им из Иноземского приказа месячный корм на 4 месяца (ноябрь—декабрь 1654 г. и январь—февраль 1655 г.) суммарно 63 руб. 4 ал. 2 д.⁶³ Согласно выписке из расходной книги 1654/55 г. его подденный корм — 1 алтын в день⁶⁴. 9 сентября 1655 г. ему, в числе других, «для Виленские службы» были выданы «придачи к прежним окладам» «с прежними по полутора рубли на месяц». По государеву указу лекарем и толмачу было велено оставаться в Вильне «в осень и во всю зиму»⁶⁵. Они зимовали в Вильне, где лекарь Кюстер снова заболел и, в конце концов умер. В Москве толмач подал чело-

⁵⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 860; Оpubл.: Матерьялы, с. 360.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 751. Л. 10–11.

⁵⁹ Там же. Л. 14–15. На л. 14 его рукоприкладство.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 179. Л. 1.

⁶¹ Там же. Д. 148а, 148б; Оpubл.: Матерьялы, с. 640–642.

⁶² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 121; Оpubл.: Матерьялы, с. 154.

⁶³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 123. Л. 1; Оpubл.: Матерьялы, с. 627.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 148б; Оpubл.: Матерьялы, с. 640–642.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 148б; Оpubл.: Матерьялы, с. 643.

битную, в которой сообщал о смерти лекаря и том, как после он добрался («приволокся») из Вильно до Москвы, где ему по-прежнему было приказано «быть в Аптеке». Он просил выдать ему месячного корму: «помираю го(ло)дною смертью, и наг, и бос, пить, есть нечево». 18 августа 1656 г. именем боярина И.Д. Милославскому ему было выдано по 60 алтын на месяц⁶⁶. Согласно приходо-расходной книге 1656/57 г. с января по июль 1657 г. ему регулярно (в августе не получал) выплачивалось кормовое жалованье 1 руб. 26 ал. 4 д. ему. Вместо него в их получении расписывались сторож Т. Ананьев (март, апрель) и разные лекарские ученики: И. Михайлов (январь), Л. Федоров (февраль), В. Подуруев (июнь), И. Марков (июль), и лишь в мае он забрал деньги сам. В августе запись о выплате жалованья отсутствует⁶⁷. 1 марта 1658 г. из Конюшенного приказа в Аптекарский поступила память о задержании 26 февраля вместе с неназванным толмачом Посольского приказа, толмача Федосея Мартьянова (Шредер фигурировал в документах Конюшенного приказа под этой фамилией) «по оговору в разбойном деле», произошедшем в воскресенье 14 февраля. В расспросе тот сказал, что в это день «дневал и начевал» в Аптекарском приказе, и Конюшенный приказ просил это подтвердить⁶⁸. Аптекарский приказ не подтвердил слова толмача, «потому что было дневанье не ево»; на обороте черновика с ответом от 3 марта указана уже фамилия, под которой он обычно записан в Аптекарском приказе — Шридер⁶⁹. Очевидно, это дело кончилось для толмача благополучно, потому что уже 12 августа того же года приказ Новой чети велел прислать к ним Мартемьянова (снова под такой фамилией) «для допросу в табачном деле»⁷⁰. По случаю рождения 30 мая 1661 г. царевича Феодора Алексеевича получил 7 ноября, наряду с другими толмачами, по 3 руб.⁷¹; в списке записан третьим. 22 ноября 1662 г. в ответ на поданную вместе с толмачем *Виццетом* челобитную о прибавке к месячному корму «для нынешней хлебной и всякой дороговли», И.Д. Милославский приказывает давать по 12 ал. 3 д. на рубль «против аптекарей и лекарей»⁷².

⁶⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 182. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Д. 227; Оpubл.: Матерьялы, с. 184, 187, 190, 192, 194, 196, 199, 201.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 319. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Д. 323. Л. 1 об.

⁷⁰ Там же. Д. 419. Л. 1.

⁷¹ Там же. Д. 483; Оpubл.: Матерьялы, с. 751.

⁷² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 627; Оpubл.: Матерьялы, с. 229.

Литература

- Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1: (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894.
- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
- Дневник переводчика Посольского приказа Кристофа Боуша (1654–1664)* перевод, комментарии, немецкий оригинал / сост., вступ. ст., пер. с нем., науч. ред. и коммент. *О.В. Русаковского*. М., 2024.
- Домрачев Н.Е.* «Дорога милостыня во время скудости...»: Новые документы о переводчице Христофоре Синорацком // Сборник статей, посвященных Юрию Дмитриевичу Рыкову (1946–2020) / отв. сост. А.В. Дедук. М., 2021. С. 317–349.
- Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. *Н.Е. Мамонова*. СПб., 1881–1884.
- Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / *Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин*. М.; СПб., 2015.
- Худин К.С.* Переводчики и толмачи Аптекарского приказа в конце XVI – первой половине XVII в.: Материалы к биографиям // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 229–232.
- Худин К.С.* «На встречу к аглинскому послу.. послать неково»: из переписки Аптекарского и Посольского приказов третьей четверти XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Материалы 12-й Международной научной конференции. М., 2023. С. 428–433.
- Dumschat Sabine.* Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Franz Steiner Verlag, 2006.

Толмачи и переводчики в системе управления Средним Поволжьем во второй половине XVI — первой половине XVII вв.

В историографии большое внимание уделялось толмачам и переводчикам Посольского приказа, чья деятельность была связана с внешней политикой Российского государства [Лисейцев, 2003; Рогожин, 2003; Куненков, 2007; Беляков, 2017; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, 2021; Лисейцев, 2023]. Толмачи и переводчики занимали важное место как во внешней политике, так и во внутренних делах, связанных с управлением полиэтничными и приграничными территориями. К настоящему времени существует ряд исследований о толмачах и переводчиках в Великом Новгороде [Лисейцев, 2019, с. 64–70; Селин, 2019, с. 128–134], Азове [Сень, 2019, с. 134–143], Сибири [Люцидарская, 2011, с. 27–31; Акишин, 2014, с. 41–49; Пузанов, 2020, с. 46–59] и Астрахани [Беляков, 2021, с. 258–277]. В то же время, если говорить о Среднем Поволжье, то специальные исследования о толмачах и переводчиках в этом регионе, если не считать отдельных упоминаний в обобщающих работах [Ермолаев, 1982; Дмитриев, 1986], практически отсутствуют.

Трансформация административных структур, произошедшая после завоевания Казанского ханства в 1552 г., была сложным явлением. После покорения средневожских земель здесь была учреждена воеводская власть, сочетавшая в себе как военные, так и гражданские принципы управления. В административный аппарат входили дьяки, подьячие, татарские головы, недельщики и т.д. Важное место в управленческих структурах занимали толмачи и переводчики, находившиеся под контролем Приказа Казанского дворца. Это учреждение было создано во второй половине XVI в. для управления присоединенными к России территориями Казанского и Астраханского ханств. В XVII столетии Приказ Казанского дворца ведал территориями Казани и Свияжска с пригородами (Алаты, Арск, Лаишев, Малмыж, Оса, Тетюши), Сурско-Волжского междуречья (Алатырь, Василгород, Козьмодемьянск, Курмыш, Пенза, Самара, Симбирск, Чебоксары, Ядрин), «Луговой

стороны» – левобережье Волги (Кокшайск, Царевokokшайск, Царевосанчурск, Яранск), Приуралья (Бирск, Уфа), Мещерских городов (Елатьма, Кадом, Касимов, Мокшанск, Темников, Шацк) и Нижней Волги (Астрахань, Дмитровск, Саратов, Терки, Царицын, Черный Яр). В середине XVII в. Астрахань с пригородами некоторое время в связи с активизацией в низовьях Волги калмыков находилась в юрисдикции Посольского приказа [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015, с. 74].

Исследование служебных биографий толмачей и переводчиков сопряжено с рядом сложностей. Не всегда удастся «четко разграничить толмачей (занимались устным переводом) и переводчиков (в терминологии XVII в. – специалисты по письменному переводу)» [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 15]. Еще одна проблема возникает при определении их статуса в документах. Например, материалы Казенного двора демонстрируют, что в толмачах или переводчиках могли состоять служилые люди, которые никогда не имели этого чина [Малов, Смирнова, 2019, с. 211]. Кроме того, известен пример переводчика Захария Захарьева сына Николаева, который совмещал переводческую службу с толмаческой деятельностью в Аптекарском приказе [Малов, Смирнова, 2019, с. 213].

Более того, есть вопросы, связанные и с региональной спецификой. Во-первых, встает вопрос об этнической принадлежности толмачей и переводчиков. И. П. Ермолаев утверждал, что, вероятно, толмачи были русскими по происхождению, хорошо владевшими языками народов Среднего Поволжья [Ермолаев, 1982, с. 47]. При этом он отметил, что встречаются «лица с типично нерусскими именами» [Ермолаев, 1982, с. 184]. В дальнейшем автор уточнил, что в качестве толмачей также выступало и нерусское население [Ермолаев, 1982, с. 139]. Во-вторых, мы сталкиваемся с проблемой социального статуса. Вероятно, толмачи были подвижной категорией населения и могли принадлежать к разным чинам. Нередко в восточные города Московского государства в качестве толмачей правительством могли быть отправлены бывшие холопы или новокрещены, как это было в Тобольске [Пузанов, 2021, с. 132]. С началом XVII в., особенно в Сибири, новокрещены из местных городов стали основным источником комплектования толмачей [Пузанов, 2021, с. 131]. Служилые татары тоже могли выступать в этом качестве [Ермолаев, 1982, с. 139]. Еще одно затруднение состоит в определении официального статуса толмачей в источниках. Помимо толмачей, входивших в штат приказной избы, известны

лица, которые отмечались в документах, как состоящие «в толмачах». Это были служилые люди, которые привлекались для устного перевода воеводами. Например, в Сибири ими могли являться представители местных народов, зачисленных на службу, или русские служилые люди, владевшие одним из языков коренного населения [Пузанов, 2020, с. 46–47].

Проблема определения официального статуса толмачей особенно видна в Казанском уезде. Благодаря писцовым описаниям удастся получить сведения о наименовании толмачей, их количестве, дворах и земельных угодьях, которыми они обладали в уезде. Однако при анализе указанного вида исторических источников присутствует ряд сложностей: часто неизвестны обстоятельства измерения земель, каковы были принципы «сошного письма» и как систематизировать данные писцового делопроизводства. Эти вопросы активно обсуждались как в дореволюционной историографии [Лаппо-Данилевский, 1890; Рожков, 1898; Веселовский, 1915, 1916], так и в советской [Готье, 1937; Милов, 1978]. Отметим, что в писцовых описаниях фиксировались только те, кто непосредственно жил в Казани и владел землей. Соответственно, в документах могли быть не учтены толмачи, которые не имели поместий.

В писцовом описании 1565–1568 гг. встречаются три варианта наименования толмачей: «жалованный толмач», «казанский толмач» и «толмач». И.П. Ермолаев предположил, что звание «жалованных» они получали потому, что становились «довольно заметными фигурами» [Ермолаев, 1982, с. 47]. Согласно писцовому описанию 1565–1568 гг., в Казани проживало 30 толмачей. Дворы некоторых из них находились на Толмацкой улице, где было зафиксировано семь дворов¹. Следовательно, можно сделать вывод, что толмачи в этот период в Казани проживали довольно компактно. Часть из них обладала земельными угодьями на Алацкой и Чувашской верхней дороге². Вероятно, можно предположить, что жалованные толмачи были непосредственно встроены в административный аппарат и имели поместный оклад. Размер самого большого составлял 100 четей, которым обладал жалованный толмач Четвертко (Четвертак) Конышев³. Каково было положение казанских толмачей и обыкновенных толмачей в управленческих структурах сказать сложно. Однако,

¹ Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Казань, 2006. С. 141–142.

² ПК 1565–1568 годов. Казань, 2006. С. 292–294.

³ Там же. С. 423.

возможно, наименование первых связано с их непосредственным проживанием в Казани, а вторые, по аналогии с Сибирью, могли являться русскими по происхождению служилыми людьми, состоящими «в толмачах» и знавших язык местного населения.

Судить о количестве толмачей в других городах, подведомственных Приказу Казанского дворца во второй половине XVI в. трудно ввиду скудной источниковой базы, ибо архив этого ведомства погиб в пожаре 1701 г. Отмечу, что в 1560-е гг. в Свияжске было известно три толмачских двора [Димитриев, 1986, с. 83]. Существенно больше данных присутствует по XVII в. В 1625 г. в Козьмодемьянске было три толмача, в Кокшайске — два, в Курмыше, Свияжске, Цивильске, Чебоксарах — по четыре и в Ядрине — два. Кроме того, в Свияжске числился один переводчик [Димитриев, 1986, с. 110]. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. фиксирует двух толмачей — Кормана Молодого и Третьяка (Троака)⁴. Отметим, что второй указан как новокрещен⁵. В переписных книгах Казани 1646 г. указано шесть толмачей, среди которых один являлся оставленным⁶. Писцовое описание Казанского уезда 1647–1656 гг. фиксирует пять толмачей⁷. Из них только Полуектов Тимошка записан как «казанский толмач»⁸. Представление о количестве толмачей в Казани также дают разрядные книги. В первой половине XVII в. существовало два вида разрядных книг: «подлинники» [Буганов, 1976, с. 290–303] и «перечни» [Петров, 2000, с. 180]. Первые сохранились по сей день, а вторые, вероятно, «были уничтожены в 1682 г. в результате отмены местничества» [Петров, 2000, с. 180]. В этой связи указанный источник тоже обладает ограничениями. Кроме того, в разрядных книгах фиксировалось лишь количество толмачей, входивших в штат воеводской администрации, но не их имена. В 1630/31 г. в Казани было «велено прибрати» 10 толмачей⁹, что говорит о том, что воеводы должны были набирать этих лю-

⁴ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань, 1978. С. 41.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году // Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 и 1646 г. Л., 1932. С. 106, 107, 124.

⁷ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. М., 2001. С. 208, 241, 247, 294, 300, 301.

⁸ ПК 1647–1656 годов. С. 208.

⁹ Сметный список 7139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. С. 39.

дей на местах. В 1636 г. в числе служилых людей отмечено то же количество¹⁰. Возможно, что в эти годы количество толмачей, которые должны были находиться в штате воеводской канцелярии в Казани, было фиксированным. Это свидетельствует о том, что центральная власть была заинтересована в том, чтобы при воеводе находилось определенное число толмачей. В 1636 г. в Казани было указано их наибольшее количество по сравнению с другими городами. Так, в Царицыне в числе служилых людей было зафиксировано восемь толмачей¹¹, в Самаре — два толмача и один переводчик¹², в Уфе — девять толмачей и один переводчик¹³, в Малмыже — один толмач¹⁴, в Свияжске — семь толмачей и семь переводчиков¹⁵, в Чебоксарах — четыре толмача¹⁶, в Козьмодемьянске — четыре толмача¹⁷, в Цивильске — четыре толмача¹⁸, Царевokokшайске — три толмача¹⁹, в Царевосанчурске — два толмача²⁰, в Уржуме — три толмача²¹ и в Яранске — два толмача²².

Среди перечисленных по четырем писцовым описаниям можно выявить несколько семей, занимавшихся толмаческой деятельностью. В писцовой книге 1565—1568 гг. отмечен род Овсяниковых. Сыновья Ивашки Овсяникова, Андрей и Леонтий, так же, как и их отец, являлись толмачами²³. В описании Казани 1646 г. выделяются Архип и Тимофей Полуектовы²⁴. Писцовая книга 1647—1656 гг. фиксирует двух братьев — Иванова Андрея и Любима сыновей Носова²⁵, а также братьев Тютчева Артемия и Алексея, которые являлись толмачами²⁶. Некоторые документы указывают на языки, толмачи по которым были востребованы. Так, уже упомянутые

¹⁰ Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 923.

¹¹ Там же. Стб. 922.

¹² Там же.

¹³ Там же. Стб. 923.

¹⁴ Там же. Стб. 924.

¹⁵ Там же. Стб. 925.

¹⁶ Там же. Стб. 926.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Стб. 927.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Стб. 928.

²¹ Там же. Стб. 929.

²² Там же.

²³ ПК 1565—1568 гг. С. 116, 142, 292.

²⁴ Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 124.

²⁵ ПК 1647—1656 годов. М., 2001. С. 294.

²⁶ Там же. С. 300, 301.

братья Полуектовы были записаны как толмачи с «черемисского» (марийского) языка²⁷. Толмач Стенька (Степан) Степанов, отмеченный в переписной книге Казани 1646 г., записан как «вотцкой толмач»²⁸. Более поздние источники тоже дают нам представление о языках, на которых специализировались толмачи Казанского уезда. Например, казанские окладные книги 1679/80 г. демонстрируют, что здесь служили толмачи, переводившие с татарского, «черемисского» (марийского) и вотяцкого (удмуртского) языков. Таким образом, можно сделать о том, что это были основные языки, использовавшиеся для коммуникации с местным населением. Говорить о денежном окладе каждого отдельного толмача в указанных хронологических рамках весьма затруднительно. Однако по данным казанских окладных книг к 1679/80 г. суммарный оклад татарских, черемисских и вотяцких толмачей составлял 53 руб., из которых они получали жалование «в полы их окладов» только 26 руб. с половиной²⁹.

Таким образом, после покорения Казанского ханства в 1552 г. в этих землях была учреждена воеводская система управления. Административный аппарат включал в себя множество должностей, в том числе толмачей и переводчиков, причем в документах в этом качестве могли быть упомянуты служилые люди, никогда этим чином не обладавшие. Определение их статуса в начале XVII в. могло быть затруднено. На региональном уровне эта проблема осложнилась тем, что помимо официальных толмачей, являвшихся частью воеводского аппарата, существовали лица, которые владели местными языками и также привлекались воеводами для решения каких-либо вопросов. Толмачи и переводчики, подведомственные Приказу Казанского дворца являлись важным элементом в системе управления полиэтничными территориями. Благодаря писцовым описаниям Казанского уезда второй половины XVI – первой половины XVII вв. мы можем получить сведения об их именах, статусе, количестве и земельных угодьях. Так, в 60-е гг. XVI в. встречаются три варианта наименования толмачей: «жалованный толмач», «казанский толмач» и «толмач». Первые были официальными толмачами, входившими в штат приказной избы, ибо у ряда из них

²⁷ Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 124.

²⁸ Там же.

²⁹ Окладная расходная запись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государств. росписей) // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 4. С. 46.

фиксируются поместные оклады. Наименование «казанский толмач», скорее всего, имеет географическую привязку, а «толмачом» мог быть человек, знавший местные языки. Стоит отметить, что среди толмачей Казанского уезда в основном встречаются представители русского населения, за редким исключением. Кроме того, писцовые описания фиксируют несколько семей, для которых толмаческая деятельность была наследственным делом. Также благодаря писцовым и разрядным книгам удастся получить информацию о том, что основными языками, на которых обеспечивалась коммуникация между местной властью и населением, были татарский, «черемисский» (марийский) и вотяцкий (удмуртский). Данные разрядных книг позволяют утверждать, что в начале 1630-х гг. количество толмачей, служивших в штате приказной избы, было фиксированным и составляло 10 человек. Вместе с тем этот источник указывает, что толмачи должны были набираться на местах, что свидетельствует о заинтересованности центральной власти в наличии определенного штата толмачей при воеводе.

Список толмачей Казанского уезда

Алексеев Третьяк – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 141–142.

Григорьев Кадьчик – «толмач из Казани, послан к «государеве плавные службы». В Астрахани «написан» оклад 5 руб. (07.05.1614 г.)».

Источ. и лит.: *Беляков А.В.* Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы: к организации посольской переводческой службы в конце XVI–XVII вв. за пределами Москвы (постановка вопроса) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 267.

Давыдов Евдоким – толмач.

Источ. и лит.: ДММ. С. 40–41; *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980. С. 100.

Ермолин Иванко – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле³⁰.

³⁰ ПК 1565–1568 гг. фиксирует, что эта деревня была закреплена за несколькими толмачами. Помимо Ермолина И. она находилась за Ивановым Ф., Кондратьевым П., Леонтьевым К., Овсяниковым А., Овсяниковым Н.,

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Иванов Андрей сын Носов – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1647–1656 годов. С. 294.

Иванов Кудаш – жалованный толмач. Обладал пустошью Дертули (Дертулин) Апшеик (Апшеи) по Чувашской верхней дороге³¹.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 293.

Иванов Лучка – жалованный толмач. Обладал земельными угодьями по Алацкой дороге в деревне Малая Мемер³².

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 293.

Иванов Любим сын Носов – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1647–1656 годов. С. 294.

Иванов Малец – жалованный толмач. Обладал пустошью Дертули (Дертулин) Апшеик (Апшеи) по Чувашской верхней дороге.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 293.

Иванов Федотка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Ильин Якуш – толмач. Обладал земельными угодьями по Алацкой дороге в деревне Малая Мемер.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 293.

Исупка (Юсуп) – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 138; *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. [Управление Казанским краем]. Казань, 1982. С. 184.

Карп – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 142.

Кондратьев Первушка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Кононов Первушка – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 141–142.

Коньшев Четвертко (Четвертак) – жалованный толмач. Обладал поместьем (100 четей) в деревне Киндере.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 328, 422, 424, 425.

Петровым К., Сидоровым И., Сидоровым О., Тимофеевым П., Федоровым Т. За ними было зафиксировано 12 дворов.

³¹ Эта же пустошь также фиксируется за толмачом Маловым И.

³² В ПК 1565–1568 гг. отмечено, что в деревне Малая Мемер также находились дворы Пилникова Т., Петрова Ч. и Ильина Я.

Корман Молодой – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1602–1603 годов. С. 41.

Кузьма – казанский толмач (см. **Леонтьев сын Кузьма**).

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292, 517.

Леонтьев сын Кузьма – толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 142, 292, 521.

Ломачев (Толмачев) Илья Сидоров сын – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 141.

Лучка (Лука) – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 147.

Малов Иван – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 142, 293.

Микитин Ивашка – толмач.

Источ. и лит.: Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году // Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 и 1646 г. Л., 1932. С. 107.

Овсяников Андрей Иванов сын – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 142.

Овсяников Иванко – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 116; Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 14.

Овсяников Куземка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Овсяников Леонтий – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Овсяников Никитка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Овсяников Ондриюшка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Олешка – жалованный толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 121.

Петров Карпик – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. Казань, 2006. С. 292.

Петров Чобар – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 521.

Петров Чюрбак (Чюбарк) – жалованный толмач. Обладал земельными угодьями по Алацкой дороге в деревне Малая Мемер.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. Казань, 2006. С. 293.

Пилников Третьячко – жалованный толмач. Обладал земельными угодьями по Алацкой дороге в деревне Малая Мемер.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 293.

Полуектов Тимошка – казанский толмач (переводил с «черемисского» (марийского) языка).

Источ. и лит.: ПК 1647–1656 годов. С. 208, 241; ДММ. С. 91–92; Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 124; *Ермолаев И. П.* Казанский край... С. 103.

Полуектов Архип – толмач (переводил с «черемисского» (марийского) языка).

Источ. и лит.: Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 124.

Полуектов Федор – толмач.

Источ. и лит.: *Ермолаев И. П.* Казанский край... С. 115, 109.

Посников (Постников) Федор – «толмач в Казани. 25 марта 1622 г. («на праздник Благовещения Пречистые Богородицы») по памяти от 3 марта получил на КД 4 арш. без чети сукна кострыша темно-синего (2,55 руб. «за нагайскую службу, что он посылан ис Казани в Нагаи з дворенином с Ъваном Бреховым уговаривать нагайских мурз, чтоб они с Нагайской стороны на Крымскую сторону не пере ходили».

Источ. и лит.: *Малов А. В., Смирнова О. С.* Переводчики и толмачи вне Посольского приказа в 1613–1621/22 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 224.

Постников Костька – толмач.

Источ. и лит. Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 106.

Родионов Васька – отставленный толмач.

Источ. и лит.: Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 106.

Сидоров Илейка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Сидоров Олешка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Степанов Степан – толмач (переводил с вотяцкого (удмуртского) языка).

Источ. и лит.: Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154-го году. С. 124.

Тансарин Петр – отставленный толмач.

Источ. и лит.: ДММ. С. 40–41; *Ермолаев И. П.* Казанский край... С. 100.

Тимофеев Первущка – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Третьяк – толмач (см. **Алексеев Третьяк**).

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 142.

Третьяк (Троак) – толмач, новокрещен.

Источ. и лит.: ПК 1602–1603 годов. С. 94.

Тютчев Алексей – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1647–1656 годов. С. 300, 301.

Тютчев Артемий Семенов сын – толмач.

Источ. и лит.: ПК 1647–1656 годов. С. 247, 300, 301.

Федоров Тимоха – жалованный толмач. По Алацкой дороге обладал земельными угодьями в деревне Сеитляр на р. Суле.

Источ. и лит.: ПК 1565–1568 годов. С. 292.

Литература

Акишин М.О. О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные. Тюмень, 2014. С. 41–49.

Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.

- Беляков А.В.* Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы: к организации посольской переводческой службы в конце XVI—XVII вв. за пределами Москвы (постановка вопроса) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 258—277.
- Буганов В.И.* «Книги разрядные» («подлинники») 1613—1636 гг. // Ист. зап. Т. 97. М., 1976. С. 290—303.
- Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915—1916.
- Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Очерк по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2. М., 1937.
- Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары, 1986.
- Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI—XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980.
- Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. [Управление Казанским краем]. Казань, 1982.
- Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. М., 2015.
- Лисейцев Д.В.* «Свой среди чужих, чужой среди своих»: переводчики Посольского приказа на службе в Великом Новгороде во втором и третьем десятилетиях XVII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 64—70.
- Лисейцев Д.В.* Имущественное положение толмачей в российском социуме первых десятилетий XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023. С. 215—221.
- Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири XVII в. Период начала колонизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27—31.
- Малов А.В., Смирнова О.С.* Переводчики и толмачи вне Посольского приказа в 1613—1621/22 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 209—229.
- Милов Л.В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (О концепции С.Б. Веселовского) // История СССР. 1978. № 2. С. 127—142.
- Петров К.В.* Разрядная книга 7183 (1674—1675) г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 27. СПб., 2000. С. 180—190.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI—XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 46—59.
- Пузанов В.Д.* Служба и социальное положение провинциальных толмачей на востоке России в XVI—XVII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 127—138.
- Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.

- Рожков Н.А.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг. М., 1898.
- Селин А.А.* Олфер Северов: переводчик новгородского Разряда в 1611–1617 гг. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2019. С. 128–134.
- Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы Международной научной конференции. М., 2019. С. 134–143.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Список сокращений

- AAE** – Archives du Ministère des Affaires étrangères
AT – Acta Tomiciana
BL – British Library
DNB – Dictionary of National Biographies
HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien
КА – Kansallisarkisto, Национальный архив Финляндии
РА – Riksarkivet, Государственный архив Швеции
АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи
Акты ЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
Архив СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века. Отв. ред. Л.В. Черепнин, сост. И.А. Голубцов. Т. 3. М., 1960.
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края
ГАУГН – Государственный академический университет гуманитарных наук
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников.
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ДАИ – Дополнения к актам историческим
ДММ – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. Саранск, 1950.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
КИД – Коллегия иностранных дел
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МиИАН – Материалы для истории Императорской Академии наук
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

ПК 1565–1568 годов – Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Казань, 2006.

ПК 1602–1603 гг. – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань, 1978.

ПК 1647–1656 годов – Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. М., 2001.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РКО – Русско-китайские отношения

РМО – Русско-монгольские отношения

РНБ – Российская национальная библиотека

СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества

СлРЯз XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.

СПБИН – Санкт-Петербургского Института истории РАН

СПбФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН

УрФУ – Уральский федеральный университет

ЦМИАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей

Сведения об авторах

- Алмазов Александр Сергеевич** (Москва, ГАУГН),
al.almazov@yandex.ru
- Алпатов Сергей Викторович** (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)
alpserg19@yandex.ru
- Базарова Татьяна Анатольевна** (Санкт-Петербург, СПбИИ РАН)
tbazarova@yandex.ru
- Бобылева Ирина Дмитриевна**
(Москва; МГУ им. М.В. Ломоносова; ИРИ РАН)
kursk.bobyleva@mail.ru
- Болотина Наталья Юрьевна** (Москва, РГАДА)
bolotina30@rambler.ru
- Бондач Альберт Григорьевич** (Москва, РГАДА, РГБ, ИВИ РАН)
bondatch@mail.ru
- Виноградов Александр Вадимович** (Москва, ИРИ РАН)
avinogradov1957@mail.ru
- Гайдышев Никита Александрович** (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ СПб)
ngaydyshev@edu.hse.ru
- Зуев Андрей Сергеевич** (Новосибирск, НГУ)
zuev.nsu@gmail.com
- Кочегаров Кирилл Александрович**
(Москва, Институт славяноведения РАН)
kirill-kochegarow@yandex.ru
- Лаврентьев Александр Владимирович**
(Москва, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- Ларина Яна Игоревна** (Москва, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»)
ylarina@hse.ru
- Манин Даниил Олегович** (Екатеринбург, УрФУ им. Б.Н. Ельцина)
daniil-manin@mail.ru
- Морохин Алексей Владимирович** (Нижний Новгород,
ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Москва, ИРИ РАН)
alexmorohin@yandex.ru
- Накишова Марина Тазабаевна**
(Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
m-nakishova@mail.ru

Опарина Татьяна Анатольевна

(Москва, РАЖВиЗ Ильи Глазунова, ИРИ РАН)

t-a-opart@yandex.ru

Попов Дмитрий Константинович (Новосибирск, НГУ)

dmitriy_popov_1997@inbox.ru

Прудовский Петр Игоревич

(Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

hypolimnion@gmail.com

Пузанов Владимир Дмитриевич (Шадринск,

Шадринский государственный педагогический университет)

alan1971@bk.ru

Рылик Полина Александровна (Греческая Республика, Афины,

Афинский национальный университет имени Каподистрии)

rylikpa@gmail.com

Севастьянова Светлана Климентьевна (Новосибирск,

ИФЛ СО РАН, СИУ РАНХиГС)

sevask@mail.ru

Селин Адриан Александрович (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

aselin@hse.ru

Сень Дмитрий Владимирович, (г. Ростов-на-Дону,

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»)

dsen1974@mail.ru

Снаксарева Анна Сергеевна (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН)

batrachos@yandex.ru

Сукина Людмила Борисовна (Переславль-Залесский, ИПС РАН)

lbsukina@gmail.com

Толстиков Александр Владимирович (Петрозаводск,

Петрозаводский государственный университет)

a_tolstikov@mail.ru

Худин Кирилл Станиславич (Москва, РГГУ, ИВИ РАН, РГАДА)

khudin1988@yandex.ru

Чеснова Наталья Андреевна (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

tchesnova.natali@yandex.ru

Яковлева Мария Валерьевна (УрФУ им. Б.Н. Ельцина)

yakovleva.mary2015@yandex.ru

Научное издание

**Переводчики и переводы в России
до начала XVIII столетия**

Материалы 13 Международной конференции
«Комплексный подход в изучении Древней Руси»
9–12 сентября 2025 г.

Выпуск 4

Макет и оформление: Л.В. Лобанова

Подписано к печати 12.08.2025.
Формат 60×90/16. Заказ №
22,75 п.л. 20,2 уч.-изд.л.
Тираж 300 экз. (Первый завод 170 экз.)

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: +7 (495) 221-89-80

